

Василий Викторович Кашкин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЗАПАДА

Теория институтов для понимания
мировой экономики

В.В. КАШКИН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЗАПАДА

**ТЕОРИЯ ИНСТИТУТОВ
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

МОНОГРАФИЯ

znanium

электронно-библиотечная система

Москва
ИНФРА-М
2025

УДК 330.5(075.4)
ББК 65.01
К31

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Рецензент:

Казак А.Н., кандидат экономических наук, доцент

Кашкин В.В.

К31 Институциональный кризис Запада. Теория институтов для понимания мировой экономики : монография / В.В. Кашкин. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 428 с. — DOI 10.12737/2226036.

ISBN 978-5-16-114302-5 (online)

В монографии предложены методы институциональной теории для понимания социально-экономических процессов в мире. В современных социальных науках незримо преобладает нормативный подход к институтам: «как должно быть», а не как есть на самом деле. Институты обсуждают с позиций того, как они были спроектированы, как виделись своим проектировщикам. В действительности же институты — это не просто набор норм и правил, а, по сути, живые социотехнические системы.

В результате либерализации последних десятилетий на Западе контроль элит над институтами в значительной степени утрачен. Отказ от контроля над институтами и провозглашался прямо как переход к саморегулирующимся, сетевым институтам, и происходил естественным образом, по причине роста количества транзакций в экономиках. Утрата прямого контроля управляющих центров над институтами и создает ту специфическую, загадочную новую реальность 21-го века, которая порождает множество парадоксов, ловушек и новых вызовов.

Институциональный подход применим в рамках экономики, социологии, политологии, юриспруденции и других социальных наук. Поэтому институциональная теория представляется наиболее подходящей как метод синтеза социальных наук, междисциплинарного исследования. Сам этот синтез, политэкономический подход, позволяет понимать многие проблемы, которые выглядят неразрешимыми в рамках каждой дисциплины в отдельности.

Книга будет полезна специалистам в области экономики, социологии, права, менеджмента и политологии и всем, кто интересуется современной политической экономией, макроуровнем управления и синтезом социальных наук. В книге обсуждаются проблемы управления в нерыночных, монополистических структурах, таких как государственный аппарат, монополии, общественные организации, поэтому она представляет интерес для специалистов и руководителей этих структур.

УДК 330.5(075.4)
ББК 65.01

ISBN 978-5-16-114302-5 (online)

© Кашкин В.В., 2025

АУДИОВЕРСИЯ КНИГИ доступна для прослушивания на порталах [Youtube](#), [Rutube](#), [Podster.fm](#) и других.

Аудио файлы книги также можно скачать в формате Мр3 на портале [Rutracker.org](#)

Посвящается моей жене Ирине

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. О ЧЕМ ЭТА КНИГА	7
БЛАГОДАРНОСТИ	12
ОБ АВТОРЕ	13
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ	14
ИНСТИТУТЫ, ЭКСТЕРНАЛИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА	17

ЧАСТЬ 1. ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТОВ	23
1.2. ИНСТИТУТЫ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР	28
1.3. ИНСТИТУТЫ КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	31
1.4. ИНСТИТУТЫ КАК ОРГАНИЗАТОРЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ	38
1.5. ИНСТИТУТЫ РАЦИОНАЛИЗИРУЮТ МОТИВАЦИИ	42
1.6. ИНСТИТУТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ	50
1.7. ДИСЦИПЛИНАРНАЯ РОЛЬ ИНСТИТУТОВ	54
1.8. ИНСТИТУТЫ КАК СОЦИАЛЬНОЕ НАУЧЕНИЕ	62
1.9. ИНСТИТУТЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ	65
1.10. ИНСТИТУТЫ КАК МЕТАКОГНИТИВНЫЕ РАМКИ	72
1.11. ПРОТИВОРЕЧИЯ ФУНКЦИЙ ИНСТИТУТОВ	79

ЧАСТЬ 2. УСТРОЙСТВО И ТИПЫ ИНСТИТУТОВ

2.1. СЕТЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ВОССТАНИЕ МАСС	89
2.1.1. Распространение сетевых институтов	89
2.1.2. Недостатки сетевых институтов	94
2.1.3. Сетевые институты и восстание масс	97
2.2. КОРПОРАЦИИ КАК ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ	103
2.3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЕРАРХИЧЕСКИХ И СЕТЕВЫХ ИНСТИТУТОВ	107
2.4. ОБЩЕСТВЕННЫЕ И РЫНОЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ	117
2.4.1. Проблема общественных благ: современное состояние	117
2.4.2. Профициты благосостояния в рамках сетевых институтов	124
2.4.3. Сетевые институты порождают стихийные, либертарианские институты	128
2.4.4. Проедание общественных институтов и благ	130
2.4.5. Примеры проедания общественных институтов	134
2.5. СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА	142

2.5.1. Профессиональные и отраслевые специализации	142
2.5.2. Проблемы управления и синтеза специализаций.....	148
2.5.3. Научные специализации и проблемы междисциплинарного синтеза	153

ЧАСТЬ 3. ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

3.1. ОГРАНИЧЕНИЯ ЗНАНИЯ КАК ПЕРВОИСТОЧНИК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОШИБОК	159
3.2. ИНСТИТУТЫ И ОБЩЕСТВЕННАЯ «ТЕНЬ».....	166
3.3. ПАРАДИГМЫ И ЦЕННОСТИ ПРИ СОЗДАНИИ ИНСТИТУТОВ.....	171
3.3.1. Научные парадигмы при создании институтов.....	171
3.3.2. Управленческие парадигмы	175
3.3.3. Ценности и мифы при создании институтов	177
3.3.4. Устаревание мифов и парадигм.....	180
3.3.5. Неосознанные ценности и парадигмы.....	184
3.4. КОНКУРЕНЦИЯ ИНСТИТУТОВ И СТРЕМЛЕНИЕ К МОНОПОЛИЗМУ	186
3.5. ВЫГОДЫ ОТ РАЗРУШЕНИЯ ИНСТИТУТОВ	194
3.6. ПРЕВРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ГИЛЬДИИ.....	196
3.7. ИГРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ИНСТИТУТОВ	198
3.8. ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО В РАМКАХ ИНСТИТУТОВ	200
3.9. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И РАССОГЛАСОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ	203
3.10. ГОСУДАРСТВО КАК СОГЛАСОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ.....	210
3.11. СИЛА ИНСТИТУТОВ И СИЛА ЛИДЕРСТВА.....	213
<i>Ловушка Золотого века.....</i>	217
<i>Упрощение институтов до уровня элит</i>	218
3.12. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЯДРА СЕТЕВОГО ИНСТИТУТА.....	221
3.13. ИСЧЕРПАНИЕ МИССИИ ИНСТИТУТА.....	224
3.14. ПРИСВОЕНИЕ ИНСТИТУТАМ НОВЫХ ЦЕЛЕЙ И ФУНКЦИЙ	230
3.15. ПРЕВРАЩЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ В ИНСТИТУТЫ.....	238

ЧАСТЬ 4. ИНТЕРНАЛИИ И ЭКСТЕРНАЛИИ ИНСТИТУТОВ

4.1. ПЕРЕУСЛОЖНЕНИЕ И КРИЗИС СИСТЕМ	245
4.2. ЭФФЕКТ ВЕТО ПРОЦЕССОВ И ИНСТИТУТОВ.....	251
4.3. ПОБОЧНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ.....	255
4.4. ЭКСТЕРНАЛИИ ИНСТИТУТОВ.....	260
4.5. ИНТЕРНАЛИИ ИНСТИТУТОВ.....	262
4.6. ПРИМЕРЫ ИНТЕРНАЛИЙ.....	266
4.6.1. Приватизация общественных институтов.....	266
4.6.2. Заразность паразитизма и хищничества	272

ЧАСТЬ 5. КРИЗИС ЗАПАДНЫХ ИНСТИТУТОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭКСТЕРНАЛИЙ И ИНТЕРНАЛИЙ

5.1. РОСТ ДОХОДОВ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.....	278
5.2. ДЕГРАДАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ НА ЗАПАДЕ.....	297
5.3. ПОСТМОДЕРНИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ.....	318

ЧАСТЬ 6. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ

6.1. ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК	323
6.2. АДАПТАЦИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНСТИТУТОВ	341
6.3. ВЛИЯНИЕ МАЛЫХ ГРУПП	347
6.4. ИНСТИТУТЫ-МАТРЕШКИ И АГЕНТСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	350
6.5. НЕДОМОДЕРНИЗАЦИЯ И ИМПОРТ ИНСТИТУТОВ	356
6.6. УСРЕДНЕНИЕ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ	361
6.7. ВЗАИМОЗАМЕЩЕНИЕ ИНСТИТУТОВ	366
6.8. КОЛЛЕКТИВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ И МИФЫ.....	370
6.9. ЭФФЕКТ ГОЛОГО КОРОЛЯ.....	376
6.10. ЭФФЕКТ БУМЕРАНГА.....	378
6.11. ХВОСТ ВИАЕТ СОБАКОЙ.....	382
6.12. СМЕШАННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ.....	386
6.13. КОНТРАКТЫ ВМЕСТО ИНСТИТУТОВ	392

ЧАСТЬ 7. ИНСТОМУТАНТЫ И МЕТАМУТАНТЫ

7.1. ИНСТИТУТЫ ПРОИЗВОДЯТ ИНСТИТУТЫ.....	399
7.2. ЭКСТЕРНАЛИИ ПОРОЖДАЮТ МЕТАМУТАНТОВ	402
7.3. ИНСТОМУТАНТЫ И МЕТАМУТАНТЫ	404
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	415
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	419

ВВЕДЕНИЕ. О ЧЕМ ЭТА КНИГА

США и ЕС переживают очевидные трудности. Уровень жизни среднего класса стагнирует на уровне 1980-х гг. Значительно снизилась доля этих экономик в мировом ВВП и продолжает снижаться. Слабо растет экспорт за пределы собственных торговых зон, его доля в мировой торговле снижается.

Постепенно утрачивается влияние и авторитет в мировой политике. Нарастают социальные проблемы – прежде всего, плохо контролируемая миграция, демографические проблемы и кризис семьи, массовая наркомания.

Даже близкий к нулю рост ВВП после 2007 года в основном имитируется за счет количественных смягчений, то есть увеличения государственного долга. Без этих вливаний, и некоторых статистических оптимизаций, по-видимому, имели бы место отрицательные показатели динамики ВВП¹.

Все эти проблемы не находят объяснения в рамках западного интеллектуального мейнстрима. Сложившаяся ситуация противоречит классическим западным моделям, таким как модель экономического роста Солоу.

Действительно, современный Запад в избытке располагает всеми ключевыми факторами экономического роста: земля, природные ресурсы, хорошо образованные трудящиеся, накопленный капитал, платежеспособный спрос населения, автоматизированные рабочие места, передовые инновации и так далее. Экономика Запада не истощена военными расходами, там не происходят масштабные стихийные бедствия.

Приводят довод насчет участия Запада в глобальной экономике, которая, по законам совершенной конкуренции, требует унификации уровня цен, прибыли и зарплат. Но это объяснение экономических проблем представляется неубедительным, поскольку участие США и ЕС в глобальной экономике (экспорт или импорт) составляет менее 10% их ВВП.

Ответ достаточно очевиден – и мы видим этот ответ каждый день в новостях о западной политике. Это **падение качества макроуправления.**

При всей очевидности, тема деградации управления довольно редко обсуждается интеллектуалами в США и ЕС. Во-первых, это эффект «голового короля». Никому из авторитетных интеллектуалов не выгодно первым назвать вещи своими именами, когда за это можно поплатиться должностью и другими привилегиями. Нам это хорошо известно по позднесоветскому периоду: «все недовольны, но все голосуют «за».

¹ Williams, J. (2024, June 10). Alternate Gross Domestic Product Chart. Shadow Government Statistics. https://www.shadowstats.com/alternate_data/gross-domestic-product-charts

Во-вторых, современные экономические модели действительно составлены таким образом, что в них систематически недооценивается роль управления. Это не черта только западных исследований рыночной экономики – точно то же можно сказать и про марксистский социалистический дискурс. Описания управления, как самостоятельного фактора экономического и социального развития, он не предлагал. Управление понимается марксистами, как производная функция от правильной расстановки классовых сил и надлежащего распределения капитала. То же самое и на Западе – считается, что управление как бы вырастает само, если включена невидимая рука рынка, права собственности и демократия.

В среде социально-политических ученых на Западе произошло самовнушение насчет всемогущества демократии, открытого общества и его инклюзивных институтов. Апогей этого самолюбования ассоциируют с названием работы Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек»². Впрочем, и сейчас нобелевские премии продолжают вознаграждать тех, кто уверовал во всепобеждающую силу западных инклюзивных институтов. В самом этом самовнушении содержится ловушка.

Хотя нет сомнений в преимуществах инклюзивных институтов и открытого общества, но не объясняется, кто стоит за этими эффективными институтами, кто их делает такими эффективными. Предлагается презумпция того, что эти институты способны к самоисправлению и самоулучшению. И это ошибка.

Неужели демократия обеспечивает эффективность институтов и управления? Обычно именно так это и понимается в западной литературе – но это не выдерживает никакой критики. Заказчиком сложного продукта не может выступать тот, кто даже близко не понимает этой сложности. Если заказчик не понимает сути, то любые внешние маркеры и метрики легко фальсифицировать. Это и делается с помощью политики спектакля или манипуляций с денежной массой.

Демократия действительно защищает интересы избирателей, то есть не позволяет капиталистическим элитам их грабить и навязывать право силы. Демократия обеспечивает какую-то справедливость распределения между разными социальными слоями, помогает защищать интересы нижних классов. Демократия помогает защищать права человека.

Но качество управления – нет, демократия не об этом. Благотворное воздействие демократии на управление держится на старинной и неизвестно на чем основанной аксиоме времен Вольтера и Руссо. Эта аксиома либерализма гласит, что человек благ и ангельски чист, если только его освободить от различных тоталитарных оков. На самом деле мы хорошо знаем, что бывает с обществами, освобожденными от государства и других оков. Они переходят к примитивной, клановой самоорганизации. Находят

² Fukuyama, F. (1992). The End of History and the Last Man. The Free Press, New York.

себе вождя, выстраивают первобытные принципы управления, по принципу «сильный бьет слабых». И устраивают такой тоталитаризм и нетерпимость к слабым, который никому и не снился в рамках государства. Это постоянно происходит на наших глазах - когда самоорганизованные народные силы побеждают в Сирии или Ливии, они первым делом устраивают грабежи и погромы, или даже геноцид мирного населения. И продолжают самоорганизовываться в виде банд и неофеодальных кланов, таких как структуры ИГИЛ.

Поэтому сама предпосылка о том, что граждане выбирают лучших – очень спорна. Адольфа Гитлера выбрали на демократических выборах, и Эрих Фромм подробно рассматривал эту системную проблему в работе «Бегство от свободы»³.

Но даже если предположить, что граждане способны выбирать лучших, даже тогда, это лучшие на бытовом уровне понимания простого человека. Это замечательные спортсмены, эстрадные певцы, актеры и комики. Из которых сейчас и составлена практически вся западная политика спектакля. Может быть, это даже добрые детские врачи и экологические энтузиасты. Во всяком случае, к качеству управления на макроуровне все это не имеет никакого отношения.

Другой потенциальный регулятор качества управления, самый распространенный в рыночной экономике, – это конкуренция. Но концепция конкуренции мало применима к государственной власти и макроуправлению. Государственные институты по своей природе монополистичны. Концепцию международной конкуренции, как фактора управления, можно применить только к странам небольшого размера, активно конкурирующим на мировом рынке и управляемым как корпорация.

Но экономика США и ЕС построена на внутреннем спросе, который формирует более 90% ВВП. Поэтому все внимание властей сосредоточено на внутреннем рынке и внутренней политике. А внутри своих стран государственная власть является естественной монополией. Разделение ветвей власти это попытка имитировать дробление монополий – но по своей природе ветви государственной власти скорее сотрудничают, чем конкурируют. В отличие от бизнеса, суд никогда не поглотит парламент, а Техас вряд ли примет в свой состав штат Вермонт. А без этого разговор о конкуренции ветвей и уровней власти остается красивой метафорой.

Получается, что на вопрос об источнике качества управления на государственном, макроуровне, в современной научной литературе практически нет внятного ответа. А между тем, это самый верхний уровень управления – и именно он задает ту институциональную среду, в которой действуют корпорации. Именно этот уровень макроуправления отвечает за

³ Fromm, E. (1941). *Escape From Freedom*. Avon Books.

функционирование демократии, рыночной экономики и других инклюзивных институтов.

По моему мнению, качество менеджмента на государственном и макроуровне обусловлено институтами. Всей совокупностью ключевых институтов, включая образование, культуру, науку, степень модернизации общества и технологий, экономику и технику.

Институты – это большой сложный корабль, ковчег, в котором плывут народы и государства. От нас зависит то, каким мы создадим этот корабль и в каком состоянии будем его поддерживать. А от корабля зависит то, переживет ли он бури и дойдет ли до цели.

Из иерархического 20-го века мы перешли в реальность преимущественно сетевых, самоорганизующихся институтов. Институты в наше время становятся главным нервом истории, ключом к пониманию происходящего. Даже сохранившиеся иерархические институты и модели управления встроены в более широкие сетевые взаимосвязи и являются их частью.

Институты это и субъект, и объект управления одновременно. Люди создают институты, а институты моделируют поведение людей – в том числе элит.

Процесс отношений людей и институтов, в том числе элит и институтов, недооценивается и в значительной степени вышел из-под контроля. Поэтому совокупность отрицательных экстерналий, институциональных ловушек приобрела лавинообразный характер на Западе в последние десятилетия.

В этой книге я попытаюсь, по крайней мере, рационально объяснить эту ситуацию.

Несмотря на кажущийся абсурд многих политических и общественных событий на Западе, институциональный ракурс дает нам вполне рациональный способ понимания происходящего. Западные институционалисты, к сожалению, не вносят такой ясности, поскольку находятся под диктатом устаревших догм – то есть сами детерминированы кризисными институтами.

Главная цель моей книги – поговорить об институциональных методах понимания современных перемен, кризисов и перспектив развития Запада.

Западные институты – это передовые институты модернизации, долгое время демонстрировавшие всему миру образцы просвещения и прогресса. Эти наиболее развитые, по сравнению с остальным миром, институты оказались сейчас и наиболее обширным полем для изучения их поломок, рассогласований, экстерналий и ловушек.

Говоря про западные институты, я, конечно, имею в виду не только институты, действующие в самих США и ЕС. Речь идет также и о скопированных другими странами западных институтах. Это копирование длительное время служило успешной моделью догоняющего развития для второго и третьего мира.

Сегодня же страны догоняющего развития пребывают в недоумении, поскольку институты Запада явно пришли в тупик – и не ясно, надо ли это копировать или уже нет. Тем более, что альтернативные варианты модернизации вырабатываются самими развивающимися странами (прежде всего, странами БРИКС) пока очень осторожно и точно.

Используя термин «институциональный кризис Запада», я далек от популярного в российском дискурсе перечисления бесконечных ошибок Запада, обличения загнивающего капитализма и предсказания мирового суперкризиса. Термин «институциональный кризис» используется в своем буквальном значении – кризис ключевых институтов, а не кризис Запада в целом. Помимо институтов, есть еще население, территория, экономика, технологии и накопленный капитал. США и ЕС остаются важнейшими центрами силы в мире, как в экономическом, так и в инновационном и человеческом аспектах.

Многие из обсуждаемых мной институциональных ловушек и эффектов уже назывались другими авторами, – и я ссылаюсь на этих авторов. Другие описанные здесь институциональные ловушки и эффекты практически не встречаются в известных работах, хотя я не могу однозначно претендовать на их изобретение.

Авторским можно считать понятие интерналий, предложенное в четвертой части – негативных эффектов, порождаемых институтом и обращенных на сам институт. Эффект междисциплинарных и межинституциональных экстерналий, институты-матрешки, институциональные ловушки бумеранга и голого короля, ложные социальные нормы также не встречались мне ранее в литературе. Авторской также является изложенная в конце книги концепция Инстомутантов и Метамутантов – устойчивых институциональных и социальных форм, возникших как связка нескольких институциональных экстерналий и кризисных явлений.

В первой части книги приведен полный список функций институтов и показано, что эти функции вступают в противоречие между собой. Это обуславливает проблему рассогласований и кризисов как имманентную проблему институтов, а не только как результат ошибочных решений или плохого управления.

Почти не обсуждалась до сих пор роль институтов как метакогнитивных рамок сознания. Эта тема рассмотрена в первой части, и далее я возвращаюсь к ней постоянно в дальнейших главах. Метакогнитивный аспект я считаю одним из самых важных и недооцененных в области институциональных проблем и связанных с этим когнитивных и психологических последствий для общества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга стала возможной, прежде всего, благодаря моей бабушке Александре Георгиевне – советскому учителю.

Я также выражаю благодарность моим родителям Виктору Петровичу и Елене Юрьевне Капшкиным.

Я благодарен моему другу и учителю, создателю русско-немецкой школьной программы доктору Петеру Гёбелю – настоящему человеку мира. Доктор Гёбель показывает нам всем, как быть человеком Возрождения в наше смутное время.

Я особенно благодарен моему научному руководителю Борису Абрамовичу Райзбергу, доктору экономических и технических наук. Он заботился о своих студентах и аспирантах и был человеком с большой буквы, невзирая на все кризисы и трудности, которые ему пришлось пережить.

Я благодарен Ольге Михайловне Дудиной, доценту кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ и моему научному руководителю на старших курсах. Ольга Михайловна на всю жизнь привила мне любовь к социологии, а без этой составляющей невозможна целостная политическая экономия.

И наконец, я благодарен писателю Надиру Александровичу Сафиеву, редактору журнала «Вокруг Света», который первым признал и опубликовал мои статьи и рассказы.

ОБ АВТОРЕ

Дорогие читатели!

Позвольте рассказать пару слов о себе. Меня зовут Василий Кашкин, я преподаватель, исследователь и одновременно – практикующий специалист в области мировой экономики и финансов.

Я работаю в области международных исследований и практической экономики уже более 20 лет. Мои научные публикации вы можете найти в базах РИНЦ, Scopus и Google Scholar. С полными текстами моих научных публикаций за последние годы можно ознакомиться на портале Academia.edu

Я работал в качестве корпоративного руководителя, преподавателя в университетах и как бизнес-консультант, и в развитых, и в развивающихся странах.

В последние годы я занимаюсь консалтингом в области международного бизнеса – экономическими исследованиями, инвестиционными и маркетинговыми стратегиями, выходом компаний на зарубежные рынки. В рамках этого направления я специализируюсь в основном на Китае и Юго-Восточной Азии. Мой сайт www.kashkin.com.cn/ru/

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние годы науки об обществе и экономике столкнулись с настоящим бедствием – растущей специализацией авторов и научных школ.

Экономисты видят все строго с позиций экономики, социологи – с позиций социологии, политологи – с позиций политологии и так далее. Несмотря на регулярно провозглашаемую значимость междисциплинарных методов, на практике таких крупных исследований почти не видно.

Многие авторы слишком зажаты в своем национальном дискурсе. Американцы проецируют на весь мир американское представление о жизни, да и российские авторы грешат этим же, но с российской спецификой.

Многие проблемы современного научного понимания мира обусловлены этой утратой единства социальных наук. Экономисты искренне «не видят» экстерналий или убытков, если они описываются языком социологии или психологии, и не отражены буквально в отчете о прибылях и убытках. Психологи, в свою очередь, могут беспомощно искать источники проблем в межличностных отношениях, тогда как многие личные проблемы порождены объективными и обезличенными социальными закономерностями.

Выдающиеся труды экономистов прошлого, таких как Адам Смит, Давид Рикардо, Карл Маркс, основаны на политэкономическом, целостном подходе к обществу, политике и экономике. По мере роста специализаций наук в 20-м веке, эта целостность была в значительной степени утрачена. И только в последние десятилетия междисциплинарные исследования заново приобретают важную роль в социальной науке.

Углубление специализаций разных социальных наук в 20-м веке, с одной стороны, было совершенно закономерным и необходимым - оно отражало и рост разнообразия экономики и общества, и рост возможностей самих наук.

Но одновременно возникли трудности синтеза социальных наук. Каждая социальная наука выработала свой язык и методологию.

Возникла проблема междисциплинарных экстерналий (этот феномен я обсуждаю подробнее дальше). Каждая дисциплина как бы сбрасывает на другие те негативные эффекты, которых не видно в рамках методов самой этой дисциплины. Такова, например, концепция рационального человека, «хомо экономикус», принятая как удобная модель в экономической теории (см., например, Франк, учебник Микроэкономика⁴). Эта удобная и оправданная для экономического моделирования конструкция, между тем,

⁴ Frank, R. H., & Cartwright, E. (2010). Microeconomics and behavior. New York: McGraw-Hill.

грубо игнорирует представление о человеке, сформированное социологией, философией и психологией. И следовательно, будучи примененной на практике, порождает негативные экстерналии на уровне общественных отношений и психологии личности.

В этом контексте возник даже термин «экономический империализм» - обозначающий попытку экономистов объяснить все общественные сферы с позиций предельной полезности, рационального экономического выбора, то есть языком своей науки. Впрочем, современный политический популизм – это тот же самый подход со стороны политологии – игнорирование экономики ради внедрения политических технологий, обоснованных с идеологической и политической точки зрения.

Не остаются в стороне и интернет-психологи, имеющие миллионы подписчиков. Они не знакомы с экономикой или социологией, и объясняют все в жизни через призму межличностных отношений.

Институциональный подход на сегодняшний день является фактически основным методом, который обеспечивает синтез социальных наук. И тем самым возрождает политэкономию на новом уровне. Институциональный подход является признанным методом для большинства социальных наук: социологии, политологии, права, социальной философии и экономики.

Понятие социальных институтов появилось в 19-м веке (Огюст Конт, Герберт Спенсер). Значение институтов затем осмыслили крупнейшие социальные ученые, такие как Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и Торстейн Веблен.

Во второй половине 20-го века сформировалась институциональная экономика как самостоятельная дисциплина. На основе концепции социальных институтов начала происходить интеграция экономики, социологии и политологии.

Знаковым в этом смысле можно считать вручение Нобелевских премий по экономике институционалистам Рональду Коузу в 1991 году, затем Дугласу Норту и Роберту Фогелю в 1993 году.

В 2009 году нобелевскую премию получили Элинор Остром и Оливер Ульямсон за исследования коллективной организации и управления общественными благами. В 2024 году нобелевскую премию по экономике получили неoinституционалисты Д.Аджемоглу, С.Джонсон, Д.Робинсон за доказательства влияния институтов на благосостояние и экономическое развитие.

Надо отметить также особую роль работ Джеймса Бьюкенена, автора теории общественного выбора - нобелевского лауреата 1986 г., внесшего значительный вклад в развитие междисциплинарных методов социальных наук. Работы другого нобелевского лауреата, Фридриха Хайека, также посвящены в значительной степени связи институтов, общества и экономики и фактически являются междисциплинарными.

Российские экономисты внесли значительный вклад в развитие институциональных методов. Прежде всего, это профессор Александр Александрович Аузан, автор ряда знаковых работ по институциональной экономике на русском языке. Тему институциональных ловушек рассмотрели в своих работах Владимир Александрович Мау и Виктор Меерович Полтерович.

Междисциплинарными, объединяющими разные дисциплины социальных наук можно считать и работы по поведенческой экономике. Это направление также получает все большее официальное признание. Нобелевские лауреаты в области поведенческой экономики это Герберт Саймон (процесс принятия решений, концепция ограниченной рациональности), 1978 г., Гэри Беккер (1992 г., концепция человеческого капитала), Дэниель Канеман и Вернон Смит (2002 г.) – психологические и когнитивные механизмы принятия экономических решений, Ричард Талер (2017 г., развитие теории ограниченной рациональности).

Нельзя не признать значение современной социологии, социальной философии, когнитивной науки, теории систем, менеджмента и других социальных наук. Но именно экономика является на сегодняшний день основным сводным способом описания деятельности общества. Поэтому центральная роль институциональной экономики как новой целостной науки об обществе не случайна.

ИНСТИТУТЫ, ЭКСТЕРНАЛИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА

Институты – это важнейший регулятор общества и экономики, в сущности, основа цивилизации. Но институты далеко не всегда являются инструментом, который можно произвольно создать и внедрить в целях управления. Институты – это гораздо более сложное явление. Они несут в себе и коллективный исторический опыт, и формируют метакогнитивные рамки сознания, и рационализируют нерациональные человеческие мотивации. Институты могут быть спроектированными, но могут быть и стихийными; они могут трансформироваться совсем не так, как виделось проектировщикам.

Институты одновременно представляют собой и инструменты управления (дисциплинарное общество), и социальную норму, и общественный договор, и историческое знание, и метакогнитивные рамки сознания. У институтов нет одного источника. Пришли ли они из истории (естественные институты, по Дугласу Норту), или созданы недавно и целенаправленно просвещенной властью (например, законы), они проходят сложный процесс вживания в реальное общество, в реальные практики управления, адаптации к актуальным вызовам. И поэтому всегда становятся не тем, чем были в истории раньше и не тем, чем они виделись проектировщикам.

Институты поддерживаются человеческой энергией, волей, и в этом смысле они являются живыми социальными организмами. Институты конкурируют друг с другом, развиваются, адаптируются ко времени, порождают экстерналии и саморазрушительные эффекты.

За последнее столетие на Западе создано больше институциональных форм, чем за всю предыдущую историю. В основном они создавались по необходимости, в уверенности, что институты – это удобные инструменты модернизации, управления, решения конкретных задач. Сложная социальная природа институтов игнорировалась, поскольку они помогали решать конкретные задачи здесь и сейчас.

В итоге, в 21-м веке мы оказались в ловушке слишком бурного институционального творчества 20-го века. Институты порождают ловушки, экстерналии, многие из которых не могут исправиться сами собой. Тем более, что институциональные эксперименты продолжаются. Современную ситуацию можно фактически охарактеризовать как проблему социальной экологии. Под лозунгами коммунизма или либерализма с одинаковым рвением борющиеся стороны достаточно небрежно относились к социальной экосистеме, легко жертвуя ей во имя своих высоких целей.

Эти проблемы описаны в ряде знаковых книг: в «Одномерном человеке» Маркузе⁵, «Глобальном человеке» Александра Зиновьева⁶, «Текучей современности» Зигмунта Баумана⁷.

В результате разрушения социальной экосистемы общество становится похожим на пустыню после экологической катастрофы. Это атомизированное общество, без полноценных смыслов и ориентиров. Происходит утрата человеческой идентичности, управление и элиты дезориентированы. Все это результаты, на мой взгляд, длительного игнорирования негативных экстерналий институциональных реформ и экспериментов.

В литературной и кинофантастике популярен жанр антиутопического киберпанка. Это сюжеты жизни общества после ядерной войны, на обломках более развитой технологической цивилизации. Обычно в этих произведениях подчеркивается несоответствие между высокими технологиями и примитивными формами социальной организации. Российские писатели фантасты Аркадий и Борис Стругацкие написали выдающийся философский роман о киберпанке - «Пикник на обочине» (1972 год⁸). В этой книге они рассказывают о жизни общества в условиях радиоактивных загрязнений, рядом с загадочной «Зоной». Общество обустраивается на этой радиоактивной помойке, находит вторичные выгоды, стратегии выживания и даже успеха. И при этом непрерывно сталкивается с ужасающими феноменами, которые не может объяснить на своем уровне знаний. Объяснение дают авторы: пришельцы из более развитой цивилизации остановились на Земле и устроили «пикник на обочине», оставив за собой радиоактивный мусор.

Стругацкие (будучи тогда еще коммунистами) прозрачно указывали на негативные экстерналии, которые сбрасывают на общество капиталистические элиты. Это классическая критика капитализма, которая ведет начало от Маркса.

Однако критики социализма, например, Карл Поппер и Фридрих Хайек, справедливо указали на то, что и социализм, плановая монополистическая экономика, порождают свои негативные экстерналии.

И поэтому экстерналии следует считать свойством институтов модернизации вообще, а не чертой именно капиталистических или социалистических институтов. Джеймс Скотт в книге «Благими намерениями государства»⁹

⁵ Marcuse, H. (2013). One-dimensional man: Studies in the ideology of advanced industrial society. Routledge.

⁶ Zinoviev, A. (2006). Global human anthill. Eksmo.

⁷ Bauman, Z. (2013). Liquid modernity. John Wiley & Sons.

⁸ Strugatsky, A., Strugatsky, B. (1972). Roadside Picnic. Aurora.

⁹ Scott, James C. (1998). Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Yale University Press.

привел ряд убедительных примеров о том, как вмешательство государства порождает негативные экстерналии для общества или экологии. Пафос этой книги состоит в том, что как будто бы именно государство, как слон в посудной лавке, порождает негативные экстерналии своим регулированием. На мой взгляд, более корректно будет сказать, что любые институты модернизации порождают такие экстерналии.

Более того, описанные Дугласом Нортом «естественные» институты также порождают мрачные побочные эффекты. Например, погромы «неверных» любыми религиозными фанатиками или расовая ненависть — это часто стихийная, низовая самоорганизация масс, а не модернистские усилия государства.

В последнее время мы имеем феномен быстрого формирования новых естественных, стихийных институтов — и эти новые институты вселяют еще меньше оптимизма, чем раскритикованные Дж. Скоттом усилия государства. Об этом мы подробнее поговорим в книге далее.

Однако, книга Джеймса Скотта безусловно важна в плане перенесения внимания на ценность экосистемы, и в частности, социальной экосистемы. Эта книга показывает, как опасны модернистские вмешательства в социальную систему, — поскольку модернизаторы не осознают всей сложности естественной системы и преувеличивают могущество своих рациональных знаний.

В 21-м веке западное общество в значительной степени оказалось в ситуации «Пикника на обочине» Стругацких. То есть на свалке негативных экстерналий самонадеянных идеологий 20-го века, оголтелых реформ, управленческих решений, требовавших результата в кратчайшие сроки и любой ценой.

Экстерналии захлестнули и элиты, и механизмы управления: сам характер социальных экстерналий не позволяет от них отгородиться. Так же от радиации нельзя отгородиться стеной и спрятаться в индивидуальном прекрасном саду. Как писал Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹⁰.

Экстерналии, в свою очередь, порождают свои следствия, свою странную социальную реальность, специфические человеческие проблемы и индивидуальные стратегии в этой реальности. Мир современного человека — это в большой степени стратегия выживания в Зоне Стругацких, среди экстерналий, иногда опасных, иногда благоприятных, и чаще всего не объяснимых в старой рациональной системе координат.

Большая часть современных экстерналий и институциональных эффектов является незапланированной. Как раз наоборот, они становятся результатом того, что люди все меньше управляют институтами, а институты все больше развиваются стихийно.

¹⁰ Lenin, V.I. (1967) Complete set of Works. 5th edition. Moscow, Political Literature Publishing House.

В совокупности эти не осознанные институциональные эффекты привели в наше время к кризису ряда ключевых институтов и некоторых областей общественной и экономической жизни в развитых странах. До сих пор причины этих кризисных явлений ищут в борьбе идеологий или концепций организации экономики. Я же предлагаю интерпретировать большинство современных кризисных явлений как кризис институтов, происходящий в силу свойств самих институтов, вне зависимости от традиционных идеологических споров (между правыми и левыми, либерализмом и консерватизмом, госпланом и рынком).

Реакцией на это разрушение социальной экосистемы становится протест против модерна вообще – выраженный в идеологиях современного ультра-консерватизма, контр-модерна. Очевидно, что консерватизм как попытка «все вернуть назад», не работает, потому что научно-технический прогресс продолжает стремительно развиваться, и все новые миллионы людей во всем мире ежегодно вовлекаются в современный городской образ жизни.

Необходимо критическое осмысление институтов и реформ, с позиций обеспечения баланса между необходимой модернизацией и сохранением экологии и целостности социальных систем.

Я не берусь выявлять универсальные законы истории на основе институциональных представлений. На мой взгляд, нации или корпорации преуспевают тогда, когда осуществляют эффективный менеджмент. А успешный менеджмент в разных исторических обстоятельствах может включать в себя самые разные решения, не имеющие общего правила. Люди рефлексировали и свой опыт, и опыт конкурентов. Создание закрытых институтов может быть игровым ответом на создание открытых институтов у конкурентов. Перебор попыток закрытых и открытых институтов может отражать неудачный опыт воплощения тех или других.

Про недостатки авторитарных, закрытых и экстрактивных институтов сказано более чем достаточно. Открытые, инклюзивные институты, несомненно, обладают огромными преимуществами – и для развития, и с точки зрения гуманизма. Однако, их превознесение в таком смысле, что они отвечают на все вопросы и даже ведут к концу истории, оказалось сугубо ошибочным. Открытые институты оказались не способны к саморегуляции и самообновлению в эпоху новых вызовов и стремительных перемен. Оказалось, что они производят массу экстерналий и незапланированных эффектов, которые, накапливаясь, могут вести к их гибели.

На Западе уже много сделано для борьбы за биосферу земли и экологию. ООН провозглашает своей целью устойчивое развитие. Однако представление об устойчивых социальных системах, социальной экологии находится пока в самой ранней фазе своего формирования.

Часть 1

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Я посвятил первую часть книги определению и функциям институтов не только по причине академического занудства. В этой области кроется, на самом деле, интересный и нераскрытый потенциал.

Большинство авторов бегло перечисляют несколько основных функций институтов или вообще ограничиваются кратким определением, – например, институты, как набор норм и правил. В действительности же, институты исполняют не менее десяти ключевых функций, причем большинство из них самостоятельные, не являющиеся производными или продолжением других функций институтов. Нельзя сказать, что все функции это продолжение одной-двух, самых главных. Как вы увидите далее, каждая функция оправдана и имеет свой смысл.

Совмещаемые институтами функции – совершенно разные и зачастую входят в противоречие между собой. Само совмещение столь разных функций в одном институте обусловлено естественным монополизмом многих институтов.

Это множество функций уже порождает целый ряд противоречий, заложенных в природе институтов – а наблюдателям часто кажется, что это частные недостатки управления и управляющих в конкретных вопросах. Я привожу примеры таких противоречий в конце первой части.

Ряд функций институтов постоянно недооценивается современными авторами. Это можно сказать про такие функции институтов, как метакогнитивные рамки сознания, роль научения и социальной нормы, модернизации. Эти темы интересны даже с позиций индивидуальной психологии, поскольку в современном психологическом дискурсе системно недооценивается роль метакогнитивных рамок, социального научения и социальных норм.

Эта книга написана и для специалистов, уже продвинутых в области политэкономии, и для широкого круга читателей, и для студентов, которые только изучают социальные науки. Поэтому более подготовленных специалистов я прошу отнестись с пониманием – некоторые пояснения в первой части рассчитаны на читателей, еще мало знакомых с институциональной теорией.

Следующие части книги, после первой, написаны в более прикладном и публицистическом стиле.

Определение институтов несколько отличается в старой, классической институциональной теории и в неoinституционализме.

Основоположники классического институционализма – это Торстейн Веблен, Джон Коммонс, Уэсли Митчелл. Приведем определения институтов, принадлежащие классикам:

- «Институты – это привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди». «Институты — это результаты процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» (Т. Веблен)
- «Институты – это коллективное действие по управлению, либерализации и расширению поля индивидуальных действий» (Дж. Коммонс);

Неоинституционалисты предлагают следующие определения институтов:

- «Институты - это «правила игры», в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» (Д. Норт);
- Институты – это организационные структуры в обществе, например, финансовые институты — страховые компании, банки, пенсионные фонды, кредитные учреждения, инвестиционные фонды (Авторы книги «Институциональная экономика» Малкина, Логинова и Лядов¹¹);
- «Институт — это социальная организация, которая через традицию, обычай или законодательное ограничение ведет к созданию долгосрочных и устойчивых образцов поведения» (Дж. Ходжсон);
- «Институты — это не правила игры, а скорее альтернативные нормы поведения, или условности, сформировавшиеся вокруг некой игры с определенными правилами. Другими словами, для нас институты — это свойства равновесного состояния игры, а не свойства самой игры». (Д. Норт).

¹¹ Malkina, M., Loginova, T., Lyadova, E. (2015). Institutional Economics: A Textbook. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.

Наибольшее распространение получило определение, данное Дугласом Нортом:

Институты — это «устанавливаемые людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие. Они включают в себя как неформальные (запреты, табу, обычаи, традиции, кодексы чести и т.д.), так и формальные правила (конституции, законы, права собственности и т.д.), а также систему санкций за их несоблюдение». Другими словами, институты определяют «правила игры» в обществе, обуславливают правила и нормы социального взаимодействия людей в процессе их деятельности».

Отличия между трактовкой старых и новых институционалистов мы еще обсудим далее. Эти отличия отражают тот факт, что функции и свойства институтов не сводятся к единственному правилу или принципу. Разные функции имеют место, зачастую одновременно, и могут порождать противоречия.

Заканчивая определения институтов, обозначим также, что институтом может быть и вертикальная, иерархическая, и горизонтальная (сетевая) структура правил и регулирований.

Основные вертикальные или иерархические институты это:

- ☐ Государство и его структуры управления;
- ☐ Корпорации и виды бизнеса, несущие отраслевой опыт, инновации, уникальные профессиональные компетенции;
- ☐ Общественные объединения с вертикальной структурой: религиозные, профсоюзы и т.д.

Горизонтальные, сетевые институты это:

- ☐ Законы и правоприменительная практика
- ☐ Обычаи, ценности и традиции. Семья, религия, ценности.
- ☐ Социальный капитал: доверие, дружба, солидарность
- ☐ Правила дорожного движения
- ☐ Язык
- ☐ Деньги, финансовая система
- ☐ Культура
- ☐ Образование, доступ к знаниям и информации
- ☐ Фундаментальные представления и парадигмы. Например, представление о личности и индивиде; представление об экономических измерителях, таких как прибыль; представления о законах физики и т.д.

Разделение между горизонтальными и вертикальными институтами довольно условно. За каждым сетевым институтом обычно стоит какая-то корпорация (научная, образовательная, культурная) – однако влияние сетевого института намного шире, чем рамки самой корпорации. Для дальнейшего обсуждения будет полезно ввести термин **институт-корпорация** – для институтов, влияние которых в основном ограничено своей же иерархической организацией. Это большинство государственных структур: армия, полиция, министерства. Это также суперкорпорации или монополии, которые тождественны важному институту – например, Google, Microsoft или Российские железные дороги.

И отдельно следует обозначить институты как нормы, то есть **сетевые институты** – чье сетевое влияние намного шире масштабов той организации, которая стоит за институтом.

Не буду подробно останавливаться на доказательствах значения институтов для экономики и общества, поскольку этому посвящены книги, уже ставшие классическими – например, «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» Дугласа Норта¹² и «Почему одни страны богатые, а другие бедные» Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона¹³.

Приведу только несколько примеров – их нетрудно найти и во множестве исторических ситуаций, и в современной жизни. Падение Римской империи привело к резкому падению уровня жизни в течение столетий, хотя в первое время сохранялись все те же люди, компетенции, технологии и факторы производства. Разрушение СССР привело к резкому падению уровня жизни в 1990-е, даже если и считать этот период переходным. Важно подчеркнуть сохранение тех же людей, физических активов предприятий и инфраструктуры – перестали работать только институты.

На примере транснациональных корпораций мы можем в режиме реального времени наблюдать, как в рамках одной корпорации фабрика производит продукцию, например, в США, и во Вьетнаме. Продукция производится по одинаковым стандартам, на одинаковом оборудовании, под тем же брендом, одинаково образованными специалистами и рабочими. Но цена продажи конечной продукции в США и Вьетнаме может отличаться в пять раз – как и зарплата сотрудников одной компании в этих двух странах. Вся разница не в микроуровне этих предприятий, а в макроуровне институциональной среды, в которой действуют два подразделения.

Производство в Китае давно перестало быть дешевым, цена труда равна уровню Восточной Европы. Однако производство не бежит в Африку или

¹² North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.

¹³ Acemoglu, D., Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business.

Индонезию – Китай остается крупнейшим мировым экспортером промышленной продукции. Все дело в институтах. В Китае созданы отраслевые кластеры, инфраструктура, налоговые стимулы для производства, комплексная государственная поддержка промышленности, массовая подготовка образованных инженеров и квалифицированных рабочих, отраслевая наука и стимулирование инноваций. Именно с этой институциональной базой трудно конкурировать другим странам, даже если труд в них стоит на порядок дешевле.

Современные институты являются такой же неотъемлемой частью модернизации, как и научно-технический прогресс. Опоздание с модернизацией, по сравнению с Западом, обусловило столетия колониальной зависимости стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Современные институты права, образования, государственной власти, профессиональных и отраслевых стандартов обеспечивают интеграцию между научно-техническим прогрессом и обществом. Поэтому эффективные институты – ничуть не менее важная часть прогресса и модернизации, чем инновации и человеческий капитал. История демонстрирует примеры, когда развитый человеческий капитал и развитый научно-технический уровень может быть соединен вредоносными институтами – это пример германского фашизма.

Я не верю в теории о «пассионарности», циклах роста и угасания народной энергии. Мотивации народов во все времена примерно одинаковы – они сводятся к базовой структуре человеческой мотивации, подробно изученной в рамках психологии мотивации и психометрических тестов. Весь вопрос состоит в том, умеют ли институты превратить эту мотивацию в коллективное действие, ответить на актуальные вызовы, согласовать с модернизацией, избежать разрушительных конфликтов интересов.

Я полагаю, что расцветы и закаты цивилизаций, прежде всего, связаны с удачным наличием базовых факторов производства и вместе с тем - умением общества создать адекватные институты.

Все великие цивилизации создали сначала сильные институты коллективного действия и долгосрочного планирования. Будь это строительство пирамид в Египте, дамб в древнем Китае, необходимость пережить зиму в Европе и России или выжить на новых землях Северной Америки и Австралии.

Кризис цивилизационных проектов начинается не в силу «выгорания» народов или других мистических причин, а в силу потери базовых производственных или институциональных факторов успеха.

Такая потеря может происходить и по естественным причинам (исчерпание ресурсов), и в силу плохого управления, и по причине накопления институциональных ошибок и ловушек.

Темы факторов производства, моделей роста, уже хорошо изучены. Тема управления тоже подробно обсуждается в рамках наук о менеджменте и политологии. Мало осознаны до сих пор институциональные закономерности, в результате которых правильные, прогрессивные институты порождают одновременно негативные экстерналии, ловушки и ошибки. Причем до такой степени, что постепенно совокупность этих ошибок может привести к разрушению самих институтов – а с ними и конкретных цивилизационных проектов.

Институционалисты справедливо делают акцент на ключевой роли институтов: организации общественного взаимодействия, повышении доверия, снижении транзакционных издержек.

Дуглас Норт пишет¹⁴: «Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь. Они организуют взаимоотношения между людьми, так что, когда мы хотим поздороваться с друзьями на улице, поехать на автомобиле, купить апельсины, занять деньги, организовать свой бизнес и совершить любые другие действия, с которыми сталкиваемся в обычной жизни, мы знаем (или можем легко научиться), как это сделать. ... Институты определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека».

Проблеме снижения транзакционных издержек в экономике, информационной асимметрии посвящены важнейшие исследования (Джозеф Стиглиц, Джордж Акерлов, Рональд Коуз, Джеймс Миррлис и другие). Взаимное недоверие, отсутствие четких правил резко повышают издержки на совершение каждой сделки. Эти ситуации подробно рассмотрены в теории игр.

При довольно невысоком уровне прибыли корпораций в крупных странах (около 5% от выручки), дополнительные издержки на каждую транзакцию в размере, например, 6% делают весь бизнес убыточным и бессмысленным. Между тем, реальные транзакционные издержки в развивающихся странах, включая коррупционный «налог», неэффективность бюрократии и институтов, отсутствие информационной прозрачности и т.д. – могут повышать стоимость сделки в разы. Слабая защита прав собственности побуждает собственников выводить капитал в более надежные юрисдикции, а не инвестировать в своей стране.

Как только развивающиеся страны создают условия для удержания капитала внутри страны, обеспечивают достаточную прибыль и гарантии прав собственности – эти страны демонстрируют экономический рост. Это можно сказать про современный Китай, Индию и большинство стран Юго-Восточной Азии.

¹⁴ North, D. C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press.

Посмотрим на эту роль институтов с позиций политической философии, а именно, концепции общественного договора. Появление концепции общественного договора во второй половине 17-го века связывают с именами английских философов Томаса Гоббса и затем Джона Локка. Общественный договор – это добровольное принятие обществом дисциплинарных рамок, подчинение правилам взаимодействия, с целью остановить войну всех против всех - *Bellum omnium contra omnes*. Государство выступает, так сказать, оператором общественного договора. Однако, источником договора является коллективный запрос общества, а не насаждение со стороны верховной власти. В дальнейшей политической философии (в частности, Жан Жак Руссо) понятие общественного договора становится ключевым для обоснования гражданского общества, конституционных норм демократии и республиканизма.

«Войну всех против всех» можно понимать буквально – как значительное повседневное присутствие насилия, вооруженных банд, которые всегда появляются при ослаблении или исчезновении государства. Но также можно понимать и в переносном, более современном смысле – как крайний эгоизм, недальновидность, недоговороспособность субъектов. Это мы и наблюдаем, особенно в слабо развитых странах, в виде колоссальной коррупции, рейдерских захватов собственности, неспособности решать инфраструктурные и долгосрочные задачи развития.

Институты оформляют общественный договор в деталях, в конкретных областях. Институты собственности – это общественный договор по поводу прав собственности. Правила дорожного движения – это общественный договор по оптимизации взаимодействия водителей и пешеходов на дорогах. Институт семьи – это общественный договор о формате семьи и отношений между мужчинами, женщинами и детьми.

Теория общественного договора, по своей логике и сути очень похожа на объяснение институционалистами роли институтов, как механизма повышения эффективности взаимодействия за счет снижения издержек и повышения доверия. Однако, современные институционалисты воспринимают общественный договор, в общем-то, как данность. Он существует уже столько веков, что сейчас внимание сосредоточено в основном на снижении отдельных транзакционных издержек и повышение прозрачности информации. Это типичное когнитивное искажение нашего времени – мы воспринимаем базовые институты цивилизации как данность, поскольку мы родились уже при них, и знаем из истории, что эти институты и до нас существовали уже столетия.

Как любой институт, старый общественный договор не всегда легко и автоматически адаптируется к переменам. А когда не происходит перезаключения общественного договора, или он неадекватен времени, тогда и другие институты, построенные уже над базовым общественным договором, начинают давать необъяснимые (в рамках самих этих институтов) сбои.

Дальше в этой книге я более подробно рассматриваю некоторые социальные и экономические перемены, проблематизирующие старый общественный договор на Западе.

Развитые институты демократии и представительства, безусловно, способствуют мирному перезаключению общественного договора. Но это совершенно не означает, что такое перезаключение произойдет безболезненно – и что оно вообще произойдет. Сама система представительства и демократии является надстройкой над однажды заключенным общественным договором. Вера в сакральную силу демократии – это то же самое когнитивное искажение, упомянутое выше – недооценка институциональных основ, созданных до нас.

Демократия – это, так сказать, электронная панель управления над сложным механизмом, а не сам механизм.

Современные изменения, требующие перезаключения общественного договора, касаются экономического уклада, роли и места целых социальных страт, пересмотра методов управления и ролей разных частей элит. Это по существу «революционная ситуация», как говорил Ленин. Для институционализации нового уклада недостаточно волеизъявления народа и народных представителей. Поскольку народ и его представители мыслят в рамках старых парадигм, а они не плодотворны для перезаключения общественного договора.

Помимо волеизъявлений, нужен также пересмотр управленческих и политических парадигм, а также и обеспечивающих их парадигм социально-экономических наук.

1.3 | ИНСТИТУТЫ КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В новых институциональных исследованиях, в первую очередь, акцентируется роль институтов как норм и правил и меньше уделяется внимание тому, что институты являются также носителями коллективного интеллекта и опыта.

Взаимодействие между миллионами людей не может быть организовано как сумма миллионов контрактов. Тем более, что речь идет не только о взаимодействии, а о коллективном воплощении в жизнь принципов прогресса, науки, инноваций, которые из-за объемов этих знаний целиком не могут быть известны никому в отдельности.

Институты сами превращаются в чрезвычайно сложный механизм коллективного интеллекта и коллективного действия. Фактически, этот механизм подчиняется логике социально-экономического и технического прогресса, а не только общественному договору в духе «ты не обманываешь меня, а я не обманываю тебя». Современные институты максимизируют пользу для общества от внедрения инноваций, технологий и сопутствующего распределения специализаций, денежных потоков и власти. Они, собственно, выступают организующей структурой, которая делает технические и научные достижения пригодными и полезными для экономики и общества.

Разберемся подробнее, как действует институт или, в частности, институт-корпорация как субъект, наделенный коллективным интеллектом.

Научная концепция коллективного интеллекта появилась в конце 19-го - начале 20-го века. В начале 20-го века Владимир Вернадский, Никола Тесла, Герберт Уэлс высказывают идеи о едином человеческом сознании, едином информационном поле и «супермозге». Эти идеи прозорливы для своего времени, они предсказывают появление в будущем интернета и искусственного интеллекта.

В наше время исследования коллективного интеллекта уходят в основном в специализацию, излишнюю конкретизацию. Под коллективным интеллектом исследователи сейчас подразумевают чаще всего буквально интеллект коллектива (см. например, Дуглас Энгельбарт, «Коллективный IQ»¹⁵, «Collaborative intelligence» Dawna Markova и Angie McArthur¹⁶, Woolley

¹⁵ Engelbart, D. C. (1995). Toward augmenting the human intellect and boosting our collective IQ. Communications of the ACM, 38(8), 30-32.

Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups¹⁷). Современные исследования коллективного интеллекта часто несут в себе некоторые проблемы определений.

Во-первых, они представляют коллективный интеллект как некий отдельный, самостоятельный феномен, принадлежащий исследуемому коллективу. Интеллект по своей природе является общественным, а не принадлежащим отдельной группе людей. Все наше знание и умение мыслить получено из общества и из источников, разработанных другими людьми. Оно неотделимо от связи с этими источниками и с обществом. Эмиль Дюркгейм уже в начале 20-го века определял общество, как источник логического мышления человека ("Элементарные формы религиозной жизни"¹⁸). Дюркгейм считал общество сверхразумом, поскольку оно превосходит каждого отдельного индивида.

Во-вторых, в современных исследованиях часто не обозначают разницы между коллективным интеллектом и коллективным знанием. Интеллект включает и знания, и умение ими оперировать; однако, это умение – тоже сумма знаний. В школе нас учат и знаниям как информации, и умению мыслить: читать, решать задачи, то есть оперировать этой информацией. Нейросети обращаются к источникам данных, таким как Википедия, но также они умеют обрабатывать данные. Это умение, сама нейросеть, – совокупность математических знаний и алгоритмов. В этом смысле нет фундаментальной разницы между знанием как информационной базой и умением мыслить – оно тоже основано на накопленных об этом знаниях.

В-третьих, надо иметь ввиду еще один ключевой компонент интеллекта – мыслительное усилие. Чтобы нейросеть начала работать, компьютер надо подключить к электросети.

Мыслительное усилие относится уже к человеческой дееспособности, воле. Эта неотъемлемая часть воли, действия в составе интеллекта исследуется когнитивной психологией. Школа методологии, основанная Георгием Щедровицким, особенно акцентирует внимание на то, что мышление неотделимо от действия.

В современных исследованиях коллективного интеллекта преимущественно игнорируется эта ключевая составляющая – воля, усилие, а также вектор направления усилия, который задается ценностями и культурой.

Этот упрощенный подход игнорирует достижения смежных дисциплин: когнитивной науки и философии сознания. Коллективный интеллект нельзя понимать, как интеллект суммы индивидов в коллективе. Поскольку сам

¹⁶ Markova, D., & McArthur, A. (2015). Collaborative intelligence: Thinking with people who think differently. Random House.

¹⁷ Woolley, A. W., Chabris, C. F., Pentland, A., Hashmi, N., & Malone, T. W. (2010). Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups. *Science*, 330(6004), 686-688.

¹⁸ Durkheim, E. (1912). *The Elementary Forms of the Religious Life*. Paris, F. Alcan.

индивидуальный интеллект, по своей природе, является частью коллективного. Чтобы приобрести интеллектуальные способности и знания, мы обучаемся в школе, читаем книги, учимся в университете – и все это записанные и переданные нам знания других людей.

Антропологами исследованы истории реальных детей-маугли, прошедших ранние годы без человеческого воспитания. Такой ребенок не владеет речью, и не только не смог бы пройти тест IQ, но даже не понял бы, чего от него хотят. То есть нет автономного интеллекта без присоединения к накопленным обществом знаниям; разве что какие-то формы эмоционального интеллекта, позволяющие выживать.

Умение мыслить, по существу, трудно отделить от информационной базы знаний. Умение решать задачи или умение читать – это изучаемые нами в школе алгоритмические методики, подготовленные в рамках педагогической науки. В этом смысле и знание является информацией, и умение оперировать знанием тоже является информацией, алгоритмом.

Иллюстрацией этого служит и организация языковых моделей искусственного интеллекта, таких как ChatGPT или Gemini. Эти языковые модели используют интернет-базу знаний, но само их «мышление», то есть сама нейросеть, это алгоритмы, то есть тоже записанная информация. Модели искусственного интеллекта и представляют сейчас слепок коллективного сознания и, отчасти, бессознательного.

Таким образом, интеллект индивида нельзя отделить от того доступа, который этот индивид имеет к базам знаний – всеобщему коллективному интеллекту. Поэтому выделять группу из 10 человек и называть ее интеллект коллективным – довольно странно. Когда я пишу эту книгу, я «общаюсь» с сотнями авторов, от Платона до Ницше, сверяю свои мысли со множеством современных институционалистов, социологов, экономистов и когнитивистов. Можно ли назвать мою умственную деятельность сугубо индивидуальной? – Хотя я пишу этот текст, строго говоря, один.

Группа из десяти или тысячи человек имеет более высокий или низкий интеллект не только в меру того, как они сотрудничают друг с другом, а в меру того, в первую очередь, как они сотрудничают с общечеловеческой базой коллективного интеллекта.

Для мысленного эксперимента представим, что исследуемые 10 человек должны сдать экзамены средней школы по всем предметам. В первом случае они могут совещаться (узкое понимание коллективного интеллекта), но не имеют доступа в интернет (доступа к коллективному знанию человечества). Во втором случае, они не могут совещаться друг с другом, но имеют доступ в интернет – то есть каждый может посоветоваться с умнейшими людьми нашего и прежних времен, чьи знания вкратце представлены в Википедии и других источниках. Как вы думаете, в каком случае средние оценки группы будут выше?

Безусловно, коллективный интеллект, как интеллект конкретной группы, тоже имеет место. В частности, важно иметь ввиду разницу когнитивных стилей, типов мышления. Дополняя друг друга, они действительно могут создать эффект более разностороннего коллективного мозга, чем мышление каждого члена группы по отдельности. Разным является и опыт работы с источниками знаний членов группы. Подробнее о коллективном интеллекте, на примере совета директоров, можно почитать в моих эмпирических исследованиях, проведенных с помощью автоматизированного анализа текста.

Роль совместного мышления правильно организованной группы нельзя отрицать. Современные исследования коллективного интеллекта показывают, что коллективный интеллект приносит пользу, если взаимодействие членов организовано и структурировано надлежащим образом (см., например, книгу James Surowiecki *The Wisdom of Crowds*¹⁹).

Если такого структурирования нет, возникает, наоборот, коллективное «оглушение», эффект толпы. Эта тема исследована классическими авторами - Габриелем Тардом²⁰ и Гюставом Лебоном²¹. Толпа действует более импульсивно и примитивно, чем стали бы действовать большинство ее членов по отдельности.

Если толпа перенесена в онлайн пространство, то не меняется сам эффект толпы, неструктурированного мышления и поведения. Толпа в онлайн пространстве занимается поклонением своим «идолам», раскруткой хайпов, коллективной травлей («отменой») неудобных и тому подобное.

Современные исследователи коллективного интеллекта, по умолчанию, пытаются представить коллективный интеллект как сетевой феномен, не нуждающийся в иерархии. Это скорее дань неолиберальной моде. Как мы видим на практике, реально работающие модели коллективного интеллекта – это модели ИИ, а не сумма мнений толпы. Модели ИИ умеют определять релевантные и достоверные (насколько вообще возможно) источники данных. Они представляют экспертный ответ, а не среднее из миллиона мнений в интернете.

В области знаний в действительности эффективны только иерархии компетенций, экспертных систем и процедур. Максимальная эффективность коллективного интеллекта достигается именно за счет

- а) выстроенной иерархии человеческого экспертного знания, специализаций экспертов;
- б) за счет накопления уникальных инноваций, ноу-хау,

¹⁹ Surowiecki, J. (2004). *The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations*. New York: Doubleday.

²⁰ Tarde, G. (1892). 'Opinions and Masses'. in: Gabriel Tarde *On Communication and Social Influence: Selected Papers* (Heritage of Sociology Series). Chicago: University of Chicago Press, 1969/2010.

²¹ Le Bon, G. (1960). *The crowd: A study of the popular mind*. 1895. New York: Viking.

в) и за счет правильно организованного доступа к релевантным базам знаний, экспертным системам.

Эти процедуры работы со знаниями, выработки экспертных решений, должны быть записаны в виде четких процедур, бизнес-процессов, обязательных к исполнению.

Именно это и обеспечивают корпорации и институты-корпорации лучше, чем кто-либо другой. И именно по этой причине корпорации и институты являются главным носителем коллективного интеллекта. Безусловно, больше всего знаний находится в интернете. Однако корпорации не только имеют знания, они еще и «умеют думать», пользуясь человеческими мозгами и искусственным интеллектом. Они умеют думать и на уровне экспертных систем, которые помогают отделять главное от второстепенного, тогда как обычный доступ в интернет этого не дает.

Институты и корпорации умеют создавать уникальное, эксклюзивное знание (ноу-хау), которое не доступно в открытых источниках. Институты и корпорации также интегрируют и рефлексировать свой исторический опыт. Институт может помнить о своих ошибках, совершенных 300 лет назад, и передавать это, как знание, через поколения. Именно это позволяет, например, науке двигаться дальше с каждым поколением людей, а не изобретать колесо каждый раз заново.

Роль коллективного интеллекта выполняют не только институты-корпорации (например, академия, министерства, крупные бизнес-корпорации), но и сетевые институты, такие как семья, церковь или законы. Законы несут в себе мудрость поколений, опыт предыдущего правоприменения. Как говорят в армии, «уставы написаны кровью». Даже неформальные институты, например, такие как семейные отношения, несут в себе коллективный опыт. Любовные, семейные отношения, воспитание детей – это длительный проект, динамика и будущее которого не может быть известна человеку из личного опыта. Об этих сценариях в целом ему рассказывает великая литература, психология, а также неформальные традиции семьи и воспитания детей.

В условиях современного «восстания масс», всемирного выхода людей из бедности, а также на фоне модной на Западе неолиберальной идеологии стало популярно отменять традиционные институты. Будь это семья, церковь или прежние представления о дисциплине, морали и солидарности. Это заменяется индивидуализмом, индивидуальным рациональным выбором.

Старые институты считаются неэффективными, угнетающими – и в этом есть немалая доля правды. Но отказываясь от них, люди отказываются и от канала связи с коллективным интеллектом, историческим знанием и опытом институтов. Можно только приветствовать создание в этих целях новых институтов – но их почти нет. Сами базы знаний, такие как интернет и искусственный интеллект, не институционализируют участие масс в коллективном интеллекте. Говоря проще, большинство современных людей

используют интернет для извлечения знаний, только если это требуется по работе, а добровольно используют интернет для развлечений, а не для знаний.

Сегодня оглушение среднего западного человека следует измерять не столько падением уровня индивидуального IQ, сколько падением уровня связи индивидов с коллективным интеллектом через институты. Подбор институтов под себя по принципу комфортности, замена институтов на контрактные договоренности во многих областях, привела к резкому упрощению мышления и поведения.

В упомянутом выше мыслительном эксперименте индивиды могут общаться друг с другом или с источником коллективного знания. Можно сформулировать эксперимент иначе:

- 1) источник знаний для вас определяют опытные педагоги, используя учебники и библиотеку;
- 2) источники знаний школьник подбирает для себя сам, в основном в ТикТоке, по принципу прикольности и наибольшей комфортности.

В современной науке нельзя ничего утверждать заранее, не проведя анализ данных. Поэтому этот эксперимент необходимо провести как эмпирическое исследование, чтобы установить, в каком случае знание будет более качественным.

В поведенческой экономике используется термин «ограниченная рациональность». Действительно, рациональность среднего современного человека все более и более ограниченная. Не используя доступа к коллективному интеллекту, рациональный выбор сужается до самых очевидных и базовых потребностей.

Интеллект института существенно отличается от того, как мы понимаем обычный человеческий интеллект. Человеческий интеллект состоит из разных когнитивных стилей, образования, эрудиции. Обычный человек имеет картину интеллекта, заданную этими параметрами: разную выраженность тех или иных когнитивных стилей и типов интеллекта, склонность к когнитивным искажениям, определенный уровень образования и эрудиции.

Институт располагает совокупностью разных видов интеллекта своих членов, эрудиций, образований. Это делает мышление института более объемным и диверсифицированным – но, впрочем, не избавляет полностью ни от когнитивных искажений, ни от перекосов в структуре интеллекта. Служащие конкретного института-корпорации часто подбираются по принципу подобия. В результате весь коллектив, например, научного института может иметь сильный перекося в сторону абстрактного мышления и дефицит бытового здравого смысла, а весь коллектив криминальной структуры может быть избыточно агрессивным и недостаточно склонным к саморефлексии.

Кроме того, формирование коллективного человеческого интеллекта происходит по своим законам, он не равен сумме интеллектов членов. По ряду причин, могут подавляться разные виды интеллекта, не удобные для большинства или не удобные для целей деятельности института. Могут приветствоваться когнитивные искажения, наоборот удобные для большинства членов корпорации. Каким бы распределенным ни был коллективный интеллект, это человеческое, как говорил Ницше, слишком человеческое.

Очевидно, что интеллект корпораций будет все больше автономизироваться, и для людей это выглядит как пугающая перспектива. Но не спешите, корпорация живет не только за счет интеллекта. Она живет еще за счет человеческой энергии и воли к решению определенных задач.

Именно фактор энергии и воли людей еще долго будет сохранять решающую роль людей над институтами и искусственным интеллектом. Пока нет никаких оснований считать, что искусственный интеллект даже в высокоразвитой форме способен уйти в «самостоятельное плавание», потому что любое плавание подразумевает цели и волю к цели. В более отдаленном контексте это затрагивает вопрос о природе человеческой воли и жизненной энергии. Если предположить, что искусственный интеллект получит доступ к этому первоисточнику напрямую, будь это мировой дух или энергия биосферы земли, в таком случае он обретет волю, энергию и способность к целеполаганию и сможет начать действовать независимо от человека. Пока нет достаточных оснований судить об этом.

Возвращаясь к теме интеллекта института, таким образом, нельзя отделить от интеллекта его человеческую волю и энергию. Ряд исследований интеллекта человека также демонстрирует, что понимание интеллекта неотделимо от психологии, целей, ценностей и так далее. См, например, работы Марины Холодной, в частности «Психология интеллекта»²². Применительно к институтам это широкий пласт вопросов, обычно обозначаемых в литературе как лидерство и лидерские способности.

То есть интеллект института в значительной степени зависит от эффективности интеграции человеческого и институционального интеллекта, а также человеческой деятельности. На этом основана способность института обеспечить развитие общества в одном направлении. Когда это обеспечено, институт может демонстрировать удивительную эффективность; когда нет – то институт внезапно «тупеет», и вся энергия уходит на внутренние противоречия. Современные проблемы западных институтов, когда наверху принимаются на удивление ошибочные и неадекватные решения – это в основном результат именно таких рассогласований.

²² Kholodnaya, M.A. (2002). Psychology of Intelligence: Research Paradoxes. St. Petersburg: Piter.

1.4 | ИНСТИТУТЫ КАК ОРГАНИЗАТОРЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Мышление невозможно без усилий, направляемых на осуществление процесса мышления. Сами эти усилия можно называть волевыми, деятельными. Таким образом, интеллект зависит от всех мотиваций и дееспособности человека. Эта тема исследуется в рамках дисциплины «Психология интеллекта» (см., например, Пиаже²³, Холодная²²).

В основе мотивации человека находятся нерациональные, бессознательные мотивы. Это хорошо изучено в рамках психоанализа и последующей психологической науки. Поэтому большинство призывов к массам, будь это реклама или политические лозунги, адресуют к нерациональным, бессознательным мотивациям.

Действие рационального интеллекта обеспечивается за счет нерациональных мотивов — и это важнейшее противоречие, которое пронизывает всю человеческую деятельность от индивида до уровня самых крупных институтов. Как сказал математик Дьёрдь Пойа, "...логика - это дама, стоящая у выхода магазина самообслуживания и проверяющая стоимость каждого предмета в большой корзине, содержимое которой отбиралось не ею".

Чтобы коллективный интеллект заработал, его надо подпитать человеческой деятельностью, мотивацией — и именно институты справляются с этой задачей. Институты определяют цели и ценности, что является важнейшим условием мотивации и человеческой дееспособности.

Это же касается и организации коллективного действия. Задача большинства институтов — воздействие на внешние объекты. Институты организуют для этого и коллективный интеллект, и коллективное действие.

Эту связь коллективного интеллекта и действия важно подчеркнуть, поскольку таким образом институты действуют интеллектуально. Коллективное действие возможно без организованного коллективного интеллекта — но тогда это толпа. Это поведение даже более спонтанно и примитивно, чем поведение членов толпы по отдельности.

История предоставляет немало примеров того, как дисциплинированные группы на основе институционального интеллекта побеждали толпы противников, на порядки превосходивших численностью, но не имевшие высокоорганизованного коллективного интеллекта и действия. Это практически один и тот же тип ситуаций, кейсов, начиная с древней Греции

²³ Piaget, J. (2005). The psychology of intelligence. Routledge.

и Рима. Высокоорганизованные и обученные римские легионы побеждали толпы варваров, даже при значительном численном превосходстве варваров. То же самое происходило в 18-м веке при колонизации англичанами, например, Индии. Индийские войска к тому времени часто имели уже и западное оружие, и даже наемных западных офицеров или французских инструкторов. Но армии как целостного модернизированного института коллективного действия у них не было.

Большинство колониальных войн демонстрируют в этом плане один и тот же пример. В этих историях принято делать акцент на инновациях, которых не было у других народов - корабли, пушки, ружья. Но европейцам не только технические инновации обеспечивали превосходство – решающую роль играла дисциплина, слаживание, военная методика, стратегия, то есть организационные технологии.

Организационные технологии часто недооцениваются исследователями, поскольку их нельзя потрогать руками и анонсировать в виде простого и яркого инновационного бренда, такого как пушка, порох, компас и так далее.

Пока эти тезисы представляются достаточно очевидными – но я подвожу к несколько иному пониманию институтов, чем это принято сейчас в институциональной экономике. В современной теории делается акцент на роли институтов, как норм и правил социального взаимодействия. Я же подчеркиваю, что институты – это также дееспособный носитель коллективного интеллекта.

В отношении институтов-корпораций этот тезис достаточно очевиден – даже на бытовом уровне корпорации часто обсуждаются как действующие субъекты. Но сетевые институты тоже обладают интеллектом и дееспособностью. Например, религия – это преимущественно сетевой институт, хотя обычно и имеет корпорацию (церковь) в своем ядре. В основном религия – это именно нормы и практики повседневной жизни верующих – молитва, чтение писаний, посещение церкви, исполнение обрядов и ритуалов, стремление к моральному образу жизни. Но в ситуациях угрозы для веры или ее оскорбления, верующие способны мобилизоваться для социальных действий. Это характеризует религию, как сетевой институт, способный в определенных ситуациях к организации активной деятельности – причем не обязательно в этом должна участвовать церковь, как организующее ядро.

Нарушение сетевых культурных или языковых норм может привести к мобилизации масс, политическому протесту или даже гражданской войне. Очень характерной ситуацией такого рода может стать притеснение языка национального меньшинства. Пока язык не притесняют, это может быть сугубо сетевой, культурный институт, даже не имеющий ядра-корпорации. Но в случае притеснения, это не раз в истории разных стран становилось причиной для мобилизации нации и начала гражданской войны.

Понимание институтов как носителей коллективного интеллекта и способности к действию подводит нас к пониманию их как социального суперорганизма. Этот термин используется биологами для описания видов с высокоразвитой коллективной деятельностью – муравьев, пчел, некоторых видов птиц. Поэтому, в частности, Александр Зиновьев использовал образ муравейника для антиутопического описания будущего общества – «Глобального человеиника».

В последнее время исследования таких систем получили распространение под названием сетевое управление, роевое и т.п. В моделях сетевого управления сделан акцент на горизонтальных, а не иерархических взаимодействиях. Но при этом подразумевается наличие четко организованных алгоритмов и инструкций. То есть работа такого института продумана неким высшестоящим разумом, управляющим центром.

На самом деле наличие или отсутствие такого управляющего центра зависит от успехов модернизации. Если общество и элиты смогли модернизировать институты, то в них возникнет единый, наиболее интеллектуальный управляющий центр. Если модернизация не выполнена или рычаги управления деградировали, то институты все равно будут функционировать. Но в этом случае они будут самоорганизовываться как муравейник, как живой суперорганизм.

В таком организме тоже есть и интеллект, и воля, но на гораздо более архаичном уровне. Условно говоря, отдельные банды варваров, не организованные в единую армию, тоже способны сопротивляться, и тоже осознают коллективный интерес по защите своих земель. В 1990-е нашу страну спасло от развала падение на архаичные, но все-таки коллективные и осознающие свои интересы уровни социальной самоорганизации. Эти уровни были выражены слоганами «он брат мой..., а ты не брат мне...», «это наша корова, и мы ее доим» и «кто Россию обидит – тот трех дней не проживет».

В определенные исторические периоды институты так или иначе выходят из-под контроля управляющих. Или сама управляющая элита деградирует и не справляется со сложностью институтов. Или институты становятся неадекватны времени, а на их модернизацию уже не хватает сил. Или в институтах накапливаются ошибки и рассогласования. Так или иначе, управляющие утрачивают контроль над институтами.

И в этой ситуации институты не исчезают, а начинают действовать самостоятельно, как живой суперорганизм. Или, точнее, частично живой киборг, поскольку институты — это социотехническая система. Этот организм мыслит, распределяет роли, защищает свои интересы, оптимизирует свое существование.

Поэты и писатели иногда предчувствуют и выражают литературным языком те явления, которые уже присутствуют в нашей жизни, но не получили еще рационального описание. Ощущение главенства институтов над человеком

выражено в романах Франца Кафки – ощущение не злой воли тирана или диктатора, а загадочной для человека воли социотехнических систем. Это ощущение больше всего характерно для смены эпох, когда организованное управление исчезает, и институты переходят к саморегулированию. Кафка писал свои романы по итогам слома старого порядка после первой мировой войны.

В похожую эпоху развала старой системы, русский поэт Александр Башлачев написал стихотворение, описывающее предчувствие управляющей, но не управляемой людьми роли институтов. Приведу выдержки из этого стихотворения, поскольку не так уж много стихов посвящено институтам:

Этот город скользит и меняет названья.
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

Он отлит в ледяную, нейтральную форму.
Он тугая пружина. Он нем и суров.
Генеральный хозяин тотального шторма
Гонит пыль по фарватеру красных ковров.

Он печатает шаг, как чеканят монеты.
Он обходит дозором свой архипелаг.
Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах
Вызывает волнение мертвых бумаг.

...

Абсолютный Вахтер — ни Адольф, ни Иосиф, —
Дюссельдорфский мясник да пскопской живодер.

Абсолютный Вахтер — лишь стерильная схема,
Боевой механизм, постовое звено.
Хаос солнечных дней ночь приводит в систему
Под названьем... да, впрочем, не все ли равно.

Ведь этот город скользит и меняет названья,
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

Александр Башлачев, 1985 год.

Используя философский стиль, можно сказать, что важное противоречие нашего времени, это противоречие между рациональной природой мышления и нерациональной природой мотиваций.

Рациональное мышление, логика, методы научного познания – это способы обращения с информацией. Это способ взаимодействия с реальностью, характерный для цивилизованного человека.

На основе такого мышления возникает и рациональное поведение, рациональный человек. Сами же внешние объекты природы не могут считаться рациональными или нерациональными, они просто даны, как есть.

Мотивации присущи человеку, прежде всего, как живому существу. Психологи часто описывают мотивации в терминах подсознания или бессознательного. Говоря проще, бессознательное это и есть живая, биологическая часть человека, то есть само тело и бытие. Психологи совершенно правы в том, что бессознательное управляет девятью десятymi мотивов и поведения, а сознание – лишь десятой долей.

Сознание — это недавняя инновация для большинства людей. Еще 150 лет назад более 90% населения в России было безграмотным. Романы Достоевского, характеризующие расцвет литературы в 19-м веке, выходили тиражом в 3 тыс. экземпляров. Таково было реальное число читателей сколь-либо сложной литературы. В 1870 году самый тиражный литературный журнал Российской империи «Нива» набрал 9 тыс. подписчиков.

Даже если говорить не о высоких формах сознания, таких как образование и чтение, а о бытовой смекалке, рациональной рефлексии – то и эта часть сознания совсем недавнее достижение. Сейчас представляется разумеющимся, что каждый человек себе на уме, и везде ищет возможности больше заработать и выгоднее потратить. Но и эта модель поведения сформировалась лишь в последние века, в ходе модернизации. Исследователь европейской модернизации Ян де Фрис разбирает это подробно в книге «Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней»²⁴.

Российские исследователи быта крестьян в 19-м веке отмечают, что крестьянам, при очень скудных условиях жизни, была одновременно

²⁴ Vries, J. D. (2008). The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present. Cambridge University Press.

присуща лень и демотивация. Это же, на самом деле, можно наблюдать в деревнях и до сих пор. Саморефлексия, усилия по рационализации и капитализации своего времени – это результаты модернизации, а не естественное человеческое состояние.

Культура и мораль Европы 19-го века – это довольно тоталитарное подавление естественных, биологических потребностей человека. Сознательный, культурный, религиозный человек как бы вообще не должен таких потребностей иметь, должен был их изжить. Это порождало и многочисленные бытовые жестокости, и повсеместное двуличие моральных, воспитанных людей. Все это подробно описано в великой литературе 19-го – начала 20-го века – Бальзаком, Толстым, Гюго, Цвейгом, Диккенсом и так далее.

Именно на этом фоне возникает революционный протест гуманистов против такой лживой морали. В Германии это, прежде всего, Фридрих Ницше, в России Лев Толстой. Революционную роль Зигмунда Фрейда нельзя понимать вне этого контекста. Фрейд заговорил о либидо в эпоху, когда такие темы считались недопустимыми в приличном обществе.

Последователи Фрейда в 20-м веке легитимировали понятия бессознательного, подсознания, либидо. Вместо вытеснения естественных человеческих желаний и мотиваций, психология научилась признавать их и рационализировать. Тем не менее, проблема осталась на системном уровне. Трудно рационализировать то, что по своей природе рациональным не является.

Уже во второй половине 20-го века Герберт Маркузе в своих работах указывал на то, что человеку естественным образом присуща спонтанность. Тогда как для прогресса и цивилизации требуется методичность и дисциплина.

Мотивация к спонтанности очень сильна. В русской литературе это описано в образе Мцыри, который не рад стабильной жизни в стенах монастыря и хочет вырваться на волю, даже если воля продлится один день. Фрейд описывал это как мотив Танатоса, мотив смерти, существующий одновременно с любовью к жизни, мотивом Эроса.

Эта же тема представлена Хемингуэем в рассказе «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» – да и вообще это лейтмотив всего творчества Хемингуэя. Противопоставление живого человека и мертвых социальных норм в наше время удачно показано в художественном сериале «Во все тяжкие» и в фильме «Красота по-американски».

Маркузе был одним из идеологов революции 1968-го года – произошедших в Европе студенческих волнений под лозунгами либерализации, с требованием «секс, наркотики, рок-н-ролл». Эта революция, как и многие последовавшие затем в других странах цветные революции под похожими лозунгами, добилась своих целей. Студенты получили либерализацию, секс, наркотики и рок-н-ролл. Аналогичное отторжение институтов сегодня

представлено квадроберами (люди, имитирующие зверей). И это было предсказано Стругацкими еще в 1980-е гг., в романе «Отягощенные злом или 40 лет спустя»²⁵ - что опять же указывает на системный характер этого социального явления.

Очень трудно в рамках институтов рационализировать мотивации, которые, в пределе, требуют отменить все институты модерна. И убежать на волю, в пампасы, даже если жизнь там продлится, как у Мцыри, один день.

Это не метафора, поскольку мы видим на практике, что некоторые цветные революции достигли успехов в отмене государства – чего они и требовали. И теперь общества Ирака, Ливии или Сирии живут без государства - в состоянии жестокой антиутопии, киберпанка. Это же можно сказать про массовое сообщество наркоманов, составляющее более 10% населения в США, около 40 млн. человек. Эти люди тоже в индивидуальном порядке отказались от рационального сознания в пользу спонтанности.

Важнейшая причина политического и управленческого кризиса Запада состоит в том, что западный либерализм слишком долго заигрывал с этими мотивами. В политическом смысле, это дешево и надежно мобилизует сторонников – как предложить детям смотреть мультфильмы вместо того, чтобы делать уроки.

Но когда это длится десятилетия, население де-цивилизуется, и управлять им становится все труднее. В этом основная причина бегства производства в Китай и Мексику, а не только в вопросах себестоимости.

Как же все-таки институты рационализируют изначально нерациональные мотивации?

По существу, есть несколько способов:

1. **Институты учат людей рационально мыслить.** Поэтому всеобщее школьное образование бесплатно в большинстве стран мира. Без этого нельзя даже начать модернизацию.
2. **Сублимация мотивов**, воплощение в рациональной форме. Культура и сложные организационные формы предлагают множество вариантов сублимации базовых инстинктов в сложные формы. Вместо желания дать по морде, предлагается посещать секцию бокса. Вместо желания секса предлагается ритуал ухаживаний и так далее.
3. **Институты предлагают рациональные алгоритмы.** Что бы ни задумал современный городской человек, поработать или потратить, или даже провести свободное время, он почти всегда попадет в невидимую сетку рациональных институтов. Придя в магазин, он сможет выбрать из предложенного набора продуктов, причем за него продуманы и метрические, и символические критерии этого выбора. Покупатель может соотнести в своей голове цену и престижность бренда. Но и цена – это заданная

²⁵ Strugatsky, A., Strugatsky, B. (1988). Burdened with Evil, or Forty Years Later. Neva, No. 10–12.

институтами метрическая система, и бренд – это заданная институтами символическая система координат.

Рациональны онлайн-банки, социальные сети, онлайн знакомства, компьютерные игры, отдых на курорте – все это продуманные и прописанные кем-то алгоритмы, по которым предлагается проследовать потребителю.

4. Институты **рационализируют поведение на коллективном**, а не только на индивидуальном **уровне**. Например, у вас возникло желание покрасить кота в розовый цвет. Казалось бы, в этом желании нет ничего рационального, как ни посмотри, и поэтому рационализировать его сложно. Однако институты рыночной экономики успешно рационализируют. Вы можете заплатить деньги и получить такую услугу. С этих денег будут заплачены зарплаты и налоги. На налоги будут куплены школьные учебники. В самом желании нет ничего рационального – и это касается большинства желаний. Однако вам предлагается проделать рациональный путь, - передать свои деньги в те части экономики, где они будут использованы более рационально.

Рационализация на уровне макропроцессов, больших чисел широко используется в риск-менеджменте, страховании, управлении кредитными портфелями, бизнес- и макропланировании. Банк, например, управляет рисками кредитного портфеля не только на уровне каждого заемщика, но и распределяя риск-премию на всех заемщиков.

Вся рыночная экономика – это такая страховочная сетка. Каждая нерациональная или ошибающаяся компания будет поглощена, и рынок в итоге рационализирует распределение ресурсов.

5. **Нерациональное поведение наказуемо**. В случае Мцпри, то есть за рамками институтов, нерациональное поведение наказуемо быстро и жестоко. В рамках институтов наказания осуществляются более мягко и постепенно – и это позволяет исправлять, моделировать поведение.

Например, если вы будете увлекаться сугубо нерациональной тратой денег – покупать товары не по средствам, брать кредиты и так далее – то вы станете банкротом. То есть, на макроуровне, ваши средства перейдут к рациональным участникам рынка, а нерациональный участник выбывает из игры.

Приведенное выше подробное рассмотрение того, как именно институты рационализируют поведение людей, подводит нас к важным выводам. Дело не только в том, что институты рационализируют поведение. Важно и то, **как именно они это делают**.

Для 20-го и более ранних веков модерна характерны были, прежде всего, первый, второй и третий способы. То есть в основном делалась ставка на понимание человеком того, что он делает, на обучение рациональному мышлению и поведению. Это было необходимо, поскольку рациональные

алгоритмы самих институтов (например, предприятий, организаций) были не настолько совершенны, чтобы моделировать всю деятельность человека. Требовалось понимание процессов, даже рядовыми участниками. От человека требовалась готовность диагностировать ошибки в зоне своей ответственности, и исправить вручную.

В 21-м веке на Западе ставка сделана на модели 3,4 и 5. Человек попадает будто бы в совершенные институциональные алгоритмы, которые моделируют каждый его шаг и вздох. Минимальное отклонение наказуемо, и человек быстро обучается вести себя как робот – исполнять в точности то, что требуется, и не делать, и тем более не думать ничего лишнего. Отсюда американская пластмассовая улыбка: это человек, максимально уподобившийся машине. Причем институты теперь моделируют каждую минуту человеческого времени – не только работу, но и потребление, и социальное общение, и отдых.

Ошибки наказуемы, но не сильно. В рамках парадигмы 4 (рационализация на коллективном уровне), институты предлагают коллективную страховочную сетку. Это открывает простор для социального паразитизма, и в целом не учит человека действовать рационально, а переносит риски на коллективный уровень. И паразитизм, и риски оплачиваются за счет имеющих пока избытков благосостояния. Эта **управленческая парадигма** даже в **среднесрочной перспективе несостоятельна** и уже сейчас порождает коллапс управления на Западе.

Эту парадигму можно назвать схемой Великого инквизитора Ф.М. Достоевского (роман «Братья Карамазовы»²⁶). Есть управляемая масса «счастливых как дети» и глупых как овцы людей. И есть управляющий субъект, группа инквизиторов, познавших все истины и управляющих всеми, говоря современным языком, через цифровые алгоритмы и искусственный интеллект.

Эта схема преподносится как фашистский замысел западных элит – хотя скорее она сложилась в рамках естественного (и уже неуправляемого) развития западной модернизации. В действительности, это работать не может. Во-первых, не ясен в такой ситуации генезис этих великих инквизиторов, как социальной группы. Человек не может жить в обществе и быть от него свободным, как говорил Ленин. Из сообщества овец будут рождаться элиты в виде более шелковистых овец, но не волки-инквизиторы. Этих элитных овец мы и видим в новостях BBC о западной политике каждый день. Это не волки и не инквизиторы. А физическое самовоспроизводство малой группы умных и волевых людей еще не изобретено.

Германский фашизм рухнул, прежде всего, потому что мещанскому большинству не нужны были такие элиты. Эти элиты возникли из старой

²⁶ Dostoevsky, F. M. (2016). The Brothers Karamazov. Aegitas.

военной аристократии и были закалены первой мировой войной, но системно европейское общество такие элиты уже не производило.

На корпоративном уровне в западных и транснациональных корпорациях часто пытаются серьезно внедрять парадигму главенства бизнес-процессов над людьми и традиционным менеджментом. Это преподносится в виде автоматизации, каких-то модных методов сетецентрического управления в бизнесе и т.д.

Я это наблюдал в самых разных компаниях, и почти всегда это ведет к развалу управления. На практике управление ведется старыми методами, обычного иерархического менеджмента, но со множеством неудобств и рассогласований, порожденных этими претензиями на сетевые методы и господство бизнес-процессов над людьми.

Я начинал работать в конце 1990-х годов, в России и в Германии, и застал еще старый доцифровой менеджмент. На мой взгляд, он был явно лучше, чем нынешний. Парадигма ответственности каждого сотрудника за свои процессы и каждого начальника за свое подразделение работает. А парадигма идеальных процессов, безликого Абсолютного вахтера, перед которым нет ни старших, ни младших, — это звучит помпезно и пугающе, но главное, не работает.

Отсюда же и опережающие успехи китайского и японского менеджмента, которые сохранили преимущественно традиционные методы.

Я не выступаю против автоматизации бизнеса, наоборот, сам этим занимаюсь на практике. Но автоматизация должна занимать подчиненное положение по отношению к традиционным иерархическим моделям человеческого управления. Пока на практике работает только это.

Внедрение новых институтов ведет к естественному «атрофированию» старых институтов. В отношении институтов действует такой же принцип короткого одеяла, пушки или масло, как и в экономике. Институты так же точно конкурируют за ресурс человеческого времени, за материальные и управленческие ресурсы.

Если сделана ставка на рационализацию способами 3, 4 и 5, то рационализация мышления, умения сублимации поведения через культуру и сложные формы поведения — атрофируются естественным образом. Это мы и наблюдаем на практике. Поведение среднего человека стало гораздо более некультурным, примитивным. Человеку не надо сублимировать инстинкты — он может пойти и купить исполнение своих желаний. Ему не надо понимать, что он делает на работе и каков контекст — достаточно исполнять инструкцию.

Парадокс «ограниченной рациональности» состоит в том, что ограничена она в основном институтами, а институты обычно тоже рациональны, но по-своему. Ограниченная рациональность — это рациональность повара на корабле, как если бы он не знал, что находится на корабле. Суп способствует

продвижению корабля по курсу, но повару известны только проблемы супа, но никак не общий контекст.

Не так давно крестьянин, фермер и аристократ, лендлорд, решали одинаковые задачи управления угодьями и скотом, только в разных масштабах. Их представление о рациональности во многом совпадали. Всем нужна была хорошая погода, безопасность, рабы и рынок сбыта.

Сегодня узкие специалисты часто не имеют представления о том, частью какого целого является их работа.

Современный человек выглядит рациональным, поскольку институты моделируют каждый его шаг – но часто не понимает смысла этой рациональности. Так, некоторые попугаи умеют довольно точно воспроизводить человеческую речь, не понимая ее смысла. Как пророчески сказал Ницше, – и до сих пор во многих из вас осталось больше от обезьяны, чем в некоторых из обезьян.

Возникает иллюзия рационального человека, который на самом деле является дрессированным человеком. Замечу, что тут нет обвинительного пафоса в адрес капитализма или элит. Человек сам охотно передал себя в руки дрессировщиков, поскольку усилия по развитию индивидуального сознания – чтение, образование, культура – слишком обременительны. Уровень благосостояния западных людей и россиян, в том числе, вполне позволяет им оплатить развитие собственной личности.

Само включение мышления – это уже трудный процесс, а когда оно не развито, тем более трудный. Эту тему подробно разобрал нобелевский лауреат Даниель Канеман в книге «Быстрое и медленное мышление»²⁷.

Современный человек научился преимущественно не включать мышление на работе, так как достаточно исполнять стандартные инструкции. А во время отдыха и потребления – тем более предаваться биологической спонтанности.

Между тем, мышление, как и любой человеческий навык, атрофируется, если его не практиковать. Сама организация бизнес- и институциональных процессов в наше время часто не требует практики мышления, а только выполнения понятных алгоритмов. Это и делает весь процесс похожим на дрессировку. Но добровольно, в свободное время, люди тоже мышлением не интересуются. В итоге, возникает массовый человек, у которого последний опыт мышления был в школе – да и тот уже подзабылся.

Здесь возникает институциональная ловушка. **Дрессированный человек является продуктом институтов, но сам их порождать не может.** Вне институтов дрессированный человек может руководствоваться только понятными желаниями своего тела – что мы и наблюдаем как массовую практику.

²⁷ Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Macmillan. Note: unsuccessfully translated into Russian as "Think slowly, decide quickly", although it is precisely about fast and slow thinking, which is written in the original title

Если способности мышления атрофируются у масс, то они постепенно атрофируются и у элит. Я подробно это обсуждаю в четвертой части, в разделе «Деградация управления». Дети элит рождаются в той же культурной (или бескультурной) среде, смотрят те же фильмы, обожают тех же поп-идолов. Они не превращаются в великих инквизиторов, познавших тайны добра и зла. Им плевать на эти тайны, они любят попкорн и гламурную жизнь. Дональд Трамп завоевал любовь американских элит через шоу супермоделей и люксовую недвижимость, а не через умные книжки или научные открытия.

Пресловутые технократы – такая же часть этого общества, этих ценностей и норм. Это отлично показано в сериале «Карточный домик» про вашингтонскую бюрократию. Технократы хотят улучшить свое положение во власти, набить свой карман – но точно не работать за великого инквизитора, направлять человечество и познавать тайны добра и зла.

Западные элиты в конце 20-го века сделали ставку на Большого брата, абсолютные бизнес-процессы, которые моделируют каждый вздох массового человека. За пультом управления этим всем стоял элитный, коллективный Великий инквизитор.

А потом он куда-то ушел.

И общественный договор, и коллективный интеллект и действие еще не включают в себя, по умолчанию, возможности развития. Коллективный интеллект может содержать знания о прошлом опыте, и веками передавать из поколения в поколение одни и те же умения. Например, о том, как ловить рыбу и изготавливать первобытные орудия труда. Общественный договор, это, прежде всего, договор о порядке и ненападении, соблюдении «правил игры».

Модерн приносит в институты еще одну функцию, не следующую из других свойств институтов – это парадигмы развития, модернизации.

Парадигмы развития – это научные парадигмы знаний об окружающем мире и обществе. Чтобы превратить эти парадигмы в фактор развития общества, необходимо встроить их в социальные институты.

Парадигмы модерна включают в себя все недостатки рационального, научного мышления. Фундаментальное свойство научных знаний состоит в том, что они неполные. Они позволяют оптимизировать конкретный процесс, изменить объект в нужную сторону – но при этом мы не имеем ответов на все вопросы, не имеем полной научной картины мира. Новые открытия не столько опровергают прежние, сколько показывают грубость, упрощенность прежних знаний. Без полной научной картины мира мы не можем быть уверены в том, что наше вмешательство в живые системы не создает отложенных во времени негативных эффектов. На практике этим пренебрегают, даже если есть весомые основания предполагать такие отложенные эффекты. Потому что полезный результат получим мы и сейчас, а расплачиваться будут другие люди и потом. А может и вообще все обойдется, поскольку все живые системы имеют способности к самовосстановлению.

Научную парадигму необходимо встроить в естественные институты и социальные структуры, чтобы она начала действовать. С этим есть серьезные трудности. Во-первых, большинство людей в принципе не может понимать сути научных концепций, поскольку не имеет для этого необходимого образования. В последнее время такое понимание стало в принципе невозможным, поскольку образование узко специализировано, а научными парадигмами пронизаны все сферы нашей жизни. Даже если человек и имеет высшее образование по физике, он все равно не будет понимать инноваций в биологии или в социальных технологиях.

Во-вторых, сама научная парадигма основана на некоторых допущениях, включает пробелы знания, которыми для практических целей можно пренебречь.

Необходимо обеспечить коммуникацию, так сказать, «продать» научную парадигму обществу, чтобы она вошла в ткань институтов, социальных норм и коллективного сознания. Для этого с давних времен используется проверенное средство – мифология.

В плане мифотворчества, пожалуй, только 20-й век можно считать некоторым просветом и частичным освобождением от мифов. До этого сознание масс было преимущественно мифическим. И в наше время, похоже, что массы погружаются в мракобесие современных мифов, по своей тотальности не уступающее средневековью. В этом смысле метафора «Нового средневековья» Николая Бердяева²⁸ очень уместна. Жанр фэнтези, романы «Игры престолов» Джорджа Мартина или эпопея о мире Средиземья Дж.Р.Р. Толкиена, это истории про наше мракобесное будущее.

Миф эксплуатирует когнитивные искажения, оберегает психическую целостность, потребность в психологической защите. Миф драпирует пробелы и негативные экстерналии предлагаемого проекта и одновременно включает в себя мотивирующие установки, надежду на лучшее. Коммунизм – это не просто плановая экономика и увеличение социальных расходов, но и счастье всего человечества. Демократия – это свет миру и высшая ценность. Криптовалюты – это не просто вариация частных денег, помогающих теневому движению капитала, а это путь к лучшему миру, новой справедливой экономике и освобождению от диктатуры государств.

У общества все меньше возможностей для понимания современных инноваций и новых научных концепций – наука отрывается слишком далеко от индивидуального понимания. Тем больше растет значение мифологии. Еще в 1980-е годы мальчик хотел разобрать техническое устройство, чтобы узнать, что там внутри. В этом был некоторый смысл, потому что внутреннее устройство, например, игрушечной машинки могло включать моторчик, батарейки, проводки и прочую несложную механику, которую в целом можно было понять.

Сегодня идея что-то разобрать вряд ли даже придет в голову современному мальчику. Даже если бы он и разобрал смартфон, понять из этого все равно ничего нельзя.

Итак, миф практически всегда включен в парадигмы модерна, поскольку рациональное знание неполное, а обеспечивать коммуникацию с массами необходимо. Миф выполняет две роли: закрывает пробелы незнания и добавляет мотивирующую энергию.

Не столь важно, насколько точны сведения и знания, важно, что мы собираемся и хотим сделать, куда хотим двигаться. В философской

²⁸ Berdyayev, N. (2018). New Middle Ages. Ripol Classic.

терминологии, это концепция Шопенгауэра о воле и предназначении. Это кратко выражено в приписываемом кубинским революционерам лозунге «мужество знает цель».

Такой подход, справедлив он или нет, обычно встречает понимание у широких масс – если оформленные мифом цели находят отклик в сердцах и действительно мотивируют.

Политическим мифам придают какое-то метафизическое значение, о них много спорят политологи и философы. На мой взгляд, не надо искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Оторвать людей от привычной кормушки, мотивировать на какие-то действия, результата которых можно ожидать только в будущем – для этого нужна очень сильная мотивация. Доводы материалистического свойства всегда разбиваются об ответный довод «а мне и так неплохо». Это хорошо описано Генрихом Беллем в притче о том, как капиталист пытается убедить испанского рыбака наращивать масштабы производства²⁹.

Жизнь темна, скучна и полна ужаса. Людям не так интересно увеличить паек, а вот попытаться выйти за рамки всей этой предопределенности – интересно. И это похоже на Мцъри. Половина всего приключенческого кино и литературы за всю историю, от поисков чаши Грааля до Д'Артаньяна и Утреда Баббенбургского³⁰ – это вечная тема «превзойти себя», сделать невозможное, обрести свое высшее Я.

Поэтому к обещанию «здесь дом дадут хороший нам и ситный без пайка...» из известного стихотворения Маяковского³¹, обязательно должно быть добавлено, что еще мы построим мистический город-сад. Ради одного только дома и хлеба народные массы надрываться не станут.

Мифотворчество облегчается тем, что человеческая деятельность оформлена ключевыми сценариями, архетипами. Иоганну Гете приписывают фразу о том, что вся литература сводится к 30 основным сюжетам. В силу человеческой природы, нам все равно надо в течение жизни исполнять эти вечные сюжеты: совершать подвиги Геракла, искать себя, выбирать сторону в борьбе Добра и Зла. Карл Юнг называет это путем индивидуации.

В этом смысле, при дефиците рациональных знаний о конкретных аспектах института, этот дефицит всегда можно восполнить структурой типичных сценариев и архетипических сюжетов. И это, скорее всего, не будет большой ошибкой.

²⁹ Böll, Heinrich (1996). On the Decline of Labor Morality. Moscow: Artistic literature.

³⁰ Cornwell, B. (2015) The Last Kingdom. London: HarperCollins.

The Last Kingdom. TV Series. 2015–2022. Netflix.

³¹ Mayakovsky, V. (1929). Khrenov's story about Kuznetskstroy and the people of Kuznetsk. In "Mayakovsky. Poesy. Poems" (Eksmo, 2021).

Однако, со временем мифы превращаются в ловушку для самих мифотворцев. На начальном этапе миф часто сооружается по принципу «сначала ввяжемся в бой, а там посмотрим» - и это нравится сторонникам.

Но потом выясняется, что с мифом перемудрили или насочиняли такого волшебства, которое потом не выдерживает никакого сравнения с реальностью. А к этому времени парадигма уже успевает окаменеть, превратиться в институты. Так происходило с религиозными учениями, куда священники добавляли все больше и больше волшебства, по собственному усмотрению. И потом, к 19-му веку, все это очень плохо соотносилось с рациональным знанием.

Лозунг большевиков «землю – крестьянам» очень вдохновляюще звучал в ходе Гражданской войны, однако затем трудно было объяснить, почему никакой земли крестьяне не получили, а при Хрущеве лишились еще и права вести подсобное хозяйство.

Современная политика спектакля уже в повседневном режиме производит мифы, поскольку объяснить среднему гражданину реальное устройство институтов власти, проблем управления, вызовов и стратегий – в принципе невозможно.

Рано или поздно, созданные на основе научных парадигм институты начинают выдавать ошибки. Это связано с изначальной неполнотой научного знания, его устареванием. Эту проблему можно считать первородным грехом всех институтов модерна. Они обречены выдавать ошибки, и часто накопление этих ошибок со временем ведет к краху института. Создатели же институтов модерна обычно руководствуются гордыней, прямо как в притче о Вавилонской башне, и никаких ошибок за собой не признают. Тем более болезненным оказывается кризис и обрушение институтов. Институты модерна снова и снова повторяют сюжет Вавилонской башни.

Применение мифологии при внедрении новых институтов тоже каждый раз требует расплаты. Рано или поздно общество узнает, что ему лгали. Часто эти мифы представляются как высокие ценности – и тем сильнее разочарование общества. И это еще больше способствует краху института.

Следовало бы внедрять институты модернизации более осторожно, принимая во внимание будущие негативные экстерналии. Без миссионерского угара, когда создатели новых институтов каждый раз объявляют себя мессиями и спасителями всего человечества, в этом трудном деле, видимо, не обойтись. Тем более надо лучше продумывать последствия, чтобы за победами каждый раз не открывалась зияющая пустота.

1.7 | ДИСЦИПЛИНАРНАЯ РОЛЬ ИНСТИТУТОВ

Обозначенные выше функции институтов – общественный договор, коллективное действие, рационализация мотиваций, модернизация – не работали бы без возможностей принуждения, дисциплинирования участников.

В либеральном сообществе, особенно в США, популярно самовнушение о том, что граждане нанимают себе государство, а также формируют с помощью демократии добровольный общественный договор. Эта концепция идет в ногу с современными тенденциями биоцентризма и квадроберства. Так, британские зоопсихологи доказали, что коты считают себя главными в доме, а находящиеся там люди нужны, чтобы служить котам. Либеральное убеждение о том, что граждане наняли себе государство, имеет похожую логику.

Государство – это общественный договор не только между гражданами, но и между элитами, корпорациями. Государственные институты осуществляют модернизацию, которая не является следствием договора между фермером Биллом и поваром Томом. Подробнее о реальных источниках государства и его противоречивых функциях речь пойдет ниже, в главе 1.11.

Общественный договор естественным образом требует принуждения, отсюда и возникает демократия, как власть большинства. Самый типичный в человеческих обществах тоталитаризм – это не власть диктаторов, а власть норм, насаждаемых большинством меньшинству. Большинство может быть даже не численным, то есть составлять не 51% населения, а представлять просто самую большую группу из всех сплоченных меньшинств.

Шериф в США выдвигался местным сообществом, чтобы принуждать к исполнению закона, а не назначался верховной властью. До сих пор масса фильмов и историй обсуждают бытовой авторитаризм «одноэтажной Америки» в отношении норм и правил поведения, семьи, внешнего вида дома и т.д.

Модернизация и коллективное действие, то есть сама суть большинства современных институтов и корпораций – невозможна без принудительной, воспитательной рационализации мотиваций. Школа это безусловно полезный и интересный, но также и принудительный социальный институт. Школа готовит граждан к способности соблюдать общественный договор, исполнять роли, отведенные им институтами модерна.

Концепцию дисциплинарного западного общества связывают обычно с работами Мишеля Фуко, такими как «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»³² и «История безумия в классическую эпоху»³³.

Рассуждения Фуко внесли в западный дискурс представление о дисциплинарной роли государства. До этого считалось, что со времен буржуазных революций в Европе государство и общество уверенными шагами движется только в сторону освобождения и прав человека. Мишель Фуко на примере дисциплинарных институтов (тюрьма, психические больницы) показал, что модернизация требует и «изготовления» человека, пригодного для модерна. Государство моделирует поведение человека, в том числе путем наказаний и исправлений.

Мне представляется вся эта философия несколько избыточной, потому что на самом деле дисциплинарная роль власти самоочевидна. Надо было долго пропагандировать якобы полный либерализм и неминуемое торжество свободы, чтобы потом пришел философ и объявил революционную мысль о том, что любое государство дисциплинирует и принуждает.

По-видимому, большинство философов никогда не работали на заводе. Если бы они это сделали, вопрос о роли дисциплины не казался бы им философской проблемой. Дисциплина и принуждение — это первая обязанность любого начальника и всей заводской иерархии. Почему же это должно отличаться для государства, элита которого — это самое высшее начальство всех заводов, корпораций и прочих организаций вместе.

В России есть опыт предоставления населению демократической свободы в 1991 году. В результате торжества свободы, население первым делом отменило государство и ввергло страну в хаос разрушения промышленности. На философском уровне, эту ситуацию охарактеризовал начальник цеха Череповецкого металлургического завода. Он сформулировал свой заочный ответ Мишелю Фуко в известной максиме: «потеряли все полимеры — воздух свободы в одном месте зачекотал».

С философской точки зрения, Фуко указывает на неоднозначность самой концепции психической ненормальности — поскольку доктор, администратор, то есть представитель государства, заявляет, что он лучше знает, каким должен быть человек, чем сам этот человек.

Это действительно важное наблюдение. Оно показывает системную проблему модернизации. Модернизация не выводится из желаний масс. Совершенно наоборот, описанное Ортегой-и-Гассетом «Восстание масс»³⁴ имеет тенденцию к разрушению, отмене модерна. Поэтому и демократия рано или поздно становится антимодернистской — что и происходит сейчас

³² Foucault, M. (1975). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Gallimard.

³³ Foucault, M. (1961). *Madness and Unreason: A History of Madness in the Classical Age*. Paris: Librarie Plon.

³⁴ Gasset, Jose Ortega Y. (1930). *The Revolt of the Masses*. El Sol.

на Западе. Модернизация только временно совпадала со стремлением масс к свободе, пока это было прогрессивным для своего времени явлением. Модернизация опирается на прогрессивные силы, которые в каждую эпоху разные. Эту проблему я подробно рассматриваю в отдельной книге, посвященной модернизации институтов.

Специалисты по менеджменту относятся к дисциплинарной роли институтов гораздо с большим пониманием, чем представители французской богемы. Английский профессор менеджмента Джеффри Ходжсон пишет: "как правило, институты обеспечивают упорядоченность мышления, ожиданий и действий, навязывая форму и последовательность человеческой деятельности"³⁵.

Постановка проблемы дисциплины, только как воздействия государства, тоже не совсем правомерна. Трудолюбие и достижение целей основано, прежде всего, на самодисциплине, а не только на внешней дисциплине. Самодисциплина может быть привычкой, но она действует не только из-под палки, но и добровольно, для достижения своих целей. Общество так же точно обладает самодисциплиной, которая реализуется через дисциплинированное коллективное действие и общественный договор.

Макс Вебер определил особую роль протестантской этики, которая способствовала трудолюбию, бережливости и в целом развитию капитализма³⁶. Протестантская этика — это, в сущности, сетевой институт дисциплинирования обществом своих членов.

Государство не обязательно насаждает дисциплину, как тоталитарный институт. **Государство может становиться оператором общественной дисциплины** так же, как оно стало оператором общественных фондов (медицинского, пенсионного страхования и т.п.).

Механизм дисциплины в каждом случае складывается по-разному. Европейская дисциплинарная система выросла, видимо, из модели государства, как «стационарного бандита». Эту концепцию развил Мансур Олсон в книге «Восхождение и упадок наций»³⁷.

Феодалы и короли были заинтересованы в поддержании порядка на своей территории. Далее оказалось, что институты модернизации, школа, корпорации, законы помогают обеспечению такого порядка. Именно так вырос тотальный порядок, тогда как до модернизации власть феодалов была похожа на бандитскую крышу, собирающую дань, обеспечивающую защиту от других бандитов и не более того. Мишель Фуко отмечал, что роль государства как такой «крыши» не требовала модернизации жизни и труда населения — школ, дисциплинарных институтов, правопорядка и т.п. Это и

³⁵ Hodgson, G. M. (2006). *Economics in the Shadows of Darwin and Marx: essays on institutional and evolutionary themes*. Edward Elgar Publishing.

³⁶ Weber, M. (1930). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Allen and Unwin.

³⁷ Olson, M. (1982). *The Rise and Fall of Nations*. New Haven, Yale University Press.

сейчас можно наблюдать в странах третьего мира, с неофеодальным укладом, — школьное образование платное, полиция почти не действует, общественной медицины нет и т.п.

Короли и феодалы вступили в естественный союз с институтами модернизации. Эти институты и корпорации предоставили королям значительный рост технических, военных и экономических возможностей, а короли предоставили этим институтам свою способность к принудительному дисциплинированию. Конструкция такого сотрудничества была наглядно представлена и в фашистских корпоративных государствах.

Однако, не надо думать, что принудительное дисциплинирование — это архаическое свойство естественных институтов, монархических или феодальных. Это ключевое свойство сколь-либо цивилизованных социальных институтов, без которого институты модерна вообще не работают. Социальные революции последних веков, свержение монархий, народные движения и гражданское общество довольно быстро в итоге порождали новую иерархию власти. А та, в свою очередь, насаждала дисциплинарную систему, регламентирующую образ жизни граждан. Основная причина в том, что именно дисциплинарная система обеспечивает слаженное функционирование сложных социальных институтов.

Как и любые инструменты управления, дисциплинарная система отражает господствующий уклад в экономике и обществе. В эпоху монархий господствовала военная аристократия, и дисциплинарная система имела черты военной организации. В 20-м веке, в эпоху промышленной экономики материального производства дисциплинарная система была построена по принципу завода, корпорации.

В конце 20-го века, с развитием постиндустриальной, информационной экономики, экономики знаний, преобладающим способом дисциплинирования стали манипуляции сознанием и контроль над мышлением. Теме манипуляций сознанием посвящен ряд исследований — например, масштабная книга С.Г. Кара Мурзы «Манипуляции сознанием»³⁸. Тему управления через контроль сознания иронически, но очень точно описывает Роберт Шекли в повести «Цивилизация статуса»³⁹.

Фактически речь идет о применении обозначенной еще Фрейдом модели ментального «Надсмотрщика», Сверх-Я, который устанавливается в детстве через механизмы культуры и воспитания. В повести Роберта Шекли член общества будущего был ментально запрограммирован таким образом, чтобы самому доносить на себя самого, в случае нарушения закона.

Об этой же модели ментального Надсмотрщика написан выдающийся роман Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»⁴⁰. В этом произведении

³⁸ Kara-Murza, S. G. (2000). Manipulation of consciousness. Algorithm.

³⁹ Sheckley, R. (1960). The Status Civilization. Amazing Science Fiction Stories.

⁴⁰ Kesey, K. (1962). One Flew Over the Cuckoo's Nest. Viking Press.

начальство психиатрической больницы управляет больными путем внушения представления об их полной беспомощности и безнадежности.

В психиатрическую лечебницу попадают люди, так или иначе не встроившиеся в институциональные ячейки дисциплинарного общества, — и потому они объявляются опасными для общества и подлежат лоботомии или другому принудительному лечению. В результате этого лечения они теряют свою человеческую личность, собственные мотивы, но зато становятся удобными для общества.

Это произведение имеет справедливый гуманистический пафос, но из этой проблемы делали и делают совершенно ложные выводы. Это произведение стало одним из важных в революции 1968-го года, предложившей освобождение от диктата дисциплинарного общества, возврат к спонтанности человеческой личности, под лозунгами «секс, наркотики и рок-н-ролл». В сущности, такие лозунги стали возможны только потому, что дисциплинарное общество порождало большой профицит доходов и могло позволить себе кормить тунеядцев. Британский историк Эрик Хобсбаум приводил пример, как студенты в Германии, в 1970-е гг., устроили автопробег в знак демонстрации протеста. Они даже не осознавали при этом, насколько они богаты и благополучны, отмечал Хобсбаум, — поскольку, будучи еще студентами, уже могли иметь автомобили и пользоваться ими не для работы, а для выражения политических требований⁴¹. В Китае в эти годы велосипед еще был знаком состоятельности семьи и солидным приданным перед свадьбой.

Проблема, обозначенная в романе «Над гнездом кукушки», — это, прежде всего, проблема ограниченного рационального знания. Главная проблема не в диктатуре капитала, одноэтажной Америки или управлении Сталина, который заставляет всех делать скучную и тяжелую работу на заводе. Главная проблема в том, что рациональное знание и общественная организация не позволяют безболезненно встроить спонтанные человеческие мотивации в экономический процесс.

Пока что в развитых странах нашли гуманное решение — откупиться от таких людей пособиями по безработице и совокупным социальным велфером: дети, живущие у родителей до 30 лет, вечные студенты, эксперименты с безусловным доходом и т.п.

Системный характер этого противоречия обозначен еще Фрейдом в книге «Неудовлетворенность культурой»⁴². Спонтанные мотивации человека в духе Мидыри в принципе не встраиваются в институты цивилизации, модерна — и

⁴¹ Hobsbawm, E. (1994). The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. Vintage Books.

⁴² Freud, S. (2015). Civilization and its discontents. Broadview Press. Original: Freud, S. (1930). Das Unbehagen in der Kultur. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.

поэтому человек всегда вынужден подавлять свои мотивы и быть не вполне счастливым.

По существу, в наше время, эта проблема не решилась, а только усугубилась. Экономика знаний, автоматизированные рабочие места предъявляют все более высокие требования к дисциплине, компетенциям, постоянному обновлению образования. Живые человеческие мотивы были даже более осуществимы, когда человек работал руками на природе. Работа фермера или строителя и сегодня остается более близкой к природе, живой и разнообразной, чем, например, работа программиста или оператора промышленного оборудования.

Противоречие не решается по существу, а решается только вымещением все большего числа граждан из реальных трудящихся в зону распределения велфера.

В последнее время пафос протеста против дисциплинарных институтов превращен практически в главную идею неолиберализма. Если раньше осуждались дисциплинарные методы Сталина и Мао Цзэдуна, то сейчас тоталитарными считаются усилия уже любого корпоративного начальника.

Эта революция инфантильности, по существу, может оплачиваться только избытками велфера. А избытки велфера возникают вследствие накопленной эффективности самого же дисциплинарного общества. Пока адептов «секса, наркотиков и рок-н-ролла» меньше, чем традиционных трудящихся, эти трудящиеся могут оплатить их неолиберальные ценности, чтобы не мешали работать.

Но поскольку инфантильность очень заманчива, и инфантилов становится все больше, то велфера начинает не хватать. Например, проблема европейской пенсионной системы не только в том, что слишком много людей постарели, но и в том, что пенсии слишком высокие. Высокие они потому, что над европейским мышлением довлеет коммунистический императив – «каждому по потребностям». Хотя пенсионная система Европы в нынешнем виде неизбежно лопнет, это не мешает страстно обсуждать ее расширение в виде безусловного базового дохода.

В обсуждениях безусловного базового дохода допущена фундаментальная ошибка. Считается, что, раз автоматизированные производства могут производить все больше благ, при этом все менее нуждаясь в труде – то вот как бы и наступил коммунизм. Теперь можно не работать, но при этом получать все блага.

На самом деле, во-первых, если нет платежеспособного спроса, нет мотивации производить. Во-вторых, за институтами и роботами стоят люди. А как мы уже обсуждали выше, великие инквизиторы не умеют самовоспроизводиться. Из общества киберпанка может вырасти феодальная элита киберпанка, но не высокообразованные, гуманистические, мотивированные руководители. И в-третьих, такое общество крайне уязвимо

к любой внешней и внутренней агрессии. Как говорит С.Е. Кургинян, «это общество ням-ням зарежет один волк».

Все это происходит уже сейчас: никакого профицита велфера для масс вся эта автоматизация промышленности не предлагает. Уровень жизни среднего класса в США и ЕС постепенно снижается.

Дефицит велфера, в котором так нуждаются инфантилы, может решаться только одним способом – наращиванием долгов. Рассогласование спроса и предложения, а также парадигма инфантильности, принятая за ценность, заставляет США и ЕС печатать деньги и наращивать долги.

Долговая пирамида безусловно рухнет и экономики США и ЕС придется приводить в сбалансированное состояние на более низком уровне реальных доходов. Однако, это еще не решит проблемы выпущенного из бутылки джина массовой инфантильности. При сетевой организации большинства современных институтов, не понятно, кто возьмет на себя задачи дисциплинирования общества, даже если власть этого захочет. Иерархические крупные корпорации охватывают не более 20% трудящихся в Европе и США. Сетевые же институты не могут решать задачи дисциплинирования, так как это системная задача воспитания, насаждения единых социальных норм, длительного моделирования трудового поведения. А сетевые институты разобщены, каждый затрагивает какой-то один аспект жизни общества.

Именно это, а не экономические проблемы, обещает Европе и США довольно неприятное социальное будущее, все более похожее на антиутопии о киберпанке.

В этой главе мы затронули **важнейшее противоречие** современности. Это необходимость сочетать дисциплинарную функцию институтов и их открытый, инклюзивный характер.

Дисциплинарная функция, вместе с естественным монополистическим положением государственной власти, с очень высокой вероятностью порождает авторитарные и тоталитарные формы управления. Нам хорошо известно из истории многих стран, например, Германии и Италии после первой мировой войны, что общество само начинает требовать «твердой руки». Цивилизованное общество хорошо чувствует дефицит дисциплины, порядка на макроуровне и требует его вернуть.

Но где тут грань перехода от дисциплины к авторитаризму? Либералы середины 20-го века, такие как Фридрих Хайек, требовали всячески уменьшить роль государства, видя в его институтах неизбежный потенциал авторитаризма. И это было реализовано через серию либеральных реформ в Европе и США, а затем и в России. Но этот отказ от государственного регулирования привел к появлению перманентного хаоса, современного социального киберпанка, жидкого общества. И теперь это не совместимо со сложными технологиями и конкурентоспособностью на мировом рынке.

Необходимо искать инструменты, которые сохраняют дисциплинирующую, цивилизующую роль институтов, и вместе с тем защитят их открытый, инклюзивный характер. В институты модерна должна быть встроена защита от превращения их в тоталитарные, закрытые институты. Как показал опыт последних десятилетий, демократии и разделения ветвей власти для этого недостаточно.

Теорию социального научения связывают с именем Альберта Бандуры, опубликовавшего одноименную книгу в 1969 году⁴³ и в дальнейшем, развивавшем теорию вместе с последователями. Основная идея состоит в том, что люди обучаются через копирование поведения других людей. Это давно и хорошо известно в педагогике. В частности, Антон Макаренко в «Книге для родителей»⁴⁴ обращал внимание на то, что дети следуют не воспитательным указаниям родителей, а копируют их поведение, как есть.

Таким образом, общение между людьми выполняет как минимум две разные задачи. Одна задача – это передача информации, в том числе через формальное обучение. Другая задача общения – это взаимная настройка и копирование.

Первая задача, формальная передача информации, связана с интеллектом в обычном понимании (абстрактный, словесно-логический, и так далее). Вторая задача связана с эмоциональным или социальным интеллектом. Эмоциональный или социальный интеллект, строго говоря, не является интеллектом в традиционном смысле. Он не является разумом в философском смысле, поскольку эмоциональное понимание и групповые формы поведения высоко развиты и у многих животных. Тогда как разумом обычно называют те особенности, которые как раз отличают людей от животных.

Хотя номинально при общении люди делятся информацией, в особенности в процессе образования, в действительности роль информации в моделировании поведения невелика. Основная функция общения – копирование поведения, распределение ролей, настройка на «одну волну».

Фактически, роль информации в общении растет по мере роста уровня образования. Чем выше образование, тем больше человек воспринимает информацию, а не выполняет только социальное копирование или эмоциональную подстройку.

Поэтому, в частности, после удаленной работы во время эпидемии Ковид большинство компаний вынуждены были вернуть сотрудников в офисы, хотя

⁴³ Bandura, A. (1969). Social-learning theory of identificatory processes. In D. A. Goslin (Ed.), Handbook of socialization theory and research (pp. 213-262). Rand McNally & Company.

Bandura, A. (1969). Principles of Behavior Modification. New York: Holt, Rinehart & Winston.

⁴⁴ Makarenko A.S., Makarenko G.S. (1937). Book for parents. Moscow-Leningrad: Artistic Literature.

это не очень комфортно сотрудникам и дорого для самих компаний. Удаленная работа позволяла обмениваться информацией, однако выяснилось, что реальной коммуникации, слагивания при этом не происходит. Это связано как раз с тем, что основная роль общения – социальное копирование, внушение, а не передача информации. Социальное научение осуществляется при помощи эмоциональных сигналов, то есть так называемого эмоционального интеллекта.

Успешно работают удаленно только компании когнитивных отраслей, где высоко образованные профессионалы привыкли обучаться через информацию, а не через социальное копирование. Еще можно отметить компании, имеющие, наоборот, очень простые для исполнителей и точно формализованные процессы. В этом случае почти не нужно научение. Это относится к таксистам, курьерам и т.п.

Тема эмоционального интеллекта и группового поведения подробно изучена социальными биологами. Социальные биологи изучают коллективное поведение животных, например, обезьян, и выявляют много черт и паттернов их поведения, слишком похожих на человеческое групповое поведение. Эта тема рассмотрена, например, в книге Марка Эрлса «Стадо. Как изменить массовое поведение, используя энергию подлинной человеческой природы»⁴⁵. Этой же теме посвящена известная книга Элиотта Аронсона «Общественное животное»⁴⁶.

Приведу пример того, как две функции – передача информации и взаимонастройка на уровне эмоциональных сигналов сосуществуют на практике. Когда вы пытаетесь объяснить сколь-либо сложную информацию представителю молодого поколения, например, 20+ лет, этот представитель обычно молчаливо кивает и соглашается, с умным видом. Позже выясняется, что он не понял и не запомнил вообще ничего из того, о чем вы говорили. Однако, этот молодой человек в каком-то смысле понимал – в смысле настройки на одну волну и распределения социальных ролей. Понимал, что в данном вопросе присутствует некая сложность; что вы берете на себя роль авторитета в этом вопросе; и ему проще и выгоднее будет с этой вашей ролью согласиться.

Эту модель понимания, состоящую из эклектичных обрывков информации и социального копирования Абраам Молль назвал мозаичной культурой. В книге «Социодинамика культуры» он пишет, что «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану

⁴⁵ Earls, M. (2009). Herd: how to change mass behaviour by harnessing our true nature. John Wiley & Sons.

⁴⁶ Elliot, A. (1972). The Social Animal. San Francisco: W.H. Freeman & Company.

знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования»⁴⁷.

Чем более образованы люди, тем больше информации они могут воспринять и интерпретировать. Но большинство людей не обладают высоким уровнем знаний. Даже хорошо образованные люди в наше время – это чаще всего узкие специалисты, то есть не владеют знаниями в большинстве других дисциплин. Поэтому роль социального научения только возрастает, невзирая на, казалось бы, избытки доступной информации в медиа и интернете.

Отсюда возникает **особая роль такого института, как социальные нормы**, поскольку именно они регулируют процессы социального научения.

Поскольку институты — это именно правила игры, формальные и неформальные, очевидно, что правила должны быть одинаковыми для всех. Например, законы Российской Федерации подробно записаны в десятке кодексов, каждый по тысяче страниц, и еще в бесчисленном множестве нормативных актов и регламентов. Разумеется, граждане не читали даже тысячной доли этих норм, - хотя вроде бы эти нормы регулируют всю нашу повседневную жизнь, общественный договор и правила игры. Даже профессиональные юристы сегодня хорошо знают только свою основную отрасль права, тогда как этих отраслей десятки.

Как же передать одинаковые правила всем членам общества, если информация не является доминирующим способом передачи правил игры?

Способ один – через общие для всех социальные нормы.

⁴⁷ Moles, A. A. (1967). Sociodynamics of Culture (in the original: Sociodynamique de la Culture). Paris : Mouton.

1.9 | ИНСТИТУТЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

Институционалисты выделяют формальные институты — это законы и другие официальные и писанные нормы. И неформальные институты — неписанные устойчивые правила, «понятия», common law.

На практике же, для большинства населения, и формальные, и неформальные институты понимаются в той мере, в которой они выражены через «понятия», common law.

Понятия это и есть адаптация писанных законов и сложившихся практик, то есть всех институтов вместе, на уровень социального научения. Понятия передаются через копирование поведения, а не через интеллектуальный образовательный процесс. Поэтому самый необразованный и безграмотный крестьянин в Африке или уголовник в России знает правила своего социального слоя, хотя мог никогда ничему не учиться.

Социальные нормы — это и исполняемые обществом на практике правила, и способ передачи знаний об институтах, путем взаимного копирования, социального научения.

Очевидно, что социальные нормы как способ обучения имеет очень ограниченные возможности. Возникает упрощение социальных норм — до уровня понятного всем, и до уровня, пригодного к копированию без понимания содержания. Поэтому, в частности, массовая мода и другие вкусы и нормы поведения равняются скорее на низкий, а не на средний уровень. Подобным образом, учитель вынужден ориентироваться на самых слабых учеников в классе.

Как уже отмечалось, это обусловлено единством социальной нормы для всех. Правила игры не могут исключить обширные нижние классы. В этом состоит важнейшая социальная проблема неравенства. При обширных бедных классах, все общество вынуждено ориентироваться на социальные нормы неблагополучных слоев населения. У нас еще недавно вся страна с упоением пела песни уголовников — это и есть перенос социальных норм нижних классов на всех. В Юго-Восточной Азии дворцы богатых людей соседствуют с лачугами бедняков. Но отгородившись забором, богачи не решают для себя и своих детей проблемы заразных болезней, преступности и наркомании. Конечно, богатые социальные страты в такой ситуации стараются по возможности замкнуться в своей среде, но полностью сделать это невозможно. Пересечение социальных норм неизбежно возникает.

Поэтому формирование массового, преобладающего среднего класса, действительно, было благотворным социальным явлением на Западе. Он

распространил социальные нормы благополучного, зажиточного мещанства на все общество. В России, к счастью, мы во многом идем тем социальным путем, который Европа и США проходили в 1950-80-е гг. И мы можем наблюдать, как с ростом среднего класса поведение по всей стране в среднем стало благодушным, не агрессивным. Тогда как еще недавно, в 1990-е и 00-е гг. бытовая агрессия была преобладающей нормой.

Часто тотальность социальных норм приписывают коллективизму, отсутствию демократии, авторитаризму. На самом деле тотальность социальных норм – это их естественное свойство, обусловленное задачей социального научения и координации в рамках единых для всех правил игры.

Социальные нормы тотальны и при авторитарных режимах, и при демократии. Большинство социальных норм, против которых восставали гуманисты 19-го века – это социальные нормы общины, а не правила, насажденные властью.

Дуглас Норт описывает пример Александра Гамильтона, одного из отцов-основателей США, который был вызван на дуэль. Гамильтон понимал, что дуэль — это предрассудок и пережиток феодальной эпохи, и что просвещенный человек не должен себя подвергать такому риску. Тем не менее, он не мог отказаться от дуэли, поскольку это означало бы позор в рамках своей социальной страты (аристократии). На этой дуэли он был убит.

В 20-м веке в культуре уделено большое внимание диктатуре буржуазных социальных норм. Это, в частности, вся тема «одноэтажной Америки» - тоталитарная мещанская добропорядочность, не терпящая отклонений от нормы.

В 19-м веке такой же тотальной в США и Европе была религиозная мораль, регулирующая правила бытового поведения - запрет на алкоголь, добрачные связи, требование соблюдения церковных ритуалов и т.п. Все это тоже поддерживалась самими общинами.

В наше время в США жители одноэтажных улиц обязаны поддерживать стандарты внешнего облика дома и палисадника, убирать мусор – иначе получают значительные штрафы. Это саморегуляция общины, а не государственное принуждение. Аналогичным образом саморегулируются многие бизнесы в рамках отраслевых объединений, вступление в которые носит как бы добровольный характер (но невступление делает ведение бизнеса практически невозможным в этой отрасли).

Диктатура социальной нормы связана и с необходимостью обеспечить единое коллективное действие. Оптимизация, модернизация достигаются именно в процессе слаженного действия масс. Это коллективное действие не обязательно должно быть организовано иерархически – оно может быть организовано и сетевыми институтами, например, рыночной экономики. Но так или иначе, общество должно принять одни правила игры и двигаться в одном направлении. Или мы строим коммунизм, или капитализм. Если половина общества строит капитализм, а другая половина ведет против него

перманентную революцию, по Троцкому, - то возникает эффект «лебеда, рака и щуки». Что-то подобное и происходит сейчас в США и Европе.

Осуждаемая современными марксистами диктатура потребительского капитализма служит не только интересам капитала. Это и общественный договор о способе организации производства и потребления. Пошлая мода, реклама, навязчивые потребительские стандарты, — это способ обеспечить масштабы конвейерного производства. Которые, в свою очередь, удешевляют товары и дают нам всем рабочие места с хорошей зарплатой. Большинство протестов против этой модели носят инфантильный характер: оставьте все плюсы, но уберите все минусы этой системы. Такого быть не может — и поэтому социальная норма подавляет эти протесты. Если вы хотите дальше получать американскую зарплату, то вы будете покупать третий автомобиль, брать вечную ипотеку на ненужный дом с бассейном, то есть исполнять правила игры.

Либералы, сторонники открытого общества, постоянно указывали на недостатки этих подавляющих социальных норм — даже если они насаждались самим же обществом, а не государством. Но, по существу, они не смогли предложить никаких рецептов для этой проблемы. Любимый рецепт либералов — уменьшить роль государства и усилить демократию. Однако, диктатура мещанских норм — это как раз демократический, рыночный, самоорганизованный процесс.

Общественный договор мог бы быть более диверсифицированным, гибким, если бы люди больше пользовались информацией и знанием, чем социальным копированием. Но большинство людей не способны понимать сложную информацию. А в наше время, с утратой практики регулярного чтения текстов, это неспособное к освоению знаний большинство стало стремительно приближаться к 99% населения. Работа со знаниями превратилась в узкую специализацию тех, кому за это платят на основном рабочем месте. В этих условиях, тем более, нормы передаются через социальное копирование, а не через сложные информационные конструкции. И поэтому современная социальная организация приобретает все более примитивные формы.

Значение социальной нормы и научения настолько велики, что они инкорпорируются в тело человека. Это **концепция габитуса**, разработанная французским социологом Пьером Бурдьё⁴⁸. Будучи встроенными в тело, социальные нормы формируют устойчивые модели поведения, эмоции, влияют на высшие психические функции.

В исторические эпохи сословий разница в теле была очевидна. Этим антропологическим отличиям посвящено множество научных исследований. Господа выглядят как утонченные аристократы, - они стройны, имеют тонкие

⁴⁸ Bourdieu, P. (1977). Outline of a Theory of Practice. Cambridge University Press.

черты лица, тонкие кости, длинные пальцы. Крестьяне приземистые, ширококостные, с грубыми чертами лица.

Там, где сословия сохранились до сих пор – например, в Индии, некоторых странах Юго-Восточной Азии, эти отличия явно заметны и сейчас. В современной южной Азии до сих пор заметна наследственная дистрофия у сельских жителей, как следствие голодавших поколений. А господа и сейчас выглядят, как господа, как будто с фотографий 19-го века.

Мы и в России легко можем определить по силуэту – идет ли это духовно богатая барышня с высшим образованием или продавщица из магазина Красное и Белое.

Габитус подчеркивает тот факт, что социальные модели передаются путем физического копирования, на телесном и эмоциональном уровне. Это дополнительно объясняет силу «эффекта колеи» - институциональной ловушки инерции. Дворяне ведут себя как дворяне, даже когда дворянство уже отменено и высокие нравы уже не соответствуют времени – об этом великие романы Булгакова «Белая гвардия» и «Бег». Рабочие и служащие продолжали работать в 1990-е гг. и при невыплатах зарплат, и при явном разграблении предприятий новыми собственниками – потому что так еще были настроены советские люди и социальные нормы.

Уже в 19-м веке власть осознавала дисциплинирующую и подчиняющую силу социальной нормы, поэтому вступала в прочный союз с церковью и поддерживала другие нормы и обычаи. В 20-м веке это переросло в конструирование социальной нормы.

Именно в этом состоит, в частности, феномен массовой лояльности населения фашизму, готовности умирать за вождя и за явно губительную, черную идеологию. Эта лояльность достигалась именно за счет формирования социальной нормы, нормальности фашизма. Пропаганда это лишь часть поддержания социальной нормы. Все объяснения нацистских преступников впоследствии сводились именно к этому: человек просто делал свою работу, в рамках инструкций, общественного одобрения, в общем, как все.

Фашисты вообще себя считали моральными людьми, немецкое общество в 1930-40-е годы в целом было мещанско-добропорядочным. Это хорошо показано, например, в романах Генриха Белля, который сам прошел вторую мировую войну в вермахте.

Эта проблема приобрела широкую известность, благодаря книге Ханны Арендт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме»⁴⁹, посвященной судебному процессу над высокопоставленным нацистским преступником Адольфом Эйхманом. Эйхман, один из ключевых организаторов геноцида евреев, Холокоста, вел себя как заурядный бюрократ, скучный обыватель, «винтик системы».

⁴⁹ Arendt, H. (1963). *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. Viking Press.

Не надо думать, что с победой над фашизмом общество преодолело конструирование властью социальных норм. Наоборот, этот способ вдохновил политтехнологов и власти во всем мире, и на Западе особенно. Начались изощренные манипуляции сознанием. Эта тема подробно описана в большой книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляции сознанием»⁵⁰.

К счастью, как и в случае с фашизмом, большинство таких мрачных и античеловеческих технологий имеют тенденцию уничтожать себя сами, то есть пилить сук, на котором сидят. Немецкий фашизм в значительной степени сам способствовал своему разрушению, поскольку его античеловеческая идеология выпустила джина взаимной ненависти, войны всех против всех. Характерно, что на жизнь Гитлера было совершено более 20 покушений. Социальная динамика фашистской элиты, разгорание взаимной ненависти, показана в фильме «Гибель богов» Висконси.

Технологии манипуляций сознанием, в пределе, могли создать мир «1984»⁵¹ - о чем Оруэлл и предупреждал еще в 1940-е годы, после войны. Но эти технологии быстро уперлись в проблему конкуренции между собой. Социальная норма как средство манипуляции обществом удобна, только пока она тотальна.

Когда сотни политтехнологов насаждают разные социальные нормы, а наперегонки с ними за влияние на сознание борются еще рекламщики, возникает информационно-смысловой мусор, дезориентация, отторжение, но не манипуляция массовым поведением.

В этом и состоит феномен социальных норм 21-го века – они существенно испорчены многочисленными политическими и рекламными вмешательствами. Каждое из этих вмешательств не достигает своей цели взять под контроль формирование общей социальной нормы, но мешает сформировать рациональные и полезные нормы.

Распад медийного пространства на тысячи мелких аудиторий, эффект эхо-камеры – это попытки взять под контроль хотя бы небольшую аудиторию. Но претендентов на такой контроль слишком много, и никакого тотального внушения не получается.

В британском сериале «Черное зеркало» показаны примеры манипуляции массовым поведением через информационные воздействия. Такие манипуляции срабатывают, как точечная провокация, обычно негативного, разрушительного характера. Все это было реализовано и на практике – в ходе цветных революций в ближневосточном регионе, для разжигания национальной или религиозной ненависти в других регионах. Запускались реалистичные видео ролики, показывавшие будто бы убийства невинных мусульман / индуистов / национальных меньшинств. И в ответ на тщательно распространенный фейк начинались уже настоящие массовые погромы.

⁵⁰ Kara-Murza, S. G. (2000). Manipulation of consciousness. Algorithm.

⁵¹ Orwell, G. (1949). Nineteen Eighty-Four. London: Secker & Warburg.

Такие методы работают – но они работают только как красная тряпка для быка – чтобы сделать гадость, разжечь конфликт. Макроуправлением это назвать нельзя. Управление подразумевает моделирование созидательных массовых усилий. А злобные интриги все-таки остаются очень второстепенной, хотя и неотъемлемой частью управления. В реальной жизни, может быть, и приятно нагадить всем соседям, но обычно это игра типа проиграть-проиграть. Плохо в итоге станет всем. Разворачивание такой игры убедительно показано Джорджем Мартиным в «Игре престолов», особенно на примере Серсеи Ланнистер и Мизинца. Игра «обмани и обворуй» хороша, только пока богатые соседи численно преобладают над ворами, и пока они еще не достаточно озлобились, чтобы начать воров вешать. Обычно такая игра заканчивается довольно быстро и с самыми плачевными результатами для воров.

Использование прежней репутации для обмана и хищничества довольно быстро вскрывается окружающими. Так произошло и с применяемыми западными властями технологиями манипуляции сознанием. В результате произошла дискредитация, обесценение социальных норм, в результате их конструирования и использования для манипуляций.

В свою очередь, эта дискредитация социальных норм лишила западные элиты инструментов управления массами. Как говорит в том же романе «Игра престолов» Варис, «власть — это обман, тень на стене. Властью обладает тот, кто убеждает в ней остальных».

Дискредитация политтехнологиями сложных смыслов, ценностей вызвала падение социального саморегулирования на уровень самых простых ориентиров, таких как личная выгода, комфорт. По-видимому, современный культ денег и комфорта – это не только результат идеологии потребительского капитализма. Это еще и вынужденная реакция общества на разрушение более сложных социальных и культурных норм.

Когда сложные измерения, метрики и символы все приватизированы политическими и рекламными технологиями, и продаются с каким-то скрытым обманом внутри, среднему человеку остается доверять только своим самым базовым интересам. Личное чувство комфорта и количество денег в кошельке не обманет. Так возникают новые стихийные социальные нормы – часто гораздо более примитивные и вульгарные, чем в 20-м веке.

Хочу подчеркнуть – многообразие претендентов на внушение социальных норм не должно обманывать. Все они не имеют успеха. Люди не доверяют никому из них. По описанным выше причинам, социальные нормы должны быть едиными, унифицированными, понятными для всех.

Эти социальные нормы и формируются, теперь уже стихийно, это

- ориентация на самые понятные выгоды – материальные, денежные, а также телесные (комфорт, удовольствия);
- недоверие к власти и любым источникам информации;

- попытка заменить большинство институтов на контракты, то есть торг по любому вопросу. Современный человек не понимает сложности институтов, а в социальной норме сложных культурных форм уже нет;
- продолжают действовать и многочисленные разрозненные нормы, насаждаемые из разных источников. Это ведет к разобщению, потере единого языка, социальных связей, устойчивых идентичностей. Человек выбирает нормы по своему вкусу, но это ведет к десоциализации, в лучшем случае, к окукливанию в локальном сообществе.

Уже эти новые, стихийные социальные нормы сохраняют свою естественную черту – тотальность. Как уже отмечалось, тотальность не присвоена им властью или политехнологами. Она следует из свойств коллективного действия, общественного договора и социального научения. Теперь это диктатура примитивных, некультурных социальных норм.

В 21-м веке Запад пришел к ситуации, когда социальные нормы продолжают программировать сознание и поведение и общества, и элит, по причине своей естественной тотальности. И при этом сами социальные нормы не программирует никто – это свалка неудачных политических технологий, экстерналий капитализма, постмодернистских экспериментов и прочего мусора.

1.10 | ИНСТИТУТЫ КАК МЕТАКОГНИТИВНЫЕ РАМКИ

Метакогнитивными процессами называют «мышление о мышлении», то есть осознание предпосылок и способов мыслительных процессов. Автором метакогнитивной теории считают американского психолога Джона Флавелла. На русском языке эта тема разработана в книгах Марины Холодной²².

Связь между институтами и паттернами мышления обозначена уже классиками. Торстейн Веблен писал, что «институт — это привычка мышления, закреплённая в коллективном поведении»⁵².

Когнитивный уровень мышления — это то что мы осознаем, то что требует осмысления в обычной жизни. Например, мы обдумываем профессиональные вопросы, принимаем экономические решения: сберечь или тратить, арендовать квартиру или взять ипотечный кредит, сменить профессию или повысить квалификацию в рамках имеющейся.

Метакогнитивные рамки — это то, о чем мы обычно не думаем в повседневной жизни, то что как бы «само собой», продумано и установлено учеными, властями и не подлежит сомнению. Это то, что земля круглая, что дважды два равно четыре, это законы физики, экономики и так далее.

Важнейшая роль институтов — соединение повседневной жизни человека с метакогнитивным уровнем. Обычный человек в принципе не может осмысливать метакогнитивные рамки. Теория физики установлена соответствующими учеными, причем многими поколениями ученых. Обычный человек, даже если бы потратил всю свою жизнь, вряд ли смог бы эту теорию оспорить или что-то к этому добавить. Между тем, метакогнитивная рамка теории должна присутствовать в жизни человека — этим, собственно, отличаются развитые цивилизованные общества от неразвитых и нецивилизованных. За внесение этих метакогнитивных рамок в повседневную жизнь отвечают институты.

Обычному человеку может быть совершенно не нужна культура, патриотизм или знания. Но к счастью, за это отвечают институты, а не обычный человек.

Многое из того, что мы считаем самим собой разумеющимся, является когда-то созданной концепцией. Например, концепцию истины связывают с именем Сократа. Это базовая парадигма науки и рационального знания, но она не является «естественной», не образуется из бытового здравого смысла. На бытовом уровне истинным сейчас считается то, что человеку комфортно.

⁵² Veblen, T. (1899). The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. New York: Macmillan.

Это же можно сказать про концепцию борьбы добра и зла, заложенную в христианстве. Мы в бытовом смысле определяем явления, как истинные или ложные; считаем что-то добром или злом, но все это было бы странно для язычника, не знакомого с названными концепциями.

П.Г. Щедровицкий отмечает, что концепция личности и свободы воли сформировалась и была институционализирована в римском праве, для того, чтобы уравнивать стороны судебного процесса. Без презумпции равенства граждан и наличия у них свободной воли, гражданский судебный процесс практически не имел бы смысла. Концепция свободы и равенства всех граждан – это еще более новая концепция эпохи модерна. Все эти заложенные в институты концепции образуют одновременно и метакогнитивные рамки мышления масс и элит.

К основным метакогнитивным рамкам относятся:

- ☐ Способы мышления, научные парадигмы;
- ☐ Цели и ценности. Мышление нельзя отделить от его целей; однако сами цели часто установлены до мышления, относятся к общественным или личным мотивациям, а не собственно к мыслительным процессам;
- ☐ Аксиоматические знания, «само собой разумеющееся» знание, эвристики;
- ☐ Представление о том, какими областями незнания можно пренебречь.

Все обозначенные процессы оказывают большое, а возможно и решающее влияние на индивидуальное и коллективное мышление. При этом, метакогнитивный уровень мышления редко осознается. По речи политиков и топ-менеджеров можно судить о том, что даже элиты редко осознают метакогнитивные рамки своего поведения^{53,54}.

В речи большинства руководителей и политиков можно наблюдать более высокий уровень культуры, эрудиции и аналитического мышления, чем у среднего пользователя социальных сетей. Но их отношение к своим метакогнитивным рамкам не сильно отличаются от среднего гражданина.

В общем-то иначе и быть не может, потому что в противном случае они бы перешли на нормы собственных метакогнитивных предпосылок. Тогда их речь стала бы непонятной для большинства, или отталкивающей, поскольку в ней присутствовало бы явное несоблюдение общих социальных норм.

⁵³ Kashkin, V., & Haladay, D. J. (2024). Automated text analysis methods to identify the individual structure of motivation for sports and a healthy lifestyle. In BIO Web of Conferences (Vol. 120, p. 01044). EDP Sciences.

⁵⁴ Kashkin, V., & Tian, R. G. (2024). Determining Individual Intelligence Types and Cognitive Styles Using AI-Based Automated Text Analysis. Journal of Information Systems Engineering and Management, 10 (38s).

Метакогнитивные рамки воспринимаются как само собой разумеющиеся, как должное, как не требующие осмысления. В этом и состоит их особое влияние на поведение и мышление – они задают поведение человека и воспринимаются как абсолютно безусловные, не подлежащие не только пересмотру, но даже осознанию.

Только интеллектуалы, готовые провести большую работу, способны к осознанию своих мета-рамок. Это практически невозможно сделать на уровне здравого смысла, поскольку для распознавания мета-рамок, ценностей, эвристик, парадигм – надо в принципе знать существующие парадигмы. А также понимать, какая каша образовалась в последнее время из постмодернистских, политехнологических экспериментов над ценностями и парадигмами.

Для иллюстрации неосознаваемых метакогнитивных процессов приведем подробную выдержку из статьи по результатам исследования известного российского (советского) психолога Александра Лурия (1974). Этот материал подведет нас к пониманию связи институтов, когнитивных и метакогнитивных рамок и социальных норм:

«...Мы избрали местом своей работы отдаленные кишлаки и джайлау Узбекистана и частично горной Киргизии – пишет Лурия -

Испытуемым предлагался ряд цветовых оттенков (или геометрических фигур). Им следовало сначала назвать эти оттенки (фигуры), затем классифицировать их, разбив на любое число групп, отнеся в каждую из групп похожие оценки (фигуры). В специальных опытах делались попытки получить «принудительную» группировку оттенков (фигур). Для этой цели испытуемым давалось задание либо разбить все предлагаемые оттенки (фигуры) на определенное число групп, либо оценить некую группу оттенков (фигур), составленную экспериментатором.

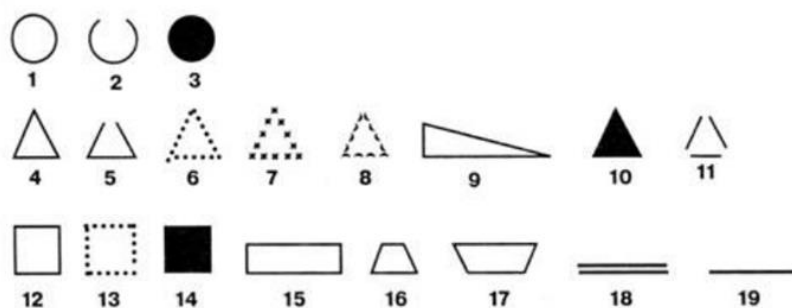

Рис. Геометрические фигуры, предъявляющиеся испытуемым

Как показали полученные данные, лишь наиболее культурно развитая группа испытуемых — студентки педагогического техникума называли геометрические фигуры категориальными названиями (круг, треугольник, квадрат и т. п.). Фигуры, изображенные дискретными элементами, воспринимались ими как те же круги, треугольники, квадраты. Незаконченные фигуры расценивались как «что-то вроде круга», «что-то

вроде треугольника». Конкретные образные обозначения (линейка, метр) встречались лишь в единичных случаях.

Существенно иные результаты были получены у испытуемых других групп. Женщины ичкари (неграмотные крестьяне), как это и можно было предполагать, не дали ни одного категориального (геометрического) обозначения предложенных фигур. Все геометрические фигуры обозначались ими как названия предметов. Так, круг получал названия: тарелка, сито, ведро, часы, месяц; треугольник — тумар (узбекский амулет); квадрат — зеркало, дверь, дом, доска, на которой сушат урюк.

Треугольник, изображенный крестами, трактовался как вышивка крестом, корзинка, звезды; треугольник, изображенный маленькими полумесяцами, оценивался как золотой тумар или как ногти, какие-то буквы и т.д. Незаконченный круг никогда не назывался кругом, но почти всегда браслетом или серьгой, а незаконченный треугольник воспринимался как тумар или стремя. Оценка абстрактных геометрических фигур у этой группы испытуемых носила, таким образом, ярко выраженный конкретный, предметный характер, явно доминировавший над отвлеченно-геометрическим восприятием формы.

Необразованные респонденты проявили совершенно другой подход к классификации фигур, по сравнению с людьми, которым абстрактные принципы классификации преподавались в школе.

Женщины ичкари, а также в значительной мере и мужчины дехкане воспринимали отдельные геометрические фигуры предметно. Такое предметное восприятие определяло характер классификации фигур. В одну группу собирались фигуры, воспринимавшиеся как одинаковые предметы; иногда группировка производилась по отдельным признакам (например, по цвету или по способу выполнения), т. е. сближались фигуры, которые оказывались сходными либо по своему предметному содержанию, либо по способу их выполнения. Поэтому квадрат (номер 12 на рисунке), оценивавшийся как окно, и длинный прямоугольник (номер 15), рассматривавшийся как линейка, в одну группу не попадали. Испытуемые отказывались их объединять даже после соответствующей наводящей беседы. Наоборот, если две фигуры, например квадрат и усеченный треугольник (номера 12 и 16), воспринимались как рамы («одна — хорошая, другая — покосившаяся»), они легко объединялись в одну группу». Конец цитаты из статьи Александра Лурия⁵⁵.

Для современного человека вполне естественно назвать квадрат квадратом, мы делаем это, не задумываясь. Однако это происходит только потому, что

⁵⁵ Luria, A. R. (1974). On the Historical Development of Cognitive Processes: An Experimental Psychological Study. Science.

Note: this description refers to his expeditions to Central Asia (1931–32), the results of which were published later. Preliminary results were published in 1934 in the journal *Psychology*. The full results were published in 1974.

мы получили геометрическое образование в школе (то есть институциональное влияние) и знаем, что такое квадрат. Это превращается в нашу метакогнитивную рамку мышления, которая дальше присутствует как само собой, и таких рамок тысячи. Мы не будем в течении жизни задумываться над тем, действительно ли квадрат является квадратным и насколько такая схема правомерна.

Обыгрывая это, российский художник авангардист Каземир Малевич написал картину «Черный квадрат» (1915 год), которая всем известна, как обычный черный квадрат. Ирония состояла в том, что это не геометрически точный квадрат, а при его написании не использовалось черных красок. То есть черный квадрат на самом деле не черный и не квадрат. Черный квадрат Малевича, кроме прочего, это демонстрация условности и приближенности любых наших представлений о реальности, даже таких, которые кажутся самыми очевидными.

Даже то что мы видим «своими глазами» - это достроенная мозгом картина, на основе участков, выхваченных с помощью движений зрачков. Отсюда типичные ситуации, когда люди не замечают очевидных, но не укладывающихся в ожидаемую модель признаков. Так же точно работает и мышление – мы не столько воспринимаем информацию как есть, сколько додумываем на основе готовых метакогнитивных моделей.

Даниель Канеман особенно исследовал разницу между быстрым мышлением, когда решение надо принять быстро и медленным, аналитическим мышлением. В первом случае используются эвристики, упрощенные и часто ошибочные готовые модели, что ведет к когнитивным искажениям. Во втором случае человек мыслит более обстоятельно, - но и в этом случае задействуются, по сути дела, готовые мыслительные модели, но более высокого уровня. На бытовом уровне это хорошо заметно, когда, например, инженер на все вопросы жизни смотрит с технической точки зрения, экономист во всем вычисляет маргинальные затраты и оптимизирует рациональный выбор и так далее.

Метакогнитивные рамки нашего сознания в основном задаются институтами и социальными нормами. Одно из первых определений институтов, данных Торстейном Вебленом, касается именно образа мышления: «Институт - это привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди»⁵⁶.

В качестве примера связи индивидуального интеллекта и социальной нормы, можно привести то, КАК учат человека мыслить. Под образованием может подразумеваться умение прочитать учебник и ответить на вопросы и решить задачи по предложенному алгоритму. А может подразумеваться умение критически мыслить, рассмотреть разные точки зрения, сформулировать свое мнение. В ситуации деградации общественных институтов обучение

⁵⁶ Veblen, T. (1899). The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. New York: Macmillan.

критическому и творческому мышлению встречается все реже. Все это слишком трудозатратно, неформализуемо. Гораздо проще и надежнее предложить всем выучить один учебник и ответить на стандартные вопросы теста.

При наличии такой неосознаваемой метакогнитивной рамки, образованный человек так и не начинает мыслить самостоятельно. Обычно при таком подходе не формируется и никакого интереса к знаниям. Но даже если в дальнейшем человек и должен расширять свои знания, обычно он продолжает относиться к ним в жанре «выучил – пересказал своими словами». Поэтому современные специалисты все реже могут самостоятельно обнаружить связи между источниками знаний или сформулировать сколь-либо оригинальное собственное мнение.

Следующий тип метакогнитивных рамок - цели и ценности, - тоже задан институтами, а именно современным состоянием культуры, общественной мысли, общественного договора и политических стратегий.

Аксиоматические, «само собой разумеющиеся» знания, как метакогнитивные рамки, – это результат современных научных парадигм. До Галилея и Коперника разумелось, что земля плоская и стоит на трех китах, а сейчас считается, что земля круглая. В обоих случаях мы полагаемся на научную парадигму и общественный консенсус в этом вопросе, а не перепроверяем собственноручно.

Аксиоматические знания основаны не только на научных парадигмах, но и на том, насколько коммуникация способна обеспечить единство парадигмы для всех членов общества. Альберт Молль отмечал, что современное образование происходит фактически за счет средств массовой коммуникации. В условиях медийного шума, мусора, «эффекта эхо-камеры» (то есть подбора источников информации с позиций индивидуального комфорта) возникает поломка метакогнитивной рамки, связанной с аксиомами.

Мы все чаще встречаемся в повседневной жизни с совершенно абсурдными ситуациями, когда люди перестают руководствоваться здравым смыслом (в нашем понимании). Молодые люди переходят дорогу на красный свет, увлеченно читая свой телефон и не поднимая головы – потому что в их аксиомах не запечатлилась информация о том, что так делать нельзя. Посетители зоопарка норовят сунуть руку в рот хищникам, потому что в мультфильмах они добрые, и тому подобное. Вопиющие нарушения законов и общественных норм все чаще сопровождаются потом вопросом: а что, это нельзя было делать?

В российском сериале «ЮЗЗ» было довольно удачно показано стирание грани между реальностью и компьютерной игрой, в восприятии молодежи. И то что эта неадекватность восприятия ведет к самым унылым и мрачным результатам – убийствам, тюрьме, наркотикам, в общем убогой жизни в состоянии деклассирования и киберпанка.

Само собой разумеющееся незнание – это еще более проблематичная часть метакогнитивного процесса. Обращаться с границами незнания – это сложная задача даже для ученых и профессиональных аналитиков. Наше рациональное знание о мире в принципе неполное. При принятии решений всегда есть риск, связанный с тем, что мы пренебрегли важными факторами из-за того, что наша модель познания их «не видит».

Для обычных людей эти границы допустимого незнания определяются институтами. Собственно говоря, для обычного человека практически все происходящее – это одно сплошное незнание. Это обусловлено современными профессиональными специализациями, отсутствием чтения и интереса к интеллектуальному и целостному пониманию происходящего.

В связи с этим возрастает роль «другого», кого-то, кто знает все целиком и отвечает за все вместе. Обычно подразумевается, что это руководство, элиты, в особенности политическое руководство.

Менеджеры действительно отвечают за синтез специализаций, в силу профессиональных обязанностей. Но это не означает, что они преодолевают проблему незнания. Управляющий так же не понимает основную часть происходящего, и не понимает границ этого незнания. И так же надеется, что возможно, это понимает кто-то другой.

Отсюда замечательная метафора черного лебедя, которая является заявлением от лица элит: мы не понимаем, почему все так происходит, и не понимаем, почему мы этого не понимаем.

В этом в значительной степени причина резкого падения стратегического уровня управления, замена стратегии на малые тактические, ситуативные шаги. Стратегия невозможна в ситуации, когда неясна картина в целом.

В замечательном рассказе Роберта Шекли «Миссия Квидака» некий инопланетный жук деятельно пытается захватить мир. Он мыслит только в практическом ключе: как именно расширить свою экспансию. Так и современные политические элиты Запада – они деятельно пытаются реализовать алгоритмы в своем сознании, не задаваясь вопросом, что это за алгоритмы и кто их написал.

Институты, которые формируют метакогнитивные рамки, в настоящее время в основном не управляются, развиваются стихийно. Эта проблема даже не осознана в полной мере, поскольку западным политическим элитам присуще самолюбование. По официальной версии, дальновидные, аналитичные и наполненные демократическими ценностями руководители все знают и все понимают. И только происки тоталитарных режимов, а также черные лебеди, мешают воплощению их стратегий.

На самом деле эти западные руководители не осознают собственных метакогнитивных рамок. И в особенности того, что рамки эти заданы институтами, а многие институты поломаны и двигаются в неизвестном направлении.

1.11 | ПРОТИВОРЕЧИЯ ФУНКЦИЙ ИНСТИТУТОВ

В первой части мы подробно рассмотрели разные функции институтов. Исполнение институтами одновременно разных функций складывается исторически, естественным образом.

На уровне самых базовых и универсальных функций институтов мы можем видеть, что функции часто плохо сочетаются и противоречат друг другу.

Так, институты чаще всего определяют как «набор норм и правил», подчеркивая их алгоритмическую природу – но в реальности институт это всегда живая социотехническая система, социальный организм, что отмечается социологами еще со времен Герберта Спенсера. Живая социальная система не может не создавать противоречий с алгоритмами. Известные нам в жизни ситуации коррупции, «заболачивания», бюрократизации институтов – это преобладание собственных законов живой социальной системы над институциональными алгоритмами.

Институты оформляют общественный договор и одновременно выполняют дисциплинарную функцию. Это противоречие не укладывается в голове у избирателей – они выбирают себе хорошее начальство не для того, чтобы начальство их наказывало. Но начальство их наказывает, дрессирует и моделирует их поведение. Хитрость состоит не в том, что начальство обвело избирателей вокруг пальца, и под личиной демократического избранника спрятало сталинские усы. Парадокс в том, что это противоречие неизбежно заложено в самих функциях институтов. Выборы необходимы, потому что представительная демократия поддерживает и перезагружает общественный договор. Но и дисциплинарная функция власти необходима, потому что цивилизованное общество – это не договор вольных землевладельцев в прериях. Это обязанность каждого члена общества играть по сложным правилам цивилизованных институтов.

Эту проблему отмечал Джеймс Бьюкенен, автор теории общественного выбора, как «парадокс подчиненного»⁵⁷. Человек воспринимает себя одновременно и участником процесса управления государством, и субъектом, которого принуждают соблюдать нормы поведения, которые он, возможно, и не выбирал.

⁵⁷ Buchanan, J. M. (1975). *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan*. Chicago: University of Chicago Press.

Противоречия функций денег

Рассмотрим сложности сочетания разных функций в рамках одного института на примере такого института, как деньги.

Из экономической теории мы знаем, что деньги несут в себе несколько разных функций:

- ☐ Средство обращения – обеспечение обмена товаров и услуг;
- ☐ Средство платежа – кредитная функция денег, распределение платежей во времени;
- ☐ Мера стоимости – сигнальная система, помогающая экономическим субъектам принимать рациональные решения; благодаря этому ресурсы распределяются в экономике оптимальным образом, происходит рacionamento;
- ☐ Средство сбережения и накопления.

На практике денежно-кредитная политика может также служить как инструмент модернизации и как инструмент решения социально-экономических задач в стране. Так, «количественное смягчение» помогает сглаживанию кризисных социально-экономических явлений в США и ЕС. Принудительная продажа валютной выручки, предоставление долгосрочного дешевого кредита местным производителям, занижение обменного курса национальной валюты являются обычно денежно-кредитными механизмами модернизации экономик в развивающихся странах.

Кейнсианское стимулирование спроса, за счет искусственного расширения денежного предложения – это давно известный инструмент сглаживания экономических циклов.

Можно заметить, что уже на уровне базовых функций денег возникают противоречия. Функция денег как средства обращения в некоторые периоды противоречит функции денег как средства сбережения стоимости. Обсуждаемая в экономике предельная норма сбережения и потребления, необходимость стимулировать потребительскую активность отражает как раз это противоречие. Деньги, например, золотые или просто надежная валюта могут выглядеть как очень привлекательный инструмент сбережения. Но тогда они изымаются из обращения, и это вызывает дефляцию. Искусственное «вкачивание» денег в обращение ведет к обесценению денег, использованных для сбережения и дискредитации их в этой роли.

Известный денежный эксперимент со свободными деньгами, фрайгельд, проведенный Сильвио Гезеллем в 1930-е годы в Австрии, предлагал фактически облагать налогом слишком долгое хранение денег, то есть вынуждать к потреблению. На самом деле это не требует специальных условий, поскольку обычная инфляция и так облагает таким налогом держателей денег, особенно если инфляция превышает ставки по депозитам и облигациям.

Эффективные фондовые рынки обеспечивают высокую точность ценовой сигнальной системы и, таким образом, рационального распределения ресурсов в экономике. Торгуются и активы, и валюты. Однако, изменение цены валюты, в сущности, входит в противоречие с функцией валюты, как средства отложенного платежа. Это хорошо известно специалистам внешней торговли. Мы заключаем договор на год вперед в фиксированной сумме в долларах, юанях или рублях. Через полгода курс валют меняется, и вся сделка становится убыточной для одной из сторон. Но отменить ее нельзя, так как обязательства взяты по договору. Существует инфраструктура хеджирования этих рисков, фьючерсных и форвардных контрактов, но это стоит дополнительных денег и применимо далеко не ко всем товарам. Этот вид риска порожден не только нестабильностью валют развивающихся стран – но и противоречиями, заложенными в функции расчетного механизма изначально.

Когда на традиционные функции денег накладывается еще и модернизационная или регуляционная функция – все становится еще более запутанным.

Использование процентной ставки для регулирования экономики, например, ограничения инфляции, практически всегда порождает совокупность негативных экстерналий.

В каждом таком решении Банка России, популярные блогеры начинают искать коварный замысел, «кому это выгодно». Любое регулирование всегда кому-то выгодно – и естественным рыночным путем, и в виде коррупции, и даже экстерналии часто капитализируются с частной выгодой. Ситуация с процентной ставкой на самом деле, прежде всего, связана с ограниченностью институциональных рычагов, которые доступны регулятору. Приходится пользоваться тем, что есть. Манипуляции одной функцией денег ведут к перекосам и дисбалансам в остальных функциях денег – но так уж устроен этот институт.

В этом смысле прав Джеймс Скотт (книга «Благими намерениями государства») – государственное вмешательство часто приносит сначала видимый положительный эффект, а затем возникает совокупность отложенных негативных эффектов гораздо большего масштаба.

Противоречия функций государства

Поговорим о противоречиях функций на примере института государственной власти и управления.

Многие авторы пытались выявить какую-то истинную, доминирующую роль государства. Либо это общественный договор, либо управление насилием («стационарный бандит»), либо источник демократии и просвещения. Такие попытки, на мой взгляд, отражают метакогнитивную презумпцию

однофакторности, поиск одного объяснения, которое, как золотой ключик в сказке, откроет все двери.

Большинство крупных институтов совмещает одновременно много функций, одновременно служат разным, часто противоречивым целям. Государственные институты существуют веками и постепенно обрastaют новыми функциями. Это тем более происходит, поскольку государственные институты монопольны, и большинство порождаемых прогрессом новых общественных и макроуправленческих задач просто некому больше делегировать. Даже если эти новые задачи не совсем похожи на первичные исторические функции государственных институтов.

Фактически, сегодня государство совмещает несколько ролей, причем совершенно разных. Во-первых, это роль **самозащиты крупнейшего капитала и элит** вообще. Капиталистическое государство сохраняет роль «железной пяты» - но не столько в смысле принуждения и эксплуатации, которая сейчас не является основным фактором извлечения прибыли в развитых странах – а в смысле защиты прав собственности элит на крупный капитал. Такая защита собственности невозможна без контроля ключевых институтов власти. Это касается и внутренней безопасности, и внешней – собственность надо защищать и от внутренних конкурентов, и от внешних врагов.

В этом смысле интересы и методы современных элит не сильно отличаются от интересов и методов королей и аристократии прежних веков. Крупную собственность контролирует элитное сословие, передающее ее по наследству и через систему родственных связей. Это же элитное сословие контролирует верхние и средние слои государственной бюрократии, полиции, армии и спецслужб. Чаще всего эти чиновники верхнего уровня интегрированы в элитное сословие через родственные и другие тесные связи. Все это известно по исследованиям социологии власти в США и выявлению цепочек собственности, ведущим к нескольким сотням основных семей. Обзор этих исследований представлен далее, в четвертой части книги.

Вторая роль государства – **поддержание и оформление общественного договора**. Современное общество намного сложнее, чем во времена Гоббса и Локка, впервые привлечших внимание к значению общественного договора как способа остановить «войну всех против всех». Однако, эта роль общественного договора остается фундаментом для более сложных институтов. Когда начинается кризис базового общественного договора, как это происходит сейчас в США и ЕС, то институты более высокого уровня – демократия, право, представительство – начинают давать сбои. В пределе, как это происходило на Украине и в ряде ближневосточных стран в 2010-е гг., пересмотр или невыполнение негласного общественного договора ведет к началу гражданской войны, то есть классической войны всех против всех, по Гоббсу.

Несмотря на то, что элиты – держатели крупного капитала, теоретически могли бы насаждать свою власть «железной пятой», фашистскими методами – в наше время это не является преобладающим способом управления. Из экономической теории мы знаем, что монополия устанавливает не самую высокую цену, а цену, оптимизирующую прибыль. Обычно это подразумевает ориентацию на реальную кривую спроса, то есть требует от монополии установить скорее низкие цены, чем высокие, чтобы максимально охватить спрос.

Это же можно сказать и про монопольную роль элит. Элиты не хотят нарушать общественный договор, явно выступать против интересов большинства населения – поскольку население найдет способы сопротивления этому. Как говорят американцы, танго танцуют вдвоем.

Элитам выгоднее учесть интересы населения, чем принуждать. Принуждение стоит слишком дорого, и оно ненадежно. Опыт фашизма в Германии и других странах показал, что злоупотребление монополией на власть ведет к разрушительным последствиям для самих же элит. В этом основной секрет приверженности демократии – и надо признать, пока демократия не превращена в фейк и спектакль, в основном она полезна и разумна.

Тем не менее, уже эта вторая функция государства – поддержание общественного договора, по существу, вступает в противоречие с первой – удержанием монопольного контроля над капиталом и государственным аппаратом. Частью общественного договора являются институты демократии, поскольку без этого невозможно поддерживать общественный договор с участием сотен миллионов людей. Но в рамках демократии очень трудно объяснить гражданам, почему некоторые ключевые вопросы выведены за пределы общественного договора. Граждане могут обсуждать вопросы муниципального хозяйства и даже выбирать личность президента, но не могут ставить под сомнение властную монополию крупного капитала.

Внутренний механизм «цветных революций» состоит как раз в том, чтобы дать гражданам внешнюю помощь для сопротивления местной олигархии – и граждане часто с большим энтузиазмом готовы ее снести.

Следующая роль государства, почти никак не связана с двумя предыдущими. Это **обеспечение единства большой экономической системы** и эффекта масштаба.

Это видно на примере естественных монополий, которые при попытках дробления настолько теряют эффективность, что проще оказывается смириться с их монопольным положением. Естественными монополиями являются обычно энергосистемы, железные дороги, государственный пенсионный фонд и т.п.

На примере естественных монополий понятно, что основной фактор их эффективности – это эффект масштаба. Это относится к большинству государственных институтов, особенно в странах с большой территорией. Экономическая связность государства, эффект масштаба обеспечивает

дополнительную выгоду для всех участников. Это большой единый рынок, возможность утбулнения отраслевых и технических специализаций. Это обеспечивает возможность очень крупных инвестиционных проектов, долгосрочных вложений в Research & Development и инновации, которые не окупаются при меньших масштабах.

Успехи Китая последних десятилетий, в частности, связаны с обеспечением единства языка, законодательства, образования и других единых стандартов на всей территории. Тогда как, например, в Индии многие из этих проблем остаются нерешенными до сих пор: штаты имеют собственные законы, осуществляют протекционизм, велика роль местных диалектов, образование по факту доступно не для всех и т.д.

Эта роль государства в наибольшей степени является модернизационной. Прогресс порождает все более сложные институты, основанные на научных рациональных знаниях. Управление макроуровня (включая управляемые механизмы сетевого саморегулирования) это одно из самых значительных достижений прогресса. Именно развитие сложных институтов, их согласование в рамках крупнейших экономических субъектов, таких как США, Китай и ЕС, обеспечивает их принципиальное превосходство над остальным миром.

И эта важнейшая современная роль государства плохо сочетается с предыдущими двумя функциями. Для граждан макроуровень управления не понятен, так как он основан на научной картине экономики и общества, основан на данных, математическом моделировании и прогнозировании, и не сводится к здравому смыслу. В большой степени это и породило политику спектакля – как попытка элит упростить политику для понимания граждан, свести ее на бытовой уровень, уровень телешоу.

Политика спектакля, может быть, и развлекает избирателя, но не имеет практически никакого отношения к реальным проблемам управления. Потому что объяснить их ненаучным языком, в стиле стенд-ап комеди невозможно. Всеобщая критика неадекватности европейских и американских президентов в последнее время имеет отношение именно к этой институциональной проблеме – реальные проблемы управления слишком далеко ушли от стиля спектакля. Клоуны перестали быть смешными и раздражают зрителей. Избиратели чувствуют, что их обманывают, но не понимают, в чем именно.

Сложность макроуправления ничуть не лучше согласуется с монополией элит на власть и капитал. Эта сословная монополия имеет самую дремучую, архаичную природу. В социологическом ракурсе, это та же монополия, которая была у патрициев в Древнем Риме, рабовладельцев в США, феодалов в Европе или мафиозных структур в наше время. Книга Хазина и Щеглова «Лестница в небо» совершенно справедливо подчеркивает эту мафиозную социологию власти («к власти рвутся бандами» - пишет Хазин).

Это примитивные родственные и сословные критерии: свой – не свой, передача капиталов и власти по наследству и родственным связям, невзирая на личные способности. Именно эта дремучая социальная организация элит порождает современный мировой кризис и войны. Так же, как выродившиеся, но еще остававшиеся у власти старые элиты инициировали две мировые войны в 20-м веке, пытаясь силой удержать свою монополию на власть.

Основными противниками внедрения современных методов управления, полноценного перехода к экономике знаний являются именно эти элиты – причем независимо от того, называют они себя консерваторами или либералами. Их архаичность обусловлена их реальными интересами – удержания монополии на власть у себя, своих детей и родственников, любой ценой. Одновременно с этим мировая конкуренция, экономический спад на Западе, который вызван такими методами управления, заставляет эти элиты все-таки иногда пускать во власть «молодых технократов».

Следующая роль государства – это **оператор общественных благ**.

И в силу известных проблем общественных благ (трагедия общин, проблема безбилетника), и по причине эффекта масштаба, управление коллективными благами лучше всего осуществлять централизованно. Невзирая на либеральную идеологию, западные государства держат в своих руках самые крупные общественные фонды в мире.

Государство имеет безусловную монополию на институты порядка и безопасности – полицию, армию, госбезопасность. И не только потому, что это инструменты удержания власти, но и потому что это услуги общественной безопасности. Частные армии, конечно, существуют. Но если каждый регион, муниципалитет или корпорация будет иметь частную армию, то само единое государство перестанет существовать.

Строго говоря, общество может управлять общественными благами и без государства. Фонды пенсионного, медицинского и социального страхования могут оплачиваться и напрямую или корпорациями из зарплат трудящихся. Муниципалитеты могут взимать налоги с жителей и направлять их на благоустройство.

Но это, во-первых, вступает в конфликт с указанной выше задачей государства по обеспечению единых стандартов и единого социально-экономического пространства. Во-вторых, подобное саморегулирование носит слишком либертарианский характер. При либертарианских подходах возникает колоссальное неравенство. Если трудящиеся могут оплатить свои страховки, то за безработных, инвалидов, многодетные семьи и прочие проблемные категории не будет заплачено нисколько.

Для развития экономики нужен качественный человеческий капитал. При диком капитализме такой человеческий капитал не образуется. Бесплатное предоставление социальных благ – образования, медицины, безопасности,

иногда даже гарантированного жилья — это вопрос воспроизводства качественного человеческого капитала в масштабах всей страны.

На уровне местного саморегулирования это не очевидно. На уровне низового саморегулирования вообще рациональные закономерности макроуровня выглядят странно и противоестественно. Как писал Даниель Канеман, многие статистические и математические закономерности выглядят контринтуитивно, то есть противоречат бытовому здравому смыслу. Самый известный пример — это очевидность того, что солнце крутится вокруг Земли, поскольку каждый вечер оно закатывается за горизонт.

Государство фактически вынуждено становиться оператором общественных благ, поскольку управление современными социально-экономическими процессами требует научного подхода, высокой квалификации и анализа больших данных. И способности реализовать решения на практике, невзирая на локальные протесты антиглобалистов, социалистов и анти-социалистов.

В управлении общественными благами, как и во всей постиндустриальной экономике, на второе место отходит вопрос количества самих благ, а на первое место выходит вопрос качества управления и квалификации управляющих. Никакое местное сообщество не способно обеспечить работу с большими данными и научное понимание социологии и экономики в масштабах всей страны. И тем более добиться внедрения решений, основанных на этих методах.

Вопрос о количестве общественных благ действительно отходит на второй план. Раньше можно было сказать, что это короткое одеяло, состоящее из налогов, которыми капитал или делится с обществом — или оставляет у себя в виде прибыли.

Сегодня общественные блага понимаются не только как собранные налоги, но и как совокупный профицит производителей и потребителей. Возможность усилить профицит потребителя, например, в два раза, является более ценной, чем возможность увеличить сбор налогов на 20%. Умение обеспечить экономический рост, за счет компетенций управляющих, больше принесет денег в карманы граждан, чем налоговые реформы. Налоговые реформы в последнее время меняют только состав выгодоприобретателей, не меняя суммарное количество общественных благ.

Эта ситуация демонстрирует, что реальные проблемы управления общественными благами в масштабах государства, опять же существенно отличаются от бытового понимания граждан. Хотя именно эти граждане и есть налогоплательщики, которые оплачивают фонды общественных благ, и хотят влиять на их распределение.

Для элит управление общественными благами — это вынужденная задача. Саморегулирование порождает слишком много проблем и негативных экстерналий для государства и экономики в целом. Как любая вынужденная задача, управление общественными благами осуществляется неохотно. Эта задача ставится на третье место после собственных интересов элит. На

зарплатах исполнителей экономят, и чиновники-исполнители сами мотивируют себя к этой общественной работе, по мере сил.

Итак, мы видим, что противоречия функций институтов – это часто результат самой природы институтов, а не следствие плохого управления или подавления демократии.

Функции институтов могут достичь взаимного согласования, когда длительное время экономика и общество действуют в рамках одного уклада. Но современный темп перемен в экономике и технологиях такой возможности не предоставляет. В последние десятилетия инновации и глобализация непрерывно революционизируют социальный уклад и институты. Это не позволяет полагаться на инерционную модель, когда институты могут «устояться», адаптироваться к переменам и самостоятельно выполнить согласование. Необходимы механизмы адаптации макроуправления – которых на сегодняшний день на Западе нет.

Часть 2

УСТРОЙСТВО И ТИПЫ ИНСТИТУТОВ

2.1.1. Распространение сетевых институтов

Остановимся подробнее на теме сетевых институтов, поскольку они получили особое развитие в последние десятилетия. И на сегодняшний день преобладают на Западе.

Сетевые институты – это институты без выраженного ядра, без вертикали власти. Это рыночная экономика, малые и средние бизнесы и их потребители. Это законодательство. Это интернет и социальные сети. Это такие институты, как язык, культура, религия.

Сетевые институты могут иметь ядро-корпорацию в своем центре, которое намного меньше, чем сетевой охват института. Например, это министерство юстиции по отношению ко всей массе законов, католическая церковь по отношению к миллиарду своих прихожан и тому подобное.

Иерархическими институтами я называю те, где корпорация представляет основную часть деятельности института, как многие институты государственной власти, например армия или полиция, и как крупные бизнес-корпорации.

Соотношение сил между сетевыми и иерархическими институтами было разным в разные периоды истории. Самоорганизация через сетевые институты регулировала жизнь обществ без сильной государственной власти – например, во многих древних обществах или в тех местах, куда не дотягивалась власть иерархических государств, как на территории Северной Америки в начале ее заселения европейцами.

Эпоха модерна вызвала усиление вертикальных структур государства. Это позволило европейским странам распространить колониальное влияние практически на весь мир. В 20-м веке иерархические структуры ведущих государств достигли своего пика, устроив две мировые войны – самые крупные в истории человечества по масштабу жертв.

Масштаб этих жертв, ужас перед мощью вертикальных институтов, получивших еще и ядерное оружие после второй мировой войны, породил либеральную идеологию протеста против тотальных государств. Знаковыми для послевоенного периода стали, в частности, работы Карла Поппера и Фридриха Хайека.

Гуманистическая идеология открытого общества, либерализации совпала по времени с массовым подъемом среднего класса на Западе. Этот подъем был

связан с удешевлением промышленного производства и развитием экономики народного потребления. Это вызвало и массовое развитие малого и среднего бизнеса на Западе.

В связи с этим Дуглас Норт обратил внимание на резкий рост числа экономических трансакций в 1980-е гг. Эти трансакции имели в основном горизонтальный характер. То есть, раньше человек участвовал в ограниченном количестве отношений – в основном вертикальных, иерархических. Сейчас человек вступает во множество горизонтальных, сетевых отношений, связанных как с трудом / наймом / сделками, так и с потреблением. Инфраструктура потребления товаров и услуг также выросла на порядки по сравнению с 20-м веком. Выросла мобильность, и в смысле доступности транспорта, возможностей смены места жительства и работы, и в смысле доступа к товарам и услугам онлайн.

Таким образом, сейчас основной тип взаимодействий и для людей, и для компаний – это горизонтальные отношения друг с другом, тогда как отношения вертикального подчинения затрагивают гораздо меньшую (чем в 20-м веке) часть трансакций.

К 1970-90 гг. на Западе сформировалась сетевая экономика, в которой основная часть трансакций происходит между потребителями и малыми и средними бизнесами, без прямого вовлечения крупных корпораций или государственных структур. Это стало возможным благодаря эффективным правовым институтам, которые также позволяют регулировать отношения на сетевом уровне.

Сетевая модель управления подразумевает, что субъекты (и люди, и бизнесы) управляются не напрямую, иерархически, а институционально, будучи помещенными в правовые и регуляционные рамки.

Самый характерный тип сетевого управления – это невидимая рука рынка, рыночная экономика. На Западе рыночная экономика характеризуется высочайшей степенью институционализации, то есть регламентацией прав и обязанностей участников. Тем не менее, в этих регламентах нет плана как такового, то есть не указывается (по крайней мере, малому и среднему бизнесу), что именно ему производить и в каком количестве, сколько людей нанимать и какие устанавливать цены. Это определяется в ходе конкуренции, проб и ошибок, инновационных и инвестиционных усилий предприятий. Это и есть сетевое управление на уровне экономики.

Аналогично повседневная жизнь граждан управляется, в первую очередь, именно сетевым образом. Гражданские права и обязанности прописаны на Западе чрезвычайно детально в каждом аспекте деятельности человека. Это часто называют «дисциплинарным» обществом. Однако, в большинстве случаев действительно нет прямого указания целей или плана деятельности для граждан. В рамках регуляционной матрицы граждане действуют более или менее свободно.

Метод сетевого управления, очевидно, был неизбежен в связи с ростом сложности управления и резким ростом количества управляемых субъектов и операций со второй половины 20-го века. В этот период на Западе произошел массовый рост среднего класса и связанный со спросом этого среднего класса массовый рост малого и среднего бизнеса. Численность бизнесов выросла на порядок. Хотя численность населения не увеличилась радикально, но каждый представитель среднего класса совершает в сотню раз больше экономических, хозяйственных и административных операций за год, чем его предшественник – бедный крестьянин или пролетарий начала 20-го века. Метод сетевого управления обеспечил успешное развитие ряда стран в условиях рыночной экономики и демократии.

Преимущественно сетевая модель экономики обусловила десятилетия экономического роста в США и Европе, сопровождаемое ростом качества жизни и благосостояния домохозяйств. Либеральные реформы, например, Маргарет Тэтчер в Великобритании, были связаны с высвобождением трудовых и прочих ресурсов для растущих секторов сетевой экономики.

СССР радикально отстал от Запада в росте экономики и уровня жизни именно на этом этапе. Раньше, в классический индустриальный период, в эпоху власти крупных корпораций и мировых войн, плановая экономика СССР опережала Запад по темпам роста.

В 2000-е годы всемирная интернет-революция еще больше усилила роль сетевых институтов, поскольку добавила в них последнее недостающее звено – сетевую коммуникацию. До этого малые бизнесы и потребители вынуждены были прибегать к организующей и связующей роли более крупных структур – например, крупных торговых сетей, таких как Воллмарт. С развитием интернета и эта проблема была решена, и огромная часть экономики была переведена фактически полностью в сетевой формат.

Социальные сети и интернет стали прорывом в области сетевой организации общества и экономики. Раньше крупные корпорации и институты обеспечивали сотрудничество и коммуникацию. С развитием социальных сетей и поисковиков это стало возможным на горизонтальном уровне.

Например, раньше малый бизнес мог продать свои товары только через розничную или оптовую сеть – обычно достаточно крупную, поскольку для сетей важен эффект масштаба. Сейчас же малый бизнес может продавать свои товары и услуги напрямую через интернет, даже потребителям на зарубежном рынке.

Романтические отношения мужчин и женщин раньше требовали централизованной организации – чтобы они работали вместе или где-то рядом проводили культурный досуг. Это создавало зависимость от локализации и более крупных институтов – таких как учреждения культуры, парки, клубы и так далее. С развитием онлайн-знакомств потребность в такой организации снизилась – теперь знакомства осуществляются на уровне P2P, человек с человеком.

Сетевая организация жизни общества на Западе приобрела целостную модель, включающую:

- сетевую организацию рыночной экономики;
- сетевые права — отношения в каждом конкретном случае регулируются нормами и законами, но редко требуют прямых обращений к иерархическим органам власти;
- и сетевую коммуникацию — когда продавцы и покупатели, сотрудники и работодатели, мужья и жены, могут находить друг друга в социальных сетях и договариваться о взаимодействии в очень локальных форматах, не нуждаясь в помощи крупных организаций.

Сегодня жизнь типичного человека на Западе протекает в основном в форматах, заданных сетевыми, а не иерархическими формами организации. Иерархическими остается только работа в крупных и средних корпорациях — но их доля в занятости на Западе составляет менее 50% от трудовых ресурсов и менее 25% от населения в целом. Для этих 25% они охватывают только рабочее время. Доля занятых в крупных корпорациях продолжает снижаться, поскольку автоматизация, то есть сокращение рабочих мест, происходит, прежде всего, в крупных корпорациях. А создание новых рабочих мест в постиндустриальной экономике происходит в основном на сетевом уровне — в малом и среднем бизнесе, а также на уровне фриланса и самозанятости.

Децентрализация управления — это еще и вынужденный процесс. Слишком большие и сложные системы порождают неуправляемые эффекты, перестают согласовываться. Именно это произошло с поздним СССР — а Запад отсрочил наступление подобных проблем своевременным сбросом основной части экономики на сетевой уровень самоорганизации. В четвертой части книги я подробно обсуждаю эту фундаментальную проблему институтов — кризис в результате переусложнения.

Российский философ Александр Зиновьев еще в 1980-е гг. указывал на этот эффект усложнения управляемого объекта (СССР) и несоответствие возможностей управления. Он писал, что СССР критикуют за рост числа чиновников, а на самом деле нужно увеличивать их численность для управления транзакциями, выросшими на порядки. Действительно, чиновников в РСФСР было меньше, чем в современной России — хотя сейчас значительная часть управления передана еще и на сетевой уровень.

Но увеличение численности чиновников и могущества планирования все-таки вряд ли дало бы результат в тех условиях. Требовалось не только увеличение числа администраторов, но и применение новых методов управления. Перестройка как переход к децентрализации, сетевым институтам была адекватной реакцией на те вызовы — по крайней мере, по замыслу.

Дальнейшее падение СССР на фоне развития демократии и рыночной экономики принято связывать с интригами США, слабостью поздней

коммунистической власти и т.д. На самом деле из этого опыта следовало бы извлечь определенный урок именно институционального характера.

Сетевые институты порождают либертарианский характер общественных отношений, хотя номинально они могут существовать в рамках сильных и социально-ориентированных государств. Но сетевые институты создают свою общественную реальность – и это реальность либертарианская. В следующей главе я раскрою подробнее этот тезис на примере хронического недофинансирования общественных благ, характерного именно для либертарианского уклада.

Этот общественный уклад обладает довольно опасной силой и самоорганизацией. Говоря проще, это сильные и хищные бизнесы, в отличие от структур социально-ориентированных государств. С развитием сетевых институтов рыночной экономики в СССР сразу подняли голову мафиозные структуры, да и просто обнаружился пресловутый «звериный оскал капитализма». Именно это обусловило дальнейший хищнический характер приватизации.

Будучи выпущенными на волю, либертарианские структуры, с одной стороны, способны к плодотворной самоорганизации (рука рынка, развитие бизнесов), но с другой стороны, это происходит попутно с резким недофинансированием или проеданием общественных благ.

Либерализация на Западе выглядела до недавних пор более управляемой, чем советская перестройка, – но это связано с большей инерцией, мощностью и эффективностью государственных и общественных институтов США и ЕС.

Выпущенный джин сетевой, либертарианской организации общества и экономики начал формировать в последние десятилетия новую реальность. Эта реальность порождает свои силы, которые наступают на старый уклад и способы управления.

Тут западные элиты попали в ловушку собственной пропаганды, включенной в учебники. Нынешнее поколение западных элит выросло на идеях открытого общества Карла Поппера и либерализма Фридриха Хайека. Эти авторы представляли демократию и либерализацию как основу гуманистических ценностей.

Не рой другому яму – сам в нее попадешь, гласит русская пословица. Запад успешно добил СССР с помощью многообещающих преимуществ демократии и рыночной экономики. Теперь эти сетевые институты обратились против самого Запада, во всяком случае против его действующих элит и остатков иерархической организации государств.

2.1.2. Недостатки сетевых институтов

Вымещение большинства граждан в сетевую модель общества и экономической деятельности произошло по вполне объективным причинам. Это вымещение вполне добровольное. В эпоху высокого благосостояния на Западе граждане как раз стремятся к формам «текущей современности» больше, чем к работе в огромных корпорациях, где надо приходить на работу к 8 утра, и предоставляется оплачиваемый, но короткий отпуск. Работа в корпорациях требует также проживания десятилетиями на одном месте. Опыт Ковида показал, что работники очень охотно переключились на удаленную работу дома, и в основном неохотно возвращались в офис.

Сетевая модель имеет много плюсов, но имеет и свои минусы.

Первая проблема – это **утрата связи людей с институтами**, которые передают коллективный интеллект, дисциплинируют и рационализируют поведение. Не нужно глубоких исследований, чтобы заметить, что по сравнению с концом 20-го века поведение среднего современного человека стало гораздо более самодурским и безответственным.

Вторая проблема – это **дезориентация граждан**. Старые иерархические институты и корпорации, хоть и создавали массу неудобств, требуя приходить на работу к шести утра в трезвом состоянии, но определяли понятные ориентиры развития, социальные лифты, цели и ценности. Основным социальным лифтом состоял в добросовестном труде на благо корпорации, что позволяло сделать карьеру или, по крайней мере, заслужить уважение. Смысл состоял в содействии прогрессу и обществу, путем выпуска полезной продукции: «что хорошо для Дженерал Моторс, хорошо и для Америки». Повышение квалификации способствовало карьере.

В сетевой модели нет надежных ориентиров. Малый бизнес и раньше работал в условиях высочайшей конкуренции, а сегодня это совершенная конкуренция на большинстве рынков, за счет маркетплейсов. Как известно из экономической теории, в условиях совершенной конкуренции постепенно прибыль всех производителей приближается к нулю. На практике долгосрочно выигрывают только те малые бизнесы, которые создали особую рыночную нишу (а это достижимо не часто) или совмещают бизнес с самозанятостью и, таким образом, оптимизируют свой индивидуальный доход.

Сетевая экономика порождает тысячи хайпов, как поле чудес. Хайпы кратковременны, никакой системы в них нет (или она очевидна только аналитикам больших данных из крупных корпораций). Создать с нуля устойчивый малый бизнес почти невозможно – в силу законов совершенной конкуренции. Не делая карьеры в одной корпорации, не находясь на одном месте, у человека не возникает и возможности использовать корпоративные цели и социальные лифты. Все это описано британским социологом

Зигмунтом Бауманом в известной книге «Текучая современность» (иногда переводят, как жидкая современность (liquid) – это точнее)⁵⁸.

Лет до 35 все это довольно прикольно и интересно. Запустить старт-ап, ловить хайпы, переезжать в разные места, работать удаленно. Но потом нужны какие-то взрослые смыслы и ориентиры, а их нет. «Текучая современность» предлагает быть вечным подростком, прыгающим с места на место и не огорчающимся из-за того, что каждый раз все начинается с чистого листа.

Описанное Жаком Бодрийяром потребление как символическая система⁵⁹ – это не только манипуляции сознанием в интересах капитала. Но это и потребность сетевого, текучего общества иметь хоть какую-то систему координат. На самом деле, что еще, кроме дорогой машины и брендовых аксессуаров, может сетевому среднему человеку доказывать общественный успех и статус? Уважения он лишен, независимо от заслуг, поскольку устойчивых социальных связей и координат нет (Дюркгейм называл это аномией). Репутация подразумевает какие-то культурные, смысловые ориентиры, разделяемые большинством, а это слишком сложно для жидкого общества. По умолчанию, никакая деятельность не заслуживает уважения, потому что она ведется в целях личного обогащения, успеха и потому что человеку так комфортно. Кому-то комфортно быть инженером, кому-то проституткой. Если это не нарушает закон, все равны, и все это в конечном счете делается для личного обогащения.

В твердой социальной структуре современный человек чаще всего не участвует, поэтому определить его место в иерархии невозможно. А вот дорогой автомобиль и новый айфон однозначно понятен другим таким же членам сетевого, жидкого общества.

Следующая проблема состоит в том, что такое сетевое устройство, дезориентация, устранение сложных цивилизационных институтов из повседневной жизни ведут к **деградации трудовой дееспособности**.

Хотя сетевые институты более свободные, чем иерархические, в них потеряна существенная функция, которая присутствовала в иерархических институтах. Иерархические институты спускали парадигмы модернизации, научного знания сверху вниз. У сетевых институтов такого собственного механизма нет.

Модернизационное начало заложено в законах или цифровизации – если эти институты внедряют государственные власти и крупные корпорации. В крупных корпорациях объективно сконцентрирован лучший человеческий капитал, накоплены знания и компетенции. У малого бизнеса и фрилансеров таких возможностей нет – даже если это миллиарды людей. Сами сетевые

⁵⁸ Bauman, Z. (2000) Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press

⁵⁹ Baudrillard, J. (1998). The Consumer Society: Myths and Structures. London: Sage Publications.

институты не воспроизводят свою цивилизационную инфраструктуру. Мы обсудим это далее подробнее в разделе о проблеме общественных благ.

Массовые потребители предъявляют спрос, и массовый малый и средний бизнес удовлетворяет этот спрос. Массы не предъявляют спрос на сложные знания, истину и ценности.

Социальные нормы в эпоху экономики знаний — это не простой договор в духе «не обкрадывать друг друга». Для внедрения сложных социальных норм необходима кристаллизация социальной структуры, возникновение инфлюенсеров, несущих сложные нормы общественного договора. Пока же мы видим, наоборот, исчезновение таких инфлюэнсеров из повседневной жизни. Такими инфлюэнсерами были классические Медиа, авторы многотиражных научно-популярных книг, аналитические журналисты, эксперты, уважаемые политики.

Сегодня массы соглашаются только на тех инфлюэнсеров, которые комфортны. Это ведет к примитивизации социальных норм, деградации социального капитала и доверия, сведению большинства социальных контрактов на уровень торга в каждом частном случае.

Усложнение экономики знаний не совместимо с упрощением социальных норм. Это будет порождать и уже порождает самые грубые и архаичные формы регулирования отношений, такие как рост организованной преступности, решение внешнеполитических проблем через войну, а не дипломатию, потеря сложных отраслей промышленности и т.д.

Следующая проблема сетевой организации в том, что **сетевые институты порождают рассогласования и негативные экстерналии**. Подробно эти институциональные эффекты и ловушки обсуждаются в третьей части книги. Сетевые институты, будучи запрограммированы извне, сами эти проблемы не исправляют. Тогда как иерархические корпорации имеют механизмы обратной связи и саморефлексии.

Институциональная матрица сетевых институтов была продумана и создана на Западе во второй половине 20-го века — во времена еще сильного государства и сильных элит. Сегодня сетевые институты действуют по инерции в этой матрице, но того сильного государства и элит уже нет. А сами сетевые институты обновлять и совершенствовать свое институциональное регулирование не могут — в силу системной проблемы общественных благ при либертарианской организации. А также в силу описанной в части 1.10 проблемы институтов как метакогнитивных рамок: институты, созданные не нами, до поры до времени воспринимаются как нечто существующее по умолчанию, само собой. Их ценность замечают, только когда институт исчезает.

2.1.3. Сетевые институты и восстание масс

Нельзя отделить институты от тех живых общественных тенденций, которые происходят в наше время. Чтобы в полной мере понимать проблемы современных сетевых институтов, надо принять во внимание продолжающийся на протяжении всего 20-го, а затем 21-го века масштабный процесс «восстания масс».

Резкий рост производственных возможностей и уровня жизни сначала на Западе, а потом и во всем мире, вызвал к жизни массовый средний класс. Миллиарды еще недавно нищих и безграмотных крестьян получили доступ к городскому образу жизни, общему школьному образованию, медицине и социальной защите.

Формирование массового среднего класса само по себе стало мощным драйвером развития экономики. Городской образ жизни и промышленное производство обеспечивают на порядок более высокий уровень производительности труда. Распространение школ, детских садов и автоматизации домашнего хозяйства (водоснабжение, стиральные машины, электроплиты и т.д.) освободили женщин от значительной части домашней работы. Это позволило массово вовлечь женщин в наемный труд.

Все это вместе уже в 20-м веке резко повысило и производительность труда, и валовое производство, поскольку выросло и число трудящихся.

Массовый средний класс сформировал и спрос на производимую продукцию – сегодня в большинстве стран около 60-70% ВВП обеспечиваются конечным спросом домохозяйств.

Это создало решение для развития догоняющих стран, например, Индии или Африки – эти страны могут ускоренно развиваться за счет своего внутреннего рынка (продолжения урбанизации), а не обязательно только за счет экспорта.

В экономическом аспекте урбанизация, формирование массового среднего класса принесло огромное благо всем народам мира, помогло решить множество проблем, обусловленных бедностью и аграрным образом жизни, таких как голод, высокая смертность, отсутствие гражданских прав, криминал, бытовая жестокость и так далее.

В странах догоняющего развития, например, в Индии, где урбанизация охватывает все еще немногим более трети населения, разница в зарплате между городом и деревней и сейчас составляет 5-10 раз. Доходы сельских жителей начинают подтягиваться к городским только в странах с высоким уровнем урбанизации, поскольку численность сельского населения невелика, а обеспеченность сельских работников техникой и другими основными фондами ненамного ниже, чем в городе. В этом состоял и экономический аспект сталинской коллективизации сельского хозяйства: управляемое переселение крестьян в города и обеспечение оставшегося сельского населения сельхозтехникой и более современными аграрными методами.

Урбанизация, формирование массового среднего класса – это безусловно благотворное и прогрессивное социально-экономическое явление. Между тем, как любое революционное изменение общества, особенно основанное на технологиях, оно порождает экстерналии и нежелательные социальные эффекты.

Таким социальным эффектом стало то, что обычно называют термином восстание масс, по названию книги испанского философа Ортеги-и-Гассета, опубликованной в 1930 году. «Масса — это посредственность, - пишет Ортега-и-Гассет – (...) и не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждает свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Как говорят американцы, выделяться неприлично. Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать изгоем. И ясно, что «все» — это отнюдь не все. Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой»⁶⁰. Ортега-и-Гассет уже в 1930-е гг констатирует наступление эпохи диктатуры посредственности. Массы средних людей, приобрели общественную власть, не выдвигая из своей среды лучших, а оставаясь массами. Как обсуждалось в первой части, социальная норма имеет тенденцию к унификации и диктатуре. Теперь это диктатура усредненной, массовой, вульгарной социальной нормы.

Массы не стремятся стать лучше, не выдвигают лучших из своей среды. Они «не требуют ничего и для них жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя» (там же).

Эту же проблему описывает Михаил Булгаков в повести «Собачье сердце» (1925 г.)⁶¹. Долгое время эта повесть (и фильм на ее основе, снятый Бортником в 1986 году) воспринималась как критика большевизма. Однако сейчас, спустя сто лет, когда споры про Октябрьскую революцию отошли в прошлое, эта книга остается на удивление актуальной. По совпадению, я пересмотрел фильм «Собачье сердце», находясь в Индии – и меня потрясло, насколько тема этого произведения созвучна социальной проблематике современной Индии. То есть отношений энергичных и вульгарных масс, претендующих на свое место в жизни, и более старых элитарных социальных классов.

Но это происходит не только в развивающихся странах, где урбанизация активно происходила в последние десятилетия или только еще продолжается. В странах Европы и США восстание масс представлено массовым притоком мигрантов. Социологи давно уже указывают на

⁶⁰ Gasset, Jose Ortega Y. (1930). The Revolt of the Masses. El Sol.

⁶¹ Bulgakov, M. (1968). Heart of a Dog. Paris: UMSA-Press.

Note: The story was written in 1925 and was distributed independently from hand to hand, first published in 1968.

классовый аспект мигрантской проблемы, который в большей степени определяет поведение мигрантов, чем их этническое происхождение.

Проблема восстания масс часто обсуждается с культурной точки зрения. Массы вульгарны, глупы и остаются крайне дремучими, невзирая на городской образ жизни. Их жизненные устремления – вульгарно мещанские. Из всего богатства цивилизации и культуры, которое становится им доступно, они выбирают только то, что соответствует самым простым и пошлым мещанским представлениям о благополучии и успехе.

На это можно возразить, что до сих пор массы были способны к постепенному окультуриванию, пусть и не за одно поколение. Подобной такой критике подвергали и рабоче-крестьянские массы 1920-х гг., и американских предпринимателей и пролетариев 19-20 веков, и китайские народные массы середины 20-го века, – в общем, любых выходцев из низов. Однако и русские большевики, и американские предприниматели, и китайские коммунисты в итоге доказали свои лидерские и управленческие способности. Эти способности оказались как раз намного выше, чем у представителей старых, аристократических и очень культурных элит. Поэтому, в частности, вульгарные большевики разгромили белых аристократов.

Постепенное окультуривание этих энергичных лидеров из народа в те годы представлялось неизбежным. Один из героев романа Ильи Эренбурга «День второй» (1933 г.) говорит:

«...а здесь должны умиляться все. После Платона, после Паскаля, после Ницше — не угодно ли: Сенька-шахтер заговорил! Причем, ввиду столь торжественного события, обязаны тотчас же и навеки замолчать все граждане, которые умели говорить до Сеньки. Бернард Шоу от восхищения давится икрой, а потом спешит в Лондон. Там он сможет говорить, не считаясь с Сеньками. Разрешите задать еще один вопрос. Хорошо. Сенька говорит. Он на рабфаке. Он будет красным профессором. Он научится носить галстуки и цитировать Маркса по первоисточнику. Его сын будет выбирать галстуки, сообразуясь с цветом пиджака, и цитировать не только Маркса, но даже Канта. Спрашивается, что будет делать его внук? Писать поэмы о галстуках? Опровергать Маркса с помощью Ницше? Нюхать кокаин от мировой тоски?»⁶².

Этому критику Сеньки-шахтера представляется фактически неизбежным и несомненным то, что шахтер, или во всяком случае его дети и внуки, будут цивилизованы и культурны. Именно так в России и произошло, во всяком случае, на первом этапе. Выходцы из деревень и рабфаков к 1950-60-м годам стали академиками и обеспечили прорывы в науке и технике. Но постепенно механизм окультуривания восставших масс перестал работать – и в России, и в странах Европы и США.

⁶² Ehrenburg, I. (1934). Day Two. Moscow: Soviet Literature.

Это предсказывал и сам Ортега-и-Гассет, и к нашему времени его предсказания развернулись во всем масштабе. И существование этого механизма окультуривания масс, и его постепенная отмена, объясняются вполне понятным образом.

В начале 20-го века образование, культура, медиа и политика принадлежали высшим слоям общества. Сами эти высшие слои за столетия своего господства выработали, несомненно, высокую культуру, искусство, образовательные стандарты, стандарты поведения (в том числе, делового и политического). В первой половине 20-го века, невзирая на ускоренное внедрение республиканских институтов на всем Западе, эти элиты в основном продолжали держать контрольный пакет в культуре, образовании, политике и медиа.

Сказывался и «эффект колен» - институты образования и культуры продолжали действовать по уже сформированным аристократическим стандартам. Даже в странах, где прежние элиты целенаправленно были отстранены от власти и собственности, как это произошло в России после 1917 года, не было другой культуры и образования, кроме дворянской и аристократической.

В этом смысле первые поколения 20-го века, получившие доступ к общему образованию, равным возможностям, на самом деле получили уникальный доступ к еще аристократическому образованию и культуре – просто потому, что других и не было. Многие учителя, профессора, старшие офицеры, деятели культуры были еще буквально людьми старой закалки.

Сталин сказал про Ленина, что тот «сочетал в себе русских размах с американской деловитостью» – но Ленин сочетал все это еще и с русской дворянской культурой.

В России принято окружать особыми почестями ветеранов ВОВ, из которых сейчас уже немногие остались в живых. В моем детстве таких людей было крутом еще много, уже очень пожилых, хотя многие из них еще работали и были нашими учителями и профессорами. Они действительно сильно отличались от других – твердостью характера, принципами, благородством, и вместе с тем добротой и оптимизмом.

Тогда мне казалось, что это черта пожилых людей вообще. Позже я понял, насколько уникальным было это поколение. И дело не только в сформировавших их тяготах войны и великих советских строек. Дело еще в тех действительно высоких стандартах культуры и образования, которые преобладали во время их молодости. Это было поколение, прошедшее тяготы, ощущавшее себя победителями, строителями лучшего мира, и вместе с тем получившими доступ к образованию и культуре, ранее доступных лишь для аристократов. (Портрет этого поколения представлен, например в х/ф «Послесловие» режиссера Марлена Хуциева).

По мере масштабирования на все население и по мере отхода старых элит в прошлое, стандарты понижались, упрощались. Образование и культура

постепенно превратились в конвейер, учитель – в работника конвейера, такого же представителя масс, как и ученики.

Знаковым рубежом в Европе и США стала революция 1968 года, под лозунгами «секс, наркотики, рок-н-ролл» - отменявшая прежние классические стандарты культуры, трудовой дисциплины и отношений.

Культурная революция 1968 года стала как бы рубежом, после которого массы перестали даже имитировать аристократические стандарты. Массы объявили, что они устали соответствовать этим старым стандартам. Поскольку у масс нет своих высоких стандартов, за ориентиры были взяты просто нравы и желания среднего человека. Это действительно разворотный момент, поскольку до этого массы как бы должны были тянуться вверх, а теперь стандартными стали пониженные, вульгарные мещанские нравы. «Жить как себе комфортно», свобода от любых обязанностей, «у каждого свое мнение» – это представления масс, которым сейчас для благовидности и политического спектакля придают роль неолиберальной идеологии.

В России эта культурная революция была отложена до 1991 года, но смысл ее совершенно тот же. Журналист Сергей Доренко рассказывал по этому поводу историю криминального авторитета, который в 1980-е годы пытался купить диплом кандидата наук. Доренко заключал эту историю словами: «раньше бандит пытался изобразить кандидата наук. А сейчас кандидат наук пытается быть похожим на бандита».

Этой проблеме перевернутого общества, перевернутых ценностей много внимания уделил С.Е. Кургинян в циклах лекций⁶³ «Суть времени» и «Школа сути», и в книге «Исав и Иаков»⁶⁴. Кургинян особенно подчеркивает, что быть не таким как массы становится нежелательным, социально порицаемым. Наличие более высоких культурных стандартов порицается, затрудняет социализацию. Это объясняется тем, что социальная норма имеет тенденцию к тотальности, что мы обсуждали в первой части.

Массы стремятся разрушить любые институты, которые включают в себя иерархию смыслов и ценностей – будь это государство (цветные революции) или замена традиционных СМИ (с редакционной политикой) на микрогруппы и ленты users generated content.

Массы не создают каких-то новых институтов целенаправленно, но оказываются очень созвучны рациональным экономическим институтам и хорошо управляемы ими. Мещанские стремления масс – к потреблению товаров, удовольствиям и комфорту – в сущности адекватны парадигме рационального экономического человека, *human economicus*.

О проблеме раздутости рациональных институтов в ущерб общественным мы поговорим в следующей главе. Пока отметим, что **процесс восстания**

⁶³ Kurginyan, S.E. (2012). The Essence of Time. In 4 volumes. Moscow: MOF ETC

⁶⁴ Kurginyan, S. E. (2009). Esau and Jacob. International Public Foundation "Experimental Creative Center".

масс значительно превысил цивилизующие возможности прежних институтов. Своих же институтов цивилизации массы не порождают.

В большинстве стран Запада больше нет принципиальной разницы между элитами и массами. Современные элиты – это те же выходцы из масс (или имитируют таковых), без идеалов, ценностей, с преобладающей ценностью личной сиюминутной выгоды. Дети потомственных элит вырастают в обстановке той же пониженной социальной нормы, что и массы, поскольку нормы едины для всех. Представление о культуре и смыслах задается теми же метакогнитивными рамками, что и для масс – и так же не рефлексруется.

В этом состоит отмеченный Кристофером Лэшем феномен «Восстания элит»⁶⁵ - уподобление элит восставшим массам, о чем мы еще поговорим подробнее далее.

⁶⁵ Lasch, C. (1995). The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. W. W. Norton & Company.

Корпорации и раньше имели эффект масштаба производства, доступ к капиталу и властным возможностям, несравнимый с малым и средним бизнесом. В 21-м веке, в эпоху экономики знаний, этот отрыв еще больше усилился за счет темпов развития и высокой стоимости инноваций. Ведущими моделями искусственного интеллекта владеют корпорации, чья капитализация составляет больше, чем ВВП многих стран.

Инновации становятся все более дорогими, а эффект масштаба все более тотальным. Диджитал монополии и олигополии, такие как Майкрософт или Фейсбук в США, Таобао и Вичат в Китае, Яндекс маркет / такси и Сбербанк онлайн в России, это естественные монополии эпохи диджитал. Естественный монополизм тут основан на чрезвычайно низкой маржинальности каждой транзакции и малой прибыли с каждого клиента. Бизнес должен окупаться за счет миллионов клиентов и позволять при этом поддерживать очень дорогостоящие инвестиции в Research & Development.

Эти диджитал платформы носят инфраструктурный характер, поэтому клиентам удобнее находиться в рамках одной коммуникационной системы. Стыковки между платформами, разным программным обеспечением слишком неудобны для клиентов, поэтому сами эти платформы имеют естественную тенденцию к слиянию. Этим же принципом обусловлен естественный монополизм индустриальной эпохи – например, железные дороги остаются естественной монополией во многих странах.

Современные корпорации не обязательно должны образовывать монополии или олигополии, но они объективно укрупняются. Цена исследований и разработок очень высока. Риски венчурных инвестиций требуют диверсификации и вынужденных потерь на многих новых направлениях. Замедлить инновационный процесс не позволяет обострившаяся мировая конкуренция, где в инновационную конкуренцию активно включились крупные развивающиеся страны.

Сделанный в России акцент на развитие экономики на основе нескольких десятков крупнейших корпораций, связан как раз с этой необходимостью укрупнения.

Выше я уже писал про роль корпораций как структур коллективного интеллекта. Именно корпорации способны внедрить сложные модели коллективного мышления и знания. Некоторые наивные исследователи пытаются увидеть будущее коллективного интеллекта в онлайн-нетворкинге,

сетевом сотрудничестве. Интернет это в основном библиотека, причем на одну книгу в этой библиотеке приходится 18 тонн мусора и грязи. Библиотека – это еще не мозг. Несколько мозгов, объединенных в сеть – это не более чем несколько человеческих мозгов. Только корпорации способны организовать коллективный мозг. Это достигается с помощью современных информационных систем, спланированных процедур принятия решений, экспертных иерархий и автоматизированных экспертных систем, систем контроля и обратной связи.

Особую роль играет и транснациональный характер современных крупных корпораций. Во-первых, это позволяет еще больше увеличивать размеры корпорации в мировом масштабе. Во-вторых, такие корпорации еще меньше зависят от национального регулирования отдельных стран. Благодаря диверсификации, они могут манипулировать властями отдельных стран, угрожая вывести налоги и рабочие места в другую страну. Корпорации более эффективны, чем государственные институты, обладают капиталом, лучшими интеллектуальными ресурсами, содержат собственную разведку и частные военные компании.

Все это вместе создает у некоторых наблюдателей ощущение, что государства приходят в упадок, а ТНК приходят им на смену в качестве мировой, глобальной власти и суперэлиты. Особенно эти слухи были популярны в первые десятилетия 21-го века, пока глобализация активно развивалась. Затем власти США и ЕС прижали транснациональные корпорации, при помощи тарифов и санкций. Но и сейчас продолжают распространяться как бы аналитические мнения, о том, что олигархия держит все нити мирового управления.

Эти рассуждения наивны. Вся мощь корпораций выросла на одной главной опоре, и государство полностью контролирует именно эту опору. Это право собственности.

Институциональные экономисты, в первую очередь Дуглас Норт, провели обширные исследования решающей роли института частной собственности в экономическом развитии Европы и США последних веков.

Как это принято в наше время, собственники хотели бы все заслуги приписать себе, получить прибыль, а затраты по возможности списать на общество.

Но в данном случае не получается. Институт частной собственности предоставлен корпорациям народом в целом, это результат общественного договора. Как мы обсуждали в первой части книги, конкретные институты – это как бы детализация общественного договора, приложение к основному договору, написанное мелким шрифтом.

Работающий институт частной собственности – это результат консенсуса общества и разных частей элит. Великие революции в Европе, в частности Великая французская и затем российская происходили в большой степени именно потому, что крупнейшие держатели собственности переставали ей

управлять в интересах всего общества. Пока общество считает, что капиталисты в целом приносят обществу больше пользы, чем вреда, капиталистов будут терпеть. Когда общество и части элит сочтут, что крупные владельцы собственности явно приносят больше вреда, чем пользы, то вопрос о собственности будет пересмотрен.

Думаю, что сами ТНК не испытывают лишних иллюзий по этому поводу. Эти иллюзии популярны скорее в кругах политологов, конспирологов и других экзальтированных гуманитариев.

Это же относится и к популярной теме олигархии – сотен семейств, которые держат все нити управления через цепочки собственности. Тут тоже не надо переоценивать зловещую роль корпораций. Пресловутые цепочки собственности, ведущие к Блэкрок и подобным фондам – это цепочки из множества корпоративных звеньев, чаще всего с неконтрольными пакетами владения. Эти цепочки не означают ничего иного, кроме финансового владения долями собственности. Например, Блэкрок через десяток звеньев владеет долей предприятия во Вьетнаме. В лучшем случае материнская компания сможет получить свою долю прибыли в этом предприятии, но вряд ли сможет даже повлиять на хозяйственное управление предприятием. Называть это щупальцами управления, протянутыми по всему миру – преувеличение.

Даже своим прямым подчиненным в американском отделении эта компания не может отдавать указания, выходящие за пределы бизнеса и правовых инструкций. Компания не может приказать им организовать акции гражданского протеста. Тем более она не сможет отдать такие указания компаниям, в которых владеет только долями собственности, и еще в чужой юрисдикции. Безусловно, олигархия влияет на политику, но в рамках элитных и лоббистских рычагов. А эти рычаги довольно ограничены, по своей природе.

Те, кто обсуждает конспирологические замыслы элит по управлению мировыми процессами, обычно неправильно себе представляют, как работают институты. Эти конспирологи находятся в плену метакогнитивной рамки, согласно которой всегда есть какой-то скрытый и хитрый план, а за ним есть тайное планирующее начальство, верхний субъект управления.

Каждый институт предоставляет инструментарий управления в конкретных областях. Армия ведет военные действия, а полиция ловит преступников. Бизнес-корпорации зарабатывают прибыль и стараются увеличить долю рынка. Даже в рамках прямой иерархии одного института бывает крайне сложно добиться нужного результата. В Управлении по борьбе с наркотиками США работает 10 тысяч бравых спецагентов, но наркотраффик только растет.

Каждый институт управления имеет десятки передаточных звеньев, уровней делегирования. Все эти уровни отрегулированы инструкциями и обучением соответствующих кадров. Олигархии безусловно переплетены с элитами

государственного управления и, в сущности, составляют вместе с ними одну элиту. Но они могут отдавать указания только в рамках компетенций и парадигм имеющихся институтов. Эти парадигмы и правила имеют множество предохранителей: разделение ветвей власти, баланс элитных интересов, демократия и роль Медиа и так далее.

Эта проблема имела место, в частности, при распаде СССР. И многочисленные военные, и милиционеры, и члены КПСС не имели инструкций, как вести себя в такой ситуации. Институты не имели механизмов внутренней защиты для такой ситуации.

Многое из того, что мы видим в новостях — это самодеятельность государственных институтов. Каждый институт действует по инерции, в рамках собственной парадигмы. При этом единого управления и целей уже нет. Например, дипломаты непрерывно проводят какие-то саммиты, евробюрократы проводят свои комиссии и совещания. Это не ведет ни к какому результату. Можно привести аналогию с крупным бизнесом: отдел продаж привлекает новых клиентов, но ему не сообщили, что продавать нечего. Производство не успевает наполнить склад. Это одна из самых типичных институциональных проблем — рассогласование между институтами.

Доля наиболее крупных корпораций составляет не более четверти экономики США и ЕС. Сами эти корпорации конкурируют друг с другом, то есть не могут пониматься как элита с едиными целями и интересами. И прежде всего, корпорации заняты своим бизнесом, а не политикой.

Корпорации являются как бы феодальными башнями в общем контексте сетевых институтов. И корпорации, и государственные иерархические институты Запада не могут контролировать основную часть населения и экономики, потому что это управление уже передано в сетевые институты.

Корпорации все меньше заинтересованы во вмешательстве в жизнь граждан. Для этого есть вполне объективные причины. Тотальное государство – это в основном продукт 18-19-го веков, результат масштабных войн, сначала в Европе, а потом и мировых. Уже наполеоновские войны потребовали тотальной мобилизации общества и экономики для целей войны.

Этим же путем развивались и другие европейские империи. Победив Наполеона, Российская империя сама строила модель экономики, прежде всего, обеспечивающую эффективный тыл для войны. При Сталине эта парадигма достигла своего наивысшего развития.

Отто фон Бисмарку приписывают фразу о том, что войну выиграл прусский школьный учитель – и это опять же констатация общества, прежде всего, как тыла для армии.

Либерализацию Западной Европы, России и США во второй половине 20-го века надо понимать как раз в контексте отказа от концепции тотальных войн с миллионами солдат. В 1990-е гг. вообще считалось, что наступит вечный мир, «конец истории» и тому подобное.

Во всяком случае, прусский школьный учитель получил возможность заниматься собственно преподаванием знаний, а не подготовкой новых боевых единиц для армии.

Оказалось, что и для государственных институтов, властных элит, постоянное напряжение мобилизации избыточно и некомфортно. Советские элиты с 1970-х годов осуществляли сначала ползучий протест против такой модели государства, а затем и разрушили его открыто. Это мировоззрение выразил Борис Гребенников в знаковой песне конца 1980-х гг.: «Мы ведем войну уже семьдесят лет, / Нас учили, что жизнь - это бой. / Но по новым данным разведки / Мы воевали сами с собой».

Либеральные мыслители 1980-х гг. утверждали, что советская власть, генералы и КГБ подавляют народ по причине своего внутреннего сталинизма, тяги к тоталитаризму. Действительно, отчасти имела место эта типичная институциональная и поколенческая инерция. Многие руководители СССР сами воевали еще в Великую Отечественную войну, выросли при Сталине, и всю жизнь управляли государственными институтами в формате горячей и холодной войны.

Элитам более молодого поколения гораздо меньше был присущ внутренний тоталитаризм, поскольку этот формат управления предполагает колоссальные трудозатраты и риски.

Ослабление государства, уменьшение зон его контроля, передача многих функций на саморегулирование сетевым институтам – это комфортный компромисс между элитами и обществом. Такой компромисс был возможен до 2020-х гг., пока на горизонте не замаячили все более явные очертания новой мировой войны.

Общество освобождалось от мобилизационной диктатуры государства. Это не только институты административно-планового управления, как в СССР, но и не менее тотальная в Европе и США диктатура «прусского учителя», то есть дрессировка мышления и поведения.

Элиты, в свою очередь, освобождались от военного стиля несения службы, суровой ответственности за ошибки. Элитам ничуть не меньше, чем массам, хотелось отдохнуть от таких обязанностей на своих яхтах – не теряя при этом свое элитное положение.

Затем отдых несколько затянулся и начал переходить из поколения в поколение, начинаясь сразу от рождения. Отсюда и возникло некоторое понижение уровня элит на Западе в последнее время.

В условиях, когда угроза войны отошла на задний план, оказалось, что элитам не очень много нужно от общества.

Формат крупных корпораций производит прибыль и власть фактически в автоматическом режиме. Создан механизм постоянного производства инноваций, их интеграции в бизнес; механизм формирования спроса и обеспечения сбыта. Созданы алгоритмы управления сотрудниками, основанные на интеграции тысяч специализаций, где ни один сотрудник (и даже руководитель) не может сколь-либо существенно влиять на бизнес в целом.

В последнее время все это дополняется роботизацией производства и внедрением искусственного интеллекта.

Массы интересны корпорациям в основном как покупатели товаров и услуг. Но в силу колоссального инновационного отрыва производственных возможностей крупного бизнеса от малого и среднего бизнеса, у потребителей нет выбора, кроме как покупать дешевую и эффективную продукцию крупного бизнеса.

Сотрудников крупному бизнесу нужно все меньше, их доходы все выше. Обеспечить пополнение и подготовку штатов через образовательные институты лучшего уровня не составляет труда.

В этом контексте надо понимать феномен организации современной власти и государственных институтов. Они защищают в основном интересы крупных корпораций и получают доходы тоже в основном от крупных

корпораций. Народные массы нужны в основном, как гарантированный рынок сбыта.

Институты-корпорации становятся похожи на блистательные и мощные феодальные крепости, стоящие на холмах среди сельских полей и деревень. Феодал мало вмешивается в повседневную жизнь крестьян, довольствуясь тем, что те платят налоги и соблюдают установленные порядки.

Государство распространяет свое влияние на все меньшее количество областей, не вмешивается напрямую в сетевые взаимодействия. Это преподносится как достижение либерализма, освобождение, но в действительности это принцип неуловимого Билла из анекдота. Дело не в том, что Билла никто не может поймать, а в том, что он никому не нужен.

Либералы должны быть рады, поскольку либертарианская реальность наступила. Они сотни лет пытались избавиться от гнета государства, церкви, элит – и наконец избавились. Теперь элитам и государству нет никакого дела до них и до большинства населения тоже.

Внимание институционалистов больше обращено на опыт и историю Запада, который создал наиболее совершенные институты. Однако, опыт развивающихся стран также предоставляет ценный материал для институциональных наблюдений. Парадоксальным образом, опыт развивающихся стран часто может служить индикатором будущих изменений для всего мира, в том числе развитых стран.

Дело в том, что в рамках западной модернизации внедрились в основном научно обоснованные, прогрессивные, дисциплинарные институты. Эти институты в значительной степени были спроектированы по принципу «как должно быть». Накопленная эффективность и мощь западных институтов обуславливает их инерцию, слабую чувствительность к переменам.

Институты развивающихся стран гораздо слабее и локальнее, они чаще всего не могут охватывать и дисциплинировать все общество. Часто они спроектированы не по принципу «как должно быть», а в тактических целях упорядочивания общества и экономики, в рамках имеющихся ограниченных возможностей управления. В связи с этим институты развивающихся стран гораздо гибче и быстрее реагируют на объективные перемены в обществе и экономике. И поэтому в некоторых случаях адаптацию институтов развивающихся стран к переменам (глобализации, постиндустриальной экономике и т.д.) можно считать опережающим индикатором и для развитых стран.

Так, тенденции неолиберализма в экономике, начавшиеся в 1970-е годы, то есть дерегулирование, внедрение сетевых институтов, гораздо полнее были реализованы именно в развивающихся странах. В некоторых странах к тому моменту тотальная планово-административная система не была еще создана (Индия, Латинская Америка) и это облегчало переход сразу к сетевым

институтам. В СССР система планирования и контроля действительно была довольно тотальной, но ее обрушение в 1990-е гг. расчистило место для создания сетевых институтов.

В результате во многих развивающихся странах сейчас преобладают фактически либертарианские методы управления.

Реальный размер теневых экономик Индии, России, стран Латинской Америки не изучен и не отражен в официальных документах. По сопоставлению разных независимых показателей, таких как объемы продаж в ритейле, независимые оценки уровня зарплат (например, портал Numbeo.com), энергопотребление и т.д. ВВП этих стран должен быть выше примерно на треть, чем это указано в официальных документах. В России, по официальному заявлению Росфинмониторинга, теневая экономика в 2019 году составляла 20% ВВП.⁶⁶

В 2000-е годы я собирал отраслевую статистику по малому и среднему бизнесу, в рамках исследований Российской ассоциации лизинговых компаний и рейтингового агентства «Эксперт РА». Эти исследования проводились методом сплошного наблюдения выбранных отраслей, независимо от государственной статистики.

Наши исследования показали в 2002-2005 гг. размер отрасли финансового лизинга в 10-20 раз больше, чем это было отражено у Росстата (особенно лизинга для малого бизнеса). Результаты этих исследований публиковались,^{67,68} и в дальнейшие годы Росстат обратил внимание на эту отрасль. Впоследствии оценки Росстата приблизились к данным независимых исследований.

Само расхождение было вызвано тем, что в этой отрасли преобладал малый и средний бизнес. Этот бизнес не имел в официальной отчетности полной картины деятельности (невысокая детализация), а также вел часть деятельности «в тени». Росстат же в то время получал данные фактически только из официальной отчетности.

В случае финансового лизинга, в то время это была быстро растущая, новая отрасль, и государственная структура Росстата просто не успевала так же быстро адаптировать свою методологию и сбор данных.

Сейчас Россия входит в число развитых стран по всем основным показателям, и статистическое наблюдение в целом приведено в порядок. Но такие страны как Индия, многие страны Юго-Восточной Азии, Южной Америки отстают в своем развитии еще на много десятилетий. Там эти проблемы статистической неточности имеют массовый характер. Во многих

⁶⁶ Solopov, M., Starostina, Yu., Tkachev, I. (2019). Financial intelligence estimated the volume of the shadow economy in Russia at P20 trillion. RBC.
<https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee?from=newsfeed>

⁶⁷ Kashkin, V. (2003). Leasing-100. Expert, 45.

⁶⁸ Kashkin, V., Kazibekov, A. (2002). Top 50 leasing. Expert, 48.

из этих стран даже население учтено довольно неточно, паспорта имеют не все.

В жарких странах с плодородным климатом многие семьи живут за счет собственного фермерского хозяйства, которое чаще всего не отражается в статистике, поскольку все расчеты происходят за наличные, или по бартеру, без обложения налогами. С учетом низкой доли урбанизации, например, в Индии (65% остаются сельскими жителями) и странах Юго-Восточной Азии (в среднем похожие показатели), на подсобные хозяйства приходится значительная доля ВВП и реальных доходов населения – которые, однако, не учтены в официальной статистике.

Внедрение сетевых институтов рыночной экономики в России привело к тому, что до половины всех трудящихся еще в 2010-е годы работали в «теневом» секторе. Об этом заявляла, в частности, вице-премьер Ольга Голодец: информационное агентство Интерфакс приводит знаменитое заявление от 2013 года о том, что 38 миллионов россиян работают в тени и заняты непонятно, где и чем. "В секторах, которые нам видны и понятны, занято всего 48 млн человек. Все остальные - непонятно, где заняты, чем заняты, как заняты", - отметила Ольга Голодец⁶⁹.

Это подчеркивает либертарианский характер сетевых институтов. В России эти рыночные институты были еще довольно новыми – позже государство упорядочило эти сегменты рынка труда, в том числе введя режим самозанятости.

Этот пример показывает, что половина населения вполне могла существовать и работать в рамках сетевых институтов, при этом практически не пересекаясь с иерархическими институтами государства. Годы, когда министры еще не знали, где работают 38 млн. россиян, были не худшими для российской экономики. Экономика и доходы населения росли. Потерянные миллионы россиян покупали автомобили, строили дома и брали ипотечные кредиты.

В 2019 году правительство РФ предложило режим самозанятости, причем только в 22-х из 89 российских регионов. Уже к 2024 году в этом режиме зарегистрировались 10 млн человек – из 79 млн. всех людей трудоспособного возраста – и это только в четверти регионов РФ.

Я привожу этот пример, чтобы подчеркнуть либертарианский характер сетевых институтов. Россия одновременно управляется и вертикалью власти государственных институтов и крупных корпораций – и вместе с тем сетевыми моделями саморегулирования, охватывающими большинство населения. По существу, таким же образом устроено соотношение иерархических и сетевых институтов в Европе и США. Администрирование сетевых институтов на Западе налажено лучше, за много десятилетий, но их

⁶⁹ Golodets, O. (2013). Deputy Prime Minister Golodets: 40 million Russians are busy "with who knows where and what". INTERFAX.RU. <https://www.interfax.ru/russia/299143>

суть остается такой же либертарианской. Отличие в том, что башни иерархических институтов в современной России более едины, а на Западе пока пребывают в раздробленности и разногласиях.

По меркам иерархических государств, каким был СССР, или Европа до второй мировой войны, такое либертарианство назвали бы несовершенством институтов, недоработками государства. Но в 21-м веке эта модель созвучна сетевой организации экономики. Отсутствие официальной регистрации трудящихся в Индии или в России, негласно устраивает и трудящихся, и работодателей, и государство. Работодатели не платят зарплатные налоги, которые в России составляют около 40% от суммы зарплаты; это позволяет также повысить сумму, выплачиваемую работнику или фрилансеру на руки. Правительство в России фактически финансирует общественные фонды (медицина, пенсионный фонд, социальные расходы) из доходов крупных корпораций, в том числе экспортных. Правительство, по-видимому, рассматривает попытку сбора налогов с этих теневых трудящихся как проблему стрижки котлов – визгу много, а шерсти мало.

Кроме того, это фактическое освобождение малого и среднего бизнеса от части налогов. При принуждении к этим налогам, многие бизнесы вынуждены были бы закрыться, и опять же суммарный сбор налогов скорее всего бы не увеличился (кривая Лаффера, описывающая оптимизацию собираемости налогов). Именно поэтому правительство и ввело режим самозанятости с чрезвычайно низким налогом 4%, видимо, рассчитав, что выше этого уровня ставка будет сокращать, а не увеличивать налоговую базу и суммарную собираемость налогов.

При распространении на все регионы, число самозанятых может увеличиться до 20 млн. человек, то есть около четверти всех занятых в России. Это пример официальной институционализации либертарианской реальности в 21-м веке.

Режим самозанятости фиксирует фактическое лишение граждан ряда социальных льгот, в частности, увеличивается возраст выхода на пенсию (медицинская страховка и бесплатное образование в России предоставляется всем гражданам в равной степени и не зависит от официального трудоустройства). Но либертарианская экономика формирует значительные профициты благосостояния, подробнее речь об этом пойдет в следующей главе.

Взаимодействие между иерархическими и сетевыми институтами становится на Западе все более трудным и проблематичным. Создателем сетевых институтов была центральная власть, иерархические институты. Центральная власть написала законы, распространила институты судебной системы, полиции, рыночной экономики. При том, что во второй половине 20-го века доходы росли практически для всех слоев населения на Западе, глубоких противоречий между властью и сетевыми формами организации не было.

Но постепенно, с взрослением сетевых институтов это начало напоминать проблему блудного сына. Сначала родителям кажется, что ребенок послушен и под контролем. А в какой-то момент оказывается, что он уже взрослый, родителей не уважает и имеет совершенно другие взгляды и претензии в жизни.

Сетевые институты, по своей природе, это именно самоорганизация людей и бизнесов. Государство помогло создать правовые рамки этой деятельности, но не более. Эти самоорганизованные граждане и бизнесы к интересам элит и государственной власти не имеют отношения. Они руководствуются собственными интересами и целями.

Ситуация с тарифными войнами США против Китая выявила все рассогласование между сетевыми и иерархическими институтами на Западе.

В России принято делать акцент на том, что Дональд Трамп воюет с некими глобалистами в западной элите. Глобалисты и ТНК в западных элитах, безусловно, есть. Но в институциональном аспекте, это противостояние между иерархическими институтами прежнего государства и сетевыми институтами бизнеса и глобализации. Дефицит торгового баланса США образуется не по причине какого-то замысла, а именно в результате действия рыночных сил и сетевых транснациональных бизнесов.

В этом смысле, заявления о том, что Трамп или США остановят глобализацию – это абсурд. Глобализация имеет сетевой характер во всем мире и продолжается независимо от Трампа и США. Максимум, США могут снизить свое участие в глобализации, да и то очень частично.

Еще более явно неподчинение сетевых институтов государственной власти было проявлено в ситуации санкций США и Европы против России, принятых в связи с военной операцией на Украине.

Невзирая на самые свирепые санкции со времен холодной войны, сопоставимые только с санкциями в отношении Ирана и КНДР, российская экономика не пострадала. Реальные доходы населения продолжили расти, ВВП показал рост, по данным Всемирного банка. Экспорт, с учетом реального «теневого» экспорта снизился незначительно.

История этой войны и санкций еще не написаны. Но здравый смысл подсказывает, что такое благополучие российской экономики, в том числе внешней торговли, было бы невозможным без активного содействия западных корпораций.

Перечисление примеров этого содействия заняло бы еще одну книгу. Так, ключевые для российского оборонного комплекса и других высоких технологий полупроводники продолжили поставляться в Россию из США – теперь через Мальдивы. Мальдивы, до того не имевшие подобного экспорта, внезапно стали важнейшим мировым экспортером полупроводников.

Ряд стран, не присоединившихся к санкциям, в частности, Китай, Индия, Турция, Объединенные Арабские Эмираты и другие страны стали

посредниками для подобных поставок. Европейские и американские компании продолжили поставлять практически все необходимые комплектующие, которые Россия покупала у них и ранее. Это касается нефтесервисного оборудования, авиационного, промышленного и так далее. В России за годы войны, к счастью, не возникло именно технических дефицитов – оборудования, техники, электроники, лекарств.

На самом деле наша страна преодолела бы и такие дефициты. Так, большинство внутренних авиарейсов заменимы железной дорогой и автотранспортом. Многие виды оборудования, спецтехники и автомобилей при необходимости могут производиться в России, но на более отсталом технологическом уровне. Но этого не понадобилось – западные партнеры не прекратили поставок более современных технологий и комплектующих.

Пресловутый «теневого флот» России, насчитывающий до 600 нефтетанкеров, может быть невидимым для властей США и ЕС, только если уж очень старательно закрывать глаза.

Этот кейс важен для понимания отношений между иерархическими и сетевыми институтами на Западе. Дело не в том, что в западных элитах сидят мощные глобалисты и лоббируют обход санкций и отмену тарифов. Это довольно ошибочное представление. Глобалисты в элитах Запада не могут быть супермощными, поскольку вся доля внешней торговли и международных потоков капитала составляет менее 10% ВВП США и Евросоюза. Тарифы и санкции наносят сокрушительный удар по бизнесам западных транснациональных компаний – и именно в этом аспекте протекционисты в США выигрывают с разгромным счетом.

А вот где они проигрывают – это в попытках соревноваться с сетевыми институтами. Вся масса бизнесов и людей, занятых в сетевых институтах, уже не подвластна иерархическим институтам государства. И это связано с самой той институциональной организацией, которая была предоставлена сетевым институтам. Деятельность этих бизнесов регулируется законодательством и законами рынка. Так было спроектировано с самого начала.

Теперь иерархически власти Запада оказались в ловушке своего же проекта. И санкции против России, и тарифы против Китая противоречат духу и букве как Всемирной Торговой Организации, так и многих других законов и принципов самих же США и ЕС.

Обходящие санкции западные корпорации не судятся по этой теме, видимо, только в целях общего сохранения лица западных элит. Они не подают в суд, а инициаторы санкций и тарифов «не замечают» того, что санкции не соблюдаются.

Сетевая модель регулирования подразумевает регулирование через законы, а не путем прямых приказов. Настроить же законы таким образом, чтобы они прямо отменяли предыдущие законы, часто бывает невозможно. Особенно это невозможно в англосаксонской системе права, основанной на прецедентах и common law, устоявшихся по факту нормах и правилах.

Сетевые институты — это палка о двух концах. С одной стороны, они облегчают управление для элит, снижают налоги и затраты на администрирование. С другой стороны, народ и бизнес перестает подчиняться центральной власти. Центральной государственной власти подчиняются в полной мере, только его иерархические институты и корпорации. Про Петлюру говорили, что он контролирует только землю, находящуюся под его вагончиком. Так и государство на Западе все больше контролирует только тех чиновников и полицейских, кому оно непосредственно платит зарплату.

В ходе либерализации были раздуты модные идеи о сетевых методах управления. Казалось, что государство сохраняет возможность влиять на управление в любой нужной сетевой точке. На практике это оказалось возможным только в мирное и спокойное время. В условиях войны и мировой нестабильности сетевая модель предоставляет опасные «серые зоны», где неизвестно кто и как управляет.

Более того, сетевые институты — это полноценный управляющий субъект. Да, он управляется не так, как мы привыкли видеть управление в иерархических структурах. Это управление больше похоже на коллективный интеллект и самоорганизацию муравейника. Но этот муравейник имеет собственные интересы и волю. И они могут совершенно не совпадать с интересами государственных элит.

В России пространство и экономика организованы иерархическим способом. Это естественная организация в условиях большого пространства и трудного климата. Она закреплена исторически сложившимися институтами. В этом смысле в России преобладание иерархических институтов над сетевыми довольно естественное. Большинство самоорганизованных структур не смогут выжить или свалются в нищету, если попробуют отказаться от сотрудничества со структурами государства. Это и произошло с большинством отсоединившихся советских республик и Чечней в 1990-е.

В Европе и США, наоборот, естественным является преобладание сетевых институтов над иерархическими. Современные сетевые институты, например, в США всецело соответствуют архетипу и духу организации общества и экономики 19-го и более ранних веков. В условиях нынешнего благосостояния западного общества, нет сильных факторов, которые вынуждали бы общество к иерархической организации. Добровольно никто не будет ходить строем — на это идут тогда, когда другие варианты явно хуже.

Но самоорганизованные социотехнические системы типа «человейник» плохо совместимы с модернизацией. Значительная часть успехов США и Европы обусловлена эффектом масштаба. Это единый рынок, единое законодательство, образование, практики ведения бизнеса и так далее. Сетевые институты сами не смогут поддерживать такое единство. Помещение самоорганизованных систем в прогрессивные институциональные рамки — это было достижение модерна, пока государством управляли сильные элиты.

Сами социотехнические системы для себя таких рамок и такого единства вырабатывать не могут. А влияние элит на сетевые институты, и сами их компетенции, существенно снизились.

В США элиты хотят снова усилить роль иерархических структур, государства и корпораций. Но непонятно, как это сделать. Промышленное производство и другие крупные корпорации все меньше нуждаются в сотрудниках. В этом состоит главная трудность нынешнего периода для Запада, которую вполне можно называть, по Николаю Бердяеву, «Новым Средневековьем»⁷⁰. Тут нет легких или тактических решений. Нужен полноценный переход общества в эпоху экономики знаний, к чему пока не готово ни общество, ни элиты.

⁷⁰ Berdyaev N.A. (1924). The New Middle Ages: Reflections on the Fate of Russia and Europe. Berlin: Obelisk.

2.4 | ОБЩЕСТВЕННЫЕ И РЫНОЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ

2.4.1. Проблема общественных благ: современное состояние

Проблема общественных благ и коллективных действий остается центральной проблемой 21-го века, однако приобретает новые характеристики в условиях постиндустриальной экономики.

Привлечение внимания к проблеме общественных благ как центральной проблеме при капитализме начаты Марксом и марксистами в 19-м веке. Ими были предложены радикальные методы экспроприации капитала в общественную собственность - и затем осуществлены на практике коммунистами в ряде стран. Радикальная экспроприация капитала была адекватна проблемам стран догоняющего развития, находящихся на невысоких этажах мир-системы, поскольку они не могли и не могут сконцентрировать капитал для развития рыночными способами. Для стран капиталистического центра эта проблема была гораздо менее выражена - там капитал присутствовал в избытке (в том числе за счет притока из развивающихся стран), и экспроприации частных капиталов не требовалось.

В результате этой разницы повестки и последовавшей холодной войны между капиталистическим и коммунистическим блоком стран, марксизм на Западе не развивался и был фактически запрещен как вредный и опасный. Нежелательной на Западе была объявлена даже политическая экономия, поскольку эта дисциплина породила такое чудовище, как марксизм.

Основной проблемой в США и Европе первой половины 20-го века был не дефицит капитала, а чрезмерное неравенство, низкие доходы трудящихся и отсутствие социальных гарантий. Эти проблемы решились отчасти в результате борьбы профсоюзов и левых партий за права трудящихся, отчасти в силу механизации производств и сельского хозяйства. Механизация промышленности потребовала всеобщего образования, на порядок выросла средняя производительность труда, и как следствие, доходы трудящихся.

В западную экономическую теорию значение спроса, а следовательно, совокупных доходов граждан, было введено Джоном М. Кейнсом.

Осмысление проблемы общественных благ в рыночной экономике шло несколько другими путями, чем в русле марксизма. Рональд Коуз привлек внимание к проблеме трансакционных издержек и возникающих социальных издержек – негативных экстерналий. «Теорема Коуза» вошла в учебники экономики. Она гласит, что проблема экстерналий может быть преодолена,

если все права собственности установлены, а транзакционные издержки минимизированы.

С этого начинается характерная для обсуждения общественных благ борьба за прояснение квадратуры круга. Установление прав собственности, очевидно, является не рыночным механизмом, а государственным или общественным регулированием. Таким образом, для решения проблемы дефицита общественных благ надо усилить общественное регулирование – то есть увеличить объем общественных благ. Права собственности необходимо не только установить, но и постоянно защищать. Это напоминает проблему вечного двигателя – при самых лучших технических решениях, он все равно потребляет чуть больше энергии, чем производит.

Об этом писал Карл Полаanyi в книге «Великая трансформация», вышедшей в 1944 году⁷¹ – а именно, что саморегулирующийся рынок не может действовать без механизмов регулирования. Но сам он не порождает этих механизмов регулирования, то есть требует вмешательства извне и поэтому не может считаться на самом деле саморегулирующимся.

Во второй половине 20-го века дискуссия о проблеме общественных благ развивается вокруг «трагедии общин». Речь идет о коллективном использовании пастбищ или рыбных озер, где каждый участник хочет максимизировать выгоду от добычи или выпаса для себя, но при этом минимизировать свой вклад в общие ресурсы. Мансур Олсон использовал также термины «проблема безбилетника» и проблема маяка по аналогичному поводу.

За исследования трагедия общин и предлагаемых стратегий коллективных действий Элеонор Остром получила Нобелевскую премию по экономике в 2009 году.

На мой взгляд, Остром попадает в ту же неразрешимую проблему вечного двигателя. Предложенные Элеонор Остром способы достижения коллективных правил по управлению общественными благами требуют взаимного доверия, налаженной коммуникации, стратегического мышления – то есть наличия развитого социального и человеческого капитала. Социальный и человеческий капитал являются видами нематериальных общественных благ. Получается, что для решения проблемы общественных благ в одном месте (например, для пастбищ), надо иметь уже избыток общественных благ в виде социального капитала.

Другими словами, если вы бедны, просто положите миллион долларов на свой счет, и проблема бедности будет решена. Где взять этот миллион? Это вопрос для дальнейших исследований.

⁷¹ Polanyi, K. (1944). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. New York: Farrar & Rinehart.

Долгое время социальный капитал вообще не считался значимым активом – до тех пор, пока мы не столкнулись в последние десятилетия с его приватизацией, проеданием и просто исчезновением.

Однако, привлечение внимания к «трагедии общин» чрезвычайно важно. Трагедия общин действительно является описанием системных проблем, связанных с общественными благами. И в отличие от марксистской политэкономии, которая определяет проблему общественных благ как вину владельцев крупного капитала – трагедия общин иллюстрирует, как проблеме общественных благ порождают сами трудящиеся. В условиях сетевых институтов, массового роста среднего класса во всем мире именно этот аспект проблемы общественных благ занимает центральное место.

Предложения Элеонор Остром и Мансура Олсона по организации коллективных действий можно сопоставить с теми реальными трудностями, которые возникают в этой сфере в наше время. Целый ряд факторов затрудняет формирование коллективных договоренностей и выработку новых принципов, на которых могли бы существовать общественные блага и институты.

1. Прежде всего, это **высокий темп перемен в обществе и экономике**. Для выработки правил игры нужно, чтобы сама игра повторялась сколь-либо длительное время. Правила коллективных действий вырабатываются за счет статичности, повторяемости одних и тех же практик в рамках той же территории и той же общины – что и демонстрирует Остром в своих исследованиях и примерах.

Дуглас Норт обращает внимание на то, что известная недоговороспособность участников в базовом варианте дилеммы заключенных обусловлена подразумеваемым разовым характером игры. При повторяемости, преступники бы постепенно выработали нормы – что на практике и делается в рамках неписанного кодекса, понятий организованных криминальных структур.

В наше время, каждые 10 лет хайп глобализации сменяется хайпом тарифных войн и санкций. Эпоха социальных сетей сменяется эпохой искусственного интеллекта. Роботизация и автоматизация меняют структуру занятости в целых отраслях. В таких условиях не только общественные договоренности не успевают сформироваться, а даже гораздо более быстрые коммерческие проекты успевают открыться, вырасти и прогореть.

Как ни парадоксально, но безграмотные крестьяне древности, веками жившие на одном месте, с большей вероятностью были способны к регулированию правил совместных действий. Эта сильная солидарность и коллективизм до сих пор заметны в деревнях и малых городах.

Тогда как высокообразованные специалисты, жители глобального города, вряд ли способны к таким устойчивым договоренностям.

Поскольку в их собственной жизни нет ничего устойчивого – места проживания, места работы, тем более идей и убеждений – все меняется в любой момент. Городское западное общество, по определению британского социолога Зигмунта Баумана, – это текучее общество, которое часто меняет образ жизни, место жительства, работу, хобби, идентичность. Это не позволяет выработать устойчивые социальные нормы.

2. **Проблема информационной асимметрии, плохой коммуникации.** Хотя интернет и социальные сети резко подняли возможности сетевой коммуникации, проблемы коммуникации перенеслись на другой, когнитивный уровень. Эффект «эхо камеры», преобладание рекламного и развлекательного контента сделало коммуникацию еще более затрудненной. Исчезло единое информационное поле, то есть общие метакогнитивные рамки. А без этого люди перестали понимать друг друга. Мы видим это в новостях о международной дипломатии, когда все будто бы хотят договориться, и не могут ни о чем договориться. Это расхождение на уровне метакогнитивных рамок. Каждому кажется, как «само собой» то, что другому так не кажется.

3. **Отсутствие доверия и солидарности.** Социальный капитал преимущественно приватизирован или используется в коммерческих, рациональных целях. Подробнее об этом речь пойдет далее в этой главе. Партия, допустим, социалистов – это, прежде всего, политический бизнес ее руководства. Меньшинства в США – это прежде всего бизнес верхушки этих меньшинств. Это заметили уже интеллектуалы на Западе и начали критиковать повестку с позиций, что она не выражает интересы, собственно, самих меньшинств. Борис Кагарлицкий подробно разобрал эту проблему в книге «Между классом и дискурсом»⁷².

4. **Дефицит социального интеллекта и способностей к координации.** Воспитание в компьютерных играх и социальных сетях привело к массовому аутизму, ослаблению эмоционального интеллекта и способности к коллективному взаимодействию. Городские жители не знакомы даже с соседями и часто не имеют устойчивых дружеских связей. Алгоритмические цифровые модели, такие как онлайн банк, онлайн знакомства, онлайн шоппинг привели к атрофии эмоционального интеллекта. Не надо больше проявлять коммуникативные компетенции для романтических знакомств – достаточно следовать цифровому алгоритму. Не надо нести неудобств, связанных с дружбой, поскольку преимущества от дружбы можно заменить платными услугами и развлечениями.

⁷² Kagarlitsky, B. (2017). Between class and discourse. Left intellectuals on guard of capitalism. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics.

Это на самом деле ведет к деградации способности к командной работе в целом. А многие сложные виды производственной деятельности не могут воспроизводиться без настоящей командной работы. Алгоритмические бизнес-процессы применимы далеко не всегда. Это социальные проблемы, которые еще проявят себя в ближайшие десятилетия.

5. Капитализация свободного времени. Нерабочее время, которое раньше могло быть направлено на общественные и политические встречи, общественную деятельность, сейчас посчитано до минуты – поскольку каждая минута может быть потрачена на максимизацию индивидуального заработка (и для этого есть ряд онлайн сервисов, позволяющих продавать свой труд буквально по часам – репетитором, таксистом, курьером). Или на максимизацию удовольствия от потребления.

6. Отсутствие стратегического мышления. Договороспособность в режиме контракта возможна только при развитых способностях аналитического, рационального, долгосрочного (стратегического) мышления. На практике серьезные проблемы безбилетника возникают именно на фоне отсутствия таких способностей у членов современной городской общины – и успешно решаются там, где община обладает такими способностями. Так, большинство отраслей в США регулируются саморегулируемыми, то есть общественными организациями, работающими на взносы членов этих бизнес-сообществ. Но именно в среде массового среднего класса, помещенного в сетевые институты, такой культуры мышления нет. Раньше это мышление поддерживалось за счет лидеров общественного мнения – ученых, хорошо образованных журналистов, писателей. Сейчас иерархия экспертности отменена и заменена принципом комфортности информации или суждений для потребителя. Это ведет к быстрой деградации способностей к аналитическому мышлению среднего гражданина.

7. Рыночные институты систематически опережают общественные в своем развитии. Хотя рыночные и общественные институты могут не конкурировать в смысле прямой рыночной, бизнес-конкуренции, они в любом случае конкурируют за людей и ресурсы. Возникает известный эффект «Бедные беднеют, богатые богатеют».

Эффективные и прибыльные рыночные корпорации получают лучшие человеческие и материальные ресурсы, которые делают их еще более эффективными и еще более прибыльными.

Очевидно, что общественные институты и корпорации не могут в такой конкуренции побеждать, так как не приносят прибыли. Общественные институты, наоборот, лишаются человеческого

капитала, других ресурсов, и становятся все более и более непривлекательными для сотрудников.

8. Выгода от расхищения общественных благ и затраты на их защиту. Индивидуальная выгода от расхищения общественных благ может быть очень высокой – даже если они защищены законом. Это демонстрирует, например, непобедимая отрасль наркоторговли. Это же можно сказать и про неустранимую коррупцию государственных чиновников, сохраняющуюся даже в развитых странах.

Даже если члены общины смогли договориться и выделить ресурсы на защиту общественных благ, совершенно не факт, что этот ресурс будет достаточным. Часто все зависит от самой специфики организации конкретной отрасли, вида деятельности. Нарушить закон часто может быть дешево и довольно безопасно, при ожидаемой значительной выгоде – а защититься от каждого нарушения дорого и практически невозможно.

Отсюда и возникает концепция дисциплинарного общества как социальной нормы. Как писал Джордж Мартин «власть – это тени на стене», то, во что люди верят. Капитализм по факту сопровождается протестантской этикой, по Веберу, и революцией трудолюбия, а не только свободным рынком и гражданскими правами.

В условиях текучего общества, постмодернистских политических игр, отмены традиционных институтов на Западе поставлена под сомнение единая социальная норма, дисциплина и уважение к власти – и это одна из основных проблем США и Европы в ближайшее столетие.

На фоне нерешенности и даже накопления проблем общественных благ возникает соблазн вернуться к старым марксистским рецептам. А именно, попытаться заставить олигархов оплатить проедаемые общественные блага. Коммунистические идеи после кризиса 2007 года стали постепенно, под другими названиями, распространяться в официальной политике США. Раньше на это было установлено категорическое табу.

Не буду говорить обо всех негативных побочных эффектах таких экспроприаций капитала, неэффективности государственного менеджмента – об этом написано очень много.

Я обращаю внимание на то, что, во-первых, прибыль современных корпораций составляет довольно небольшую часть от выручки, в среднем около 5%. Из этой прибыли формируются риск-резервы, инвестиции в Research & Development и т.д. Глобализация породила конкурентный рынок, в том числе для крупного бизнеса. А на конкурентных рынках прибыль со временем начинает приближаться к нулю. Необходимость поддерживать зомби компании путем количественного смягчения – это и есть результат убыточности корпораций в условиях глобальной конкуренции.

Зарплаты тоже определяются объективными условиями рынка труда. Этот рынок сейчас максимально эффективный и прозрачный. То есть той сверхэксплуатации рабочих, которая имела место в 18-19 веках, сейчас нет, и особенно на Западе.

Кроме того, крупные корпорации концентрируют не более 25-30% активов в современных развитых экономиках, все остальное — это средний и малый бизнес, то есть сетевые форматы. А проблему общественных благ формируют все 100% граждан.

Возникает типичная ловушка институциональной инерции, колеи. Левые партии спроектированы под одну главную идею: заставить капитал делиться с трудящимися. Эту идею понимают и разделяют их сторонники. Но тема эта исчерпана, из нее уже выжато все, что можно. Дальнейшее выжимание бизнеса в пользу общества, как это происходит до сих пор в Европе, ведет только к колоссальным налогам, падению конкурентоспособности и поощрению безработицы через щедрые пособия. И в итоге к падению реальных доходов самих же трудящихся.

Основные проблемы общественных благ сейчас порождает само же общество, на уровне миллиардов людей и миллионов малых и средних бизнесов. Это еще раз подчеркивает обозначенный выше тезис о том, что сетевые институты доминируют в современном мире, и большинство порождаемых общественных проблем тоже относятся к ним, а не к злой воле тайных элит.

2.4.2. Профициты благосостояния в рамках сетевых институтов

Либерализация, сетевые рыночные институты способствовали росту благосостояния населения и совокупных производственных возможностей мировой экономики в последние десятилетия. Благодаря этому, удалось решить многие проблемы, которые традиционно относили к общественным благам.

Основные общественные проблемы вызваны бедностью, отсутствием модернизации и ограниченными производственными возможностями. Эти проблемы решаются естественным образом при росте производственных возможностей и производительности труда. С этой задачей сетевые, либертарианские институты во всем мире справлялись довольно хорошо, во всяком случае, до недавнего времени.

Хотя в любой стране принято сетовать на неравенство, инфляцию и недостаточный экономический рост, только за последние 70 лет благосостояние в мире в среднем выросло в среднем в семь раз в реальных ценах (подробнее об этом в пятой части книги).

Когда я первый раз посетил Вьетнам, в 2005 году, средняя зарплата там составляла 24 доллара. Обед в дорогом ресторане на двоих стоил 4-5 доллара. Когда я посетил Вьетнам спустя 20 лет, в 2024 году, средняя зарплата там составляла около трехсот долларов. Обед в аналогичном ресторане хорошего отеля стоил уже около 40-50 долларов. С поправкой на инфляцию, рост реальных доходов во Вьетнаме составил около семи раз за 20 лет.

Хотя Вьетнам является преимущественно плановой экономикой, но его развитие основано на возможностях глобализации. Это и экспортноориентированная модель развития, и импорт технологий, которые играют большую роль в развитии всего этого региона, и копирование институтов развитых стран.

Вьетнам рос быстрее, чем большинство других стран региона, но в целом направление и динамика его соседей были похожими. Рост реальных доходов составил 4-5 раз в большинстве стран Юго-Восточной Азии, по сравнению с началом 2000-х гг.

Характерно, что в Камбодже уровень жизни вырос, в относительных показателях, похожим образом. Хотя она придерживалась прямо противоположной Вьетнаму модели – либеральный рынок, завышенный курс национальной валюты и твердая привязка к доллару США. Правда в Камбодже, в отличие от Вьетнама, до сих пор не созданы инфраструктурные отрасли, такие как собственное производство электричества.

В Китае в 1990-е годы средняя зарплата составляла 50 долларов, в 2025 году – более 700 долл. США. Даже в самых бедных и отсталых странах, как например, Камбоджа, формируются крупные города с населением 0,5 – 2 млн., обладающие всей современной инфраструктурой и средним классом со

средней зарплатой около 300 долл. А еще в 1990-е гг. эта страна находилась на грани массового голода.

Этот рост благосостояния меньше ощущается в развитых странах Европы, США и Японии, где в реальных ценах доходы среднего класса не выросли по сравнению с 1980-ми годами.

Рост мирового богатства связан, в первую очередь, с научно-техническим прогрессом и ростом среднего класса. Плановые экономики СССР и Китая демонстрировали те же или даже большие темпы роста, чем западные экономики. Однако поскольку преобладающая часть экономических институтов в современном мире – либеральные и рыночные, следует признать, что именно сетевые рыночные институты обеспечили колоссальный рост мирового богатства в последние десятилетия. В том числе и Китай подпитал свой рост в существенной степени за счет рыночной части экономики.

Как мы видим на примере Ирана и Северной Кореи, попытки профинансировать научно-техническое развитие без интеграции с рыночной экономикой и без участия в глобализации, плохо работают. Социально-экономические институты встраивают инновации в жизнь общества, соединяют их с трудом, капиталом и потреблением. Так формируются эффективные социо-технические системы. Гораздо более успешная плановая экономика Вьетнама формирует 80% ВВП за счет экспорта, то есть участия в рыночных институтах глобализации.

Многokратный рост благосостояния, хоть и возник в рамках рыночных институтов, обеспечивает рост совокупного общественного благосостояния. Это ведет к росту финансирования общественных фондов, таких как пенсии, медицина, безопасность и государственное образование. Это рост инвестиций в науку, инновации и человеческий капитал.

Рыночные доходы увеличивают обеспечение неработающих членов семей – детей, матерей, занятых воспитанием, пожилых родственников и т.д. Рыночные институты решили многие крупные инфраструктурные задачи, которые традиционно (и особенно для развивающихся стран) рассматривались как задачи для государственного планирования и финансирования. Так, крупные транспортные проекты в Юго-Восточной Азии (автомобильные дороги, морские порты и аэропорты) – это в основном коммерческие проекты.

На частной, рыночной основе произошло массовое распространение мобильной связи, интернета и всех основанных на этом диджитал приложений для населения и возможностей для бизнеса. Цифровизация открыла новые возможности массового и дешевого образования, доступа к знаниям, резко повысила уровень трудовой мобильности и потенциал адаптивности рынка труда.

Цифровизация удешевила многие повседневные транзакции – банковские услуги, ежедневные покупки – тем самым экономя средства и время

домохозяйств. В экономических терминах, вырос профицит покупателей по большинству видов товаров и услуг.

Глобализация, движимая рациональными мотивами корпораций, создала значительный приток крупных инвестиций в развивающиеся страны, включая инфраструктурные проекты. Современная логистика, тоже вполне рыночный институт, обеспечила возможность участия в глобализации множества малых и средних бизнесов.

Рыночные институты создали и множество положительных экстерналий. Положительными экстерналиями я тут называю положительные эффекты для общественных благ и профициты производителей и покупателей, которые возникли вследствие деятельности рыночных корпораций и бизнеса.

Для примера можно назвать несколько крупных **положительных экстерналий** мирового масштаба:

1. **Внедрение мобильных и интернет-сетей во всем мире.** Это облегчило коммуникацию и повысило эффективность, связность многих рынков и создало множество возможностей для трудоустройства и заработка, трудовой мобильности;
2. **Фактически бесплатный контент интернета: база знаний и образования** стала доступной для самых бедных слоев мирового населения. С распространением искусственного интеллекта, самый бедный ребенок в Африке получил доступ к индивидуальному репетитору по всем предметам, вплоть до университетского уровня. Включая голосовое общение с носителем иностранных языков, то есть все то, что раньше было доступно только верхним классам развивающихся стран.
3. **Распространение культуры.** Хотя в России и Европе Голливуд часто воспринимается как понижающий уровень нашей культуры, для большинства отсталых стран третьего мира он, безусловно, повышает уровень культуры. Фильмы и сериалы заменяют чтение книг и газет для малообразованного населения, способствуют изучению английского языка и т.д.
4. Глобализация как возможность **трудовой мобильности и бизнес-мобильности.** Как никогда стало возможно и трудоустройство в других странах, и выход на рынки других стран – даже для малого и среднего бизнеса. Тарифные войны США не отменяют того факта, что глобализация носит сетевой характер. Взаимопроникновение на рынки, инвестиции активно продолжаются между Индонезией и Малайзией, а не только между США и Китаем.
5. **Снижение издержек для бизнеса.** В сфере услуг, экономики знаний, цифровой экономики за последние 20 лет значительная часть бизнес-процессов была заменена на автоматизированные – цифровые

и искусственный интеллект. Это привело к удешевлению этих процессов на порядок.

Поэтому, например, образование в онлайн школах стало доступным за очень невысокую цену. Высокие зарплаты курьеров и таксистов обусловлены не какой-то особой ценностью их труда, а именно эффектами цифровизации бизнеса, в котором они участвуют.

6. Возможности **копирования успешных бизнес-моделей**. В любом городе мира, придя в торговый центр, в фитнес зал, или супермаркет, изнутри трудно бывает понять – оказался ли ты в Пекине, Бангкоке или Атланте, США. Стоило бы организовать такой квест: угадай изнутри, в какой ты стране. Копируются эффективные бизнес-модели, как в оффлайне, так и в онлайн. Копируется городская среда и образ жизни. Любой современный город больше похож на другой город за океаном, чем на село в десяти километрах. Все это копирование осуществляют в основном рациональные, рыночные институты.

Для развивающихся стран огромным **профицитом стало фактически бесплатное копирование западных институтов**. За формирование этих институтов модернизации Запад заплатил ценой мировых войн, фашизма, прошел тяжелый путь проб и ошибок. Развивающиеся страны могут копировать – и копируют – уже готовую версию работающих институтов. Можно сказать, эта бесплатная передача самого дорогого в мире нематериального актива – институционального – покрывает убытки, нанесенные этим странам западным колониализмом прежних веков.

Сетевые рыночные институты позволили встроить инновации в социально-экономический процесс. И тем самым создали как бы самокатящееся колесо прогресса и повышения уровня жизни во всем мире. Это дало Фрэнсису Фукуяме некоторые основания, чтобы объявить о «конце истории».

Однако, конца истории не произошло. Разгорается мировая война. Уровень жизни в США и Европе постепенно снижается для большинства населения. Общество на Западе погружается с каждым следующим поколением в социальный киберпанк, психический невроз и дезориентацию.

Проблема состоит в том, что рыночные институты хорошо справились с проблемами благосостояния и генерации прибыли, а также с обеспечением общественных – в основном материальных – благ.

Но трагедия общин, системное недофинансирование общественных благ при капитализме не исчезла по сути. Теперь она проявилась в **недофинансировании и проедании нематериальной составляющей общественных благ – самих общественных институтов**.

2.4.3. Сетевые институты порождают стихийные, либертарианские институты

Надо пояснить, что в реальности грань между сетевыми институтами и стихийными, либертарианскими – довольно зыбкая. Я уже приводил примеры про отсутствие статистического и налогового учета, которое часто превращается в неформальную норму, особенно в развивающихся странах. То ли фрилансеры – это такой сетевой формат, то ли они работают «в тени», на самом деле, неважно. В любом случае, до них никому нет дела.

Иерархические институты, в свое время создававшие рамки для сетевых институтов, теперь ослабли и уже не пытаются следить за этими рамками так строго, как раньше. В свою очередь, сетевые институты за последние десятилетия породили уже свою социальную реальность и неформальные правила.

Они породили всемирную цифровизацию и сетевую глобализацию, охватившую весь мир. Они превратили, например, отрасль Медиа в миллионы малых Телеграм- и Ютуб-каналов и форумов социальных сетей. Вот эта реальность, уже не спроектированная государством, как сетевые институты, сама стала институтом. Это и можно называть стихийными, либертарианскими институтами.

В развивающихся странах часто либертарианская, сетевая организация имеет место по факту, по причине слабости государства. Но и на Западе участие государства постепенно возвращается к форматам 19-го и более ранних веков, когда государство контролировало только свои ключевые интересы.

В формирующихся в последние десятилетия стихийных, либертарианских институтах проблема общественных благ проявлена еще сильнее, чем при старом промышленном капитализме. Иерархический капитализм способен упорядочить проблемы общественных благ и не допускать их варварской эксплуатации, по крайней мере, в своей юрисдикции. В том числе, в соответствии с теоремой Коуза, - при четко установленных правах собственности проблема экстерналий саморегулируется.

Стихийные институты порождают огромное количество серых зон, правовых двусмысленностей. Государство не спешит прояснять каждую из таких проблем, поскольку просто не имеет ресурсов для сопровождения миллионов сетевых транзакций. Собственно, поэтому они и были переданы на саморегулирование сетевым институтам. Государство устанавливает неявный барьер для доступа к судебной системе. Сама стоимость подачи иска и ведения процесса так высока, что оправдана только при довольно крупных суммах исков – то есть отсекает большинства спорных ситуаций от государственного регулирования.

Растущая армия юристов и адвокатов в США – это попытка решить институциональные проблемы частным образом. Это аналог частных

охранных предприятий и высоких заборов вокруг домов богачей. Каждое такое частное решение, в тактическом смысле, ведет к выигрышу того, кто больше заплатил. Но в общественном смысле, только увеличивает накопление негативных экстерналий, таких как приватизация закона в пользу богатых, рост неравенства, коррупция и т.д.

Высокий темп перемен и прогресса во всем мире привел к уничтожению традиционных общественных институтов. На Западе это связано с постиндустриальной «жидкой современностью», в развивающихся странах – прежде всего, с урбанизацией, которая разрушила традиционные социальные институты.

Но если рыночные институты в любых условиях быстро оживают и вырастают как грибы после дождя, то с общественными институтами такого не происходит. В новой сетевой и либертарианской реальности общественные институты оказались никому не нужны, с коммерческой точки зрения.

Традиционные институты исчезли сами, а модернизированные общественные институты никто не торопится создать. В результате то, что раньше регулировалось традиционными общественными институтами, сейчас регулируется коммерческими институтами и рациональным поведением.

Заводить ли детей, оценивается как коммерческий проект, который либо посилен, либо принесет непосильные убытки. Родственные и дружеские отношения оцениваются с позиций максимизации полезности, как этого требует экономическая теория, чтобы ожидаемые выгоды превышали ожидаемые издержки. Отношение к государству, учителям, полицейским пытаются сформулировать с точки зрения оказания услуг населению. Не важно, обещало ли вам государство оказывать услуги – в сознании среднего современного человека все происходящее является сделкой, других парадигм просто нет.

Сама эта коммерциализация мышления связана с преобладанием рыночных институтов, которые заняли место социальной нормы. Тогда как в традиционном обществе поведенческие нормы больше были заданы традиционными общественными институтами.

2.4.4. Проедание общественных институтов и благ

Большинство системообразующих институтов тоже являются общественным благом. Когда обсуждают общественные блага, обычно говорят о государственной медицине, образовании, социальных пособиях, инфраструктуре, экологии и т.д.

Почти никогда не упоминается, что, например, закон, культура или концепция истины тоже является, в сущности, общественным достоянием.

Эти системообразующие институты даже больше подвержены паразитизму, поскольку общество в наименьшей степени осознает их ценность и то, что они вообще являются общественным благом. Между тем они представляют такой же системообразующий каркас современного образа жизни, не в меньшей степени, чем доступ к электричеству, интернету и транспорту.

На эту проблему указывал Ортега-и-Гассет. «Основы, на которых держится цивилизованный мир и без которых он рухнет, для массового человека попросту не существуют. Эти краеугольные камни его не занимают, не заботят, и крепить их он не намерен» - пишет Ортега-и-Гассет. - ...«Если же мы хотим пользоваться благами цивилизации, но не заботимся о ней, то можем мигом оказаться без всякой цивилизации. Достаточно нескольких промахов, и она может исчезнуть как дым, как завеса, скрывавшая нагую природу»⁷³.

Приведу примеры из современной практики. Паразитизм на концепции истины достиг катастрофических масштабов. Каждый политик, маркетолог, пиарщик и политехнолог, а также самозванный блогер или инфобизнесмен спешит впарить слушателям свою версию правды. Есть даже социальная норма, в духе того, что «каждый имеет право на свое мнение», у каждого своя правда. Это будто бы либеральная установка, хотя, в сущности, это примитивная, до-цивилизационная установка, которая просто созвучна пониманию большинства.

Истина не существует как воздух, она защищается институтами науки и рационального знания. До начала западной философии, условно говоря, до Сократа, такого представления не было. С исчезновением науки из массового информационного пространства, некому защищать и концепцию истины.

Разрушение концепции истины и рационального знания уже очень дорого обходится обществу, и будет обходиться еще дороже. Человек утрачивает шансы на ориентацию в жизни и на солидарность. Командная работа становится очень проблематичной, поскольку у каждого есть свое мнение, и все мнения равны. Разрушается концепция иерархии, основанная на принципе опыта и квалификации. Все равны, и у каждого свое, равно ценное мнение. Без профессиональной иерархии невозможна командная работа над

⁷³ Gasset, Jose Ortega Y. (1930). The Revolt of the Masses. El Sol.

чем-либо сложным. Иерархические институты и корпорации еще могут обеспечить такие иерархии, а сетевые институты – все меньше.

На сегодняшний день человеческий, социальный и институциональный капитал не защищены никакими формальными законами. Более того, они даже не сформулированы на уровне измерений, не определены как общественные блага. Измерения находятся в самой ранней стадии становления и не присутствуют в общественном дискурсе.

Эти виды капитала существуют в нашей жизни, как само собой, как воздух. О проблеме воздуха люди обычно начинают думать тогда, когда воздух загрязнен, дышать стало трудно, и с этим надо что-то делать.

При наличии реальной ценности активов и отсутствии прав собственности, ограничений использования и даже символически сформулированных запретов на злоупотребления и присвоение этого капитала – начинается его активное разграбление.

Ортега-и-Гассет писал: «Баловень — это наследник, который держится исключительно как наследник. Наше наследство — цивилизация с ее удобствами, гарантиями и прочими благами. Как мы убедились, только жизнь на широкую ногу и способна породить подобное существо (современные массы)».

Справедливо отмечена ситуация наследования институтов цивилизации. Современные массы оказываются перед рациональным выбором: пойти работать, в поте лица своего создавать новые институты цивилизации? Или паразитировать и проедать так удачно полученное наследство? Хомо экономикус твердо знает, где прибыль выше, а издержки ниже. Это в проедании наследства, а не в создании нового.

Практикуются разные способы паразитизма или присвоения. Один – использовать, но не платить (проблема безбилетника). Другой – приватизация общественных благ, присвоение, самозахват.

Отношение масс к институтам можно охарактеризовать как выедание вишенки из торта. Массы не признают дисциплинарную, некомфортную сторону институтов; или ту, где за институты надо платить. Однако они охотно готовы пользоваться всеми благами, которые предоставляют институты цивилизации.

Например, они не против играть с маленькими детьми или внуками, но не хотели бы брать более обширную ответственность. Друзья хотят общаться с вами, когда им комфортно, но не тогда, когда вам нужно. Деградация семьи происходит именно в этом контексте деградации дружбы, доверия и социального капитала в целом.

Лидер, общественный деятель жаждет общего внимания, репутации, но забывает о том, что для этого надо еще и служить обществу, а не только преподносить свой имидж. Служить обществу это гораздо более трудозатратно и некомфортно, чем представить свой имидж на ютуб-каналах

и в инстаграме — и поэтому лидеры стараются обходиться без таких затратных составляющих. В этом состоит объяснение политики спектакля, а не только в политическом манипулировании.

Рациональные рыночные институты помогают измерять каждое человеческое действие, каждую секунду времени в категориях затраты-выгоды. Созданы рациональные, рыночные механизмы капитализации любых благ или трудового времени. Например, Uber или другие онлайн сервисы такси, позволяют водителю «продать» несколько часов своего рабочего времени в день. Эти же сервисы помогают извлечь выгоду из загрузки имеющихся основных фондов — автомобилей. Причем часто автомобиль принадлежит не водителю, который получит частную прибыль, а его работодателю или его родственникам. Родственники и работодатель передали водителю автомобиль на основе доверия и хороших отношений (социальный капитал), а этот конкретный водитель, с помощью рыночного цифрового института ловко превратил этот социальный капитал в дополнительную частную прибыль. Забыв уведомить об этом родственников или работодателя.

Такого рода приватизацию социального капитала, культуры, мы можем наблюдать повсеместно. Например, постмодернистская заумь про деконструкцию — это, в сущности, приватизация общечеловеческого культурного наследия с целью разделить на части, перепозиционировать и продать с получением частной прибыли. Так в 1990-е годы в России обнищавшие рабочие и колхозники осуществляли «деконструкцию» государственных предприятий и колхозов на кирпичи — с целью получения индивидуального дохода. Сейчас на Западе происходит такая же деконструкция общественных институтов, нематериальных общественных активов.

Доверие, смыслы и ценности эксплуатируют рекламщики и политтехнологии — с целью извлечения своей частной прибыли. Общий социальный и культурный капитал преобразуется а) в частную прибыль и б) в гору мусора и выжженное поле, на том месте, где раньше между людьми было доверие и устойчивые системы отношений.

Почему такое в принципе возможно, хотя наносит явный вред обществу и даже элитам?

Во-первых, ценность институтов не осознается. Они даны как воздух, от рождения. Хорошие человеческие отношения, надежное государство, сильная культура и образование.

Во-вторых, рациональные рыночные институты предлагают конкретные механизмы конвертации этих общественных благ в частную прибыль. Поскольку рыночные институты обычно опережают общественные в своем развитии, общественные институты даже не успели осознать, что их обкрадывают. Рациональные институты обкрадывают общественные, даже не нарушая закон — поскольку по большинству параметров социального,

человеческого, культурного капитала законов нет. Как их не было до недавних пор по теме экологии, поскольку свежий воздух разумелся, как само собой.

В-третьих, вступает в действие невидимая рука рынка и рациональный выбор участников рынка. Что выгоднее: в поте лица создавать новую стоимость или заняться проеданием полученного наследства? Обычно второе намного выгоднее. Институты цивилизации – это бесплатно полученное наследство. Это наследство настолько обширно, что проедать его можно всю жизнь, и даже еще что-то останется.

Абсурд современной постиндустриальной экономики на Западе состоит в том, что в ней приравнены и смешаны экономические операции создания стоимости и проедания стоимости. Такие термины не используются в западной экономической теории (Экономикс), поскольку нет законов, запрещающих проедать социальный и институциональный капитал. Это понимание не выработано даже на уровне неформальных норм – следовательно, это нельзя назвать проеданием. Значит, это такое распределение. А распределение, рационализация, обмен не менее нужны экономике, чем производство.

Такая проблема в отставании законов – это системная проблема отставания общественных институтов от рыночных. Распределение и обмен полезны для экономики, а проедание вредно. Будучи поставленными в одно правовое поле, в режим свободной конкуренции (условно свободной – на самом деле правовой, защищенной институтами права), созидание с треском проигрывает проеданию.

Этот замкнутый круг поддерживается элитами, которые сформированы на Западе в основном из наследственных собственников, и тоже понимают деятельность как синоним освоения наследства. Попадающие в элиты люди не из наследников, тоже быстро понимают, что разделить общий хайп по освоению наследства гораздо интереснее, чем пытаться создавать что-то новое.

Эти элиты на политическом уровне формируют союз с маргинальной частью восставших масс, ориентированных не на труд, а на пособия, передел собственности, то есть агрессивные формы проедания. И таким образом насаждается парадигма проедания, как преобладающей социальной нормы. Именно это так сводит с ума нормальных граждан, средний класс трудящихся. Все это проедание в общем-то органически чуждо нормальному среднему трудящемуся. Но эти «ценности» навязываются пропагандой и информационной картиной сверху – и с опорой на крикливые массы получателей пособий снизу.

2.4.5. Примеры проедания общественных институтов

Нельзя сказать, что поднявшиеся массы поголовно вульгарны и деструктивны. Выходцы из глубинки, необразованных слоев оказываются иногда очень талантливыми и трудолюбивыми. Институты цивилизации не разрушены полностью, отчасти они продолжают выполнять свою цивилизующую роль. В большой части выходцы из низов сознательно работают над повышением своего образования, квалификации и культуры. Это вполне понятно, поскольку именно выходцу из бедной деревни, малого города или из бедных стран, не на что опереться в карьере, кроме самого себя и своих квалификаций. Установки декаданса, инфантилизма и разврата такому человеку естественным образом не близки.

Эти люди, опирающиеся на классические ценности, в общем и составляют становой хребет всей нашей цивилизации. Они работают, платят налоги и ипотечные кредиты, воспитывают детей и умеют терпеть. Они не требуют пособий и не устраивают политических истерик.

Но есть меньшая часть восставших масс, которая характеризуется отказом цивилизовываться, сохранением самых вульгарных практик поведения. Среди них есть свои лидеры (по сути, «антилидеры»), характеризующиеся особой энергичностью, карьеризмом, напором в сочетании с вульгарными и циничными манерами. Именно эти люди идут по головам, энергично организуют коррупционные схемы. Не стесняются любых подлостей, по мере сил присваивают себе общественный капитал и на доллар частной прибыли выбрасывают в общество негативных экстерналий на тысячу долларов.

Эта часть масс целенаправленно доламывает общественные институты, которые и без того покосились по собственным причинам. Часто эти «новые варвары» и не скрывают своих политических и бизнес-амбиций, которые они хотят осуществить, ломая старые институты. Такими энтузиастами, в частности, был развален СССР, чтобы в пятнадцати образовавшихся новых государствах в каждом возникла своя олигархическая и политическая элита. По совпадению, этими новыми элитами в основном оказались те же люди, которые и упраздняли СССР.

Западные элиты заинтересованы в союзе именно с варварской, разрушительной частью масс. Поскольку это помогает деградирующему сословию наследственных элит удерживать монополию на власть (подробнее деградация элит и монополия на власть обсуждается в пятой части книги). Эти элиты поощряют незаконную миграцию и произвол мигрантов, движения ряда меньшинств и агрессивный левый популизм.

Союз деградирующих элит и варварской части масс создал социальные нормы, политическую повестку, которую на Западе удалось навязать и основной части трудящихся. Такой социальной нормой является основанный

на повестках неолиберализм – представление любых традиционных институтов как вида диктатуры, а освобождение от них, как пути к счастью.

Но важно подчеркнуть – самые опасные процессы протекают в самом обществе, а не в информационной и политической повестке. Повестку можно сменить, это и происходит регулярно. Поменять социальные нормы, убеждения большинства гораздо труднее.

Паразитическое отношение к институтам превратилось в социальную норму для большинства на Западе. Институты разрушаются не только прямыми указами сверху (хотя безудержно растущий госдолг, нарушение норм ВТО, политическая агрессия против недавних союзников – это прямое разрушение институтов сверху). В основном институты цивилизации «проедаются» самим обществом.

Коррупция стандартов – это самый типичный способ того, как массы (с помощью элит) разрушают прежние институты. Коррупция может представать в виде кражи, присвоения, взятки – именно это чаще всего обсуждают. Но менее обсуждаемый и наоборот, самый важный вид коррупции – это коррупция стандартов – понижение качества продукции, уровня услуг, содержания деятельности института. Под знаменитыми немецкими брэндами, которые раньше гарантировали высшее качество, продаются товары, сделанные в Китае. Сама китайская техника стала намного лучше в последние годы – но где та эпоха 1970-90-х, когда Бош и Сименс, сделанные в Германии, обозначали высший стандарт качества?

Немецкие вооруженные силы, Бундесвер формально существуют. В нем, по официальной информации служат 181 тыс. солдат и офицеров. Однако, сможет ли он выдержать хотя бы день войны, вызывает сомнения у многих аналитиков.

Немецкое издание Der Spiegel, со ссылкой на свои источники в Бундесвере разобрало проблематику применения современных систем вооружений, которая вскрылась во время войны на Украине. Оказалось, что чем технологичнее и современнее система вооружений, тем менее она полезна на поле боя. Немецкие поезда постоянно опаздывают – еще один типичный пример коррупции стандартов.

Много сказано о дехристианизации Запада, уменьшении роли церкви и религии в жизни западного человека. Но в более широком контексте, в жизни западного человека произошло **уменьшение роли вообще каких-либо ценностей**.

В 19-м – 20-м веках религиозные ценности уступали место нерелигиозным гуманистическим ценностям – идеям о правах человека, демократии, коммунизме и антифашизме, национально-освободительной борьбе, борьбе с бедностью и т.д. Эти идеи имели колоссальную пассионарную силу, вовлекали миллионы людей в борьбу и самопожертвование. В советское время важную роль играли романтические устремления, связанные с

покорением пространств, которое выражалось в комсомольских стройках, спортивном туризме и альпинизме.

Все это крайне мало свойственно современному западному человеку. Всякие большие цели и смыслы слишком затратны и не совместимы с максимизацией потребления и комфорта здесь и сейчас.

Между тем, цели и ценности имеют структурирующую и направляющую роль для человеческой личности. Эта тема подробно разобрана в работах психологов 20-го века – Фромма, Франкла и других. Без целей и ценностей не преодолевается большинство психических проблем, и человек деградирует с возрастом.

Большие смыслы и цели требуют от человека издержек, но ведут человека по жизни, увеличивают жизнестойкость. На прикладном уровне, силу воли, внимание и способность доводить работу до конца нельзя нормально сформировать без ценностно-смыслового фундамента. Если такого фундамента нет, в любой неприятной ситуации основной мотив – это отказ от продолжения усилий. Что мы на практике и видим как очень типичное явление, - постоянная смена мест работы, мест проживания, в общем, инфантильность в широком смысле.

К извращению ценностей и смыслов в особенности приложили руку рекламные и политические технологии. Но надо признать, что массы с большим удовольствием потребляют эту бурду. Тут определенно спрос порождает предложение. Предложенные вместо ценностей мотиваторы-симулякры, такие как карьера, деньги, статус, потребление – это довольно слабая замена. К таким ценностям есть только один вопрос – а что, если к сорока годам человек понял, что успешный успех это было не для него, а ему в этом обществе отведено совсем другое место. И как назло, таких людей примерно 80%, то есть весь средний и бедный класс.

Понятие кризиса, деградации применимо сегодня ко многим институтам потому, что они сначала достигли небывалого расцвета в 20-м веке. Было бы более правильно говорить, что культура, и другие общественные институты возвращаются на то положение, которое было для них характерным в Европе в 19-м, 18-м и более ранних веках – то есть в течение большей части истории.

Взлет культуры в 20-м веке, высокий уровень массовой культуры, был обусловлен тем, что высокообразованные элиты все еще преимущественно сохраняли контроль над каналами распространения культуры. Сами каналы были в основном централизованными и иерархичными – телевидение, газеты, театры. Это позволяло культурным элитам творить, осуществлять цензуру и вообще формировать повестку.

Впервые в истории, в 20-м веке, широкие массы получили доступ к такому уровню образования и культуры, которое раньше действительно было доступно только для элит.

Но это продолжалось недолго. Уже к концу 20-го века уровень культуры начал понижаться, а с интернет-революцией, полностью отменившей монополию государства на медиа, уровень культуры окончательно упал. В обществе потребления все должно быть комфортным для масс – и культура стала тоже комфортной для масс. Массовая культура вернулась, по существу, на уровень народных частушек, потешек, лубка и блатных песен.

Между тем, культура играет колоссальную рефлексивную роль для общества, она фактически формирует самосознание общества. Культура, собственно говоря, формирует личность человека. Высокий уровень культуры означает высокую степень самоконтроля, саморефлексии, социальной адаптивности, то есть расширение пространства свободы воли.

Отказ от культуры, действительно, приближает человеческие сообщества к формату муравейника – самоорганизованной живой системы, которая руководствуется биологическими потребностями.

Рекламные и маркетинговые технологии беззастенчиво паразитируют на присвоении символического капитала. В одном супермаркете мне запомнилась регулярно звучащая реклама водки «Ледокол». Звучала пятая симфония Бетховена, затем голос советского диктора говорил, что-то вроде: «первый полет в космос, первая атомная станция, первый атомный ледокол. Нам есть, чем гордиться. Водка Ледокол». Даже если сейчас реклама водки запрещена в таком виде, суть не в этом. Это могли быть чипсы или прокладки. Дело в том, что подвиги народа не относятся к уровню потребления. Полет в космос и другие достижения — это уровень борьбы и подвига, мобилизации умственных и душевных сил.

Приравнивая это к уровню водки, прокладок или чипсов, несомненно, повышается символическая репутация предметов потребления – и настолько же понижается символическое значение борьбы и подвига.

Между тем, подобные «месседжи» звучат тотально и повсеместно. Каждый из них преследует частную выгоду, понемногу отщипывая от общего символического и институционального капитала. Для ребенка, который слышит эту рекламу, в сознании откладывается уже какая-то смесь между водкой, ледоколом и симфонией. Формируется метакогнитивная рамка, импринт такого характера, что без водки ледоколов не бывает. Без чипсов и прокладок симфонию не напишешь. Сознание современного человека, метакогнитивные рамки тотально замусорены такими установками, которые установлены с детства. Особенно при том, что каждый второй гражданин сейчас более точно даст определение понятию «чипсы», чем понятию «ледокол». Эти установки не образуют целостной символической системы. Это скорее мусорная свалка экстерналий общества потребления. Но эта мусорная свалка хранится на бессознательном или полусознательном уровне, на уровне метакогнитивных рамок.

Классические символы дискредитированы, а новые не созданы. Никто уже не верит в бренд водки и прочие потребительские символы. Все понимают, что

это обман и дешевка. Но и в ледакол уже тоже никто не верит, он дискредитирован.

Другой пример проедания общественных институтов — это деградация человеческих отношений и уровня общения, пресловутая атомизация. В институциональном ракурсе, это результат **проедания социального капитала**.

Социологи констатируют феномен «атомизации» современного городского человека, то есть формирования аутичности, падение уровня эмоционального и социального интеллекта. Снижается умение общаться, умение устанавливать и поддерживать надежные связи с другими людьми, проявлять гибкость и адаптивность в социальном общении.

Больше всего это связывают в исследованиях с досугом детей в компьютерных играх и социальных сетях. Опыт раннего возраста действительно определяющим образом влияет на формирование личности.

Но эта проблема имеет свои измерения и с институциональной точки зрения. Во-первых, высокий социальный интеллект, крепкие связи — это органическая черта локальных сообществ — деревень, малых городов. Там люди глубоко связаны друг с другом; коллектив — это единственная страховка и помощь в любых невзгодах. В этом основная историческая причина коллективизма.

Сильный коллективизм я наблюдал в равной степени в малых городах и деревнях Германии, США и России — но в то же время и в крупных городах Китая, Индии или Юго-Восточной Азии, особенно в тех городах, массовое переселение в которые из деревень произошло совсем недавно (например, в Шенчжэне или Пном Пене).

Крепкая социальная связь при коллективизме подразумевает, что человек не может покинуть общину; быть изгнанным (outlaw) это самое страшное наказание. Находить общий язык с общиной надо независимо от того, нравятся вам эти люди или нет. И оказывать поддержку другим тоже надо, независимо от личных пристрастий, потому что это вопрос социальной страховки, общего выживания.

Эта вынужденная тесная связь с общиной сначала порождает высокий социальный интеллект, а как побочный эффект — высочайшее искусство манипуляций людьми, хитрости и коварства, описанное во многих исторических романах. Христианский миссионер 16-го века Маттео Риччи говорил про такой стиль общения в средневековом Китае «лжец лжет лжецу».

При переселении в города, повышении уровня жизни и защищенности от природных угроз, утрачивается необходимость в такой тесной связи с общиной. Это основная причина индивидуализации, атомизации городского человека — но не единственная.

Устойчивая социальная практика формирует умения и институты. Высокая культура общения, человеческих отношений, — это уже можно считать

институтом, выросшим на основе вынужденного коллективизма. Это тонкое понимание человека и человеческих отношений мы можем видеть в великой литературе 19-го века.

Более поздняя научная психология, особенно нашего времени, со своими механистическими методами интерпретации поступков, чаще всего сильно уступает уровню понимания человека Достоевским, Чеховым, Гюго и Бальзаком.

Часто даже довольно квалифицированные психологи, авторы книг, совершенно искренне не понимают или очень поверхностно интерпретируют мотивы поведения человека, пытаясь все свести к одной-двум механистическим психологическим теориям.

Современный нарратив гласит, что любой институт можно заменить контрактом. И например, люди могут договориться общаться друг с другом так, чтобы им было комфортно, или не общаться, если это не комфортно. Эта установка на контракт сама является вынужденным следствием исчезновения более сложных институтов.

На самом деле культура общения, эмоциональный интеллект – это сложная компетенция, формируемая институтами (образования, социализации, великой литературы). Если у вас такой компетенции нет, вы не замените ее контрактом. Контракт на тему, что у меня ноль стоимости и у вас ноль стоимости, не очень продуктивен.

Деградация культуры общения и других связанных с этим институтов – это типичная деградация общественных институтов, на которые у рационального человека всегда не хватает времени и денег. Возвращаясь к языку институциональной экономики или политэкономии, мы можем констатировать эту проблему как деградацию социального капитала.

Социальный капитал – это совокупность межчеловеческих отношений, доверия между людьми, способность устанавливать надежные договорные отношения.

Ряд исследований в области социального капитала, доверия, показал, насколько это имеет большое значение для экономического развития. Так исследования Паола Сапиенца, Луиджи Гуизо и Луиджи Зингалес⁷⁴, показали взаимосвязь между доверием, социальным капиталом и экономическим развитием. Они показали, что в странах с высоким уровнем доверия финансовые рынки развиваются быстрее, а инвестиции более эффективны. Майкл Вулкок, исследователь Всемирного банка, подчеркивает важность

⁷⁴ Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2008). Trusting the stock market. *the Journal of Finance*, 63(6), 2557-2600.

Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2006). Does culture affect economic outcomes?. *Journal of Economic perspectives*, 20(2), 23-48.

Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2004). The role of social capital in financial development. *American economic review*, 94(3), 526-556.

социальных сетей и доверия для устойчивого экономического развития, особенно в развивающихся странах⁷⁵.

Чем выше доверие, тем ниже транзакционные издержки экономики. При низком доверии основные ресурсы субъектов экономики уходят на самооборону и защиту имущества, а не на развитие. Любые сложные проекты подразумевают солидарность, способность к командной работе. Успехи Китая, Южной Кореи и Японии в большой степени основаны именно на способности к сотрудничеству, на всех уровнях, вместо культа конкуренции, принятого в США и Великобритании.

Социальный и культурный капитал оказывается очень уязвим к паразитизму и расхищению. Здесь возникает вынужденная эскалация, описанная в теории игр как игра «Ястребов и голубей». В этой игре мирные голуби и агрессивные ястребы делят пищу. Чем больше ястребов в популяции, тем выше риск потерять всю еду, и тем выше мотивация самому становиться ястребом.

Хищение социального капитала – это банальная, всем известная социальная практика. Однажды вы замечаете, что некоторые ваши «друзья» вспоминают про вас, только когда надеются получить с этого контакта какую-то выгоду. Эти рациональные люди стараются капитализировать социальный капитал себе на пользу. Однако социальный капитал в равной степени принадлежит всем, и капитализируют они для себя и свой, и мой социальный капитал. Это игра win – lose, где один выигрывает, только если другой проигрывает.

Вскоре становится ясно, что, оставаясь добрым самаритянином, вы будете бесконечно субсидировать паразитических присвоителей общественного капитала. Когда же вам понадобится что-то от этих людей, вряд ли они хотя бы ответят на телефонный звонок. Думаю, ситуация более чем знакомая для жителей крупных городов.

Парадокс этой ситуации связан с тем, что социальный капитал как бы роздан всем в начале игры поровну. Мы даем знакомым какой-то кредит доверия, потому что нельзя же ко всем заранее относиться плохо – без этого невозможны социальные связи. Дальше, в ходе игры, многие стараются успеть приватизировать как можно больше этих кредитов доверия. Я имел дело с одной компанией, которая сначала заработала высокий кредитный рейтинг у банка, на основе длительного сотрудничества. А затем собственник «кинул» этот банк на всю сумму очередного кредита. Это очень рационально – если образовался нематериальный актив, репутация, то надо его превратить в реальные деньги.

Приватизируя социальные связи, человек разрушает не только лично свои социальные связи, но и доверие как доминирующий принцип, как

⁷⁵ Woolcock, M. (1998). Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. *Theory and society*, 27(2), 151-208.

Woolcock, M., & Narayan, D. (2000). Social capital: Implications for development theory, research, and policy. *The world bank research observer*, 15(2), 225-249.

социальную норму. Нормой становится хищничество и паразитизм. Или как минимум нормой становится крайнее охлаждение социальных отношений, глухая оборона от паразитизма. Это, собственно говоря, и есть атомизация современного человека.

2.5 | СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА

2.5.1. Профессиональные и отраслевые специализации

Специализация и разделение труда – это ключевая черта промышленной капиталистической экономики, описанная еще Адамом Смитом. Именно этот постоянный рост специализаций повышает экономическую эффективность системы в целом.

Не буду подробно останавливаться на этом утверждении – оно должно быть понятно экономистам. Хотя, как и многие другие (опять же специализированные!) концепции чаще всего это совершенно не очевидно для представителей других профессий – поскольку требует специальных доказательств, а не очевидно из бытового здравого смысла.

Сошлюсь вкратце на теорию абсолютных и относительных преимуществ, которая применима как к торговле, так и к обмену в рамках разделения труда на специализации. Разделение труда позволяет каждому участнику специализироваться на своих наиболее сильных преимуществах, в результате чего совокупная выработка товаров и услуг всегда больше, чем без разделения труда. В результате, в малых городах зарплаты обычно ниже, чем в больших, главным образом, по причине низкого уровня разделения труда. Если малый город встроен в глобальное разделение труда не хуже, чем большой город, как это часто имеет место в Европе или США, то и зарплаты там ненамного ниже более крупных городов.

Эта экономическая логика привела к дроблению на все более и более узкие специализации и в большой степени стала основой роста благосостояния в 19-20-х веках. Диверсификация специализаций стала тем более возможной и на фоне роста мирового населения вообще, и особенно в связи с урбанизацией населения Азии, Африки и Латинской Америки.

Вместе с тем, этот положительный экономический результат породил негативные социальные экстерналии – которые мало обсуждаются, в отличие от, например, экологических экстерналий урбанизации.

Это проблема утраты целостности личности, которую отметил еще Карл Маркс в «Экономико-философских рукописях», 1844 год⁷⁶, как «отчуждение труда». Маркс отмечает потерю рабочими удовлетворения от работы, в результате разделения промышленного производства на мелкие и монотонные операции. В философии и психологии 20-го века большое

⁷⁶ Marx, K. (1959). *Economic & Philosophic Manuscripts of 1844*. Moscow: Progress Publishers.

внимание уделено значению смысла в жизни человека – это логотерапия Виктора Франкла, а также экзистенциальная философия.

На практике основой смысла для человека является целостное понимание своей деятельности, то есть труда и, через это, своего места в обществе.

До урбанизации и развития профессиональных специализаций большинство населения вело крестьянскую и фермерскую деятельность. Эта деятельность по-своему целостная. Крестьянин видит целостный цикл производства – от посева до сбора урожая. Крестьянин взаимодействует с живой природой, животными и растениями. Сам отвечает за поддержание своего дома. Сам отвечает за борьбу с природными угрозами для жизни и сельскохозяйственного процесса. Сам изготавливает многие орудия труда.

Многое из этого можно наблюдать в деревне и сегодня. Сельский житель обладает гораздо более широким набором компетенций, чем средний горожанин, поскольку на своей земле отвечает за все – строительство, ремонт, борьбу с природными угрозами, производство и хранение своей продукции.

Именно такая деятельность обеспечивает крестьянину здравый смысл. Он понимает, как продукция производится, что ей угрожает, а что помогает. Это же относится и к обеспечению своего быта.

В городском мире специализированного труда только немногие профессии можно считать целостными. Под целостными я подразумеваю, как минимум, понимание всего цикла производственной деятельности, в которой участвует человек.

Среди квалифицированных специалистов целостной можно считать, например, работу предпринимателей, военных, руководителей, врачей и учителей. Это обычно также хорошо образованные люди, которые в силу хорошего образования получают целостное представление о жизни, даже если они не сталкиваются с природными угрозами напрямую.

Большинство современных горожан целостными назвать никак нельзя. Они не встречаются с природными угрозами напрямую, а образования не хватает для того, чтобы на абстрактном уровне достроить целостную концепцию деятельности, понять свое место в системе разделения труда. А также, чтобы понять, что преодоление рисков и природных угроз – это основная работа всего человеческого сообщества во все времена.

Отсюда возникает миллион инфантильных «психологических» теорий об особом месте в жизни городского человека, благоволении космоса и вселенной к такому человеку и так далее. Большинство специалистов, опять же в силу того, что и образование было узко специализированным – не имеют никакого внятного представления о том, частью какого целого является их специализация. Отсюда возникает еще множество теорий на тему, как же именно устроена система в целом. В эпоху неуважения к

научным авторитетам и рациональному мышлению по этой теме идет соревнование теорий заговора, эзотерических и мистических концепций.

Это проблема иронически, но точно представлена в рассказе Виктора Пелевина «Затворник и Шестипалый». Рассказ повествует о курах – жителях птицефермы, которые пытаются из личного опыта составить представление о том, как устроена система в целом.

При том, что система в целом еще и изрядно повреждена в ходе институционального кризиса, выдает массу багов, парадоксов и экстерналий, от этого у городского узкого специалиста совсем съезжает крыша. Мифология, эзотерика и все виды хайпов становятся основным способом понимания окружающего мира.

Проблема однобоко развитой интеллигенции сопровождает российскую жизнь с тех пор, как появилась интеллигенция. Так, герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и Наказание» Родион Раскольников – характерный продукт системы специализаций. Он университетский студент, в те времена это особый социальный статус, резко отличающийся от необразованного или малограмотного большинства.

Роль студента наделяет его чувством особой значимости. Между тем, как личность, он развит крайне однобоко. У него не развит ни эмоциональный интеллект, ни предпринимательские или лидерские способности. Он крайне неадаптивен. Он не умеет рефлексировать и рационализировать собственные желания и побуждения.

Это и есть типичный специализированный человек-инструмент. Он изготовлен системой образования по определенному лекалу, как орудие, для того, чтобы дальше его вставили в нужное место производственного процесса. Сам он себя никуда вставить не может, этому его не учили. Это и понятно – его готовили как винтик большой машины, удобный для хозяев машины, а не на роль руководителя.

В итоге, оставляя в стороне философию Достоевского, а говоря о поведенческом аспекте – Раскольников – это обезьяна с гранатой, опасная для себя и для окружающих. Он имеет отдельные раздутые потенциалы и совершенно не умеет их встроить в общественную жизнь, чтобы извлечь из этого пользу для себя и для общества. Огромное количество, например, технических специалистов в наше время представляют собой, по существу, ту же самую проблему – разве что не убивают старушек топором. Раздуваясь от чувства своих колоссальных знаний и умений, они объедаются чипсами за компьютерными играми, потому что не в силах выстроить хоть какие-то социальные отношения, и в карьере, и в личной жизни.

Феномен гнилой интеллигенции – это бедствие российской жизни с 19-го века. Этот феномен Чехов ярко описал в образе Лаевского («Дуэль»), этих интеллигентов критиковал Ленин. Зощенко использовал сатирический термин «человек полуинтеллигентный», Солженицын – «образованщина».

В сущности, речь идет о недоделанном продукте модернизации. Система образования дала такому человеку набор знаний; система разделения труда встроила его на достаточно приличных позиций в процесс создания стоимости. Личностью же этого человека никто не озаботился, а сам он оказался к этому не способен. На личном уровне возникли перекосы и несоответствия между чрезмерно развитыми одними сторонами личности (образование, отдельные типы интеллекта) и крайне недоразвитой мотивацией, непройденным взрослением, несформированным социальным интеллектом и здравым смыслом.

Профессиональная ориентация проявляется в достаточно раннем возрасте. Уже к 9-му классу школы профессиональные ориентации проявляются довольно определенно. То есть не обучение профессии формирует профессиональный тип, а прежде всего, сам тип личности тянется к определенным профессиям.

Если разобрать внимательнее методику наиболее признанного и используемого теста профориентаций Голланда⁷⁷ или других тестов профориентации, то в ее основе находится оценка когнитивных стилей, типов мышления и предрасположенности к определенным типам операций.

Дальнейшее обучение профессиональным специализациям позволяет современным людям все больше и больше делать акцент на развитии сильных сторон своего интеллекта и поведения, получая от этого все больше выгод в рамках обмена и разделения труда.

Любые врожденные способности можно сравнить с наличием музыкального слуха. При отсутствии такового, занятия музыкой будут даваться с большим трудом, а музыкальный слух после десяти лет занятий все равно будет не лучше, чем у человека, который просто родился с наличием музыкального слуха.

Поэтому специализации соблазнительны и в личном плане – они позволяют заниматься тем, что дается легче всего, и получать за это больше всего денег. Однако в результате этого и ранее слабые стороны личности атрофируются окончательно, и человек превращается в узкоспециализированный винтик. Эта узкая специализация неплохо работает в экономике, однако уже в личной жизни, человеческих отношениях, построении стратегии карьеры такой человек часто терпит полный провал. Специализации становятся когнитивной ловушкой, вследствие которой человек вечно ходит по кругу и не может даже осознать, почему терпит провалы. Для осознания требовалось бы развить недостающие части интеллекта и способностей – а таких частей нет. Равномерное развитие разных сторон интеллекта и личных способностей – это важнейшее условие целостной, гармоничной личности.

Да и просто нормального существования человека в обществе.

⁷⁷ Holland, J. L. (1979). Self Directed Search: a Guide to Educational and Vocational Planning. Consulting Psychologists Press.

Все мы знаем примеры узких специалистов, чрезвычайно компетентных в своей профессиональной области (например, программисты или инженеры) и крайне некомпетентных в области отношений с людьми, карьеры, бытового здравого смысла. Незрелость этих сторон личности в итоге «съедает» положительные эффекты от высокого развития специализированных профессиональных навыков. Нередко карьеру или успешный бизнес делает «середнячок» (с точки зрения узких специализаций), «троечник», — который не на самом высоком уровне, но владеет всеми сторонами интеллекта — техническими, социальными, профессиональными — и поэтому может их интегрировать. Тогда как узкоспециализированный профессионал может заработать большие деньги в своей профессии, и тут же их потерять, связавшись с явными мошенниками и поведясь на самые примитивные психологические трюки или «социальный инжиниринг».

Образование, кроме того, уделяет мало внимания целостному развитию лидерских качеств, мотивации, прохождению стадий взросления. А без этого образованный человек становится служебным — подчиняется тому, кто построит его в систему разделения труда. Впрочем, система образования и спроектирована не в последнюю очередь для того, чтобы в дальнейшем подчиненные всецело зависели от начальства, были заменимы и несубъектны, как винтики в машине.

Отсюда, кстати, такое горячее стремление к предпринимательству или хотя бы фрилансу у многих людей — это не обязательно более выгодное, но обычно более целостное занятие. Психотерапевт доктор Петер Гебель посвятил разбору этих мотиваций книгу под названием «Лучше маленький господин, чем большой слуга»⁷⁸.

Безусловно, люди имеют предрасположенность к определенным видам деятельности, это показывают тесты профориентации, тесты когнитивных стилей, и затем это проявляется на практике. Однако у большинства людей преобладающий тип деятельности и мышления выражен не слишком явно. Выраженными можно считать несколько когнитивных стилей. Иногда несколько типов мышления являются равно выраженными. Тем не менее, человек встает на определенный профессиональный путь и далее движется по нему и углубляет свою колею — потому что полученное образование, карьерный опыт, связи создают инерцию и приносят дальнейший успех. То есть это уже институциональные причины, то, как устроена система профессий и специализаций, как организован спрос на рынке труда.

С институциональной точки зрения, такая колея — это наилучший выбор. С точки зрения человеческой личности — почти лишает человека шанса на актуализацию. Актуализация и гармоничное развитие личности в большой

⁷⁸ Göbel, P. (1990). Successful young entrepreneurs: better to be a small master than a big servant! What skills do company founders need? Munich: mvg-Verl. In the original: Göbel Peter (1990). Erfolgreiche Jungunternehmer: lieber kleiner Herr als grosser Knecht! Welche Fähigkeiten brauchen Firmengründer? München: mvg-Verlag

степени основано на гармоничном развитии разных сторон личности, разных типов восприятия и разных когнитивных стилей.

Поскольку и образование не решает проблемы этого гармоничного развития, человек оказывается в ловушке. Он не может выйти из определенных психологических и поведенческих проблем потому, что у него развит один ведущий тип мышления, один способ восприятия реальности и один ведущий способ профессиональной деятельности.

Но сам человек обычно даже не может этого осознать, потому что осознание этих проблем относится к метакогнитивным рамкам. А метакогнитивный уровень доступен только тем, кто достаточно развит во всех основных направлениях когнитивного уровня.

Например, когда человек довольно хорошо ориентируется в абстрактном мышлении, прикладном техническом мышлении, гуманитарном мышлении, этике и эстетике, а также имеет развитый эмоциональный интеллект, то любую проблему он попытается сначала понять на этих когнитивных уровнях или их пересечениях. Если он увидит, что проблема не решается ни в одной из когнитивных областей, он может задаться вопросом: «чего мне не хватает, чтобы понять эту проблему?». Это и есть выход на метакогнитивный уровень.

Помимо множества нерешаемых личных проблем, самая очевидная общественная проблема, связанная с этим, – пресловутый кризис демократии и представительства на Западе. **Из суммы нецелостных представлений о жизни не образуется целостное.** Из суммы профессиональных деформаций не образуется здоровое общество. Властям и политтехнологам, в свою очередь, удобна такая ситуация. Это старый добрый принцип «разделяй и властвуй».

И это было бы еще не так плохо, если бы «невидимые отцы», стоящие за политикой спектакля, сами имели бы целостное развитие личности и интеллекта. Но это не так – элиты и менеджмент тоже поражены когнитивными искажениями, связанными со специализациями.

Таково свойство институтов – в первых поколениях они могут использоваться для манипуляций, как инструмент власти. В следующих поколениях они передают свои свойства через социальную норму, габитус по Пьеру Бурдьё, и от этого редко могут уклониться сами же наследники элит или их выдвиженцы. Как говорил Ленин, «нельзя жить в обществе и быть от него свободным».

Это подобно тому, как в первом поколении владелец завода может загрязнять экологию, ради собственной прибыли. Но в следующем поколении его наследники, управляющие предприятием, сами и будут жить в этой загрязненной среде.

Поговорим далее подробнее о трудностях синтеза специализаций.

2.5.2. Проблемы управления и синтеза специализаций

Синтез специализаций в экономике обеспечивают корпорации. С этим они вполне справляются. Тут имеет место саморегуляция, в рамках рыночной конкуренции. Уровень специализаций растет до той степени, до которой это выгодно и остается управляемым для бизнеса. Не справившиеся с управлением уходят с рынка.

Однако не все взаимодействия между институтами регулируются рыночной конкуренцией, поскольку не все институты экономические и не все отношения рыночные. Речь идет об общественных институтах и макроуровне управления.

Проблема состоит в том, что профессиональные и отраслевые специализации порождают отраслевых менеджеров, которые преимущественно мыслят в рамках одной и той же отраслевой специализации. Руководители автомобильных и смежных с ними компаний в основном имеют инженерный бэкграунд, руководители ИТ-компаний чаще всего сами по образованию программисты.

Как уже отмечалось, каждая профессия обычно подразумевает приоритетный тип интеллекта. Словестно-логический тип характерен для юристов и политиков, абстрактно-символический – для программистов, научных работников, практический – для предпринимателей и технических специалистов.

Менеджмент должен, в идеале обеспечивать не только синтез специализаций, но и мыслить, как сбалансированный, всесторонний интеллект.

Один руководитель, даже с развитым интеллектом, почти никогда не может иметь одновременно все типы интеллекта, развитые на наиболее высоком уровне. Но это достижимо за счет коллективного интеллекта и коллективных лидерских способностей управляющей команды.

В этом, в сущности, и состоит идея командных ролей и взаимодополняющей управляющей команды (например, это концепции управленческих ролей Ицхака Адизеса⁷⁹, Белбина)⁸⁰.

На практике же руководители в одной отрасли часто имеют один преобладающий тип специализации, а следовательно, и тип интеллекта. Играет роль и принцип «подобное притягивает подобное». Особенно при том, что и собственник чаще всего принадлежит к тому же типичному для отрасли профессиональному типу. Техническим специалистам легче и комфортнее иметь дело с другими техническими специалистами.

⁷⁹ Adizes, I. (2004). Managing corporate lifecycles. The adizes institute publishing.

⁸⁰ Belbin, R. M. (2010). Management teams. Routledge.

Большинство средних бизнесов в Европе передаются по наследству. Часто это династии инженеров, или других специалистов, где наследник получает профессиональное образование, а затем работает в компании, начиная с позиции рядового инженера.

Работая в консалтинге, я не раз оказывался в ситуации, когда среди всего топ-менеджмента компании-заказчика я оказывался единственным представителем другого типа интеллекта. Обычно большинство постоянно работающих в компаниях руководителей подобраны под доминирующий для этой отрасли профессиональный тип. Могу сказать, что это крайне трудная ситуация – поскольку топ-менеджеры для начала не понимают половины терминов, не характерных для их образования и требуют, чтобы консультант перешел на инженерный язык, даже если обсуждается стратегия маркетинга или финансов.

Например, на одном промышленном предприятии в Китае я отвечал за международное развитие бизнеса, а большинство топ-менеджеров имели инженерное образование и технический тип интеллекта. После одного совещания, один из собственников сказал мне сочувственно: попробуй проводить больше времени в цехах, среди инженеров и рабочих. В цехах я в своей жизни проводил времени достаточно. Но до сих пор сомневаюсь, что дальнейшее погружение в цеха могло бы как-то повлиять на финансовый и маркетинговый план. Правда, в столовой для рабочих на этом предприятии очень вкусно кормили. И хотя бы в этом плане погружение в производственные глубины оказалось не напрасным.

В последнее время мы видим **новый тип кризиса** – это кризис, **порождаемый менеджментом, описанными перекосами коллективного управленческого интеллекта.**

Автопроизводители ежегодно добавляют к своим автомобилям десяток новых опций, что сопровождается повышением цены. Хотя общее количество опций уже таково, что владелец автомобиля за всю свою жизнь не успеет найти и освоить хотя бы половину из них. Не говоря о том, что сотни опций делают автомобиль более уязвимым и требуют больше ремонта, а это совсем не то, чего хотят большинство автолюбителей.

Постоянное повышение цен вместе с вменением ненужных и даже обременительных опций не объясняется ничем иным, кроме доминирования инженерного мышления у руководства всей отрасли. Это не только китайская черта, примерно так же мыслят и в автомобильной отрасли Японии, Германии, Южной Кореи, то есть там, где преимущественно правят инженеры. Инженер не интересуется такими понятиями, как желания клиента, но интересуется техническими новинками и техническим совершенством, в своем понимании.

С точки зрения инженера, автомобиль не для того, чтобы ездить, а для того, чтобы вечно разбирать, собирать и улучшать. Если некоторые опции не работают, и нужно полежать полдня под машиной, то так даже интереснее.

Ряд исследователей отмечают, что во власти США и ЕС преобладают люди с юридическим и политологическим образованием. Этим объясняется их фокусировка на законах и регламентах, и постоянная недооценка того, как все это исполняется на практике. Исполнение на практике – это черта предпринимательская, а такой тип личности среди евробюрократов встречается редко. Точнее совсем не встречается, потому что в трудовых, и особенно управляющих коллективах всегда есть закон большинства: если один слишком отличается от доминирующего психотипа, норм и ценностей, то его вынудят покинуть этот коллектив.

Предприниматели занимаются предпринимательством, а чиновники – изданием законов и санкций. Возникают два совершенно разных типа управленческого коллективного интеллекта, которые между собой не взаимодействуют. Они взаимодействуют формально, по процедуре, но плохо понимают друг друга, потому что используют разные типы интеллекта.

Законы обычно мешают предпринимателям. Поэтому предприниматели, обладая практической смекалкой, но не институциональной культурой, придумывают, как законы и санкции обойти.

Такую дезинтеграцию управления мы наблюдаем практически между всеми ключевыми институтами власти – поскольку каждый институт несет в себе свою специализацию и, соответственно, свой коллективный интеллект.

Высший государственный менеджмент часто оказывается не синтезом интеллектов и специализаций, а одной корпорацией, оказавшейся в главенствующем положении. В России это так называемые «силовики», в Европе – евробюрократы, в США – вашигтонское болото, то есть слияние чиновников и корпоративного лоббизма.

В Китае, Германии, Японии управленческий слой можно охарактеризовать как «хозяйственники», поскольку в нем преобладают корпоративные и хозяйственные руководители. Такие страны всегда имеют больше порядка в экономике и социальной сфере, но часто испытывают стратегические и геополитические трудности.

Германию критикуют (в том числе ее собственные граждане) за политическую бессубъектность, отсутствие самостоятельности, внешнеполитической стратегии. Но тут дело отнюдь не только в геополитических играх и зависимостях от США – но и в специфике немецкого менеджмента. Этот менеджмент хорошо понимает, как производить надежные стиральные машины. Что касается геополитики, и даже маркетинга, борьбы за клиента и внешние рынки, тут мышление хозяйственников и инженеров оказывается не совсем пригодным. Это требует сильного социального интеллекта и вообще другого типа мышления.

Фактически возникает ситуация интеллектуальных специализаций стран, поскольку управляющие институты по факту подразумевают какой-то преобладающий тип интеллекта. Великобритания обладает традиционно

сильными институтами социального интеллекта, стратегии, внешней политики – и теряет на этом фоне позиции в промышленном производстве. США – это маркетинг, предпринимательство и инновации – а не хватает порядка, коллективизма и дисциплины в обществе в целом.

Юристы и политологи (евробюрократия) плохо понимают промышленников и невольно способствуют деградации промышленности. Буржуазные европейские и американские элиты плохо понимают военное, спецслужбистское мышление российской элиты. Также они не понимают китайскую модель управления, называя ее тоталитарной, хотя она на самом деле коллегиальная и ориентирована на консенсус и коллективное принятие решений.

Безусловно, во всех этих странах руководят образованные люди и опытные политики. Встретившись, они вполне могут поговорить, выработать компромисс. Но каждый компромисс оказывается временным и тактическим, по той причине, что каждая управляющая корпорация со своим типом мышления выстраивает стратегию в своей системе координат. Международная архитектура безопасности разваливается как Вавилонская башня – ее строители говорят на разных языках и не понимают друг друга.

В европейской системе координат война вымещается из сознания: ее не должно быть, потому что не должно быть никогда. Это убыточно, бессмысленно, и лично глубоко чуждо юристам, политологам и владельцам капиталов. Для правящей военно-спецслужбистской элиты России война (холодная, гибридная, любая) является основной профессией. Для такой элиты, наоборот, построение буржуазной экономики не очень близко, и психологически, и по опыту работы.

Среди прочего, поэтому Россия не может договориться с Европой и США, а не только из-за неразрешимых геополитических противоречий. Можно заметить, как Белоруссия легко находит общий язык с Китаем, хотя в экономическом плане представляет для Китая небольшой потенциал, наоборот, скорее конкурирует по ряду видов техники. Основа этого взаимопонимания – схожая когнитивная и управленческая модель. По этой же причине можно ожидать развития сотрудничества между Германией и Китаем.

Американские политики регулярно допускают публичные оскорбления китайских лидеров, как бы в шутку и в рамках внутренней американской политической культуры. Для китайской же культуры такое публичное оскорбление ведет к потере лица и поэтому требует возмездия, пусть и не сразу. И вероятно эта совокупность возмездий однажды будет предъявлена, и станет для американцев полной неожиданностью.

После Второй мировой войны в Европе окончательно победила крупная буржуазия, как правящая элита. Если при королях военная аристократия навязывала обществу свои нормы и представления, то теперь буржуазия навязывает свои нормы всем, в том числе военным и спецслужбам. Военные

структуры организованы по принципам, понятным буржуазии: их КРІ касается обеспеченности военной техникой (основными фондами), снабжения тыла (оборотные запасы), комфортного содержания и денежного довольствия военнослужащих. Ключевой проблемой является доступность веганского меню у военнослужащих в Германии.

Еще один источник проблемы специализаций, которая не превращается в синтез – это конкуренция институтов и корпораций. Конкурируют не только бизнесы, но и социальные и культурные институты. Христианские конфессии конкурируют между собой, а также с мусульманами и другими религиями. Научная корпорация конкурирует с «религиозными мракобесами» за влияние на умы. Конкурируют медийные и политические технологии. Конкурируют социальные сети. Немецкий язык конкурирует с английским и французским за влияние в Европе. О конкуренции и взаимной борьбе силовых структур – армии, госбезопасности, полиции – выпущено множество книг и фильмов.

Этой конкуренцией объясняется и слабое развитие междисциплинарного синтеза в науках. А также и деградация макроуровня управления в государственных структурах. Менеджмент занимается интересами своей корпорации-института, стремясь расширить ее влияние как можно дальше и воспринимая других, как конкурентов.

Итак, менеджмент не может в полной мере обеспечить согласование специализаций, поскольку сам попадает в ловушку специализаций.

Надежда остается на научные парадигмы, которые должны выработать инструменты междисциплинарного синтеза. Но и академия поражена той же проблемой углубления специализаций, опережающих возможности синтеза.

2.5.3. Научные специализации и проблемы междисциплинарного синтеза

Сергей Переслегин говорит по этой теме: «в современном мире более 70 000 научных специализаций. Самый сильный академик владеет одновременно десятками специализаций. А кто тогда знает ВСЕ?». Это очень правильная постановка вопроса.

Сама академическая система порождает все больше и больше специализаций и дисциплин. Возникает фактическое деление на профессора преподающего и профессора исследовательского.

Это деление еще больше проблематизирует передачу целостных знаний, если сам преподаватель только «преподающий», но не исследовательский. Это означает, что преподающий преподаватель, на самом деле, умеет только читать чужие учебники, но не готовить полноценные методические материалы.

В научной литературе 19-го века мы видим больше способности к целостному пониманию, чем в общественных науках 21-го века. Отсюда такая неугасающая популярность Фрейда или Маркса.

Современный учебник превращается в вещь в себе. Многие современные преподаватели прошли образование в рамках одной узкой специальности, и затем продолжают преподавать ее же. Они уже не могут соотнести понятия учебника с внешним миром или с другими дисциплинами – потому что ничего об этом не знают. Учебник для них превращается в сакральный текст.

Если вы посмотрите в Youtube объяснения некоторыми американскими профессорами экономических моделей из учебника, то возникает ощущение, что это какая-то неудачная стенд-ап комедия. Дело не в том, что модели из учебника плохие, а в том, что все представления этих преподавателей о реальной экономике получены, по-видимому, только из самого учебника.

Я в своей работе наблюдал коллег-преподавателей, которые начинали развивать учебник в духе схоластики. Не понимая реального смысла экономических аксиом и моделей, однако, признавая их сакральное и безусловное значение, они пытались найти внутри учебника какие-то новые связи. Каждая модель учебника могла быть объяснена строго в рамках самого же учебника, поскольку другими источниками знаний они не владели. Это порождало, в итоге, условно логические и одновременно безумные выводы.

Если бы эти преподаватели продолжали заниматься хотя бы эмпирическими исследованиями, дело бы не доходило до такого полного абсурда. Однако, в современной образовательной системе часто уже и исследования считаются излишними. Ведь студенты заплатили за преподавание, а не за исследования, – а рациональные институты отсекают все лишнее.

Приведу пример того, как проблема отсутствия синтеза в науке передается в практику управления. Институциональные решения, стратегии, реформы вырабатываются сейчас чаще всего в рамках одной науки – и соответствующей корпорации. Каждая корпорация имеет свою специализированную науку – свои научные и образовательные институты.

Например, за внешнюю политику отвечает МИД в России или Госдеп в США. С этой корпорацией связаны свои университеты и своя наука – политология, международные отношения. За экономику отвечает Министерство экономики и ЦБ; за ними стоят свои учебные и академические институты и своя наука. И так далее. Специалисты каждой корпорации хорошо понимают друг друга, будучи воспитаны в рамках одинаковых парадигм и образовательных программ. Вот только другие корпорации они понимают все хуже и хуже.

Именно так вырабатываются решения и инструменты, которые понятны только в узко дисциплинарной логике, и выглядят странно и абсурдно с позиций других дисциплин.

Именно так дело обстоит, например, с абстрактным «хомо экономикус»⁸¹, который не существует в реальности, но удобен экономистам. Допущение примитивно-рационального «хомо экономикус» это довольно варварское отношение к таким дисциплинам как психология, социология, культурология и философия. Отношение такое, как будто этих дисциплин не существует вообще, – уже привычное отношение одних узких специалистов к представителям любой другой специализации.

Проблема мировой политики в экономике, даже международной экономике, в сущности, просто отсутствует. В учебниках долгое время обсуждались экономические преимущества глобализации, при этом оставляя политические, цивилизационные, культурные и прочие противоречия за скобками, как малозначимые.

Специализация научных работников на самом научном труде создает невидимые, но важнейшие допущения, подразумеваемые основания теории. Это и называют метакогнитивными рамками. И к сожалению, научные работники, часто ненамного дальше продвинулись в осознании этих рамок, чем представители других профессий.

Например, большинству марксистов кажется совершенно естественным роль бизнес-лидера просто опустить, как ненужную и неважную. Если бы эти интеллектуалы лично пропахали несколько десятилетий в капиталистическом строительстве и ощутили бы, каких нечеловеческих сил и талантов требует роль предпринимателя, организатора, они бы так легко не стали исключать эту особую роль из всей теории.

Другая проблема специализаций состоит в том, что одни специалисты в большей степени взаимодействуют с внешним миром, другие же заняты

⁸¹ Frank, R. H., & Cartwright, E. (2010). *Microeconomics and behavior*. New York: McGraw-Hill.

только внутренней кухней. У тех, кто прямо не взаимодействует с внешним миром – а таких в академической среде уже большинство – утрачивается ощущение того, ради чего все это делается. Большинство современных людей не борются напрямую с природой, а поэтому утратили и компас здравого смысла. Когда понимание приоритетности преодоления природных вызовов и угроз утрачивается в социально-экономических теориях, эти теории можно смело выбрасывать на свалку. К сожалению, таких теорий не просто много, а они преобладают. По-видимому, сам характер научной работы часто притягивает тех, кто в психологическом смысле ищет тихой гавани, а не битв в духе Мцыри.

В результате, современные социальные науки не предлагают междисциплинарного синтеза. По мере сил синтез осуществляет менеджмент, как государственный, так и корпоративный. Однако практический менеджмент может решать возникающие проблемы на тактическом уровне. Более глубокие противоречия и взаимосвязи специализаций должны были быть изучены сначала на академическом уровне.

С.Е. Кургинян отмечает, что в каждом обсуждении реформ или экономических программ никто даже не пытается ответить на вопрос о концепции человека. Зачем, это пусть обсуждают философы на своих закрытых семинарах и в недоступных обывателю пониманию академических журналах (читаемость которых, в связи с этим, близится к нулю). Между тем, любые серьезные реформы подразумевают ответ на вопрос, что такое человек, в чем состоит мотивация и самореализация человека.

В консервативной политической мысли принято критиковать либералов и Запад за то, что они будто бы подразумевают в своих реформах примитивного человека-потребителя, биоробота. Это так и выглядит, если редуцировать эти программы с философской точки зрения. Но вряд ли это так было задумано. Это скорее результат серии упрощений, основанных на принципе: «нам некогда заниматься теорией, нам нужен быстрый результат». Поэтому сначала из принятия управленческих решений выбрасывается культурология и философия, как затратные и не обещающие быстрого результата, потом все сводится к «хомо экономикус». А потом институты формируются так, что они начинают воспроизводить хомо экономикус буквально.

В случае отсутствия синтеза наук мы обрекаем себя на максимально грубые институты, травмирующие жизнь людей. Чаще всего такие институты и реформы просто неадекватны, и сворачиваются сами, в силу своей беспомощности или очевидного вреда. Именно поэтому в последние годы термин «реформы» во многих странах приобрел ругательный характер, негативный по умолчанию. Отчасти моделирование общества по упрощенным грубым лекалам удастся, а в большей части ведет к внутреннему протесту, отторжению обществом официальных институтов,

формированию стихийных институтов. Это опасный процесс, который грозит в итоге распадом общественного договора, утратой доверия к государству и официальным авторитетам – что мы и наблюдаем на Западе в последние десятилетия.

В психологии произошло разветвление на множество конкурирующих школ и направлений. Профессиональный психоаналитик может быть не знаком с транзактным анализом или когнитивно-поведенческой терапией, и тем более аутотренингом, потому что это совершенно другая специальность. Если у вас возникли экзистенциальные проблемы, вы вероятно, должны это диагностировать собственноручно – и пойти именно к экзистенциальному психологу. Потому что если вы, по ошибке, пойдете к психоаналитику, то он сразу определит любые ваши проблемы как происходящие из раннего детства. Если вы обратитесь к специалисту НЛП, он предложит вам пройти сложные медитации и гипноз, даже если на самом деле вам сначала следовало бы пройти МРТ головного мозга. Зигмунд Фрейд требовал от психотерапевтов наличия общего медицинского образования – но в наше время это понимание как-то растворилось.

С углублением специализаций психология становится все более механистической, пытаясь любую ситуацию свести к набору алгоритмов в понимании своей школы. Это абсолютно ложный путь, поскольку, отказываясь от целостного понимания человека, психология перестает вообще быть наукой о человеке, а превращается в штудии собственных конструктов.

Великие писатели прошлого намного больше понимали о человеке, чем вся «научная» психология сотню лет спустя. В человеке нельзя отделить «психологические» проблемы от экзистенциальных. Нельзя отделить личную психологию от социального и экономического контекста. Нельзя отделить личные проблемы от общественных смыслов, культуры, целей и ценностей.

Однако большинство современных психологов искренне не знают о существовании таких наук, как социология, культурология и философия. Литературу они тоже читали мало, потому что читать сейчас не принято. Они даже о социальной психологии не знают, если специализировались, например, в психоанализе.

Это характерный пример того, как углубление в специализации превратилось по факту в разбор на части ранее более цельной дисциплины психологии. В разобранном виде это просто перестает работать.

Философы тоже не остаются в долгу. Постмодернисты и деконструкторы соревнуются в глубине своих деконструкций и сооружении новых гиперреальных смыслов. По существу, эти люди просто не способны выйти за пределы своей узкой гуманитарной специализации и даже осознать эти рамки. В итоге, все эти теории деконструкций годятся только для создания сект последователей, познавших тайные смыслы. Эти секты и стали довольно многочисленными в гуманитарной среде.

Для задачи междисциплинарного синтеза не создано институтов, а без них эта задача является типичной проблемой общественных благ при капитализме. Синтез нужен всем, но никто в отдельности не готов за него платить своим трудом и временем.

Каждый научный работник занят специализированной функциональной работой, а отвечать на вопросы целостного научного представления о мире должен кто-то другой.

По мере сил, некоторые ученые пытаются выполнить задачи синтеза – но у них нет для этого институциональной базы, и делается все своими силами и в свободное от основной работы время.

Синтез утрачивается и в профессиональной подготовке руководителей, в MBA программах. Современные учебные программы настолько сложны, что MBA программы фактически вынуждены специализироваться. Финансовая аналитика и учет – это одна специализация MBA, бизнес-аналитика другая, логистика третья и так далее. Обучение менеджменту как междисциплинарному синтезу, так и остается где-то за кадром.

Конечно, многие руководители на практике сами осваивают этот синтез, продолжая непрерывно учиться – но институционально, системно задача междисциплинарного синтеза остается, в сущности, еще не решенной.

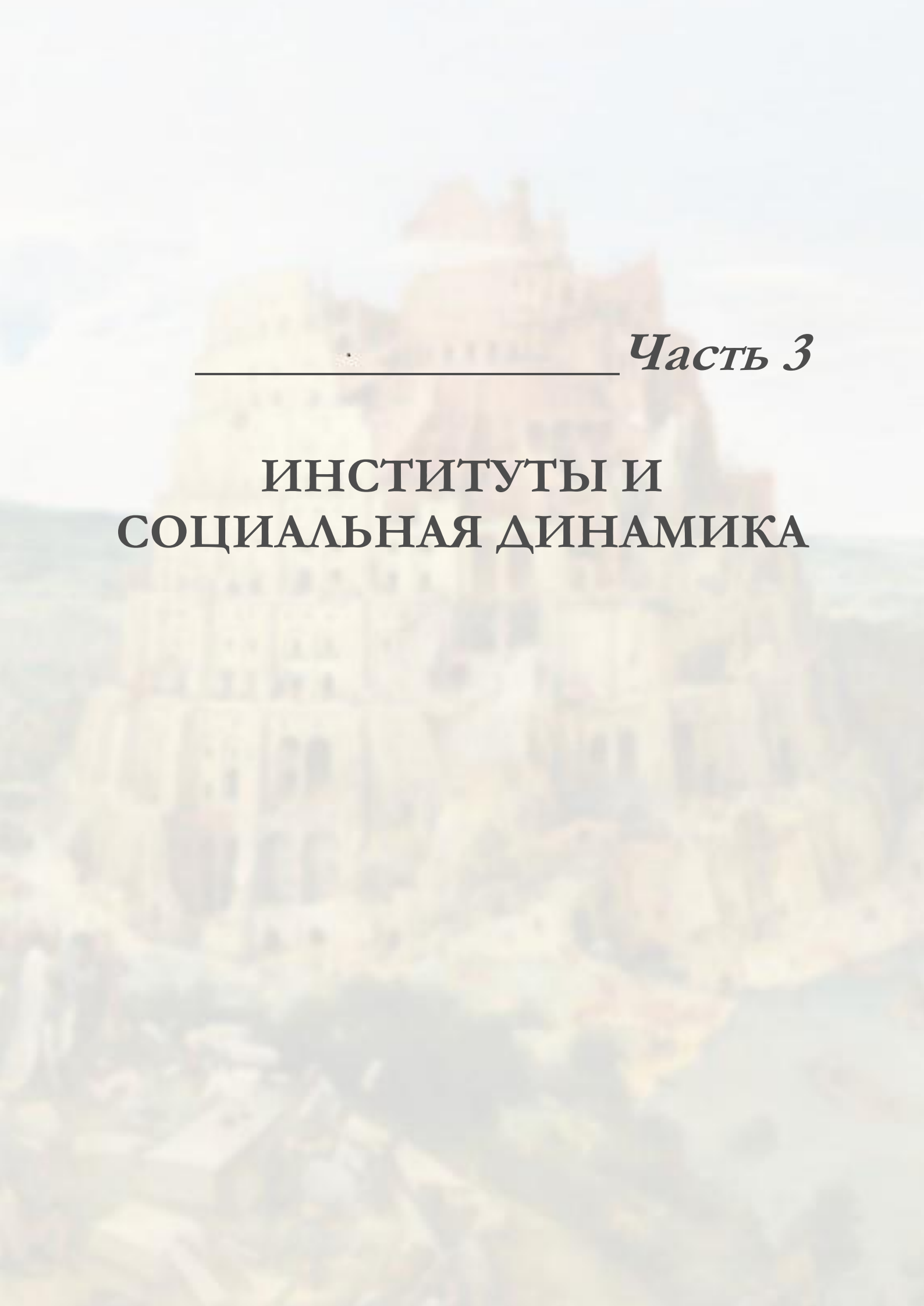
В заключение этой главы замечу, что из всего сказанного про специализации, как ни странно, можно сделать и оптимистичные выводы. Описанные рассогласования специализаций, дефицит междисциплинарного синтеза **открывают новые ниши для человеческого предпринимательства.**

Еще Фридрих Хайек отмечал, что при разделении труда происходит и разделение информации, знание рассеяно. А следовательно, предпринимательство, рыночная деятельность – это соединение разобщенной информации, сборка знания⁸².

Предпринимательство очень важно в жизни общества – это социальный лифт, это сохранение власти человека над технологиями. Специализированные институты порождают такие рассогласования, которые могут быть согласованы только человеческими усилиями. Это же, кстати, относится и к технологиям роботизации и искусственного интеллекта. Они порождают такие рассогласования и экстерналии, которые могут быть преодолены и согласованы только человеческими усилиями. Основная задача предпринимательства 21-го века – это слаживание институтов и технологий, интеграция. Это возможно только на основе целостного развития интеллекта, включая социальный интеллект.

⁸² Hayek, F. A. (1945). The Use of Knowledge in Society. The American Economic Review, 35(4), 519–530.

Hayek, F.A. (1948). "Individualism and Economic Order". Chicago: University of Chicago Press.

Часть 3

**ИНСТИТУТЫ И
СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА**

3.1 ОГРАНИЧЕНИЯ ЗНАНИЯ КАК ПЕРВОИСТОЧНИК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОШИБОК

Институты оформляют и организуют коллективное действие, а коллективное действие – это начальная форма модернизации. Строительство плотин в древнем Китае или египетских пирамид относится к достижениям цивилизации, хотя и происходило задолго до эпохи модерна. Это стало возможно, благодаря организующей силе институтов.

Эта организующая сила всегда основана на рациональном мышлении – пусть даже самом зачаточном. Тем не менее, даже древний полководец, должен суметь спланировать свой поход, чтобы солдаты не разбежались и были вовремя накормлены. Институты, от самых простых до самых сложных, спроектированы на основе достигнутых возможностей рационального мышления.

Рациональное мышление развилось от бытового здравого смысла до возможностей искусственного интеллекта. Но его фундаментальные ограничения остались прежними.

Рациональный способ познания всегда обращается к определенной формализации, схематизации реальности. Говоря высоким языком философии, к миру идей Платона. Говоря современным языком – к моделированию процессов.

Но от времен Платона до внедрения современных ERP систем, эти формализации остаются достаточно условными. В науке, при построении моделей, некоторые допущения делаются как неизвестное. Если модель в итоге работает, не так важно, что именно стоит за аксиомами.

Модели всегда подразумевают некий контекст, в котором формулируется аксиома. Мы можем применить цифры, единицы исчисления. Например, нам надо посчитать количество яблок, и мы считаем, что это одно яблоко и это тоже одно. Но когда нам нужно измерить вес тех же яблок, одно яблоко перестает быть равно одному другому. Если нас интересует качество яблок, то гнилое яблоко не равно хорошему, но если нас интересует количество, то равно.

Любые статистические методы в социальных науках, даже самые простые, требуют сначала уточнений применимости и ограничений. Мы знаем, например, как легко манипулировать показателем «средней зарплаты». Показатель среднего арифметического показывает среднее между богатыми и бедными и не учитывает неравенства. Чем сложнее статистические методы,

тем больше ограничений и допущений надо иметь ввиду. Диссертации написаны о допустимости применения разных статистических моделей к различным областям, а также о том, какие при этом надо учитывать отклонения или просто неадекватные результаты. Индекс Хирша занижает рейтинг ученых, которые опубликовали не слишком много работ, даже если они максимально цитируются. Для Альберта Энтштейна он составляет 40 – с этим показателем Энтштейн не вошел бы даже в тысячу наиболее авторитетных физиков, по Хиршу.

Показатель среднего квадратического отклонения приуменьшает значение отклонений менее единицы и преувеличивает значение отклонений более единицы – поскольку возводит их в квадрат. Безусловно, профессиональные статистики знают ограничения и надлежащие применения своих методов. Однако, при передаче вкратце через учебники, это понимание уже теряется. Студенты используют готовые формулы, не слишком вникая в их философию и методы валидации.

Все это в полной мере относится и к математическим моделям в экономике. Все они построены на основе некоторых допущений и упрощений. Кривая спроса отражает гипотезу о том, что люди всегда будут покупать больше товаров, если они более дешевы. В одной дорогой частной школе вся группа студентов меня убеждала, что такого быть не может, поскольку приличные люди никогда не будут покупать более дешевые товары. Это конечно, анекдот, но и сами экономисты знают, что базовые экономические модели носят обобщенный характер. Ежегодно публикуются тысячи новых диссертаций и научных статей, уточняющих действие экономических законов и паттернов в конкретных нишах рынка, разных отраслях, в условиях информационной асимметрии и так далее.

Прежде чем применить любую метрическую систему, мы делаем допущения и определяем цели формализации. Так происходит и с институтами. Они формализуют и моделируют общественные процессы, основываясь на некоторых допущениях. Часто эти допущения очевидны для современников. Затем меняется время, меняются обстоятельства, а институт остается.

Эта проблема несоответствий между рациональным знанием и реальностью обсуждается уже с конца 19-го века (Эдмунд Гуссерль) и во многих более современных исследованиях, особенно в социологии знания.

В уже упоминавшейся книге «Благими намерениями государства» Джеймс Скотт приводит ряд исторических примеров о неудачных модернизационных проектах в разных сферах. Это история научного лесоводства в Германии, внедрения налогообложения в дореволюционной Франции, построения новой столицы в джунглях Бразилии и конечно же, история о крахе ужасающего русского коммунизма.

В названии книги сразу дано расширение: «Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни» - об этом и идет речь во всех приведенных кейсах.

Автор сразу дает понять свое отношение к этим усилиям государства. Фраза «благими намерениями» очевидно отсылает к фразеологизму о том, что благими намерениями устлана дорога в ад. Государство, модернизаторы, проектировщики планируют научное устройство жизни – а приводят к разрушению социальной и экологической системы, и вынуждены все равно уступить живым формам природы и общества.

Все приведенные в книге примеры поучительны и вполне справедливы.

Вот только относятся они, в сущности, не к государству, а к методам модернизации вообще, методам научного рационального знания, планирования и преобразования общества и природы. Подробно эти внутренние проблемы модерна обсуждает русский консервативный философ Александр Дугин во многих своих книгах и лекциях.

Модернизатором может выступать и корпорация, и община. Например, сельская община может без участия государства построить плотину на свои средства и ничуть не меньше испортить экологию, чем прусский чиновник. Корпорация может загрязнять экологию и эксплуатировать детский труд вообще без всякого участия государства. Именно так корпорации и делают в странах третьего мира.

Можно сделать и еще более широкое обобщение. Практически любые институты, традиционные, архаичные, тоже могут порождать самые жестокие и разрушительные социальные последствия. Массовые убийства пленных, жителей захваченных городов практиковались и тысячи лет назад. Религиозные погромы, жертвоприношения и геноциды практикуются столько, сколько существует человечество. Институт, как отмечалось выше, это всегда мощный инструмент коллективного действия. Как и индивидуальные действия, коллективные могут осуществляться с ошибками или во зло.

Дуглас Норт указывает на то, что естественные институты могут фиксировать крайнее имущественное неравенство, нищету, насилие и бесправие – что хорошо известно по многим историческим социальным институтам.

Именно поэтому прогресс на Западе по умолчанию считается благом. Какие бы ни имели недостатки прогрессивные институты, все-таки они приносят гораздо больше пользы, чем сохранение традиционных, стихийных институтов самоорганизации общества.

Однако, ошибки при модернизации, начиная с первой мировой войны, начали осознаваться как критическая проблема для всего человечества.

Именно модернизация наделила институты колоссальной силой, способной уничтожить народы и всю планету.

Институты рукотворны, когда-то созданы людьми. Как любое искусственное создание, они несут в себе ошибки (не обязательно катастрофические). Чаще всего эти ошибки компенсируются большим положительным эффектом от

институтов. Однако со временем положительный эффект становится привычным, а ошибки продолжают воспроизводиться.

Например, демократия по принципу один человек – один голос создала огромные положительные социальные эффекты. Она создала в западной политической системе социальный противовес капитализму. В значительной степени она заменила социализм в США, выполняя ту же роль сдерживания интересов капитала в пользу трудящихся. Это балансирование интересов труда и капитала было чрезвычайно продуктивным не только для самих трудящихся, но и для развития системы в целом.

Однако со временем начал возникать вопрос, как вообще возникла такая замечательная идея, не имеющая исторических прецедентов, что один человек имеет один голос. Даже если мы говорим об эксплуатируемых классах, нанимаемых трудящихся, их реальный вес в экономике и обществе никак не одинаков. Понятно, что наличие капитала не должно увеличивать возможности голосования, поскольку владельцы капитала и без того имеют массу лоббистских возможностей, – то есть, и так имеют гораздо больше влияния, чем один голос. Однако, не совсем очевидно, что голос трудящегося, который является донором бюджета, экономики и общества равен голосу безработного, который является иждивенцем бюджета, экономики и общества.

Это типичный пример ошибки в проектировании института, которая на момент проектирования была сочтена несущественной. Или же внедрение усложненного института казалось тогда нереалистичным. Проектирование новых институтов часто носит революционный характер: новый институт действует как таран, пробивая масштабное несогласие и сопротивление старых институтов и элит.

Часто новые институты формируются в результате революций, гражданских войн или очень болезненных для общества реформ. Поэтому институт часто в себе несет политическое наследие того конкретного момента, и он должен быть грубым и эффективным, чтобы проложить себе путь и поломать старые институты. Он должен вызвать безусловную поддержку у своих сторонников в конкретный политический момент и поэтому в нем не может быть слишком много «но и если». Новые институты часто в себе несут черты революционного плаката, одного яркого и понятного лозунга. Демократия – для всех. Землю крестьянам, фабрики – рабочим.

Только потом начинается доработка институтов, но последователи всегда боятся трогать главные опорные колонны институтов, потому что помнят, что не так давно из-за этого шла скрытая или явная гражданская война. И действительно, стоит реформам институтов затронуть самые значимые элементы их конструкции, рушится прежний общественный договор и начинается скрытая или явная гражданская война с трудно предсказуемыми последствиями. Именно поэтому многие режимы цепляются за старые

институты, давно уже не соответствующие времени – слишком высока и опасна цена пересмотра институциональных основ.

Ожидание естественной адаптивности институтов вполне оправдано. Но институты меняются медленно. По меркам человеческой жизни и сегодняшних темпов перемен – ужасающе медленно. Поэтому основополагающие институты государства, с точки зрения молодого и среднего поколения, все время выглядят ужасающе архаичными. Это вызывает такое неумное и инфантильное желание их отменить и заменить на «новые и современные». Однако институты живут столетиями и тысячелетиями, они меняются в своей медленной логике. Вы можете срубить древний дуб, но этим вы не заставите его стать другим. Примеров успешных институциональных реформ в мире намного меньше, чем примеров неудачных. Это объясняется очень просто: институт несет в себе коллективное знание миллионов людей, а реформировать его пытается десяток современных энтузиастов.

Метод модернизации предлагает разобрать на части любое явление природы или общества. Проанализировать, изучить, соотнести с имеющимся научным пониманием. И затем собрать заново, внедрив в эту сборку научные алгоритмы и принципы.

И научное понимание, и принципы сборки являются не полными, ограниченными уровнем развития науки в конкретный период. Но модернизировать необходимо, обычно этого требует просто международная и внутренняя конкуренция. Тем более, что положительный эффект от модернизации будет виден сейчас, а негативные экстерналии – позже.

В итоге всей эпохи модернизации мы сейчас с головой завалены экстерналиями, происходящими из прежних недоработок и ошибок при модернизации институтов и общества.

Разрушительные эффекты неолиберальных реформ как в Европе и США, так и в особенности в России в 1990-е гг. – это характерный пример грубо, неглубоко спланированных институтов.

При том, что в России действительно нужно было внедрять рыночную экономику, частную собственность, институты демократии и более современного законодательства, из этого не следовала необходимость разрушать науку, инновационные корпорации, и значительную часть сложных отраслей, особенно машиностроение, самолетостроение и станкостроение.

В России широко распространена точка зрения, что это делалось нарочно, при помощи американских консультантов, как следствие проигрыша в холодной войне и навязывание латиноамериканской модели зависимости от США. Комментаторы в России бесконечно спорят, нарочно это делалось или свет демократии был все-таки искренним, но его не дали воплотить коммунисты, патриоты и «Единая Россия».

Даже если предположить, что реформы были искренними и наивными, они в любом случае были обречены на провал в силу своей примитивности. В этих реформах в принципе игнорировалась накопленная ранее институциональная и социальная сложность, а также ценность человеческого капитала. Естественно, что сначала они привели к обрушению экономики и социальной жизни, резкому росту смертности и падению рождаемости, а затем народ потребовал это прекратить.

В любых реформах всегда присутствует и борьба за власть, и вторичные выгоды от разрушения прежних укладов – и реформаторы должны иметь это в виду.

Каждый случай неудачного реформирования обсуждается обычно с позиций политики, борьбы за власть, выгод, но общим для множества таких случаев является грубость и примитивность самих реформ. Конкретные политики преследуют свои тактические цели. Возникающие в результате этого экстерналии могут быть катастрофическими.

Это результат не только интересов, но и того, как сегодня организован менеджмент как класс, в том числе на уровне государственной власти. Это в основном люди, ограниченно понимающие рациональность в рамках господствующих парадигм, ограниченные краткосрочными тактическими целями и целями личной борьбы за власть.

Широко известные гражданам примеры институционализации – это гражданские законы и кодексы. В России, например, систематически расходятся заявленные законом нормы и их реальное исполнение. Это исполнение чаще всего просто не обеспечено ресурсами, в силу дефицита общественных благ при капитализме.

Такое расхождение между нормой и фактическим применением меняет реальное действие закона. Закон и не отменен, но и не действует в полном смысле. Между тем, незнание законов не освобождает от ответственности. Понимание законов становится уделом профессиональной корпорации – юристов и адвокатов. Вместо регулирования общественных отношений деятельность этой корпорации на Западе все больше превращается в навязывание своих услуг, обложение общества принудительным налогом.

В кино часто изображают адвокатов циничными и алчными («Адвокат дьявола») и с этим связывают засилье юридической корпорации. На самом деле это засилье имеет гораздо более глубокий корень. Это можно описать в нескольких шагах:

- 1) схематизация общественных отношений изначально не вполне соответствует реальности;
- 2) нужны профессионалы, которые вручную будут эти несоответствия регулировать;
- 3) благодаря этому, эти профессионалы сами находятся, по сути, над регулированием, вне регулирования;

4) возникает «агентская проблема», когда ничто не может заставить этих специалистов работать на благо общества, а не лично на себя.

В России и других развивающихся странах несовершенство институтов сопровождается коррупцией. Коррумпированные чиновники, с одной стороны, используют институциональные ошибки себе на благо. С другой стороны, они приводят институты в действие.

Но заикленность общественности на теме коррупции, на самом деле, уводит от сути вопроса. Суть состоит в институциональных ошибках и экстерналиях. На Западе уровень денежной коррупции ниже, а уровень институциональных ошибок и экстерналий ничуть не меньше. В итоге, на Западе эти проблемы кормят легальную армию юристов, адвокатов, лоббистов и так далее. И это приводит к ступору и застою западной системы ничуть не меньше, чем коррупция в России.

3.2 | ИНСТИТУТЫ И ОБЩЕСТВЕННАЯ «ТЕНЬ»

Будь осторожен: изгоняя своего демона, не избавься от лучшего в себе

Фридрих Ницше

Понятие тени ввел в психологию Карл Густав Юнг. Речь идет о частях бессознательного, сублимностях, которые не осознаны, не признаны, вымещены из сознательного уровня. По своей биологической природе человек иррационален, импульсивен, агрессивен и так далее. Все это мешает цивилизованному образу жизни, ведет к преждевременной смерти самого человека. И поэтому подавляется институтами цивилизации. Это мы уже обсуждали в первой части, где шла речь о дисциплинарных функциях институтов.

Дисциплинирование такого рода происходит от рождения, при воспитании ребенка. Поэтому некоторые импульсы, стороны личности, как бы подавлены, вымещены с самого начала. Ребенок даже не успевает их осознать, они запрещены, по возможности атрофированы. Это и создает в дальнейшем чисто психологические индивидуальные проблемы, что отметили и Ницше, и Фрейд, и потом Юнг. Неосознанные, вымещенные части являются, между тем, полноправными частями личности, несут в себе деятельные и творческие потенциалы, и так или иначе требуют самореализации. Фрейд в этом плане особенно уделял вниманию либидо, сексуальной энергии – которая в его время особенно подавлялась социальной нормой приличного общества. Это подавление и вызывало неврозы и психические расстройства, описанные Фрейдом на множестве пациенток N и K.

Ницше и Фрейд произвели революцию в понимании человека. В большой степени это было связано с признанием «темных сторон» личности, их важной роли для мотивации, деятельности и жизнестойкости. Само общество становилось в конце 19-го века более либеральным. Расширялся диапазон возможностей социального действия, спектр социальных ролей. Была осознана роль человека, как двигателя истории и прогресса.

Проблема признания своей Тени, интеграции, как отметил Карл Юнг, остается нерешенной для большинства людей. На современном уровне знания она не решается. Цивилизация требует от человека быть похожим на идеальную дисциплинированную машину. Однако попытки создать такое дисциплинарное общество – хоть жесткое, как в Северной Корее, хоть гораздо более продуманное, управляющее на уровне рамок сознания, как в Европе – ведет к лишению человека собственно человеческих свойств. И

такое общество лишается большинства потенциалов, нужных для цивилизации, самой энергии жизни и развития.

На институты спроецированы практически все стороны индивидуальной психологии и поведения людей. Безусловно, институты более сложны, и представляют не только личные, но и социальные паттерны – но личные паттерны поведения они, безусловно, включают в себя.

Каждое человеческое свойство, потенциал, выражено тем или иным институтом. Сила и спорт – спортом высоких достижений, олимпийскими играми. Стремление к знаниям – академией наук и университетами. Стремление к социализации – клубами и социальными сетями. И так далее.

Вымещение Тени проецируется и на общественные институты. Большинство проблем Тени на социальном уровне не решаются никак – Тень остается предметом запрета, непризнания и вымещения. В современном мире более счастливы те общества, где институты дрессировки населения менее тотальны. Бутан и Камбоджа лидируют в рейтингах счастья, тогда как высокоразвитые общества Японии и Южной Кореи предаются депрессии и тяготеют к суициду.

Многие фильмы и книги посвящены тоталитаризму мещанского общества – будь это Европа конца 19-го века или одноэтажная Америка 20-го века. Этот социальный тоталитаризм основан именно на вымещении Тени путем запретов и подавления всего, отличающегося от благопристойной нормы.

Этим вымещением объясняются многие аспекты западной политики. Западные политики «не видят» эффектов дикого капитализма, который они насаждают в зависимых странах. И не видят далеко не обязательно по причинам цинизма, двуличия и преследования выгоды – но и по причине вымещения из сознания. Такого в их картине мира нет и быть не должно – ведь с детства им повторяли, что либерализм рука об руку с капитализмом и особенно демократией могут нести только благо и процветание.

В Европе в течение десятилетий главная проблема борьбы со злом состояла в том, чтобы поймать 90-летнего бухгалтера из Освенцима, который служил у фашистов 70 лет назад, и пафосно осудить. Такой проблемы, как война в Украине, в европейском сознании не должно было быть – потому что не должно было быть никогда.

Капитализм и либерализм оказались очень устойчивыми институтами в мировом масштабе именно потому, что они легализуют Тень, дают право ей выразиться в общественных институтах и практиках. Социалистический проект завалился в огромной степени потому, что человек «строитель коммунизма» в этом проекте обладал исключительно доблестями и добродетелями, но не грехами и страстями. Под это были спроектированы институты. Известные мемы, что «в СССР секса нет» отражали именно этот лицемерный дух пропаганды, в которой любые страсти и грехи были будто бы почти уже изжиты. «Там шпионки с крепким телом, ты их в дверь, они в окно. Говори, что с этим делом мы покончили давно» - пел Высоцкий.

В этом же контексте вводился «сухой закон» Горбачева, андроповские кары за несоблюдение трудовой дисциплины и т.п.

Однако западная цивилизация состоит из многих разных институтов, не только капитализма и либерализма, которые успешно справляются со своей Тенью. Возобладавшее на Западе в последние десятилетия самодовольство и морализаторство крайне мешают видеть и интегрировать Тень других ключевых институтов. Демократия по своему магическому действию приравнена к Святому причастию в средние века. Да и прочие западные институты, например, право, настолько образцовы, что годятся лишь для того, чтобы брать с них пример.

Тема войны особенно показательна. Западное сообщество, говоря по существу, не понимает, что с этим делать. В легальном международном дискурсе войны как бы нет, потому что ее не должно быть. Это типичная попытка игнорировать тень – на уровне крупных мировых процессов.

Эту же проблему часто можно видеть на уровне корпоративного менеджмента. Руководители принимают такие стратегии и KPI, основанные на представлении о том, как «должно быть». Сотрудники, клиенты должны быть рациональными, мотивированными и вовлеченными. Вся энтропия реальных рынков, сумбур, дезориентация, нерациональное поведение клиентов и сотрудников не принимается во внимание. Казалось бы, для этого достаточно просто наблюдать за ситуацией как есть – но именно к этому большинство людей не способны. Принятые рамки мышления заставляют видеть только то, что видно в рамках принятой методологии.

Проблема «Тени» даже лучше решается в наше время на уровне конкретных людей, чем на уровне институтов. Либерализм и сетевая рыночная экономика, создали для людей множество возможностей для рационализации мелких грехов и страстей. Рациональные институты встраивают их если не в полезную, то по крайней мере, законную деятельность.

Для создателей институтов нет такой опции. Великие инквизиторы нашего времени, элиты, законодатели должны принимать решения, какие части Тени разрешены, а какие нет. Опыт тотального наступления либерализма с 1968 по 2010-е гг. в Европе и США уже осознан на Западе как не очень удачный.

Отказ от дисциплинирующей роли институтов в пользу «темных» сторон, таких как секс, наркотики и рок-н-ролл, привел к потере промышленности и утрате конкурентоспособности Европы и США на мировом рынке. Отсюда и разворот в США к традиционным способам управления и консервативной правой повестке.

Проектировщики институтов находятся в трудном положении. С одной стороны, темные энергии надо разрешать. Иначе, будучи подавленными, они устраивают бунты, цветные революции, ведут к массовому алкоголизму и наркомании или падению рождаемости. С другой стороны, эти темные энергии, будучи выпущенными на волю, могут коррумшировать или снести

цивилизацию. Как это произошло с СССР, когда разом была разрешена демократия, гласность и рыночная экономика, и это породило мощные, разрушительные и неуправляемые общественные процессы. Как выпущенного джина из бутылки, их потом очень трудно загонять обратно в форму управляемых и дисциплинарных институтов.

В современном атеистическом обществе Европы на роль тени вымещены и религиозные мотивации людей. Это произошло, в сущности, как-то само собой. Как отмечалось, социальная норма тяготеет к тотальности. Социальная норма мещанства, рациональной материалистической организации жизни не хочет терпеть рядом с собой какие-то бесполезные, анти-материальные устремления. Социальный механизм репрессий против живого религиозного духа подробно описан в Новом завете – и с тех пор мало изменился.

Религия, и в более широком смысле, культура, смыслы и ценности – неотъемлемая составляющая человеческой жизни. Именно это обеспечивает те базовые установки, мотивы, метакогнитивные рамки, без которых интеллект человека не отличался бы от искусственного интеллекта нейросетей.

Но весь пласт религии и культуры как бы иррационален. Во всяком случае, рациональную модернизацию необходимо соединять с иррациональной человеческой природой, культурой и ценностями. В романе Умберто Эко «Имя Розы» подчеркнута и сложность такого соединения, и неизбежный конфликт. Монах-мракобес Хорхе хочет сжечь библиотеку, тогда как прогрессивный францисканец Вильгельм считает религию совместимой с прогрессом.

На практике это соединение имеет перекосы в ту или другую сторону. В современной Европе, благодаря усилиям постмодернистских деконструкторов, агрессивному атеизму, и материалистической социальной норме, религия преимущественно изжита из общественной жизни. Утрата смысловых и ценностных частей личности в значительной степени и ведет к беспомощности, ненужности и дезориентации современного человека. В этой системе человек становится неполноценным и некачественным подобием машин, алгоритмов и искусственного интеллекта. В силу своего несовершенства он только все больше мешает прогрессу.

Мусульманский мир представляет, наоборот, перекося в сторону сильных религиозно-культурных институтов, подавляющих развитие науки и технологий. Иранские власти буквально воплотили программу Хорхе из Бургоса, который сжег библиотеку, чтобы религия господствовала над человеком безраздельно, не встречая конкуренции со стороны знания и прогресса.

Здесь мы заходим в область социальной философии – и действительно, для философов в наше время остается еще много работы. При всем нашем самоуверенном рациональном знании, диджитализации всего и вся, наши

базовые модели мышления и поведения основаны на фундаментальных парадигмах знания, культуры и религии. Эти основы, сложное соотношение и конструкция базовых институтов заложены в наших цивилизациях очень давно. Поэтому философы продолжают спорить об отношениях Рима и Византии, церковном расколе 17-го века или модернизации Петра Первого так, как будто это случилось вчера.

Самонадеянные эксперименты постмодернистов и политтехнологов по «переписыванию культурного кода» обычно только уродуют общество и невротизируют людей.

Колебания между либерализмом и консерватизмом, шаг вперед, два назад во всей западной политике последних десятилетий связаны в большой степени с нащупыванием правильного баланса и способов канализации человеческих мотиваций и энергий.

3.3.1. Научные парадигмы при создании институтов

Из описанной выше проблемы неполного соответствия между рациональным знанием и реальностью возникает особая роль парадигм, ценностей и мифов при создании институтов.

Профессиональные философы и политологи часто склонны придавать идеологиям и парадигмам слишком большое значение. Будто бы идеи правят миром. Трудно сказать, действительно ли они в это верят или таким образом продвигают свои услуги по разработке политических конструкций и идеологий.

Идеи правят миром только в том случае, когда они воплощают модерн, прогресс, оформляют общественный договор, организуют коллективное действие. Идеи, противоречащие прогрессу и общественному договору, если и могут чем-то править, то очень недолго.

Действительно значимая роль парадигм и ценностей, в институциональном плане, состоит не в том, что они тотально правят обществом. Они моделируют коллективное действие в тех аспектах, где сохраняется неполнота научного знания.

Мы даже не можем точно определить, где мы имеем полное, а где неполное научное знание. Сама история науки показывает, что рациональное понимание мира постоянно расширяется. Опровергаются прежние теории.

Решения об управленческих действиях принимаются на основе принципа достаточного знания. Когда мы обладаем достаточным знанием для модернизации той или иной технологии, аспекта общественной жизни, это обычно позволяет приступить к модернизации. По поводу неизвестных частей формируется консенсус, о том, что это не противоречит принятым сейчас ценностям и общественному договору.

Как пример, можно привести отношения церкви и науки в средневековой Европе, до эпохи Просвещения. Научно-технический прогресс не считался благом, по умолчанию. Элиты и церковь относились к научным инновациям в основном с опаской и неприязнью.

Наоборот, в наше время присутствует оптимистичная установка, что прогресс – это всегда благо. Общество и власти поощряют внедрение

инноваций, не уделяя достаточного внимания их негативным экстерналиям, опасным последствиям.

Это типичное когнитивное искажение обобщения – если модерн принес много пользы в последние пару веков, это на самом деле не означает, что польза для людей присуща прогрессу в принципе.

Концепция научных парадигм введена Томасом Куном в 1962 году в книге «Структура научных революций»⁸³. На мой взгляд, фундаментальная необходимость в парадигмах обусловлена именно неполнотой знания. Для консенсуса по поводу базовых арифметических действий не требуется парадигма, поскольку это общепризнано. Парадигма нужна там, где есть определенные сомнения, понимание неполноты знания. Но при этом требуется коллективное единомыслие, поскольку необходимо коллективное действие.

При создании институтов модерна задействованы, прежде всего, научные парадигмы – и следовательно, и те ограничения, которые присущи самим научным парадигмам.

Научные парадигмы подробно изучаются в рамках социологии знания. Здесь я останавливаюсь на двух негласных (но тотальных) установках современной науки, которые можно считать метакогнитивными аксиомами.

Первая установка – **ультимативность науки**. «Ученые знают и понимают все, профаны не знают ничего. Рациональное знание имеет ответы на все вопросы. Все теории и объяснения вне науки – это лженаука. Если ученые чего-то не знают – значит, этого не существует». Если вы не согласны с этой максимой, то, наверное, вы работаете не в академической сфере.

Вторая установка – **материализм**. Все объясняется через материалистическую парадигму. Если что-то не объясняется через материализм – оно объявляется несуществующим. Иллюзией сознания, когнитивным искажением, мошенничеством или случайным стечением обстоятельств.

Ультимативность объясняется не столько свойствами науки, а является принципом любого социального, коллективного действия. «Враг будет разбит – победа будет за нами». Не важно, сколь силен враг и какова, строго говоря, вероятность такой победы. Если нужно мобилизовать коллектив на действия, установки должны быть тотальными.

На выборах побеждает один президент, даже если он набрал только 51% голосов, а второй – 49%. Это отвечает негласному, но общепризнанному принципу ультимативности социальных действий. Некий юноша уверен в положительных чертах своей возлюбленной на 70%, а на остальные 30% считает ее стервой и находит другие недостатки. Однако жениться (или не жениться) ему придется на 100%, а не в пропорции 70 на 30.

⁸³ Kuhn, T.S. (1962). The Structure of Scientific Revolutions. The University of Chicago Press.

Научное сообщество не может выносить на всеобщее обозрение недоработки своего продукта. Так же стартап-предприниматель старается убедить инвесторов, что его продукт – само совершенство, хотя в реальности продукт еще полон косяков и недоработок.

Любая длительная пропаганда начинает влиять на умы самих пропагандистов, – в данном случае, самого же научного сообщества. Искривление истины, оформленное как тотальная пропаганда, уже в следующем поколении не считается ложью, а становится частью социальной нормы, реальностью по умолчанию.

Как уже отмечалось, роль институтов как метакогнитивных рамок, аксиом сознания – это опасное явление, не совсем поддающееся управлению. Институты воспроизводятся, таким образом, не через сознание, а через социальное научение, «габитус» по Пьеру Бурдьё.

Все это происходит, заметим, в условиях капиталистической, рыночной конкуренции. Где ученые вынуждены конкурировать с инфобизнесом, рекламой и популярными идолами за внимание аудитории и за финансирование. Научные лозунги поэтому приобретают все более популярный характер, иногда даже слишком.

Так или иначе, в результате научное сообщество разучилось честно говорить об областях своего незнания. Идет постоянная реклама своего знания, которое блистает на фоне всеобщего невежества. За этой рекламой утратилась способность даже внутри своих кругов честно говорить о том, что современное научное знание представляет лишь отдельные проблески во тьме незнания.

Научные достижения принято рекламировать, но совсем не принято говорить об ограничениях своего метода. Каждая новая книга об экономике и обществе старается предложить окончательный ответ на все проблемы человечества. После прочтения создается ощущение, что вам незачем читать что-либо еще, ведь все мировые проблемы уже разрешены автором.

Именно поэтому «черные лебеди» вылетают как из пулемета – ученые столько твердили о тотальности и непогрешимости своих объяснений – и когда происходит непонятно что, остается только охать и сетовать на черного лебедя.

Не менее сомнительна и презумпция материализма. Современное материалистическое мировоззрение несет в себе родовую травму своего появления. Большинство институтов живут с «родовой травмой», связанной с контекстом их возникновения, и которая всегда выглядит странно в настоящем. Родовая травма научного материализма – это его свирепая борьба с религией в момент формирования. И чего уж скрывать, претензии ученых занять роль главных брахманов общества вместо священников. Эти претензии присущи ученым с самого начала их появления и по сей день.

Поэтому материализм – это агрессивная теория, существующая не только для научного познания, но и для обоснования брахманской роли ученых в этом мире.

Материализм придерживается точки зрения, что «чего мы не понимаем, того не существует». Одновременно ученые считают, что понимают они все. (Там, где они понимают не все, см первый пункт: чего мы не понимаем, того не существует). Такой тоталитаризм, очевидно, необходим для обоснования брахманских притязаний. В конце концов, простые смертные, не ученые, все равно не могут знать, чего ученые на самом деле понимают, а чего не очень. Свои внутренние дела они решат в академических журналах, которые написаны так, что вы все равно там ничего не поймете.

В действительности же научное мировоззрение скорее похоже на луч фонаря, который выхватывает отдельные фрагменты в темноте. В научном сообществе говорить об этом крайне не принято, потому что никто не хочет пилить сук, на котором сидит.

Если признавать огромные области незнания, наука должна быть больше похожа на лоцмана, попавшего на неизвестные рифы, на осторожного первопроходца, на человека, идущего впервые через опасное болото.

Материализм – это не более чем язык описания окружающей реальности. Как любой язык, система измерений, он основан на имеющихся достижениях науки. Вся неполнота этих достижений отражена в этом языке. Однако, вместо того, чтобы признать собственные ограничения, включается пункт 1 – ультимативность науки. Объявляется, что все, что не поддается такому языку, либо не существует, либо является набором случайных совпадений или вообще иллюзий.

3.3.2. Управленческие парадигмы

Управленческие парадигмы (термин Питера Друкера) включают в себя и актуальные концепции наук об экономике и менеджменте, и доступные практические инструменты управления. Чем больше масштаб социально-технической системы, тем дальше она находится от естественной саморегуляции, тем менее пригодны простые способы управления. Мы можем наблюдать на Западе, да и в большинстве развивающихся стран, наибольшие проблемы управления именно на макроэкономическом и макросоциальном уровне.

В конце 19-го – первой половине 20-го веков сформировалась иерархическая модель макроуправления. Вершиной и символом этой системы стал сталинский СССР. В корпоративном аспекте это иерархическая модель крупных производственных корпораций. Система управления на Западе была более коллегиальной, более демократической, но, в сущности, такой же иерархической в смысле уровней управления.

Во второй половине 20-го века корпоративное управление на Западе стало более сетевым и клиентоориентированным. В политике произошел переход к инструментам политики спектакля, политических и медийных технологий, манипуляций массовым сознанием.

В 2010-20-е годы формируется модель и корпоративного, и макросоциального управления, основанная на данных и искусственном интеллекте.

Надо отметить, что каждая управленческая парадигма имеет существенные недостатки и негативные экстерналии. Про авторитарную иерархическую систему говорили «лес рубят – щепки летят». Но это, в сущности, можно сказать про любую парадигму управления. Политика спектакля привела к дискредитации любых авторитетов, потере доверия к власти, разрушению естественных иерархий и социальных отношений. Управление, основанное на данных, будет моделировать рационального, удобного для управления человека. А для этого потребуются избавиться от большинства качеств, которые традиционно считаются собственно человеческими. Важно отметить, что это не замысел тайных сил – это следствие управленческой парадигмы.

Мы могли это наблюдать во второй половине 20-го века с принятием парадигмы «хомо экономикус» в западном экономическом мейнстриме. Система управления сначала определила, что управление рациональными экономическими мотивами наиболее удобно и для системы, и для людей. И затем начала «обтачивать» людей под хомо экономикус, с помощью соответствующих институтов, воспитания и пропаганды.

Управленческая парадигма принимается в связи с тем, что действовать надо в имеющихся условиях, имеющимися инструментами. Негативные экстерналии недооцениваются из-за того, что, либо они не известны, не формализованы. Либо перекладываются на будущие поколения, общество в целом – в соответствии с классической схемой «прибыль себе, издержки – всему обществу и будущим поколениям».

3.3.3. Ценности и мифы при создании институтов

Все институты так или иначе обращены к обществу, подразумевают организацию общественных взаимодействий. Поэтому неизбежно, вольно или невольно, в фундамент института заложены парадигмы представлений об обществе и человеке. Ценности неизбежно включены в институты, поскольку это и часть человеческого мировоззрения, и компенсация нехватки рационального знания. Жизнь людей это движение, реализация намерений, «воля и представление», как сказал Шопенгауэр. Поэтому мотивирующий миф не менее важен, чем рациональное знание.

Иногда создатели институтов могут это осознавать и выражать эти представления явно, как например, отцы-основатели США. Иногда создатели институтов могут преследовать узкие практические цели и вообще не задумываться о ценностях и парадигме человека – но и тогда они транслируют ту ценностную парадигму, которая подразумевается преобладающим дискурсом и является социальной нормой.

Например, для большинства либералов в наше время баблофилия, Золотой телец, это не оформленная, структурированная религия, но, тем не менее, подразумеваемая и безусловная норма, заменяющая ценности.

Каждая эпоха порождает свои ценности и связанные с этим новые мифы. В эпоху Средневековья в Европе доминировали христианские ценности и мифы. Эпоха Просвещения создала концепцию нерелигиозного гуманизма, веру в человека.

Фридрих Ницше создал чрезвычайно influential миф о сверхчеловеке. В российской традиции это превратилось в концепцию богостроительства. Ее развивали, так или иначе, Горький, Богданов, Луначарский и Маяковский.

Маркс и Энгельс создали миф о коммунизме. Послевоенная эпоха на Западе породила мифологию демократии и открытого общества. Затем возникли «ценности» и методы постмодернизма.

Кургинян выделяет три фундаментальные парадигмы в современном мире, которые охватывают и представление об обществе / человеке, и соответствующее представление о методах и целях построения институтов. Это модерн, постмодерн и контрмодерн⁸⁴.

Во всех этих случаях можно заметить, что мифология была бы не нужна, если бы мы имели точные данные. Но мы живем в условиях, когда главные вопросы философии остаются неотвеченными.

Напомню читателям, что есть **нерешенные вопросы философии**.

⁸⁴ 60 Kurginyan, S. E. (2009). Esau and Jacob. International Public Foundation "Experimental Creative Center".

Они касаются практически всего самого главного: почему люди существуют, объективно ли человеческое восприятие, реален ли окружающий мир, есть ли свобода воли, существует ли мир идей, жизнь после смерти, обитаемы ли другие планеты и существуют ли они вообще за пределами Солнечной системы. Что такое сознание и почему мы имеем сознание.

Если бы ответы на эти вопросы были известны, мы бы просто знали эти ответы и не нуждались в ценностях и сложных философских доказательствах.

Это похоже на то, как научная статистика 19-20 веков в 21 веке постепенно превратилась в «анализ данных». В чем разница? На первый взгляд, почти ни в чем. Статистики прежних веков так же точно анализировали данные. Аналитики данных сегодня используют в основном статистические методы, разработанные в 18-20-х веках, а то и раньше.

Но статистика прежних веков включала в себя много умозрительных, гипотетических идей. Это в значительной степени относится к теории вероятностей, а также к большинству классических экономических моделей 18-19 веков. В то время не было возможным оперативно собрать конкретные данные, и приходилось выводить гипотезы о будущем или даже настоящем из имеющейся информации о прошлом.

Сейчас сам этот подход кажется студентам странным и непонятным. Зачем рассуждать о каком-то «законе» спроса и предложения или абсолютных и сравнительных преимуществ в торговле? Когда для каждого конкретного рынка можно взять данные практически в режиме онлайн и точно посчитать преимущества для каждого участника. Зачем описывать эластичность спроса функцией, когда на уровне предприятия или отрасли можно отследить эту эластичность гораздо более точно, на основе ежедневных данных о продажах?

Ценность обозначает вектор движения, стремление людей. Ценностью в разных парадигмах может быть победа справедливости и любви на всей земле, равенство трудящихся и освобождение от нищеты, или даже господство арийской расы. Ценность обозначает стремление, основанное на «воле и представлении» по Шопенгауэру. Фиделю Кастро, лидеру кубинской революции, приписывают фразу «мужество знает цель».

Речь идет, конечно же, о стремлении в условиях неполноты знания. Мы очень хотим изменить мир, но точно еще не знаем, как именно это сделать. Если бы мы знали, как это сделать, то наняли бы эффективного менеджера, технократа, и просто заплатили бы за работу. Тут не было бы места ценностям. В этом, кстати, состоит причина понижения роли ценностей в последнее время. Прогресс дал так много практических инструментов, что общество разговаривает в терминах технического задания, плана, алгоритма, а не мифов и ценностей, в прежнем понимании.

Тем не менее, по причине неполноты научных знаний, мифы и ценности остаются. Они выражаются на другом языке, как бы более рациональном,

материалистичном. Впрочем, и сам материализм – это тоже мифическое убеждение эпохи модерна, как отмечал Гейдар Джемаль. Вера в рационального человека, материализм и прогресс – это новый миф, который отрицает язык старых мифов и поэтому не выглядит, как миф.

Мифология нового времени давно обсуждается философами – прежде всего, это известная работа Алексея Федоровича Лосева «Диалектика мифа» (1930 г.)⁸⁵.

Миф практически всегда включен в парадигму, поскольку рациональное знание неполное, а обеспечивать коммуникацию с массами необходимо. Эта тема подробно рассмотрена исследователями пропаганды и массовых коммуникаций.

Мифы эпохи модерна закрывают пробелы незнания и добавляют мотивирующую энергию. Парадигма с помощью мифа рационализирует незнание, организует коллективное действие. Мифы связаны с архетипами, базовыми сценариями, типичными сюжетами человеческой судьбы.

В силу человеческой природы, нам все равно надо в течение жизни исполнять вечные сюжеты: совершать подвиги Геракла, искать себя, выбирать сторону в борьбе Добра и Зла. В этом смысле, при дефиците рациональных знаний о конкретных аспектах института, этот дефицит всегда можно восполнить структурой типичных сценариев и архетипических сюжетов. И это, скорее всего, не будет большой ошибкой.

Структурные характеристики мифов хорошо изучены – например, это основополагающая работа Якова Проппа «Морфология волшебной сказки»⁸⁶. В киноискусстве развито представление о типичных сценариях человеческих отношений и развития судьбы. Йогану Гете приписывают тезис о тридцати шести базовых сценариях, затем развитый в книге «Тридцать шесть драматических ситуаций» Жоржа Польти⁸⁷.

Циклический характер ежегодно повторяемых церковных богослужений опять же отсылает к вечному, всегда повторяемому и всегда актуальному характеру библейской истории.

В последнее время некоторые авторы интерпретируют управление, прежде всего, как организацию информационных потоков. В действительности, мотивация коллективного действия – это самостоятельное явление, не связанное с информационными потоками. Миф не только закрывает неполноту знания и рационализирует парадигму. Но и мотивирует к действию. Виктор Цой пел: «и вот мы делаем шаг на недостроенный мост. Мы поверили звездам. И каждый кричит: я готов!»

⁸⁵ Losev, A.F. (1930). The Dialectics of Myth. Moscow: self-published by the author.

⁸⁶ Propp, V. (1968). Morphology of the Folktale. University of Texas press.

⁸⁷ Polti, G. (1917). The thirty-six dramatic situations. Editor Company. The original was published in 1895.

3.3.4. Устаревание мифов и парадигм

Устаревание, неадекватность старых мифов и парадигм современным вызовам — это большая часть проблемы институциональной инерции, зависимости от колен. Сами институты еще осознаются управляющими, как функциональные, и поэтому могут быть предметом реформ. Но мифы и парадигмы настолько глубоко уходят на метакогнитивный уровень, что реформировать их даже не приходит в голову. К тому же, это опасно. Отцы-основатели, небось, поумнее нас были. Как гласил известный мем, Ленин нам такую страну оставил, а мы ее утратили.

Внедрение в институты парадигм и мифов, с одной стороны, неизбежны для решения задач модернизации, обеспечения коллективного действия. С другой стороны, они порождают характерные — и часто очень неприятные последствия.

Органичная черта институтов — их неадаптивность, инертность. Темп перемен, особенно в последнее время, значительно опережает способность институтов к адаптации.

Для понимания ограничений и слабости институтов, пределов их адаптивности к переменам, нам важно помнить, какие именно мифы и ценности были заложены при создании институтов. И насколько такие части фундамента в принципе пригодны при изменении времени и обстоятельств.

Многие современные институты часто несут в себе парадигмы, ценности и мифы, которые давно уже не соответствуют реальности.

Когда речь идет об учебниках, их не так трудно дополнить, изменить и адаптировать к современности. Гораздо сложнее дело обстоит с институтами власти и управления. В основу советского строя была заложена ценность и миф о высокой гуманистической цели — коммунизме. «Церковью» коммунизма была коммунистическая партия. Отмена монополии КПСС на власть в 1990-м году (отмена статьи конституции о руководящей и направляющей роли партии) стало по факту отменой веры в коммунизм. Неудивительно, что это привело к обвалу коммунистических институтов.

В таком же положении Запад находится сегодня в отношении ценностей демократии и либерализма. Эти институты уже донельзя дискредитированы и политикой спектакля, популизмом, и диктатурой вульгарного большинства, и несостоятельной концепцией один человек — один голос. Но есть опасение, что устранение этого краеугольного камня западной системы может вызвать обвал и многих других институтов.

В особенности опасной ловушкой является мифотворчество. На начальном этапе миф часто сооружается по принципу «сначала ввяжемся в бой, а там посмотрим» - и это нравится сторонникам.

Позже выясняется, что с мифом перемудрили или насочиняли такого волшебства, которое потом не выдерживает никакого сравнения с реальностью. К этому времени парадигма уже успевает окаменеть, превратиться в институты. Так происходило с религиозными трактованиями, куда священники добавляли все больше и больше волшебства, которое потом, к 19-му веку очень плохо соотносилось с рациональным знанием.

Лозунг большевиков «землю — крестьянам» очень вдохновляюще звучал в ходе Гражданской войны, однако затем трудно было объяснить, почему никакой земли крестьяне не получили, а при Хрущеве лишились еще и права вести подсобное хозяйство.

Мифотворчество в эпоху постмодернизма начало использоваться почему зря, по поводу и без повода, для рекламы самых заурядных товаров и услуг, и не менее заурядных политиков районного масштаба. Известное выступление Курехина на телевидении на тему того, что Ленин — это гриб, знаменовало переход к постмодернистским медийным технологиям, в самой циничной, неэкологичной и издевательской форме по отношению к народу.

Миф в каком-то смысле является психической реальностью, представляет сценарии судьбы и связанные с этим смыслы и ценности. Эта проблема глубоко разработана, прежде всего Карлом Юнгом.

Варварское отношение к мифологии недопустимо, как недопустимо варварское отношение к природе. Массовая невротизация населения на Западе (например, известное массовое употребление антидепрессантов в США), по-видимому, связано с расчленением естественных психических структур человека. В основном это делается с целью извлечения частной выгоды, а затем французские философы уже придают этому смысл трансгуманизма и постмодернистской деконструкции.

Наша забота о естественной экологии природы связана в большой степени с тем, что мы еще не умеем воспроизводить естественную природную среду полностью — или же это пока очень дорого. Дешевле не разрушать то, что есть, если говорить в экономических терминах. Так и в отношении человеческой психики — выгоды извлекаются из расчленения психических структур, проедания социального доверия, а создавать на этом месте новую социальную экологию мы пока не умеем.

Учитывая, какие негативные экстерналии для человека и общества несет тупой агрессивный материализм, надо более бережно относиться к идеалистическим ценностям и мифам. Мифотворчество в жанре фэнтези, например, книги Джона Толкиена о хоббитах, это как раз попытка создавать современные идеалистические мифы. И это очень востребовано людьми, играет важную роль в воспитании детей. Вера в божественные и мифические силы в каком-то смысле наиболее верно описывают совокупность нашего незнания и интуитивных догадок о мире.

Я не становлюсь на позиции религиозной пропаганды. Институты конкурируют между собой. Когда за человеческие ценности отвечали

мощные институты церкви и светского гуманизма, они создавали противовес материализму. Сейчас возникает чрезмерный перекос в сторону материалистического представления о мире. Это диалектическая ситуация единства и борьбы противоположностей. Без действующего противовеса со стороны идеализма этот материализм становится расчеловечивающим, теряет свою созидательную силу. В связи с этим и прогресс превращается в бешенную машину перепроизводства техники, товаров и инноваций, которая перестает приносить благо человечеству.

Этим проблемам большое внимание уделяет С.Е. Кургинян в своих книгах и выступлениях.

В этой книге я стараюсь соотносить институциональную проблематику с конкретными проблемами и задачами управления. Чтобы обсуждаемый сейчас вопрос не носил слишком философский, обобщенный характер, я приведу практический пример, кейс.

Когда создавалась концепция гражданских прав, равенства, в том числе женщин, в это время иерархия морали, ценностей представлялась незыблемой, разумеющейся. Подразумевалась, по умолчанию тяга людей к добру, развитию, трудовому ответственному поведению. Это представление было принято, как аксиома со времен Вольтера и Руссо. Предполагалось, что народ несет в себе благо, надо только его освободить от гнета.

В действительности основоположники либерализма первыми поддались когнитивному искажению, такого рода: что сделано до нас, существует как воздух. Буржуазная мораль была следствием столетий распространения и насаждения христианства в Европе, а также следствием устоявшегося за столетия монархического уклада. «Золотой век» любого уклада всегда как бы наиболее моральный, потому что правила игры установлены, всем известны и порядок налажен.

Итак, гражданские права внедрялись в условиях, когда буржуазная добропорядочность, мораль уже стали нормой. В наше время возникла ситуация, когда институты морали, ориентированной на высокие ценности, фактически отменены, а гражданские права остались. Это пример сохранения института, при исчезновении некоторых ключевых опор, подразумеваемых при его создании.

В итоге, этот формат прав защищает любое поведение, которое раньше считалось аморальным. Например, женщина может изменять мужу и сама подать на развод, однако ребенок останется с ней, и муж должен будет платить алименты. Это создает часто ситуацию, когда женщине так и выгоднее всего поступить. В Германии такой одинокой матери еще выплачивают щедрое пособие – и таким образом, асоциальное, по сути, поведение всячески поощряется институтами.

Российские конспирологи видят в подобных ситуациях сатанинский план европейских элит, трансгуманистов и деконструкторов. Я же полагаю, что это просто институциональный киберпанк. Брошенные и поломанные

институты бродят как-то сами собой, как призрак коммунизма, и никто уже не пытается их чинить. Термин «социальный киберпанк» в своих выступлениях ввел и развил Евгений Гильбо⁸⁸.

Институциональный киберпанк не только поощряет хищных женщин, но и наказывает невиновных. В России, например, государство не взыскивает с мужчин алименты, если они не трудоустроены официально – и, таким образом, женщины наказываются за то, что неизвестный им работодатель нарушает закон.

Я говорю здесь не про отношения мужчин и женщин, а про то, что все эти ситуации поощряют разрушение доверия, разрушение социального капитала. Поощряется как паразитирование женщин на алиментах в первом случае, так и возможность для мужчин их не платить, во втором случае.

Это устранение из институтов ключевого компонента смысла и ценностей напоминает анекдот про ошибки плановой экономики. Один рабочий выкапывает яму, другой сразу ее закапывает. Рабочие объясняют: должен был еще третий посередине сажать дерево, но он сегодня не вышел на работу.

Так и с институтами, из которых устранили подразумеваемый при создании важный смысловой компонент. Они превращаются в выкапывание и закапывание без посадки дерева.

⁸⁸ Gilbo Evgeniy. School of Effective Leaders. <http://gilbo.ru/>

3.3.5. Неосознанные ценности и парадигмы

Ценности и парадигмы всегда присутствуют в основе институтов — но далеко не всегда осознаются как создателями, так и последователями. В истории наиболее сильные институты модерна — это как раз институты с глубоко осмысленной парадигмой, ценностями и мифом, основанные на сильном теоретическом фундаменте. В упрощенном виде это переключалось в бизнес в виде разработки «миссии» компании.

На практике многие институты создаются ситуативно, как реакция на конкретные вызовы. Институты также меняются вместе со временем, приобретают новые функции. Институты могут формироваться стихийно, как в наше время, например, цифровые медиа и социальные сети.

Во всех этих случаях ценности и парадигмы вложены в институт не целенаправленно, а как бы по умолчанию, как само собой. Доминирующие научные и управленческие парадигмы, культурные и социальные институты присутствуют на уровне социальной нормы, метакогнитивной рамки. Обычно они не осмысляются людьми, а принимаются как данность.

Проблема состоит в том, что институт как бы насаждает свою программу и ценности. Даже если при проектировании института вложенные ценности не осознавались создателями, они все равно будут осуществляться и насаждаться через институт. Поскольку проектируемый институт — это всегда некий рациональный шаблон, и эта рационализация всегда несколько упрощает реальность, моделирует поведение людей.

Снижение культуры, рост узких специализаций, имеющее место в последнее время ведет к отсутствию рефлексии парадигм и ценностей в основе институтов. В рамках одной страны, общества могут одновременно внедряться институты, основанные на разном понимании человека и общества. Именно так и происходит в ходе идеологической конкуренции, поскольку, например, консерваторы и либералы имеют разные представления о человеке и обществе. В итоге в одном обществе сосуществуют институты, которые на уровне проекта несут в себе взаимоисключающие ключевые положения.

Это одна из причин дезорганизации управления в западных странах, непреодолимых противоречий при принятии коллективных управленческих решений. Менеджеры не задумываются о философии, они используют имеющиеся институциональные инструменты. Однако эти инструменты рассогласованы между собой.

На практике мы видим, что принятая парадигма, реализованная в виде институтов, моделирует деятельность человека, превращается в социальную норму. В концепцию «хomo экономикус» на уровне ценностей заложен вульгарный материализм, упрощенное механистическое представление о человеке. Но сами экономисты, разработчики институтов, основанных на

рыночном саморегулировании, вряд ли задумывались о ценностных компонентах этих институтов. Они решали прикладные задачи управления экономикой. Так или иначе, спустя десятилетия после того, как на Западе за основу была взята эта концепция, большинство населения Запады действительно превратились в Хомо Экономикус.

При Гитлере абсолютное большинство немцев так же были добросовестными национал-социалистами. И защищали режим до последнего дня войны.

В этом состоит большая проблема нашего времени. Современные институты формируются под влиянием ситуативных факторов, часто как результат тактических решений множества управляющих. Но в результате они моделируют человеческое поведение, воспитывают общество — даже если создатели о такой роли этих институтов и не думали.

В экономической литературе много сказано о конкуренции фирм и об их естественном стремлении к монопольному положению на рынке. Гораздо меньше обсуждается тот факт, что эта же закономерность применима и к социальным институтам.

Как обсуждалось в первой части книги, институты — это социотехнические системы, наделенные коллективным разумом. Конечно, это не означает, что институт подобен человеку — он скорее подобен муравейнику, как живой системе.

Однако представление об институте только как о наборе норм и правил было бы неполным. Институты несут в себе и коллективное знание, и коллективную волю, дееспособность. Этим объясняется то, что институты стремятся к экспансии, доминированию и самореализации.

Иногда институт и корпорация совпадают — например, это государственные ветви власти или поисковик Google, представляющий доминирующую и передовую часть всех поисковиков в мире. Сетевые институты обладают теми же свойствами, но, конечно, являются более рыхлыми, менее способными к быстрому организованному действию, чем иерархические институты.

В случае институтов-корпораций стремление к экспансии достаточно очевидно. Мы постоянно слышим упреки, например, в адрес государственных ведомств или корпораций, что они раздувают свой штат сотрудников, повышают себе зарплаты, строят все больше зданий, требуют все больше финансирования из бюджета и стараются взять под свой контроль все больше сфер общественной жизни.

Мы меньше задумываемся о том, что сетевые институты имеют во многом такие же свойства — они тоже стремятся к экспансии. К экспансии стремятся социальные сети, языки, религии — то есть не только иерархические, но и сетевые институты.

Примеры стремления социальных институтов к экспансии и монополизму известны, например, по истории религиозных войн. Каждая сильная религия стремится к экспансии, в идеале к монополизму, и старается уничтожить конкурентов.

Марксисты много обсуждали проблему того, что рыночная капиталистическая экономика несовместима с государственной и социалистической. Рыночная экономика коррумпирует и поедает социалистическую. Это, опять же, конкуренция институтов.

В России мы наблюдаем в последние десятилетия эффект, когда Москва и Петербург вбирают население со всей страны. Города миллионники и крупные областные центры вбирают население из глубинки своих и соседних регионов. Небольшие города вбирают население из окрестных деревень. Сами же деревни и менее удачные малые города пустеют, и существуют уже формально, за счет оставшихся пенсионеров. Очевидно, что крупный город – это место концентрации капитала и всех современных институтов. Деревни и малые города в пух и прах проигрывают институциональную конкуренцию.

Каждый институт стремится реализовать заложенные в него потенциалы. В 20-м веке широко употреблялся термин «военщина», применительно к военизированным властям и хунтам. Этот феномен связан с тем, что военные пытаются распространить свои методы на всю политику или превратить войну (или подготовку к войне) в основной способ управления. Бизнес-корпорации, наоборот, стремятся подчинить государство интересам корпораций и экономики в целом. И готовы ради этого пренебречь безопасностью, социальными обязанностями государства, культурой и образованием.

Философы и интеллигенция, по идее Антонио Грамши, задают рамки и паттерны общественного сознания, формируют нарративы и дискурсы, и поэтому фактически правят умами. Ученые и интеллектуалы всегда вели собственную игру престолов, начиная со времен Конфуция и Сократа. Либо прямо, занимая государственные должности, как в Китае, или в качестве серых кардиналов и наставников элит. Или беря власть в свои руки при определенных обстоятельствах путем революций и переворотов, как Ленин и группа интеллектуальных революционеров.

Конкурируют, таким образом, не только институты, находящиеся в положении прямой конкуренции, как например, французский и немецкий языки в Европе, или мусульманство и христианство. Но конкуренция имеет место и со стороны заменителей, субститутов, как говорят экономисты. Человек имеет выбор в воскресенье утром – пойти в церковь на службу или пойти с детьми в шоппинг мол.

Продуктивный потенциал конкуренции институтов обсуждал экономист Армен Альберт Алчиан. В наше время, в ходе глобализации, мы можем повсеместно наблюдать эту культурную и институциональную конкуренцию.

Использование доллара США во многих развивающихся странах, на уровне официальной политики (currency board) или по факту, как средства сбережений, – это использование конкурирующего с национальной валютой более надежного института.

Это же можно сказать про распространение западных колледжей и университетов в развивающихся странах, а также Голливуд и другое культурное влияние. Развитые страны, в свою очередь, вынуждены принимать как экспорт товаров из развивающихся стран, так и трудовых

мигрантов, поскольку с собственными институтами трудолюбия и дисциплины есть некоторые проблемы.

Институциональная конкуренция хорошо известна, например, по отношениям науки и инквизиции, по историям Галиллея Галиллео и Джордано Бруно. Впоследствии, в 20-м веке научное сообщество отплатило церкви поголовным насаждением атеизма, высмеиванием религии с использованием средств массовой пропаганды. Наука и религия вступили в такую острую конкуренцию потому, что боролись за один ресурс – за власть и за влияние на умы.

Голландской болезнью или ресурсным проклятием называют ситуацию, когда один вид прибыльной деятельности в стране, обычно экспорт природных ресурсов, останавливает развитие других областей общественной и экономической жизни. Это тот же принцип институциональной конкуренции. Если один институт является сверхприбыльным, а другие низкоприбыльными, то первый постепенно забирает все лучшие человеческие и материальные ресурсы. Андрей Мовчан и Андрей Митров разбирают множество таких кейсов в книге «Проклятые экономики»⁸⁹.

Я наблюдал подобную ситуацию на микроуровне в одной финансовой корпорации. Эта компания имела действующий бизнес по обслуживанию крупных клиентов. Этот бизнес можно было считать «дойной коровой», источником постоянной большой прибыли, уже не требующей больших усилий. Руководство компании стремилось к диверсификации и пыталось развить розничное финансовое направление.

Розничное направление, тем более на уровне старт-апа, устроено совершенно иначе. Оно требует высоких трудозатрат, скорости, управленческой эффективности – и все это при низкой прибыли. Надо ли говорить, что в итоге сама компания и блокировала развитие нового направления. Поскольку основная часть ее процессов была ориентирована на вальяжный, фактически рентный стиль ведения дел. Этот расслабленный формат приносил еще и гораздо больше прибыли, чем трудозатратный новый бизнес. Сообразительные руководители нового бизнеса старались перебежать в старый бизнес-блок, только поняв, что к чему.

Есть известная фраза «бедные беднеют, богатые богатеют» или «деньги идут к деньгам». Обычно это говорят в том смысле, что капиталисты и богачи богатеют на фоне любого кризиса, в частности за счет того, что бедные еще больше беднеют. Но помимо аспекта эксплуатации и неравенства, здесь имеет место тот же принцип конкуренции институтов. Капиталистические элиты руководят сильными иерархическими корпорациями. Тогда как основная масса трудящихся представлена сетевыми институтами – множеством малых и средних фирм, а то и просто самозанятостью. Мощные

⁸⁹ Movchan, A., Mitrov, A. (2022). The Curse of the Economy. AST.

иерархические институты просто давят мелкие сетевые институты, когда кризис заставляет делить уменьшающийся пирог.

Таким же образом реализуется и «железный закон олигархии»⁹⁰. Рыночная и политическая власть нарастает как снежный ком, подавляя и поглощая более слабых конкурентов. Крупная корпорация становится все мощнее, а конкуренты все слабее – поскольку делится один ресурс – тот же человеческий, финансовый и материальный капитал. По сообщающимся сосудам экономики он перетекает от слабых игроков к сильным. Сильные становятся безоговорочно сильнее. Это и выражается в постоянном росте неравенства, описанном, например, Пикетти⁹¹.

Принцип короткого одеяла, «пушки вместо масла», то есть ограничение производственных возможностей в экономике так же относится и к институтам.

Институты основаны на использовании тех же ограниченных ресурсов, что и в экономике. Отличается только мотивация институтов – она не обязательно экономическая. Например, чтобы воспитывать детей, люди должны отнять это время от чего-то другого – отдыха или заработка. Талантливый специалист должен выбрать: пойти на государственную службу или в частную корпорацию.

В современной политэкономии и социологии пока нет системного описания для неденежных мотиваций – таких как стремление к власти, влиянию на людей, признанию, самореализации, стремлению к идеалам.

На сегодняшний день наиболее универсальный, единый язык для описания макропроцессов предоставляет экономика. Но экономика измеряет все в деньгах, и в результате этого теряется понимание больших частей социальных процессов, для которых денежная мотивация вторична.

Существуют самостоятельные виды человеческого, социального и институционального капитала, к обладанию которыми люди стремятся не меньше, чем к обладанию деньгами.

Сама институциональная конкуренция, по существу, похожа на бизнес-конкуренцию. Разница состоит в том, что бизнес-конкуренция описывается в одной системе координат – финансов, прибыли, материальных ресурсов. Институциональная же конкуренция происходит как бы в разных плоскостях, для которых пока не выработана единая метрическая система.

Экспансия институтов, подавление конкурентов, стремление к монополизму создает для общества те же проблемы, что и монополизация рынков.

Монополизм ведет к диктату одного института, устранению сложности и разнообразия. Монополии часто заинтересованы в остановке развития,

⁹⁰ Michels, R. (1959). Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy. Dover.

⁹¹ Piketty, T. (2014). Capital in the twenty-first century. Harvard University Press.

чтобы зафиксировать свою власть навсегда. Монополии максимально подвержены институциональным интерналиям – саморазрушительным эффектам, таким как коррупция, бюрократизация, застой и так далее.

Многие современные социальные проблемы вызваны институциональным монополизмом. Например, экономика потребления превратилась в диктатуру потребительских стандартов и целей. Об этом много писали марксисты второй половины 20-го века - Адорно, Лукич, Маркузе и другие.

Марксисты считают насаждение потребления свойством капитализма, я же считаю, что это свойство институционального монополизма. При социализме плановая экономика демонстрировала такой же институциональный монополизм. Вместо западного формата потребления насаждался другой образ жизни – но не менее тотально.

Так или иначе, диктатура потребления — это самый характерный общественный тренд в наше время. Она пожирает другие социальные институты – например, семью и воспитание детей. И на потребление, и на заработок, и на воспитание детей нужны время и силы.

Рациональные институты предлагают возможность капитализировать каждый час свободного времени, превратить в заработок. А институты потребления предлагают миллион возможностей, как этот заработок потратить. Такая перспектива намного более заманчива для среднего потребителя, чем безвозмездно служить своей семье или тратить время на воспитание детей.

Развитие рациональных институтов в последние десятилетия произошло и фактически было профинансировано проеданием общественных, государственных, культурных и прочих цивилизационных институтов.

Это привело к парадоксу: денег у людей довольно много – но очень многое стало невозможно купить. Раньше дефицит считался грехом социализма, но оказалось, что это общее институциональное правило, не менее применимое и к капитализму.

Исчезло и многое из того, что «за деньги не купишь» - дружба, любовь, надежная семья, доверие, смысл жизни. Но раньше, хоть и с трудом, и не за деньги, люди это находили. Сейчас, хоть за деньги, хоть как, но найти эти ценности для большинства невозможно в принципе.

Одна моя либеральная знакомая, аспирант, в 2010-е гг. писала научную статью, на тему религии и церкви и несколько раз использовала там фразу «спрос на духовный продукт». Так вот, духовный продукт в наше время сначала оказался в дефиците, а потом и вовсе исчез с рынка.

Произошла не «атомизация», как аккуратно говорят западные социологи, а тотальное проедание социального капитала. Духовные продукты — это, прежде всего, умения, сформированные социальной практикой – как

«Искусство любить», описанное Эрихом Фроммом⁹², или «Искусство быть другим» описанное Владимиром Леви⁹³. Умение дружить, умение работать в команде, умение доверять и оправдывать доверие – это социальные практики (институты), которые исчезают, если им не обучаться и не передавать из поколения в поколение.

Мы можем наблюдать, что многое из этого исчезает даже в потенциале: нет ни социальной практики, ни передачи умений, которые позволили бы заново создать такую социальную практику.

Вы можете бороться за дружбу, любовь и другие ценности сколько угодно, но ничего не добьетесь, пока не отправитесь в те социальные группы, где просто сохранены соответствующие умения и социальные практики. А такие группы начинают быть похожими на катакомбных христиан в эпоху гонений, как это справедливо отмечает С.Е. Кургинян.

Такие группы не могут демонстрировать высоко развитой культуры и других совершенств, находясь на катакомбном положении.

В экономике США происходит рост влияния корпоратократии, то есть производителей, говоря по-русски. Еще недавно, рыночная экономика преподносилась как такое либеральное достижение, ориентированное на человека. Ведь она служила спросу, нуждам конкретного человека. Клиент был всегда прав, хотя бы на уровне лозунгов. Но в наше время выясняется, что это был просто период растущего среднего класса, когда бизнесу было выгодно ориентироваться на его потребности. В условиях стагнации экономики бизнесы всегда занимаются укрупнением, снижением издержек, увеличением эффекта от масштаба.

В результате компании все больше заняты масштабированием, построением конвейера товаров и услуг. Масштабирование снижает затраты, делает сложный продукт доступным массам. Но это накладывает и негативный отпечаток – как говорил Генри Форд, «вы можете заказать у нас машину любого цвета, при условии, что она будет черной». Современный маркетинг научился добавлять к черному цвету розовые завитушки и блестящие стразы – но, в сущности, по многим товарам и услугам никакой адаптации к реальным потребностям не происходит.

Это обусловлено, прежде всего, именно конвейерным принципом производства, который только усиливается с роботизацией производств. Этот же принцип, по сути, действует и при масштабировании услуг.

Реальная индивидуализация товаров и услуг повышает их цену даже не в разы, а на порядки. В услугах добиться масштабирования по одной инструкции возможно, а добиться оказания высококачественных индивидуализированных услуг, при этом гарантировав их качество – это

⁹² Fromm, E. (1956). The Art of Loving. New York: Harper& Row.

⁹³ Levi, V.L. (1973). The Art of Being Different. Moscow: Znanie.

зачастую невозможно в принципе. Собственник начинает зависеть от очень дорогих суперквалифицированных специалистов, в отношении которых трудно обеспечить контроль качества, заменимость и т.д. Такая организация бизнеса возможна, но это услуги для супербогатых клиентов, ценник на которые отличается от обычного не в разы, а на порядки.

Таким образом, современный западный человек хорошо зарабатывает, потому что он трудоустроен в рациональных институтах — а они сконцентрировали на себе денежный поток и максимизировали свою прибыль.

Но обменять заработанные деньги на товары и услуги современный человек может только в строго заданной матрице предлагаемых товаров и услуг.

Отсюда же возникает насаждение рекламой и маркетингом потребительских норм. Вы должны хотеть не того, что действительно нужно, — потому что этого нет на рынке, а того, что есть у бизнеса. По совпадению, именно то, что есть в наличии у корпораций, символизирует ваш успех и соответствие социальной норме.

Например, для среднего класса и на Западе, и в России практически нет индивидуализированной медицины — даже в виде платных услуг. Предлагается стандартный набор лечебных практик, в рамках имеющихся врачебных специализаций. Медицинский конвейер работает по принципу оказания стандартизированных услуг.

Если вы хотите чего-то лучшего для своего здоровья, и не являетесь олигархом, вам надо потратить колоссальное время, чтобы заставить медицинскую систему (включая платную медицину) провести комплексную диагностику, найти не стандартные, а наиболее безвредные для здоровья решения.

Этого можно добиться — и решение, конечно, окажется не таким, каким оно предлагается на конвейере. Хотя и не обязательно более дорогим. Вам только придется затратить на это несколько недель своего рабочего времени — и это при условии, если у вас хорошее образование, вы умеете читать специализированную литературу, сопоставлять мнения разных докторов и опыт пациентов, ставить правильные вопросы и самостоятельно планировать хотя бы диагностику.

Иначе же, почти по любому вопросу консультация платного доктора практически не отличается от того, что по этому же вопросу написано в Гугле. Это не потому, что доктор владеет только гуглом, а потому что конвейер в любом случае предложит стандартный ответ.

По сути, драйвером экономики развитых стран сейчас является не спрос населения, а инвестиции, сделанные корпорациями в Research & Development, роботизацию, эффект масштаба. Теперь вы, потребители, обязаны окупить эти инвестиции — нравится вам это или нет. Возражения не

принимаются, потому что вы получаете зарплату на этих же предприятиях и плывете с капиталистами в одной лодке.

Прежняя экономика потребления, где мнение потребителя еще что-то значило, тоже создает свои экстерналии. Это мы наблюдали в 1990-е в России, и это характерно сейчас для отсталых стран, которые не могут сконцентрировать капитал для инвестиций в модернизацию. Там экономика развивается преимущественно в зависимости от спроса населения, а не от инвестиций, сделанных корпорациями. В Камбодже, например, очень развита отрасль ресторанов, различных супермаркетов, доставки еды и прочих потребительских услуг. Одновременно с этим страна не обеспечивает себя самой базовой инфраструктурой – даже электричество закупается во Вьетнаме. Большинство готовых продуктов, таких как пакетированные соки или мясные консервы, закупаются по импорту.

В России в 1990-е мы увидели воочию этот принцип короткого одеяла, конкуренции институтов. Чтобы насытить потребительский рынок, были закрыты машиностроительные производства, жилищное строительство и другие инвестиционные отрасли. Для справедливости надо заметить, что СССР в конце 1980-х так разогнал инвестиционные отрасли, что, например, сельхозтехникой, жильем, электросетями и дорогами обеспечил страну на 20 лет вперед. Эти избытки основных фондов и обусловили довольно легкое восстановление начала 00-х годов, как только увеличились нефтяные доходы.

Для справедливости отмечу, что экономический кризис 90-х гг. произошел бы в любом случае, и при сохранении СССР. Экономика в 1990-е свалилась бы в кризис перепроизводства, поскольку производство уже никак не было согласовано со спросом населения и промышленности.

Тут действительно можно отметить циклический характер смены парадигмы производства и потребления. Дело тут не в чисто экономическом кризисе перепроизводства, а больше в общественной усталости от преобладания одной парадигмы. Диктатура промышленников заставляет всех иметь по три автомобиля и большой дом, не имея при этом множества мелких удобных услуг и аспектов качества жизни. Диктатура потребительской экономики ведет к преобладанию сферы услуг и товаров повседневного спроса при дефиците доступного жилья, отсутствии инновационных товаров местного производства и деградации инфраструктуры.

Добиться же сосуществования производства и потребления в равных пропорциях трудно, поскольку сами институты занимаются перетягиванием короткого одеяла, и обычно один берет верх. Так, в современной китайской экономике очевиден дефицит услуг и удобств на бытовом уровне, даже при том, что рыночная экономика составляет более половины ВВП Китая.

3.5 | ВЫГОДЫ ОТ РАЗРУШЕНИЯ ИНСТИТУТОВ

Чтобы понимать многие странные преобразования и движения институтов, надо помнить именно о том, что любой институт стремится к экспансии, а также используется своими членами для борьбы за власть.

Игра престолов Джорджа Мартина, помимо того, что это выдающееся художественное произведение — это и серьезное междисциплинарное исследование о том, как игровые стратегии борьбы за власть формируются под влиянием различных причин, конфликтуют и взаимодействуют. И как эти стратегии связаны не только с рациональными ожиданиями и объективными основаниями, но и психологическим и лидерским портретом каждого игрока.

Очевидно, если имеет место жесткая конкуренция институтов, то кому-то выгодно и разрушение институтов. Корпорации может быть очень выгодно банкротство ближайших конкурентов, особенно на олигопольных рынках. В таком случае клиенты и доли рынка будут распределены между оставшимися игроками. В ходе экономических кризисов и спадов этот эффект обычно можно наблюдать во многих отраслях: слабые игроки уходят с рынка, а более крупные увеличивают за счет этого доли рынка и клиентскую базу.

Сюжет не новый в истории, и поэтому идея нередко приходит крупнейшим игрокам — немного потрянуть экономику, устроить такой кризис, в результате которого активы мелких игроков обесценятся, а их рыночные доли можно будет забрать за бесценок или бесплатно. Крупные рыбы поедают малых, как отметил художник Питер Брейгель еще в 16-м веке.

Конкуренция институтов чаще всего и является олигопольной — обычно на одном поле конкурируют всего лишь несколько крупных игроков. Ведущие мировые конфессии, крупнейшие языки, операционные системы и социальные сети не исчисляются десятками и сотнями — обычно это лишь несколько главных институтов на одном поле. Между ними непрерывно разворачивается олигопольная игра престолов.

При отсутствии внешнего или стоящего над институтами арбитра, остановить эскалацию войны всех против всех бывает трудно или невозможно — что и показано в эпопее Джорджа Мартина.

В серии романов Игры престолов подчеркивается дефицит стратегических способностей у большинства игроков. У большинства современных институтов также есть большие проблемы со стратегическим мышлением. Дело не столько в недостатках управляющих, сколько в накопленных

институциональных ошибках, рассогласованиях, переусложнении системы управления, плохо работающей коллективной модели принятия решений.

Все это ведет к тому, что коллективный интеллект менеджмента становится как бы глупее, чем интеллект даже каждого менеджера в отдельности. В позднем СССР был известен феномен, когда каждый высокий руководитель как бы понимал все проблемы и недостатки советского строя – но все вместе эти руководители держались за эти старые формы и только ухудшали ситуацию. Это же можно сказать и про США и Евросоюз сейчас.

В условиях утраты стратегического мышления, падения на тактический, ситуативный уровень мышления, меняется понимание выгод и издержек. Понимание выгоды в долгосрочной перспективе утрачивается. Консенсусное решение правящей группы можно принять только по поводу самых очевидных и ближайших целей. А что может быть более очевидным и выгодным, чем ограбление конкурента. То, что это ограбление может положить начало разрушению рынка, неуправляемой эскалации – на это понимание у большинства игроков уже не хватает способностей и ответственности.

Иногда разрушение институтов проходит успешно для инициаторов. Так, после разрушения институтов СССР многие из прежних партийных чиновников и их родственников оказались успешными предпринимателями и государственными деятелями уже в новых странах, возникших на месте СССР.

Очень характерная для нашего времени и особенно для Запада модель разрушения институтов – это постепенное присвоение, ползущая приватизация институтов в личную пользу с помощью коррупции и административных рычагов. Так, постоянное увеличение государственных долгов, «количественные смягчения», увеличение денежной массы – это, в том числе, распределение богатства и собственности в пользу конкретных лиц.

Многие негативные экстерналии институтов сознательно поддерживаются и даже поощряются игроками, поскольку наносят вред конкурентам и могут быть обращены к своей выгоде.

Например, юридическая корпорация не заинтересована сделать законодательство более простым и удобным для граждан. Потому что именно его чрезмерная сложность и недоступность для простых людей оправдывает высокую стоимость услуг профессиональных юристов. Это фактически принудительное налогообложение граждан и бизнесов – и больше выгод от закона получит, конечно, тот, кто способен больше заплатить юристам.

3.6 | ПРЕВРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ГИЛЬДИИ

Здесь мы подходим к следующей важной трансформации – превращению институтов в гильдии или корпорации.

Многие институты изначально имеют корпорацию в своем ядре. Это большинство государственных институтов – министерства, армия, полиция и так далее.

Термин «гильдия» я использую, чтобы подчеркнуть профессиональное обособление института. Институт, который был спроектирован как часть общественных услуг, государства, в условиях общего институционального кризиса и «игры престолов» постепенно обособляется и превращается в институт «для себя». Этот институт для себя начинает работать как корпорация, гильдия, главная цель которой – служить интересам своих членов.

Это нельзя назвать буквально приватизацией общественного института, поскольку институт не переходит во владение частных собственников. Но **общественный институт начинает служить не обществу, а интересам членов института.**

В условиях институционального кризиса это вполне понятная, вынужденная модель выживания людей. Например, армия или полиция, создаются для обеспечения общественной безопасности. Но с учетом профессионального образования, специализации, появляется тип профессионального военного или полицейского (иногда это даже наследственные династии). В условиях кризиса институтов, профессиональный военный не может перестать быть военным, поскольку у него нет другого образования. Напомню, что профессиональная ориентация соответствует типам интеллекта и другим базовым структурам психики, и поэтому переквалификация совсем не простая задача. Не говоря о том, что за годы службы люди накапливают профессиональные умения, делают карьеры и формируют связи.

В условиях институционального кризиса, члены института хотят сохранить все это и свое положение в институте. Отсюда известная нам ситуация 1990-х годов, когда работники многих предприятий и государственных структур продолжали работать, даже не получая зарплату. Институты и корпорации – это социальные организмы, и они могут иметь сильную инерцию и способность к самосохранению.

Буквальное, открытое перепозиционирование институтов происходит достаточно редко. Части полиции, в ходе либерализации, могут быть

переданы как бы на аутсорсинг в частные охранные предприятия, где будут работать сами же бывшие полицейские. Части армии могут превратиться в ЧВК. Мы даже знаем пример государства, перешедшего на автономное самофинансирование – это ИГИЛ.

Но чаще такой открытой трансформации не происходит. В условиях институционального кризиса обычно деградируют и правовые нормы. И институту уже незачем слишком серьезно соблюдать эти формальности. Институт меняет свое содержание, не меняя вывески. В 1990-е годы полиция в России осталась государственной полицией, хотя по факту в большой степени перешла на самофинансирование.

Такая приватизация общественных функций часто приобретает заметную для общества форму коррупции, взяточничества. Менее заметной бывает приватизация нематериальных институциональных активов. Культура, теоретически, является общественным достоянием, но на Западе сейчас культура приватизирована продюсерами и деятелями культуры. Средства массовой информации принадлежат, прежде всего, их собственникам, журналистам и лидерам общественного мнения. Они могут продавать свои услуги платежеспособным рекламодателям или политикам.

Приватизацию институтов, их превращение в гильдии и бизнес-корпорации неправильно было бы обсуждать только в терминах коррупции или с моралистической точки зрения. Обычно это вынужденный процесс самосохранения институтов в условиях институционального кризиса, неуправляемых экстерналий и разрушительной игры престолов. Члены института и на уровне интересов, и на уровне ценностей осознают значимость накопленного институционального капитала – который будет уничтожен с исчезновением института.

Переход полиции на самофинансирование выглядело в 1990-е гг. как ужасная коррупция. Но в исторической перспективе это спасло полицию как институт, затем помогло победить бандитизм, и в итоге внесло решающий вклад в восстановление государства в России.

3.7 | ИГРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ИНСТИТУТОВ

Роман «Игра престолов» представляет структурированную картину элитной, институциональной конкуренции. Там, где есть игра, применимы и игровые стратегии, теория игр.

Многие институциональные явления объясняются как раз через игровые стратегии. Можно привести известный пример в мировой политике – Северная Корея. Эта страна не имеет природных ресурсов, как Иран, и не может в условиях изоляции от мировой торговли поддерживать достаточно высокий уровень жизни. В связи с этим ожидалось, что Северная Корея не выдержит санкций США и НАТО – по экономическим причинам.

В такой игре единственный шанс состоит в том, чтобы найти какие-то сильные стороны, которые есть у вас, но нет у противников. Готовность масштабно применять вооруженные силы и терпеть разрушения – это то, что есть у Северной Кореи, и чего нет у ее противников. В результате вот уже 70 лет Северная Корея противостоит всему коллективному Западу.

Игровым ходом контрэлита внутри одной страны можно считать ставку на те общественные мотивации и требования, которые не удовлетворяет правящая элита. Если правящая элита олигархия – контрэлиты потребуют больше свободы для малого и среднего бизнеса. Если доминирует капитализм, обязательно будет потребовано обратить внимание на социальные потребности и проблемы ущемленных слоев. Если доминирует консерватизм, будет требоваться свобода личности. Если доминирует либерализм, контрэлиты будут требовать возврата к традиционным ценностям.

Другим типичным примером игровой стратегии является догоняющая модернизация. Страны, первыми осуществляющие модернизацию, иначе организуют инновационный процесс. Для этого действительно нужна свобода мысли, свобода творчества, рыночная и интеллектуальная конкуренция.

Значительная часть инвестиций сжигается, поскольку идет поиск новых путей развития. Для экономики это может быть вынужденное замедление, поскольку инвестиции надо делать сейчас, а экономическая отдача не гарантирована, успех новых разработок вообще не гарантирован. Не гарантированы научные открытия, как и не может быть гарантирована их успешная коммерциализация. Высокий уровень диверсификации соответствует сложности этих вызовов.

Страны догоняющего развития имеют возможность сконцентрировать инвестиции в тех направлениях, где развитые страны уже достигли результата. Для этого оптимальная модель управления – это плановое управление, концентрация капитала, то есть управление, похожее на управление корпорацией.

Отсюда многие страны догоняющего развития по своим моделям управления похожи на корпорацию. Это можно сказать про Китай, Японию, Южную Корею, Вьетнам, а в последнее время и про Россию.

Это можно считать рациональным, игровым ответом в рамках мировой конкуренции. Я акцентирую на этом внимание, поскольку демократию или авторитаризм, рыночную или плановую экономику часто преподносят как ценность или как будто бы гарантию тех или иных успехов. В действительности это институциональные модели, отвечающие разным вызовам и разным способам модернизации.

Термин перепроизводство обычно используют в экономике, применительно к промышленному производству, которое опережает возможности спроса. Такое возможно за счет дешевизны ресурсов и автоматизации процесса производства.

Известные примеры перепроизводства в экономике — это США перед Великой депрессией, ВПК и инвестиционные отрасли в СССР в 1980-е гг., а также и инвестиционные отрасли в Китае в наше время.

Уже на этих примерах можно заметить, что грань между материальным и институциональным перепроизводством довольно условна. Промышленность в целом — это институт, и перепроизводство осуществляют не конвейеры сами по себе, а собственники, управляющие, сотрудники, то есть институт в целом.

В силу своей алгоритмической природы, большинство институтов тоже частично автоматизированы. Я имею ввиду бизнес-процессы, регламенты. В последнее время они все более автоматизированы, поскольку многие институты приобрели форму цифровой инфраструктуры — социальные сети, мессенджеры, банки, онлайн-шоппинг, госуслуги и так далее.

В результате институты также способны к перепроизводству. И фактически это часто происходит, поскольку таким способом институты часто пытаются увеличить свое влияние.

Например, в наше время мы сталкиваемся с эффектом не столько промышленного перепроизводства, а с перегретой экономикой потребления. Как такового перепроизводства нет, поскольку корпорации научились точно оценивать спрос и не затоваривать склады. Все производится «по потребности» и «точно вовремя», just-in-time.

Перегрета сама модель потребления товаров и услуг — и это уже в первую очередь социальный институт. Усилиями рекламщиков, созданной социальной нормы, западный человек обязан всю жизнь потреблять как не в себя. В начале художественного сериала «Во все тяжкие», главный герой Уолтер Вайт, еще работая учителем, зарабатывает раз в пять больше, чем средний россиянин. У него есть коттедж с двумя гаражами, двумя автомобилями и бассейном. При этом он испытывает нехватку средств на еду и медицину, и ощущает себя полным неудачником.

В России граждане одержимы улучшением своего материального быта. У женщин это выражается в необходимости перекраивать лицо и другие части

тела, у мужчин – вести ремонтно-строительные работы длинной в жизнь и каждые три года менять машину. Во многих из этих случаев, по итогам улучшайзинга становится хуже, чем было до того. Но социальная норма требует не останавливаться и наращивать потребление.

Этот темп потребления не согласуется ни с качеством жизни, ни даже с возможностью обслуживать ранее приобретенные блага. Авторы сериала не вдавались в микроэкономику домохозяйства мистера Вайта. Нехватка денег на медицинскую страховку связана не только с тем, что он потратил все деньги на два гаража и бассейн. Но и с тем, что все свободное время и деньги теперь уходят на обслуживание этой мощной инфраструктуры.

Для капиталистических элит превращается в неприятную проблему вопрос о том, как в таких условиях дальше увеличивать или хотя бы поддерживать сбыт. Разве что, завозя десятки миллионов нищих мигрантов, которых по неопытности еще можно возбудить на гаражи и бассейны.

Иногда перепроизводство становится результатом монополизма института, поскольку некому это остановить, отсутствует верховный арбитр. Например, переусложнение и избыток законодательства и регулирования в США и ЕС — это как раз пример такого перепроизводства.

Часто перепроизводство возникает как следствие, так сказать, разогрева какой-то модели ведения бизнеса. Например, в 20-м веке, английский язык охотно изучали дети богатых классов в развивающихся странах. В первые десятилетия 21 века доля англоговорящих стран в мировой экономике стабильно снижается. И одновременно с этим, число изучающих английский язык в Азии, Африке и Латинской Америке демонстрирует взрывной рост. Это связано с наличием сети школ и колледжей, накопленным количеством местных преподавателей английского и главное – с ростом платежеспособности среднего класса в этих странах.

На английском языке в мире говорят уже больше иностранцев, чем тех, для кого этот язык изначально родной. Само по себе это и неплохо, поскольку международный язык в любом случае необходим. Но строго говоря, это рассогласование между реальными потребностями мировой экономики и институтом коммуникации. Количество людей, изучающих иностранные языки, должно быть по идее, примерно пропорционально доле соответствующих стран в мировой экономике.

Здесь, кстати, мы опять наблюдаем упомянутый выше эффект институционального монополизма. Если английский занял первое место, то постепенно он занимает место главного международного языка, наращивая свое влияние, как снежный ком.

Другим примером является **перепроизводство элит** на Западе, на которое в наше время обращает внимание профессор Петр Турчин. Перепроизводство элит не новое явление, возникающее в условиях наследования собственности и сословной монополии на власть. Это было характерно и для феодальной эпохи, и для поздних монархических режимов 19-го века. Многие историки

считают крестовые походы и многочисленные войны Средневековья результатом избыточного формирования воинского сословия, из числа младших феодальных наследников — с родовыми амбициями, но без существенной доли наследства.

Известна «мальтузианская ловушка», по имени английского ученого Томаса Мальтуса, когда рост сельхозпроизводства в доиндустриальных обществах сначала вызывает рост населения, а затем рост населения опережает возможности увеличения сельхозпроизводства и приводит к голоду. Похожая ситуация, вместе с развитием медицины, привела в России сначала к революции 1905-го, а затем и 1917 года.

Мальтузианскую ловушку можно рассматривать как институциональное перепроизводство — поскольку сельская община, семья, это институты, позволяющие вырастить больше детей — но не позволяющий просчитать возникающие рассогласования на макроуровне.

При распространении рыночной экономики в 1990-е — 2000-е и Россия, и Китай столкнулись с выросшим спросом на платное высшее образование, которое готовы были удовлетворить университеты. Но к этому был не готов рынок труда, который просто не нуждался в таком количестве специалистов с высшим образованием, особенно с управленческим уклоном.

Это наглядный пример того, как работает институциональное перепроизводство. Университеты готовы «производить» как можно больше экономистов и юристов с высшим образованием, поскольку за это платят. Вопрос интеграции специалистов в рынок труда не относится к компетенции самих университетов.

Общество же часто склонно к систематическим и коллективным когнитивным искажениям. Отсюда, например, непреходящий спрос на политических популистов.

В случае университетов, в конце концов, это перепроизводство регулируется усилиями государства или рукой рынка. В случае элит ситуация гораздо сложнее. Элиты способны навязывать свою власть — в виде империалистических войн, избыточного законодательства, избыточного числа администраторов и контролеров.

3.9 | ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И РАССОГЛАСОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ

Проблемы крупных корпораций обычно принято связывать с их монополистическим или олигопольным положением. Это снижает мотивацию к развитию, поддержанию качества, сервису, способствует коррупции и т.д.

Но это не единственная причина структурных проблем монополий и крупных корпораций. Другая причина состоит в накоплении и переплетении агентских проблем на всех уровнях управления.

Предположим, что в рамках одного бизнес-блока вероятность возникновения агентской проблемы, коррупции или другого отклонения от инструкций составляет 10%. То есть вероятность следования заданным бизнес-процессам составляет 90%.

Поскольку каждый бизнес-блок действует в тесном взаимодействии с другими блоками и уровнями менеджмента, успех всего предприятия зависит от того, как подразделения действуют в итоге все вместе.

У двух взаимодействующих бизнес-блоков вероятность соблюдения инструкций составляет уже $0,9 \cdot 0,9 = 0,81$. То есть вероятность искажения составляет уже 19%.

У десяти взаимодействующих бизнес-блоков и/или уровней управления вероятность правильного исполнения инструкций составляет на выходе $0,9^{10}$ - то есть всего лишь 35%. А вероятность нарушений и искажений процессов составит 65%. Это на практике и происходит в огромных корпорациях, особенно в монополиях, где управление переусложнено и нагромождено.

Антимонопольное регулирование, в этом смысле, защищает не только рынок от давления монополий, но и сами корпорации от порождаемых монополизмом разрушительных эффектов.

Этот пример монополий и крупных организаций многим хорошо известен из повседневной жизни. Менее очевидным, но не менее проблематичным становится то, что и институты переплетаются таким же образом и порождают такие же проблемы при взаимодействии.

Принятие управленческих решений, например, на высшем уровне государства происходит в рамках целого ряда институтов одновременно.

- Имеет значение уровень образования элит, культурные и ценностные установки.

- Важно то, как организованы управляемые институты, и как организован процесс информирования и принятия коллективных решений.
- Имеет значение структура элиты как класса или сословия – однородна ли она, способна ли к взаимопониманию и выработке общих решений.
- Немаловажен уровень противоречий между бизнес-интересами элит. И в частности, каков расклад сил в «Игре престолов» – какие министерства, корпорации, институты власти имеют наибольший вес.
- Имеет значение способность общества подчиняться дисциплинарным институтам, с одной стороны, и в то же время проявлять демократическую или предпринимательскую инициативу – с другой стороны.
- Многое зависит от уровня стратегического мышления элит, планируют они на месяц, на год или на десятилетие вперед, способны ли к прогнозированию, пониманию рисков и возможностей.
- Имеет значение даже психотип элит – когнитивные стили, склонность к труду или гедонизму, личный консерватизм или прогрессизм, индивидуальное миролюбие или агрессивность.
- И многое другое, дееспособность каждого института цивилизации может иметь решающее значение для итогового общего успеха.

Все это вместе обуславливает специфику принимаемых решений и реалистичность их исполнения. Эффективность современной экономики и общества обеспечиваются согласованным действием множества институтов.

Как в сложном технологическом процессе, важны все детали. Электрический аккумулятор – не самая большая и не самая дорогая часть обычного бензинового автомобиля. Но при его негодности не будет работать весь автомобиль. Институты – это конструктор, в котором нужны все части.

Популярная в последнее время презумпция однофакторных решений не работает. По мнению популярных аналитиков, в США все благополучие достигается за счет демократии, в Европе – за счет ценностей, а в Китае за счет китайской специфики.

В реальности успех достигается за счет согласованного и эффективного действия множества институтов. Один неработающий институт способен заблокировать всю систему. Несколько барахлящих институтов способны тормозить экономический рост десятилетиями, что мы и наблюдаем сейчас на Западе.

Это хорошо известно на примере промышленного предприятия. Одна поломка конвейера останавливает все производство. Один не работающий бизнес-процесс может обеспечить брак на выходе.

В этом в наше время состоит и основная ловушка мир-системы, а не в дефиците капитала. Капитал несложно получить в рамках программ Всемирного банка, международных коммерческих займов и инвестиций, или аккумулировать национальные сбережения для инвестиций. Однако, капитал убегает из стран с неработающими институтами. Если страна не представляет собой целостной, достаточно эффективной институциональной системы, ее институты стремятся по частям примкнуть к крупным и эффективным институтам более развитых стран. Банки становятся частью международных финансовых корпораций и помогают выводить деньги из страны. Промышленные корпорации становятся частью транснациональных корпораций. Головные офисы компаний регистрируются в оффшорах и других юрисдикциях, чтобы защитить собственность английским правом, а не местным. Транзакции совершаются в долларах или блокчейнах — это тоже фактический выход из-под национальной юрисдикции, с целью примкнуть к более надежным институтам.

Выстраивать национальные институты от культуры, образования и права до долгосрочных инвестиций в развитие — это кропотливая, тяжелая работа. Эта работа может принести отдачу через несколько поколений, принося нынешним элитам одни убытки. Поэтому включиться в более эффективные институты и корпорации развитых стран «по частям» — это вполне рациональный выбор многих национальных элит, желающих максимизировать прибыль при своей жизни.

Всем так комфортно. Мир-система — это многоэтажная система, в которой участвуют в основном совершенно добровольно, потому что так комфортно.

Большинство аналитиков пытаются оценивать происходящее в терминах конкуренции корпораций и государств, не замечая при этом конкуренции институтов. Отстающие страны проигрывают, прежде всего, институциональную конкуренцию. Их элиты стараются примкнуть к более развитым институтам Запада не только для собственной выгоды, но и в надежде не выпасть окончательно с парохода современности.

В этом, кстати, состоит неразрешимая интеллектуальная проблема и для современных марксистов, и для консерваторов. И попытки аккумулировать капитал в своих странах, и попытки отсоединиться от глобализации обычно не дают результата — потому что не создают собственных эффективных институтов.

В условиях, когда сетевые институты все более преобладают в мире по объемам транзакций и числу участников, институциональная конкуренция тем более становится основной и неостановимой формой глобализации.

Проблема систематически отстающих государств не может быть решена до тех пор, пока не будет признана особая роль институционального и человеческого капитала. Эти виды капитала имеют самостоятельный характер и только частично извлекаются из традиционного капитала или конвертируются в него.

Согласование институтов является важнейшей основой успеха народов и государств. И это очень трудно достижимо на практике, поскольку институты не только имеют разную динамику и специфику развития, но и конфликтуют между собой, используются для борьбы за власть. А также порождают негативные экстерналии и склонны к перепроизводству.

Из этого принципа согласованности институтов, необходимости работоспособности всех частей следует дальнейший вывод: лучше более простая, но согласованная и работающая система, чем сложная, но не работающая.

Я с подозрением отношусь к автомобилям, в которых предлагают 200 современных функций. Включая автоматическую парковку, компьютер с искусственным интеллектом, 28 углов наклона сиденья и 16 режимов света фар с автоматическим переключением по погоде. Наверное, это могут позволить себе автовладельцы, которые держат личного шофера. Этот шофер и будет проводить половину рабочего времени в автосервисе, в каждый момент времени занимаясь ремонтом одной из двухсот опций.

Сложные институты хороши, пока они работают. Но риск рассогласований очень высок — как показывает в последнее время ситуация с перебоями в мировой торговле. Получать товары с другого конца света *just in time*, в точно установленное время, и благодаря этому не держать складских запасов — это очень круто. Но крайне ненадежно. Один взрыв газовой трубы на дне моря, повреждение интернет-кабеля, блокировка судоходного канала рушит международную торговлю на миллиарды долларов.

Сложные институты порождают множество экстерналий и ловушек, а также проблем согласования. Эти экстерналии и ловушки тут же используются заинтересованными сторонами к своей выгоде. Более того, эти экстерналии, рассогласования нарочно провоцируются заинтересованными сторонами, чтобы на чужих проблемах создать для себя выгоды. Так, сомалийские пираты или хуситы (или те кто за ними стоит) резко повысили свое значение, показав, что они держат занесенный топор над мировой торговлей или передачей информации по интернет-кабелю.

Оказывается, что более простые системы, но более надежно и крепко слепленные, лучше справляются со своими задачами, чем более сложные, но рассогласованные. Россия может противостоять коллективному Западу в том числе потому, что Европа и США тонут во внутренних разногласиях и рассогласованиях множества сложных институтов. Россия же после распада СССР была пересобрана по упрощенной модели, и управляется в основном как страна-корпорация. Эта упрощенность, которая почти не создает социальных лифтов, масштабного инновационного развития, между тем обеспечивает высокую степень адаптивности, управляемости и устойчивости.

Китай остановил либерализацию на фоне торговых войн с США и роста напряжения по поводу Тайваня. В связи с этим Китай замедлил переход к модели сетевых постиндустриальных институтов, используя

преимущественно характерные для 20-го века и индустриальной экономики иерархические институты (то есть модель страны-корпорации). В Китае довольно развиты сетевые институты, прежде всего, это высокая степень диджитализации и рыночная экономика – но рост влияния этих институтов остановился.

Рассогласование институтов – это типичная черта нашего времени, поскольку согласование относится к области общественных благ. Все хотят получать экономическую прибыль от глобализации, а не заниматься сложными и неудобными вопросами коллективной безопасности в мире. Эти вопросы обещают одни убытки и неудобства. Это типичная проблема безбилетника: если уж кто-то должен понести эти затраты, надо сделать так, чтобы это был не я.

Задача согласования плохо институционализирована. Институты отвечают за свои конкретные сферы деятельности, но плохо определено, кто отвечает за проблемы, возникающие на стыках. Это даже плохо отрефлексировано как проблема, и поэтому большинство таких проблем оказываются неожиданными, и их глубокомысленно называют «черным лебедем». Премьер-министр России в 1990-е гг. Виктор Черномырдин открыл черного лебедя на 20 лет раньше Нассима Талеба, в своей максиме: «никогда такого не было – и вот опять».

ИИ: рассогласование общества и инноваций

Основная угроза инноваций и, в частности, искусственного интеллекта на ближайшие годы связана именно с рассогласованием институтов.

Инновационный процесс сейчас происходит как бы почти «на автомате». Отраслевые институты или департаменты R&D ведут прикладные исследования и разработки. Превращение разработок в тестовые инновационные продукты поставлено на поток. Это обеспечено внутрикорпоративным или венчурным финансированием. Инновации адаптируются к конечному спросу и выводятся на рынок. Это самовозобновляющийся и усиливающийся механизм. Это и есть ядро экономики знаний.

Искусственный интеллект еще больше усилит этот процесс. Современные НИИ работают как большие муравейники, где сотни специалистов перебирают гипотезы, проводят эксперименты и обрабатывают данные. ИИ открывает новую эпоху в обработке данных. Теперь искусственный интеллект может бесконечно перебирать гипотезы, искать неявные междисциплинарные связи. До сих пор это было посильно только для R&D самых крупных корпораций.

ИИ заменит не только примитивные профессии, такие как кассиры, таксисты или колл-центры. Но и многие алгоритмические узкоспециализированные профессии, такие как программисты, бухгалтеры, финансисты и т.п.

В нынешних условиях это не грозит безработицей буквально. Нынешние курьеры и таксисты могут пополнить ряды ремонтников, водопроводчиков, автомехаников, электросварщиков, строителей и т.д. — спрос на них будет только расти. Проблема в том, что эти профессии в принципе не могут генерировать такого уровня дохода, какой приносят рабочие места в экономике знаний. Именно поэтому основная масса рабочего класса в США и Европе имеет приблизительно тот же уровень дохода, в реальных ценах, что и 40 лет назад. Значительно выросли доходы только у собственников, топ-менеджеров и довольно узкого слоя специалистов экономики знаний, насчитывающего в США не более 15% трудящихся.

Новые поколения все более инфантильные, склонны работать парт-тайм, или вообще не работать. Для этого есть пособия по безработице, различная рента, наследственные активы, жизнь за счет родственников, фриланс и т.д.

В самовоспроизводящейся инновационной модели не предусмотрен один момент: кто будет платить за эту растущую мощь инновационных возможностей. Поздний СССР критиковали за то, что ВПК будто бы достигал 25% ВВП, высасывая ресурсы из всей экономики. США и ЕС, под рыночными флагами, пришли к такому же кризису перепроизводства инноваций.

Рассогласования, связанные с инновациями и ИИ, видны повсюду и дальше будут только нарастать. В немецком журнале Шпигель прозвучала самокритичное мнение военного эксперта: «западное оружие оказалось слишком высокотехнологичным, чтобы им воевать». Строго говоря, сама высокая технологичность вооружений — это только преимущество. Проблема не в самих вооружениях — а в дезинтеграции с остальными частями паззла. Если создать суперинновационный мотор, но забыть поставить хотя бы самые дешевые колеса, то автомобиль не поедет. Инновационное оружие на Западе есть, с солдатами гораздо сложнее, а с готовностью общества к войне и совсем туго. Это рассогласование институтов.

Другой характерный пример рассогласования, который уже сейчас принес ИИ — это процесс обучения. Одна из наиболее удобных пользовательских функций ЧатГПТ и других чатботов — это роль репетитора по любым предметам. Уже скоро каждый студент и школьник будет знать, что все домашние задания, проекты, курсовые лучше поручать ЧатГПТ.

Будьте уверены, до системы образования, как института, эта новость будет доходить еще лет 10. Потом еще лет 10 на нее будут искать ответ. Система образования сочетает в себе все проблемы проеденных общественных благ с проблемой инерции крупных социальных институтов.

За это время уже появятся новые вызовы. В ближайшие 10 лет реальное качество государственного образования, на выходе, упадет еще сильнее. Это еще один пример рассогласования институтов. Институт образования очень не хотел бы менять свои программы, учебники и переучивать преподавателей. Ситуация с ИИ революционная, она требует не просто

пересмотреть образовательную программу, а ответить на вопрос, каким будет соотношение человека и ИИ через 10, 20 и 50 лет.

Сейчас даже не принято задаваться такими вопросами. Вот когда эта проблема ударит по голове, тогда и будем думать.

3.10 ГОСУДАРСТВО КАК СОГЛАСОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ

Государственные и общественные институты в большой степени существуют по тем же законам, что и бизнес-корпорации. В их основе лежат определенные интересы. В самом общем смысле, любой институт — это всегда способ коллективной организации для совместного преодоления энтропии.

Но институты государства имеют принципиальное отличие: они являются институтами первого уровня, а бизнес-корпорации в современном мире — это институты второго уровня.

Если бизнес-корпорация разрушится в результате кризиса или плохого менеджмента, чаще всего в этом нет ничего катастрофического, если все происходит в сильной институциональной среде. Заводы этой корпорации будут приобретены другими компаниями, инновации и научные разработки также будут перекуплены и продолжат действовать в рамках других корпораций. Сотрудники могут вообще не заметить смены собственников, оставшись на своих рабочих местах. В крайнем случае, они найдут новую работу по той же профессии. Такое банкротство может даже оздоровить систему в целом, передав собственность более эффективным хозяевам, как нас учит классическая либеральная экономика.

Все это действует при одном условии: если банкротство происходит в системе очень сильных институтов права и рыночной экономики, которые заберут из банкротства все лучшее и удалят все ненужное.

Однако кто заберет все лучшее при крахе государства? Другие государства часто вообще не заинтересованы в сохранении культуры, истории или национальных меньшинств обанкротившегося государства. Если в прежние века соседи и империалисты скорее претендовали на территории, навязывали колониальную зависимость и эксплуатацию, то сейчас обанкротившиеся страны просто выбрасываются из современного мира. Из них забирают самые лучшие активы — наиболее ценные предприятия или ресурсы, если такие есть, «мозги» быстро утекают в другие страны, а все остальное обычно остается брошенным. Территория и население без институтов и технологий сегодня считается активом с отрицательной стоимостью.

Государство является хранителем институтов в последней инстанции. Сами государственные институты мало конкурируют между собой или вообще не конкурируют. Оба эти параметра задают крайне специфическое устройство государственных институтов: с одной стороны, их особую важность, с другой

стороны, их особую склонность к деградации. Государственные институты по своей природе монополистичны, что и задает эту особую склонность к деградации и коррупции.

Чем институты крупнее, чем они охватывают рамки более высокого уровня, такие как культура, политическая и законодательная система, суверенитет и обороноспособность, тем они задают более высокий уровень сложности для всей системы в целом. Набор малых и средних институтов, успешных муниципалитетов и бизнесов вовсе не создают еще сложную макросистему сами по себе. В макросистеме должны быть макроинституты более высокого уровня, не сводящиеся к сумме хороших, но небольших институтов. Например, сложное единое законодательство, высоко развитая наука и образование. Государство отвечает и за эти институты макроуровня.

Эта особая роль государства, как хранителя институтов, и самого высокого уровня системной сложности является важным доводом против демократии в развивающихся и отсталых странах. Внедрение демократии в ряде отсталых стран привел к сносу государства. Была ли за этим особая роль США, транснациональных корпораций и других заинтересованных сторон, но на самом деле уже одного механизма демократии для такого сноса было вполне достаточно. Оба параметра государства: хранитель институтов и хранитель высшей степени сложности — вообще ни о чем не говорят рядовому избирателю. Среди моих достаточно образованных знакомых экономистов почти никто не знаком с институциональной экономикой и социологией. Макро и микроэкономика идут как основные курсы, а институциональная экономика это такое специфическое знание, в основном для специалистов, которые достаточно углублены в эти темы. Что говорить о людях, у которых вообще нет социологического, экономического или вообще высшего образования. Как они должны понимать категории институциональной сложности и вообще сам принцип системной сложности на макроуровне.

Современному избирателю гораздо понятнее антинаучные мифы, теории заговора, единение против врагов народа и так далее. Но еще больше избирателю милы все виды популизма, на тему «жадные политики и олигархи нас обокрали» и «верните все народу». Современная демократия не работает по этой причине. Даже там, где сохранены институты выборов и представительства, партии конкурируют в популизме, поскольку только это понятно избирателю. В результате никто из противоборствующих политических сил уже не может даже начать говорить о тех проблемах, которые действительно нужно решать. Не удивительно, что в этот цирк все чаще нанимают профессиональных актеров.

Если с такой работой лучше справляется актер, то в саму профессию уже не идет никто, кроме актеров и профессиональных политтехнологов. Меняется сама профессия и сама корпорация «демократических политиков» в целом. Поменявшись до неузнаваемости, этот новый состав начинает делать такие управленческие ходы, от которых в гробу переворачиваются все ранее существовавшие президенты США и руководители ФРС.

Пока за демократическими политиками стоят «невидимые отцы» (точный термин из романа Стругацких), настоящие элиты, то именно они продолжают удерживать институты. В этих настоящих элитах происходят свои изменения, и совсем не факт, что они в полной мере способны удерживать ключевые институты государства. Удержание ключевых институтов государства — это задача, в первую очередь, эффективного функционирования самих этих институтов. Чтобы эффективно функционировало военное подразделение, в нем должны присутствовать командир, солдаты, устав, вооружение и снабжение. Одних только стоящих за этим «интересов» недостаточно. Можно какое-то время имитировать командира с помощью специально нанятого актера, но недолго, потому что институт все время должен воспроизводиться и адаптироваться по существу.

Невидимые отцы, олигархия считаются некой истинной глубинной властью. 50 семей, которые на самом деле правят США и так далее. Управлять рычагами власти из тайной комнаты можно тогда, когда сами эти рычаги еще есть. Кроме того, тайные элиты по определению имеют ограниченный, неоднозначный и затрудненный доступ к рычагам власти. Когда рычаги заржавели, развалились или на их место поставлены картонные декорации, изображающие рычаги, тут даже самым могущественным элитам станет трудно управлять.

3.11 СИЛА ИНСТИТУТОВ И СИЛА ЛИДЕРСТВА

Существует множество теорий об исторических циклах - которые не представляются, в итоге, убедительными. Такие теории сначала приобретают популярность, а затем появляется множество противоположных доказательств. Это, например, экономические циклы Кондратьева, другие бизнес-циклы. Например, в американском учебнике Экономикс заявлен повторяющийся цикл роста и спада экономики. Сейчас экономисты признают, что этот бизнес-цикл имеет место только в экономике США, и то довольно условно. В социологии и истории — это, например, цикл социокультурной динамики Питирима Сорокина, циклы расцвета и гибели цивилизаций Освальда Шпенглера и других авторов.

Теории исторических, социальных или экономических циклов обычно несостоятельны, поскольку цикл должен относиться к одному объекту, не меняющемуся со временем, и отслеживаться в неизменных условиях. Даже похожие события, происходящие с разными объектами, не могут считаться циклом. Человеческие общества за столетия и тысячелетия меняются до неузнаваемости во всех параметрах: количество и характеристики населения, занимаемая территория, государства, институты, уровень цивилизации и технологий. Говорить о циклах применительно к настолько меняющемуся объекту некорректно.

Второй важный довод против циклов – это то, что общество рефлексивно. Этот довод приводил, например, Джордж Сорос на примере фондовых рынков⁹⁴. Высокую степень рефлексивности отмечает и социолог Энтони Гидденс, как важную черту современного общества.

Люди тем и отличаются, что каждый раз стараются сделать выводы из своих ошибок и учесть на будущее. Люди – не посторонние наблюдатели расцвета и гибели цивилизаций, а непосредственные участники и заинтересованные лица.

Люди стараются сделать вывод из своих ошибок и больше не повторять таких «циклов». Как только эта интеллектуальная рефлексия стала основной практикой управления – а это и есть модерн – развитые страны перестали неожиданно проваливаться в мрачное средневековье или хаос исчезновения государств. Развитие приобрело в целом линейный и управляемый характер.

⁹⁴ Soros, G. (1987). *The Alchemy of Finance: Reading the Mind of the Market*. New York: Simon & Schuster.

Однако, можно говорить о социальных, институциональных и управленческих закономерностях. Многое из того, что обозначено известными авторами как цикл, более правомерно считать паттернами причинно-следственной связи.

Например, марксистская схема развития производственных сил, формирования прогрессивных классов, представляет вполне убедительный принцип перехода на новый уровень развития. Однако, нельзя считать это циклом, поскольку нельзя считать неизбежным. Разгром государства, в том числе и усилиями самого общества, вполне может отбросить производственные силы далеко назад.

В этой главе я хочу поговорить о достаточно известной закономерности, характеризующей обратное соотношение силы институтов и силы лидерства. Эта закономерность в разных видах описана многими авторами. Она выражается известной фразой: «Тяжёлые времена рождают сильных людей, сильные люди создают лёгкие времена. Лёгкие времена рождают слабых людей. Слабые люди создают тяжёлые времена». Авторство этой фразы приписывают арабскому мыслителю 14-го века Ибн Халдуну или оно уходит еще дальше вглубь веков.

Подчеркну, что мы не можем здесь уверенно говорить о каком-то цикле, но вполне можем говорить об институциональной закономерности, типичной причинно-следственной связи. Безусловно, менеджмент или даже встроенные предохранители институтов могут отчасти противодействовать повторению этого принципа. Однако, сегодня на Западе сильный менеджмент не преобладает, а институты существенно устарели и неадекватны вызовам.

Итак, трудные времена порождают сильных людей – но они также порождают сильные институты, сильную дисциплину, сильные формы социальной организации.

Если говорить про относительно недавнее прошлое, таким периодом трудных времен для Европы была первая половина 20-го века, две мировые войны. США в это же время проходили жесткий период Великой депрессии, индустриализации и урбанизации.

Этот период вырастил суровое, неприхотливое, трудолюбивое и дисциплинированное общество и институты – которые потом обеспечивали ускоренный экономический рост во второй половине 20-го века.

Человеческое поведение имеет свою инерцию, особенно если эти паттерны институционализированы, внедрены в менеджмент и социальную практику. Еще несколько десятилетий после трудных времен общество продолжает воспроизводить привычные паттерны труда и дисциплины.

Затем вырастают новые поколения, не заставшие войн и выросшие в достатке.

С середины 20-го века во всем мире, и прежде всего на Западе, произошел небывалый взлет производственных возможностей. Сформированные прежним поколением избытки капитала, материальных благ ставят перед следующими поколениями вполне рациональный экономический выбор. Что выгоднее: продолжать дальше создавать стоимость или начать делить ранее созданную стоимость? Тем более, что рыночная экономика, индустриальные предприятия продолжают создавать стоимость как бы на автомате, даже при ухудшении оперативного управления.

Обычно в ситуации профицита, накопленного капитала, делить и паразитировать оказывается гораздо выгоднее, поскольку требует меньше труда и дисциплины, чем создание стоимости.

Насколько быстро от созидания переходят к паразитированию — это зависит от силы институтов и менеджмента.

Например, институты СССР оказались к этому неустойчивы, и с физическим уходом сильного поколения ветеранов Великой отечественной войны, к середине 1980-х, распад прежнего уклада пошел очень быстро. (Это вообще черта старой плановой экономики — она не имела институциональных ресурсов устойчивости и саморегуляции, в отличие от рыночной).

Современные западные институты оказались сильнее — и они пока еще сдерживают процесс деградации, делая его более плавным. Однако суть процесса та же.

Когда начинается хайп проедания прежних достижений, формируется довольно абсурдная экономическая реальность. Деятельность по проеданию стоимости легально приравнена к деятельности по созданию стоимости. Представьте, что украсть у соседа или же вырастить картошку на своем участке — это два совершенно легальных вида деятельности, равно защищаемых законом. Именно так устроена экономика современного киберпанка, и мы во всем размахе могли это наблюдать в России в 1990-е гг.

Власти и общество Запада стыдливо делают вид, что они не понимают ценности институтов, которые идут под разграбление.

На самом деле это просто всех устраивает, это типичная ложная социальная норма, институциональная ловушка. Тем более, что идет не прямой грабеж частных активов, а расхищение накопленной прежними поколениями институциональной сложности. Это самая неявная, четко не измеренная часть общественных благ. Это наследство как бы общее и ничье. Все кругом колхозное, все кругом мое.

Но есть и пределы проедания, и мы как раз можем их наблюдать в России и на Западе в наше время. Начинает деградировать ранее созданная инфраструктура и особенно человеческий капитал — поскольку в парадигме проедания не воспроизводится сам человек-созидатель.

Отсутствие достаточных кадров, менеджмента, трудовой дисциплины делает невозможным поддержание институтов экономики и цивилизации,

созданных в эпоху трудных времен и сильных людей. Начинается экономический кризис, война и тому подобное. Это и есть трудные времена, которые заставляют снова поставить в центр человека труда, идею борьбы и в итоге – сильный менеджмент.

Вообще заблуждаются те, кто считает, что в догоняющих странах обязательно должны быть отсталые институты. Иногда догоняющие страны как раз вынуждены быстрее адаптироваться к вызовам времени, чем инертные развитые страны. Это известная инерция крупных институтов, зависимость от колен, которую мы обсуждали выше. Россия раньше вступила в эпоху проедания, и раньше начинает из нее выходить. Запад, в институциональном аспекте, только вступает в ту эпоху, в которую мы вступили в конце 1980-х гг.

В рамках каждого уклада хозяйства можно выделить цикл накопления капитала (например, феодального или индустриального), а затем период удержания капитала. Применительно к захвату и удержанию власти на это указывал Арнольд Тойнби.

Период накопления характеризуется доминирующей ролью труда и дефицитом капитала, – поскольку капитал еще не создан. А период удержания характеризуется избытком капитала, система как бы работает по инерции, на автопилоте, роль труда, лидерства и менеджмента снижается. Повышается роль распределения, бюрократии.

Заметим, что в финансовом аспекте первому периоду соответствует высокая стоимость заемного капитала, а второму – низкая или даже отрицательная.

Капитал не является единственным источником или условием развития, но он сильно влияет на производственные возможности и социальные практики. В том числе, он критическим образом влияет на институт менеджмента. Это важнейшее звено упускается в большинстве марксистских рассуждений. Менеджмент – это самостоятельный институт, играющий не меньшую роль в развитии, чем капитал. Мы знаем примеры развития очень отсталых стран, почти без капитала, на основе, так сказать, пассионарного менеджмента. Это, например, Вьетнам после десятилетий разрушительной войны. Таких примеров много и в бизнесе – многие великие компании созданы великими предпринимателями, и не всегда на основе избытков финансового или материального капитала.

Великие предприниматели, создающие великие компании, соответствуют периоду создания капитала, созидательного лидерства.

Периоду удержания капитала соответствует преобладающая практика распределения. Менеджмент начинает специализироваться на распределении.

Распределительный менеджмент соблазнителен – распределять и осваивать гораздо легче, чем создавать новое. Поэтому может возникать затяжная, медленная деградация, именно на фоне как бы «золотого века». В эту

историческую ловушку, в частности попал Китай в 16-19 веках, как раз на фоне благополучия и могущества.

Начальным фазам нового уклада всегда сопутствует увеличение роли труда – в самом буквальном смысле – люди работают больше часов, руководители пахнут без выходных, а не отдыхают на яхтах, управляя бизнесом издалека. Капитал используется для инвестиций в развитие, а не для потребления. Все это можно наблюдать в современном Китае.

Ловушка Золотого века

Институты всегда оформляют определенный социально-экономический уклад, формацию. Создание и внедрение институтов, адаптация к социальной практике – это всегда дело небыстрое, требующее как минимум десятилетий, а в более медленное историческое время - и столетий.

В связи с этим в каждом укладе и эпохе формируется такое явление, как Золотой век – фактически это расцвет, высшая цивилизационная точка определенного уклада. Эта точка достигается и на основе накопления достижений самого уклада, и на основе накопления капитала, и на основе того, что институты в этом укладе работают все более эффективно.

Обычно институты в каждом укладе сначала работают недостаточно эффективно, в силу своей новизны. Затем работают лучше и лучше, вследствие доработок, адаптации к социальной практике. И затем начинают деградировать по причине накопления институциональных ловушек и негативных эффектов, а также изменения характера внешних вызовов. Историки обращают внимание на «деградацию элит» в этой стадии – гедонизм, клановость, отсутствие продвижения по заслугам, вымещение настоящих лидеров из рядов формальной элиты. Но деградация и сословный монополизм элит – это только самая заметная часть айсберга, состоящего из накопленных на всех уровнях общества институциональных рассогласований, экстерналий и ловушек.

В каждом укладе, эпохе мы можем найти свой Золотой век. В СССР Золотым веком можно считать 1950-70-е годы, когда период мировых войн пройден, - а деградация институтов, отставание от Запада, замедление экономики еще не развернулись. Идет успешное мирное строительство, открыты социальные лифты, наука и культура демонстрируют выдающиеся достижения.

Историк Клим Жуков отмечает, что широко описанное в литературе 19-го века благородное рыцарство – это скорее черта позднего Средневековья, тогда как раньше рыцарство не было настолько проникнуто благородством и идеализмом. Пока идет борьба за власть, за формирование феодальных институтов – там не до благородства.

Благородные жесты, такие как сохранение жизни противникам, выпуск из плена под честное слово и соблюдение честного слова, уважительное отношение к побежденным, по крайней мере, благородного сословия – все

это черты устоявшихся, хорошо работающих институтов. Зачем убивать противника, когда получить выкуп гораздо выгоднее. Репутация, честное слово превращается в устойчивый институт, а нарушение грозит положению всего рода.

Тема Золотого века в России активно эксплуатировалась сначала под брендом «России, которую мы потеряли», а затем в стиле счастливой, стабильной брежневской эпохи.

Александр Гельевич Дугин поднял тему Золотого века на пьедестал особой философии традиционализма. Эта философия гласит, что раньше было лучше, чем сейчас.

В наше время США попадают в такую же ловушку Золотого века, в которую попал Китай в средневековье. США не получают серьезных военных вызовов, в силу географического положения и накопленного военного потенциала. Они полностью обеспечены ресурсами, населением, капиталом и технологиями. Комфортный формат потребительской экономики позволяет еще сто лет постепенно проедать институты и капитал, накопленные предыдущими поколениями. В том числе, и человеческий капитал.

Западная Европа не настолько автономна. Она зависима и от экспорта товаров, и от импорта ресурсов. И вынуждена активно участвовать в военно-политической конкуренции, в силу географического положения. Она будет вынуждена раньше начать конкурировать, чтобы выжить.

Скорее всего, это означает возврат к формату прежних национальных государств. Будучи раздробленной на довольно небольшие, конкурирующие между собой и зависимые от внешней торговли государства, Западная Европа вряд ли будет политическим центром силы в 21-м веке.

Евросоюз и Европейский центробанк – это была попытка продлить проедание прежних достижений за счет плановой экономики и распределения в масштабах всей Европы. Проедание было организовано системно, с надлежащей дисциплиной и порядком: *Ordnung muss sein*.

Россия же находится в таком плотном кольце исторических врагов, сомнительных друзей и ненадежных партнеров, что надолго впасть в проедание и сладкий сон не получается, при всем желании.

Упрощение институтов до уровня элит

Михаил Делягин пишет в своей книге «Глобализация. Осторожно, двери закрываются»⁹⁵ о том, что мы вошли в эпоху коллективного разума, супер-

⁹⁵ Delyagin, M. (2019). End of an Era. Beware, the Doors Are Opening! Volume 1. General Theory of Globalization. Moscow: Knizhny Mir.

Delyagin, M. (2020). End of an Era: Beware, the Doors Are Opening! Volume 2. Special Theory of Globalization. Moscow: Knizhny Mir.

интеллекта. Евгений Гильбо отмечал уже в 2010-е гг., что носителем этого суперинтеллекта являются, прежде всего, корпорации⁹⁶.

Но корпорации и институты в то же время созданы и поддерживаются людьми. Без человеческой воли и деятельности никакой интеллект не осуществим. Одна из основных установок методологов (школа Г.П. Щедровицкого) состоит в том, что интеллект вообще нельзя рассматривать в отрыве от деятельности – и это совершенно справедливо.

Сознание людей, в том числе управляющих, программируется институтами. Но эти же люди и поддерживают институты. Очевидно, такая ситуация рано или поздно упирается в стеклянный потолок: даже если удалось каким-то образом создать институты с супер-сложным мышлением, не удастся их нормально поддерживать, пока мышление управляющих не поднимется на такой же уровень сложности. По поводу похожей проблемы есть шутка в когнитивной науке: «если бы мозг был настолько прост, что мы могли бы понять его, то мы были бы настолько просты, что не смогли бы».

Мышление западных управляющих мы можем наблюдать в прямом эфире телевидения и интернет-каналов – и оно совсем не демонстрирует признаков супер-сложности.

Мозг нам, к счастью, дан от рождения, и мы хотя бы можем попытаться в течение своей жизни раскрыть потенциал его сложности. Институты же – гораздо более молодое и менее стабильное образование, чем человеческий мозг. Для поддержания их сложности нужны каждодневные усилия. Сложная техническая цивилизация сама себя не воспроизводит. Мы это знаем по эксперименту 90-х, когда все мгновенно рухнуло в практики феодализма – как только общество отказалось поддерживать прежнюю сложность. Промышленная инфраструктура быстро начала превращаться в источник металлолома и арт-объекты киберпанка.

И сегодня, вся запутанная сложность инноваций, искусственного интеллекта, финансовых рынков, торговых войн, элитных интриг – упирается в стеклянный потолок человеческих умственных и волевых возможностей. Человечество невольно сдерживает развитие технологий и институтов, постоянно опуская их до уровня своих способностей к управлению. Крах СССР был наглядным примером понижения сложности системы до уровня управляющих способностей элит. Но сам этот принцип, менее драматично и не столь наглядно действует сейчас во всем мире – и на Западе, в первую очередь.

Можно не так беспокоиться насчет рывков в развитии искусственного интеллекта, например. Потому что, будьте уверены, на один такой рывок, выходящий за пределы понимания элит, обязательно будут сделаны два шага назад в других областях. Отсюда возникает и экономическая стагнация Запада вот уже пару десятилетий после 2007 года.

⁹⁶ Gilbo, E. (2020). Post-Industrial Transition and World War. Publishing Solutions

Колоссальное развитие инноваций в медицине, компьютерных технологиях, роботизации, ИИ сопровождается таким же колоссальным уничтожением несущих институтов цивилизации. Таких как человеческая ответственность, рациональное мышление, трудовая дисциплина, солидарность, семья, культура, гуманистические ценности. Британский социолог Зигмунт Бауман назвал эту потерю идентичностей «Текучей (или жидкой, liquid) современностью»⁹⁷. На этой жидкой основе никакие крепкие институты построены быть не могут. Никакой искусственный интеллект сам себя не сделает крепким институтом. Максимум это уровень мощной феодальной башни – среди тысяч других в мире.

Именно в результате этого вспыхивают войны, подобные Украине. Они ведутся самым современным оружием, но сама война – это следствие неспособности великих держав выработать ответственные принципы коллективной мировой безопасности. Утрата договороспособности, гуманистической ответственности, стратегического мышления – это и есть разрушение институтов, на которых держится цивилизация.

Управление на Западе все более распадается на множество корпораций и институтов-корпораций. Общественные и государственные институты превращаются в гильдии и корпорации, о чем шла речь выше. Это опять же аналог распада СССР на независимые республики и неподчиняющиеся Москве регионы России. Это саморегуляция системы, которая не выдерживает слишком большой сложности. В сущности, это библейский миф о Вавилонской башне – которая рушится в силу своего переусложнения. Строители вавилонской башни хотели уподобиться Богу, но подобны они были несколько усовершенствованным обезьянам. Как сказал Фридрих Ницше, «...и до сих пор во многих из вас остается больше от обезьяны, чем в некоторых из обезьян».

Я предлагаю применить в этой книге институциональный метод для анализа мировой экономики и политики – и через это постараться получить целостное представление о происходящем.

Социальные институты в значительной степени способны к саморегуляции. Хотя, когда дело доходит до саморегуляции вместо направленного менеджмента, – это практически всегда означает понижение цивилизационного уровня. Эта саморегуляция начинает преобладать на Западе в последние десятилетия – и поэтому позволяет говорить об объективных социальных и институциональных трендах. А не прислушиваться с замиранием сердца к каждому новому заявлению очередного президента США.

⁹⁷ Bauman, Z. (2013). Liquid modernity. John Wiley & Sons.

3.12 | ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЯДРА СЕТЕВОГО ИНСТИТУТА

Большинство сетевых институтов имеют в своем центре ядро-корпорацию. Для католиков это Ватикан, католическая церковь. Общий китайский язык, путунхуа основан на централизованных институтах просвещения. Без них общего языка бы не было, а использовались бы сотни диалектов и языков в разных провинциях Китая – как это и было до недавнего времени.

За образованием стоят государственные министерства и система образования, и так далее.

Со временем институт становится всеобщим, сетевым. Образование становится как бы естественным свойством современного западного человека. На общем китайском языке начинают говорить все, как само собой.

Это ведет к ощущению естественности института, он как бы сливается с человеческой природой. Начинает казаться, что люди на Западе уже рождаются цивилизованными, культурными и гуманистичными. Конечно, это не так. Цивилизация, культура, сознание человека – это каждодневное усилие, как отмечал Мераб Мамардашвили.

Но впадая в эту иллюзию естественности, люди перестают поддерживать и ядро института.

Характерен пример распространения христианства в Европе. Насаждение гуманистических ценностей проходило не легко и не гладко: через преодоление гонений на христиан, крестовые походы, разгром ересей, инквизицию и церковные расколы. Внедрение новых цивилизационных институтов никогда и не проходит гладко. Распространение мусульманства на Ближнем востоке носило не более мирный характер.

В институциональных терминах, распространение монотеистических религий привело к массовому внедрению гуманистического общественного договора. В эпоху, когда безграмотными были почти все, только такой институт и мог поднять общественные отношения на более гуманный уровень. Контракты и сложные законы были в принципе неприменимы для большинства.

Постепенно вера становилась всеобщей, то есть превращалась в сетевой институт. Эта естественность веры породила и светский гуманизм, как нечто само собой разумеющееся. С падением монархий церковь утратила статус официальной власти. В 20-м веке ее роль продолжала снижаться, по мере распространения атеизма – сначала как бы гуманистического. Гуманистический атеизм сначала тоже имел свое ядро, свои «церкви». Таку

роль брала на себя первоначально партия коммунистов, большевиков в России.

Постепенно растворилось и старое церковное ядро, и новое коммунистическое. Число воцерковленных людей составляет сейчас не более, чем несколько процентов и в Европе, и в России.

Светский гуманизм был основан на разумеющихся для большинства христианских ценностях. Те были основаны на церкви, а церковь — на пассионарном ядре самых верующих монахов и священников. Эта пассионарность ушла из общественной жизни. Вероятно, не исчезла, но ушла в монастыри, подальше от мирской суеты. Без нее церкви превратились в исторические здания, представляющие в основном музейный и культурный интерес. Церковь перестала быть центром общественных смыслов. А люди, в свою очередь, перестали интересоваться смыслом вообще.

Христианские ценности перестали считаться разумеющимися и естественными. Вместе с этим растворилась и светская гуманистическая парадигма. Путем саморегуляции общество быстро пришло к естественным языческим культам, вроде золотого тельца. Вся ценностная система современного западного человека описывается старым анекдотом про христианского миссионера и африканского вождя. Туземный вождь объясняет миссионеру свое понимание добра и зла: «зло — это когда у меня украли корову. А добро — это когда я украд корову».

В голливудских фильмах часто применяется такая подмена. Показывают сильных харизматичных личностей — например, в сериале «Игра престолов» или сериале «Карточный домик». При этом, по сюжету, за этими личностями нет никакой культуры, веры или внятных ценностей. Я понимаю, что Голливуд любит льстить себе и своим зрителям, но это так не бывает. Личность, развитые волевые, интеллектуальные и эмоциональные качества — это продукт культуры, смыслов и ценностей. Отказ от культуры, смыслов и ценностей порождает вялых, слабовольных и скучных персонажей. Их мы и видим в западных новостях ежедневно.

Президент Андервуд (герой Кевина Спейси) сочетает в себе харизму, политический талант, волевые и умственные способности, с абсолютной беспринципностью, цинизмом, и целями только личной выгоды. Такое теоретически возможно, поскольку по возрасту он мог быть еще воспитан в эпоху сильной культуры и общественных ценностей. А действует уже в эпоху социального киберпанка и вашингтонского болота. Но в целом это явление переходного периода. Цинизм, беспринципность и киберпанк, как социальные нормы, не порождают умных, волевых и харизматичных лидеров.

Другой пример исчезновения ядра сетевого института — это исчезновение оплачиваемых профессий писателей и многих других деятелей культуры. В СССР такая работа оплачивалась в рамках специальных структур Союзов писателей, художников, журналистов и т.д. На Западе деятельность молодых

писателей оплачивалась рыночными способами. Курт Воннегут писал в автобиографическом романе «Времятрясение», что в 1950-е гг., до массового распространения телевидения, работа даже молодого писателя надежно оплачивалась. Достаточно было разослать рассказ в десятки журналов, и кто-то наверняка принимал его в печать и присылал гонорар.

Я сам застал эту счастливую эпоху печатных журналов, которые платили гонорары, в 1990-е и 2000-е гг. На печатных книгах авторы еще зарабатывали приличные деньги. Потом это практически исчезло. Вряд ли сейчас кто-то заплатит гонорар автору рассказов, и тем более вряд ли предложит членство в Союзе писателей. Исчез организованный институт производства культуры. И надо же — сама массовая культура скатилась в это же время куда-то ниже плинтуса.

В этом плане приверженность консерваторов старым институтам, например, церкви, или преподаванию Пушкина, вполне оправдана. Если уж не удалось создать нового, то лучше хотя бы не убирать старое. Без этого ядра сетевой институт просто перестает воспроизводиться.

Сетевые институты способны воспроизводиться самостоятельно. Но они хорошо справляются только с рациональными, рыночными задачами. Все что касается общественных благ в них практически исчезает. Кроме того, они плохо понимают сложность. Сетевые институты все сводят на уровень здравого смысла и выгоды среднего человека. Так в религии начинают преобладать парадигмы типа «дорогой Господь для дорогих господ». Или куличики для тех, кто победнее.

3.13 | ИСЧЕРПАНИЕ МИССИИ ИНСТИТУТА

Мало обсуждается такое базовое свойство институтов, как амортизация, исчерпание цели и актуальности института.

По Арнольду Тойнби, цивилизации развиваются как ответы на вызовы⁹⁸: природные, социальные, культурные или политические. Вызовами могут быть условия климата, такие как пустыня или горная местность, агрессия извне, внутренний кризис.

Институты — это более детализированное представление цивилизации, ее составных частей. Институт вооруженных сил развивается в ответ на военные вызовы, институт права собственности — в ответ на изменения экономической реальности, и так далее.

Институты модерна — это не что иное, как нематериальные активы, говоря языком бухгалтерского учета. Это такой же набор алгоритмов, как предоставленное консалтинговой фирмой описание бизнес-процессов или программное обеспечение управления, ERP. Или проведенные маркетинговые исследования и разработанная бизнес-стратегия.

В бизнесе представляется совершенно естественным, что эти продукты имеют ограниченный срок годности. Программное обеспечение и исследования рынка устаревают. Стратегии могут устаревать также по причине своего досрочного выполнения. Если компания за три года выполнила пятилетний план продаж или захвата нового рынка — то это тем более повод начать разрабатывать новую стратегию и план.

К институтам же это как будто бы не относится — не в последнюю очередь потому что институты — это общественные блага, и неясно, кто должен заплатить за внедрение новых.

Институты окутываются сакральным ореолом. Их создали древние, полубожественные отцы-основатели. Они существовали до нашего рождения, и поэтому мы не вправе даже думать о пересмотре. Тем более, что новых отцов-основателей действительно не видно. За пересмотр охотно берутся Чубайс и Гайдар, но никто больше не хочет доверять реформы таким энтузиастам. Сам термин реформы, в связи с этим, приобрел характер нехорошего, ругательного слова.

⁹⁸ Toynbee, A. (1934–1961). A Study of History. Oxford University Press

«Зависимость от колей», сопротивление институтов и правящего класса к переменам — это самая типичная и частая институциональная ловушка, обсуждаемая многими авторами.

Тут сходятся вместе множество мотивов. Это принцип «работает — не улучшай», то есть опасение, что реформы пойдут не по Аврааму Линкольну, а по Горбачеву и Чубайсу. Это заинтересованность старых элит тормозить перемены, оставить все как есть, потому что такие институты гарантируют их личную и семейную власть.

Это проблема общественного договора, потому что сложившиеся институты — это основа мирного сосуществования. Тогда как пересмотр даже отдельных ключевых институтов грозит обвалом общественного договора и началом войны всех против всех. Так случилось, в частности, и с отречением последнего царя, который все равно толком не правил, — однако, символизировал всю прежнюю парадигму. Сразу все пошло вразнос. Как написала позже Яна Дягилева, «так иди и твори что надо — теперь ничего не свято».

То же самое произошло с отменой руководящей и направляющей роли КПСС в 1990-м году, на что особенно указывает С.Е. Кургинян. Вроде бы, это не самый заметный шаг в общем контексте перестройки — однако, эта отмена обнулила концептуальный стержень, парадигму, стоявшую в основе СССР. Без веры в коммунизм и особую, сакральную роль в этом партии коммунистов, СССР объективно превращался в набор буржуазных государств или штатов.

Создать хорошие новые институты, преодолеть сопротивление общества и старых элит, — во-первых, это не дешевле, чем производство Жигулей обновить до Мерседеса. Во-вторых, все будут сопротивляться — и элиты, и общество, потому что новые институты ломают старые привычки и связи. Чтобы осуществить такое мирным, управляемым способом, нужно очень сильное государство и лидеры, способные мыслить стратегически и ответственно. Как это умел Уинстон Черчилль, Теодор и Франклин Рузвельт. Как вы понимаете, такие способности не относятся к политическим лидерам современных США и ЕС.

Очевидно, что многие западные институты просто выработали свой ресурс. Они относились изначально к совершенно другой реальности и были, в свое время, прогрессивными. Принцип один человек — один голос повышал права граждан в эпоху крайнего неравенства. В реальности, конечно, этот один голос не давал бедным классам равных прав с богатыми. Богатые держали множество других рычагов власти, кроме голосования.

Михаил Юрьев писал о западной концепции разделения властей:

«В своем современном виде она сложилась на Западе при феодализме: выборная парламентская власть как противовес наследственной королевской. Так же и двухпалатные парламенты: наследственная верхняя палата из владетельных феодалов как противовес выборной нижней из народа.

Сегодня эта система даже там является анахронизмом, потому что какой смысл уравнивать выборной парламентской властью выборного же президента, или выборной верхней палатой выборную же нижнюю?»⁹⁹

Исчерпание миссии института по причине достижения цели относится к большинству идеологий прежних эпох.

Идея коммунизма была предложена Марксом и Энгельсом в эпоху крайней нищеты и неравноправия рабочего класса. Нормой был голод, болезни, ранняя смертность, детский труд и проституция, отсутствие собственного жилья и минимальных социальных гарантий.

Если бы Марксу показали образ жизни советского человека 1980-х гг. — с новой квартирой, автомобилем, бесплатной медициной и образованием, гарантией трудоустройства и пенсии — то Маркс, наверное, сказал бы, что в общем приближении это вполне можно посчитать за коммунизм. И добавил бы, что все равно это недостижимо в ближайшие века, поэтому можно не вдаваться в подробности.

Коммунистический проект закончился в 1980-е не только по причине институционального кризиса, предательства элит, неудачных реформ — но и в силу исчерпания, достижения своего первоначального задания.

Сверхмодерн Кургиняна, коммунизм Стругацких — это уже не тот коммунизм, где «дом дадут хороший нам и ситный без пайка», по Маяковскому¹⁰⁰. Это уже совершенно новые проекты, со своим заданием и новыми целями — которые требуют новых институтов.

Это же можно сказать и про западный либерализм. В эпоху Вольтера и Руссо, было совершенно понятно, от кого и чего собираемся освободиться. Не обошлось, конечно, без розовых фантазий о том, что полностью свободный человек — это носитель ангельских добродетелей. Но на практике эти мифические добродетели проявиться не могли, потому что до свободы было еще далеко. В наше время возник человек, полностью освобожденный от королей, диктаторов, морали, табу, правил и запретов. Его образ мало похож на обещанные добродетели, а скорее тяготеет к дремучим формам социальной организации: поиску вождя, агрессивной глупости, нетерпимости к другим, стремлению к дедовщине и дискриминации слабых.

Но так или иначе, нынешний либерал собирается освободиться от чего? Западные либералы рыщут по миру, как золотоискатели, выискивая остатки тоталитаризма, от которых надо освободиться. В реальности, никакого тоталитаризма почти не осталось, весь мир погружен в сетевые институты. Власти отделены от общества, как корпорации, и заняты не подавлением общества, а собственными бизнес-интересами. «Почему его называют

⁹⁹ Yuryev, M. (2005). *Fortress Russia. Into Fortress Russia: Farewell to Liberalism: A Collection of Articles*. Moscow: Eksmo

¹⁰⁰ Mayakovsky, V. (1929). Khrenov's story about Kuznetskstroy and the people of Kuznetsk. In "Mayakovsky. Poesy. Poems" (Eksmo, 2021)

неуловимый Джо — его никто не может поймать? Нет, просто он на фиг никому не нужен».

Либерал достиг своей высшей черты — он абсолютно больше никому не нужен. Но может ли он после этого дальше называться либералом? Это неразрешенный вопрос современной философии.

Исчерпание движущей силы экономики потребления

Экономика массового потребления была очень прогрессивным явлением в США и Европе, во второй половине 20-го века. Вскоре после окончания Второй мировой войны, начался бурный рост западных экономик, в значительной степени основанный на производстве товаров народного потребления. Тут соединились вместе и достижения промышленности, инновации, конвейерный способ производства, и накопленный капитал, и результаты всеобщего образования и урбанизации.

Массовый средний класс стал и производителем, и потребителем большинства товаров.

На самом деле нельзя рассматривать расцвет демократии в отрыве от этой ведущей роли масс, и как производителей, и как потребителей, во второй половине 20-го века. Именно это, в совокупности, создало такой привлекательный образ Запада в конце 20-го века, а не только рок-н-ролл и видеомагнитофоны.

Эта экономика была обращена к простым людям в самом буквальном смысле. Она позволяла все больше зарабатывать и все больше потреблять. Она позволяла активным предпринимателям массово создавать бизнесы, придумывая, как лучше удовлетворить потребительский спрос.

Не удивительно, что в этих условиях политическая роль массовых избирателей действительно была важной. Впрочем, как говорят на фондовом рынке, «большой прилив поднимает все лодки». В условиях растущего пирога элитам незачем было конфликтовать с массовым избирателем — пирог рос для всех.

Когда в России говорят, что советские граждане или элиты купились на западное потребление и роскошь — это не совсем корректно. Заманчивой и убедительной была вся модель целиком. Она включала в себя и возможность хорошо зарабатывать, и возможность потреблять. Она была выгодна и массам, и элитам. Она предоставляла социальные лифты амбициозным предпринимателям из народа.

С присущим западным лидерам самолюбованием, это было объявлено «концом истории», вечным золотым стандартом для всего мира. Были подменены причины и следствия. Будто бы достигнут этот золотой век был за счет демократии и прочих инклюзивных институтов. На самом же деле, ровно наоборот. Демократия и права человека получили такое развитие,

поскольку массы стали на время основным двигателем экономики. Кто платит, тот и заказывает музыку. Пока развитие экономики и техники двигали только элиты землевладельцев, гильдии и корпорации, как это было в Европе до буржуазных революций, ни о какой демократии для масс не было слышно.

Экономика потребления, разумеется, не исчезла в наше время – но она перестала служить драйвером роста. Любой институт вырабатывает свой ресурс – но не обязательно исчезает. Мы пользуемся колесом и лопатой до сих пор, хотя они изобретены на заре цивилизации. Но мы не ожидаем, что эти изобретения сейчас выполняют роль двигателя прогресса и экономики.

Экономика потребления, во-первых, пришла на Западе к разумным пределам потребления. Людям уже не нужно больше квадратных метров жилья, больше одежды и больше автомобилей. Дальнейшее расширение влечет только неудобства в обслуживании и содержании. Напичкивание автомобиля тысячей инновационных опций ведет к его удорожанию, ремонтнепригодности и, в итоге, скорее к неудобству, чем к удобству.

Европейские социологи обсуждают «постматериальные ценности» - и это замечательно, но не решает проблемы стагнации экономики потребления.

В силу роботизации промышленности, граждане также перестают быть основным производителем. В этом суть растущего неравенства доходов, отмеченного Пикетти и другими исследователями.

То есть и с точки зрения реальных доходов, они не могут предъявить больше спроса на товары и услуги. Реальные медианные доходы в США остаются на уровне 1980-х гг. – и это при том, что они уже неоднократно накачаны количественными смягчениями.

Экономика знаний, которая могла бы стать новым тягачом развития, встречает сопротивление старых элит и старых институтов. Она внедряется только точечно, корпорациями, и это только усугубляет макроэкономические перекосы и дисбалансы.

Если бы экономику потребления оставили в покое, и переключили внимание на другие векторы общественного развития, то она и исполняла бы спокойно свою значимую, хоть уже и не ведущую роль.

Но крупные институты часто попадают в ловушку инерции и даже перегрева, перепроизводства. Политики наперебой обещают обеспечить рост ВВП – хотя в этих условиях ни о каком росте ВВП речи быть не может. Корпорации ставят задачи своим менеджерам нарастить и увеличить продажи.

Впихивание в граждан потребительских товаров и услуг происходит с растущей изощренностью. Задействованы все виды кредитов, в том числе для тех, кто никогда не сможет их вернуть (ипотечный кризис 2007). Раздут госдолг. Анализ больших данных позволяет угадать желания потребителя до того, как они возникли. Лучшие психологи и социологи работают в маркетинге и рекламе. Они вырабатывают изощренные стратегии

воздействия на подсознание, с целью заставить человека покупать больше и чаще.

Эта капиталистическая диктатура потребления широко обсуждалась марксистами еще в конце 20-го века. Сейчас надо отметить уже новый эффект совокупности этих воздействий на граждан. Это формирование наркоманской модели потребления. По-видимому, это происходит в результате чрезмерных совокупных манипуляций сознанием, адресации к подсознанию, формирования ложных социальных норм. Адресация к подсознательным мотивам несовместима с рациональным мышлением – и оно исчезло из информационного пространства.

Современный потребитель похож на наркомана. Он уже точно не знает, зачем ему надо потреблять все больше и чаще – у него просто постоянно зудит эта потребность. Знать и понимать ему и не надо – а то он расхочет продолжать этот праздник.

Институты способны моделировать сознание тотально – прежде всего, через социальные нормы и метакогнитивные рамки.

Парадокс состоит в том, что лидерам США и ЕС придется ломать систему, которую они сами так старательно насаждали и выстраивали. Противостоять времени нельзя. Вдруг, советский президент Горбачев объявляет демократию и рынок, о чем и подумать было невозможно еще за несколько лет до того. Мы видим, что в США такие попытки разрушения прежнего строя уже происходят. Но разрушение старого – это совсем еще не построение нового.

3.14 | ПРИСВОЕНИЕ ИНСТИТУТАМ НОВЫХ ЦЕЛЕЙ И ФУНКЦИЙ

Недавно на родительских форумах обсуждалась неоднозначная ситуация. Учительница русского языка и литературы в Подмоскowie, преподавая по школьной программе рассказ Тургенева «Муму», предложила детям написать сочинение от лица собаки Муму. Это вызвало бурные споры родителей.

Весь 20-й век этот рассказ преподавался в школе для детей. Он обличал крепостничество и учил гуманизму. Безусловно, для Тургенева проблема самой Муму не могла быть в центре, поскольку к главному герою – Герасиму, крепостному, его хозяева относились хуже, чем мы относимся к собакам сейчас. Это и было центральной темой произведения: показать, что этот крепостной, лишенный языка, бесправный и безропотный, тоже способен любить. И поэтому тоже является человеком – даже больше, чем его хозяева с черной душой. Эксплуататоры, мертвые души, убившие человеческие черты в себе, стараются убить все живое и в своих крепостных. Они приказывают Герасиму убить Муму, единственное живое существо, которое его любит.

Таков исторический смысл произведения. Однако, современная учительница предлагает ученикам посмотреть на проблему с позиций той повестки, которая актуальна сегодня – прав животных и обязанности детей гуманно относиться к животным. Тот же самый рассказ помещается как бы в другой контекст, в другую реальность.

Рассказ оказывается созвучен ценностям эко-гуманизма и увлечения детей подражанию животным, квадроберством. Педагог пытается соединить классическое произведение с актуальным запросом детей. Такой подход позволяет заинтересовать учеников, говоря об интересных для них сегодняшних темах. И в то же время, побуждает детей ознакомиться с классическим произведением.

Так вот, многие институты, сформировавшиеся задолго до нашего рождения, оказываются в похожей ситуации. И не всегда их адаптация, ребрендинг, оказывается столь безобидной, как в случае рассказа про Муму.

Кейсы репозиционирования хорошо известны в бизнесе – и очень нечасто они успешны. Известный пример из этой области – провальная попытка вывести на рынок «Новой колы» компанией Coca Cola в 1985 году. В те славные годы потребители были искренне преданы своему бренду, и восприняли покушение на него, как святотатство.

В нашей истории мы можем бесконечно перечислять примеры малоудачных попыток репозиционировать советские производства в условиях рынка.

Например, мотоцикл Урал был одним из самых массовых советских мотоциклов. Он выпускался сотнями тысяч штук в год. В 2000-е гг. контроль над активами получили питерские финансисты, которые восстановили и заново запустили предприятие. Поскольку мотоцикл был изначально скопирован с немецкого прототипа 1930-х гг., ему был придан гламурный ретро-стиль, и он получил соответствующее гламурно-брутальное позиционирование для байкеров. Сейчас он продается в основном на экспорт, но объем производства составляет на порядки меньше, чем в конце 1980-х.

В городе Починки Нижегородской области в состоянии перманентного банкротства находится крупнейший конный завод, который выращивал тяжеловозов. Лошади-тяжеловозы долгое время играли большую роль для сельского хозяйства, но с распространением механизации стало неясно, что с ними теперь делать. Подобные предприятия накапливают компетенции веками, и бывает очень жалко терять накопленную институциональную сложность.

Остановка и банкротство предприятий в 1990-е – 00-е гг. привели к исчезновению целого ряда отраслей промышленности в России, например, станкостроения. Вместе с закрытием предприятий исчез и институт – накопленные компетенции, производственные цепочки, система подготовки кадров.

В 1990-е гг. огромное количество колхозов и деревень «не встроились в рынок», оказались хронически убыточными. Надо заметить, что многие из этих деревень и сейчас не встроились в рынок. В отличие от тех времен, сейчас государство поддерживает инфраструктуру и платит пенсии, и это позволяет деревням доживать в более-менее человеческом состоянии. Но даже, например, на черноземах юга Нижегородской области, где само сельское хозяйство действует довольно успешно, большинство сел и деревень явно доживают свой век вместе с оставшимися пенсионерами.

Причины для этого чисто технологические. Густая сеть деревень в сельскохозяйственных регионах возникла в связи с исторической организацией логистики и способа обработки земель. Гужевые средства и ранние сельхозмеханизмы не выезжали слишком далеко от деревень, нуждались в обслуживании и ремонте. Личные подсобные хозяйства, сады и огороды, составляли существенную часть дохода крестьянского хозяйства. Деревня была окружена полями личных хозяйств, а также колхозными полями.

С 2000-х гг. происходило укрупнение агрохолдингов, которое отражало растущий эффект масштаба в сельском хозяйстве. В результате, в сельскохозяйственных, особенно черноземных регионах, сейчас работают на современной технике. Крестьянин перестал быть крестьянином в прежнем понимании и стал преимущественно синим воротничком, оператором сельхозтехники и оборудования. Типичные деревенские профессии сейчас

это механик, моторист, сварщик, комбайнер и тракторист. Соответственно, и доходы приравнялись к городским, и ведение личного хозяйства стало экономически неоправданным. Выгоднее купить еду в магазине, а в оставшееся время еще заработать по основной профессии. Ведение личного хозяйства, как источник дохода, все больше становится уделом фермеров, что является городским аналогом малого бизнеса или самозанятости.

Программа укрупнения деревень велась в СССР в 1960-80-е гг. по схожим причинам. Все больше действовал индустриальный эффект масштаба, и все меньше играла роль физическая близость крестьянина к своему участку земли. Уже в это время, на культурном уровне, закрытие деревень воспринималось трагически. Этому посвящена знаковая повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой»¹⁰¹. Для описания утраты культурной, духовной ценности, связи с историей и предками, до сих пор нет другого языка, кроме художественного, интуитивного. Между тем, эта накопленная институциональная сложность составляет основу цивилизации.

Сейчас власти в России не бросают инфраструктуру и деревенских жителей на произвол судьбы, как это было в 1990-е, но и не осуществляют целенаправленной программы укрупнения сел. Я привожу этот пример, чтобы показать, что многие институты объективно не имеют способности к адаптации и перепозиционированию. Провалы проектов по переизданию институтов часто связаны с тем, что они и не имели никакого потенциала для переиздания. Так, многие советские отрасли пришлось бы закрывать лет на 15 позже, независимо от распада СССР. Поскольку Китай и ряд других развивающихся стран, научились производить все то же, не хуже и в разы дешевле.

Выше уже отмечалось, что многие институты, как сетевые, так и иерархические, становятся естественными монополиями или олигополиями в своих сферах. Это можно сказать про государственный язык, религию, про институты государства, деньги и так далее. В силу исторических изменений, новых вызовов, новых задач модернизации институты часто приобретают новые функции и цели.

По причине естественного монополизма, перепозиционирование институтов часто носит вынужденный характер. В школе надо изучать Муму, потому что других великих писателей «у меня для вас нэт». Государственные деньги могут пройти перепозиционирование и ребрендинг, как было исполнено в 1990-е, но они останутся тем же монопольным институтом государственных денег. Иногда изменения происходит незаметно, с сохранением внешней формы. Философ Мераб Мамардашвили называл такие явления превращенными формами.

Эпоха постмодернизма и конструктивизма породила в последние десятилетия тотальное доминирование над обществом социальных,

¹⁰¹ Rasputin, V. (1976). Farewell to Matora. Nash sovremennik, № 10, 11.

политических и маркетинговых технологий. Традиционные институты реформируются, выворачиваются наизнанку, деконструируются, наполняются другим содержанием. Общество стало полем бесконечных экспериментов социальных и политических технологов.

Большинство этих технологий преследуют узкие тактические цели: извлечения близлежащей выгоды или получения быстрого политического результата. При этом разрушаются или варварски эксплуатируются общественные и цивилизационные институты, такие как социальный капитал, заслуженная репутация, авторитет истины, культура.

Иногда институты наделяются новыми целями и функциями не в рамках управленческих усилий, а как бы естественным образом, в ходе адаптации к новым вызовам и условиям.

Ужас от эпохи перемен, абсурд в духе Кафки – так обычно люди воспринимают процесс перезагрузки институтов, попытки встроить старые институты в новую реальность. Эти попытки не всегда успешны, они могут обходиться гибелью огромного числа людей, целых государств и цивилизаций.

То, что мы наблюдаем сейчас на Западе – это именно институциональный кризис такого рода. С точки зрения институциональной динамики, такие кризисы похожи, будь это эпоха первой мировой войны или кризис, который привел к развалу СССР в 1991 году. Невзирая на все политические лозунги об отличии демократии и коммунизма, на самом деле и США, и ЕС, и СССР — это гигантские переусложненные административные системы. Масштаб и сложность этих систем опередили способности менеджмента по управлению ими.

Одновременно США и ЕС столкнулись с вызовами внешней конкуренции, глобализации. Их роль в мировой экономике значительно сократилась и продолжает сокращаться. Это требует перепозиционирования – на основе имеющихся институтов. А институты государства и крупного капитала в силу своей инерции, монополизма всегда сопротивляются попыткам реформирования. Внешнеполитические ведомства, например, продолжают вести себя на мировой арене так, как будто они там правят безраздельно, как 30 лет назад.

Это и порождает в наше время тот абсурд, который западные президенты вынуждены разыгрывать либо в стиле потери памяти (Джозеф Байден) или в духе слабовольного бюрократа, который ни за что не отвечает (европейские президенты).

К сожалению, это ведет и к трагическим последствиям в реальной политике. Аналитики спорят о том, кому выгодна война на Украине. Какие, в частности, интересы Запада стоят за поддержкой Украины. На самом деле это никому не выгодно, ни Западу, ни России, ни Украине. К сожалению, именно такова природа войн на этапе фазового перехода. Это в основном следствие институционального кризиса и неадекватности институтов

реальности. Так это происходило и в первую мировую войну – в гораздо больших масштабах.

Активная поддержка Украины, в первую очередь, со стороны элит демократической партии США, а также элит ЕС, прежде всего, была основана на ложном представлении этих элит о себе, своих институтах и своих возможностях. Представления менеджмента – это не только представления конкретных людей. Это институциональная рефлексия. Высший менеджмент понимает ситуацию в рамках имеющихся парадигм, имеющейся аналитики и имеющихся рычагов управления. Как мы обсуждали в первой части, парадигмы заданы метакогнитивными рамками сознаниями, а те заданы институтами. Элиты думают, что правят институтами, на самом же деле институты правят их сознанием.

Поддержка украинской войны была обусловлена представлением элит США о себе и своей стране, как единственной суперсиле в мире. Для внешних наблюдателей это выглядит странно, в отношении страны, чья доля в мировой экономике упала в разы за несколько десятилетий. Однако, внутри США такое убеждение царит безраздельно – в образовании, пропаганде и управленческой парадигме.

Этому впадению в неадекватность, на институциональном и управленческом уровне, немало поспособствовали современные политические технологии. В США и ЕС длительное время преподносилось как инновационное достижение в политических технологиях «контроль над дискурсом», определение нарративов. Эта тема подробно обсуждается, например, в книге Аджит Маан «Нарративная война»¹⁰². Маан пишет: «Наблюдение за происходящими событиями часто не трогает людей эмоционально так, как это делает представление о развитии событий. Представления о событиях – повествование (нарративы) – связывают события вместе таким образом, что наполняют их смыслом... Но нарративы не просто описывают события, они показывают нам как их понимать... Хотя нарративы и претендуют на простой пересказ, но они не показывают нам объективную реальность... Нарративы полагаются на уловку: они не заявляют о себе как о проявлении власти, они маскируются под простое отображение «Так обстоят дела», под «норму». Но в нарративах мало чего-либо из простого пересказа. Ценность нарративов — это не истина, а смысл. Нарративы никогда не бывают нейтральными, они никогда не невинны, и они носят стратегический характер... Нарративы не отражают мир таким, какой он есть, они отражают идеологическую модель рассказчика, и делают это без разрешения, без аргументов, без дебатов. Это власть, и это очень эффективное оружие».

Это типичный пример самонадеянного подхода к конструированию идеологий и смыслов. Взять контроль над пропагандой, насадить идеи и

¹⁰² Maan, A.K. Narrative Warfare. CreateSpace Independent Publishing Platform

контролировать сознание общества. В сущности, типичная дрессировка поведения, описанная в романе Кена Кизи «Над гнездом кукушки».

В российском интеллектуальном поле эти западные технологии давно не вызывают иллюзий – впрочем, они активно применялись и российскими политтехнологами. Этому, в частности, посвящены многие книги Виктора Пелевина.

Такого рода политические технологии – это типичная модель мышления монополистов во власти. Не важно, что думает общество, не важно, каковы объективные тенденции экономики и техники. Если есть контроль над медиа и политикой, есть спецслужбы и армия, можно внедрить любые нарративы и дискурсы. Это, в сущности, мир Оруэлла, «1984»¹⁰³. Можно только гадать, насколько далеко США пойдут по этому пути – потому что возможности для этого есть у американских элит.

Проблема в том, что, увлекаясь такими технологиями, американская элита утратила способность к более сложным способам управления – а именно, основанным на истине, рефлексии и сложных стратегиях. Нельзя отделить парадигму для масс от парадигмы для среднего менеджмента.

Любая управленческая модель, в том числе пропаганда, может транслироваться массовым исполнителям только через парадигму. Поэтому, в частности, в США многие политические ходы и интриги заранее показывают в художественных фильмах или открыто обсуждают аналитические центры, такие как RAND.

Парадигмы для среднего менеджмента нельзя отделить от парадигм, передаваемых через поколения. То, что стало парадигмой, становится и частью метакогнитивных рамок, то есть частью нормы. Буквально в следующем поколении сконструированная парадигма, как бумеранг, возвращается к элитам, но уже принимается за чистую монету. Нынешние элиты уже не могут спрятаться в феодальном замке от единого информационного пространства.

Довольно быстро, за пару десятилетий, «нарративы», дискурсы, политические технологии, придуманные для информационной войны и манипулирования общественным сознанием, превращаются в способ мышления самих элит. Это подобно тому, как выброс радиоактивных отходов в общественное пространство сначала, возможно, и обогащает капиталиста, но затем заражает и его самого тоже. Социальная экосистема в долгосрочном периоде обычно не позволяет сбросить отходы на общество, а самому избежать последствий. В Индии с давних пор знают о единстве социальной и природной экосистем и называют это кармой.

На практике паразитические технологии «контроля над сознанием», нарративной войны ведут к дискредитации официальной политики. Как любая нечестная манипуляция, это, в сущности, дешевые трюки, которые

¹⁰³ Orwell, G. (1949). *Nineteen Eighty-Four*. London: Secker & Warburg

люди разгадывают довольно быстро. Набор этих трюков порождает фейковых или марионеточных политиков. Такие политики ведут к общему кризису доверия к власти и демократическим институтам вообще, разочарованию в государстве и элите. Реальные механизмы управления уходят куда-то вглубь «глубинного государства» - но не надо думать, что там они хорошо работают. Реальные механизмы управления становятся похожи на игру престолов Джорджа Мартина. В сущности, его книга именно о том, как разворачивается кризис и конфликт элит в нынешнем «Новом средневековье».

Реальные механизмы управления становятся максимально непрозрачными, де-институционализированными, то есть осуществляются вне официальных институтов. И это само по себе проблема для управления. Они не подконтрольны единому центру или единой институциональной системе координат. А следовательно, это именно Игра престолов, непредсказуемая и опасная борьба интересов, элитных кланов, а не менеджмент и управление на макроуровне, в традиционном смысле.

Еще один пример придания институтам ненадлежащих функций, обусловивший поистине плачевные результаты для западного менеджмента – это использование преподавания социальных наук для целей пропаганды и дрессировки интеллигенции. Это в точности похоже на опыт позднего СССР, где в социальных науках воцарился мертвый догматизм, игнорирующий перемены в обществе и окружающем мире.

Профессора, имеющие другие мнения, изгонялись из институтов или за пределы страны. Между тем, именно члены академии – это коллективный мозг, способный осмыслить происходящие перемены, а затем передать эти знания как инструменты и парадигмы практического управления. Самый высокий начальник не решает задач осмысления мировой социально-экономической реальности, ее изменений и вызовов - это задача науки.

В итоге, в СССР эти академические мыслительные функции были атрофированы, запрещены, выведены из взаимодействия с институтами власти – и власть начала принимать все более примитивные, ситуативные решения на уровне «здравого смысла». В эпоху суперсложных социотехнических систем само понятие «здравого смысла» почти не может использоваться в менеджменте. Это, в том числе, и привело к падению в 1990-е годы на уровень максимально упрощенной саморегуляции общества и экономики. Примитивные ларьки и опекающие их бандиты определенно руководствовались здравым смыслом и обходились без помощи академиков.

Первоначальный смысл преподавания любых наук – это передача знаний, обучение знаниям и мышлению. Однако, преподавание – это также подготовка образованных кадров, которые в дальнейшем будут занимать социально значимые позиции. Люди с университетским образованием в жизни будут как минимум локальными инфлюэнсерами для небольших (а иногда и больших) сообществ.

Как не воспользоваться такой возможностью, чтобы заранее вставить в голову этим инфлюэнсерам определенные программы, которые они понесут дальше на протяжении своей жизни в массы.

Евгений Гильбо, основатель Школы эффективных лидеров, отмечает, что массовое образование в принципе является средством социальной дрессировки. Это управление через школьное программирование мышления иронически, но очень точно Роберт Шеكلي описал в романе «Цивилизация статуса»¹⁰⁴. Использование преподавания для пропаганды не совместимо с главными идеями науки – с любовью к знанию, с критическим мышлением. Это противоречие между живым мышлением и шаблонами образовательного процесса подробно обсуждал Мераб Мамардашвили.

Эта проблема вряд ли интересует пропагандистов, которые решают свои собственные задачи. Однако, внедряя в учебники пропаганду, они незаметно выбрасывают оттуда подразумеваемую доминанту критического мышления, стремление дойти до истины своим умом.

Поскольку повторять пропаганду гораздо легче, чем искать истину и критически мыслить, такой подход выгоден карьеристам и паразитам уже внутри образовательной корпорации. И они сами заключают всех тех, кто осмелится возражать против доминирующей в учебниках пропаганды.

Отказ от истины, логики и традиционного понятийного аппарата не мог быть выборочным. Дети элит обучаются по тем же учебникам, и в том же дискурсе, хотя их и заверяют, что в Гарварде и Оксфорде им прививаются особо элитарные знания. В сочетании с зачисткой преподавателей, которые способны были говорить правду, и созданием специальных учебников, с особенной логикой и особенной картиной мира, выросло поколение, которое уже не владело мышлением, в прежнем смысле. Потом это поколение повзрослело, и оказалось, что на Западе основная часть образованного класса, включая элиты, не владеет традиционной (для 19-го и 20-го веков) логикой и понятийным аппаратом.

Это видно на основе контент-анализа текста политиков и общественных деятелей. Ранее внедренные дискурсы, нарративы и повестки, постепенно превратились в запутанные, но тотальные религиозные догматы, метакогнитивные рамки. Современный западный политик не столько врёт, сколько транслирует путаницу и кашу, которая царит в прошивке его сознания.

В результате этого мы наблюдаем падение интеллектуальной жизни на Западе. Предсказать или хотя бы объяснить мировые события там не может уже почти никто – потому что по учебникам и нарративам всего такого не должно было быть вообще.

¹⁰⁴ Shekley, R. (1960). The Status Civilization. Amazing Science Fiction Stories

3.15 | ПРЕВРАЩЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ В ИНСТИТУТЫ

В последнее время исследователи все чаще обращают внимание на проблему превращения инструментов в институты. Об этом пишет Александр Аузан в книге «Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория»¹⁰⁵, Андрей Мовчан и Алексей Митров в книге «Проклятые экономики»¹⁰⁶, а также Михаил Хазин и Сергей Щеглов в книге «Лестница в небо»¹⁰⁷.

В социальных науках трудно определить самого первого автора какой-то идеи. По теме превращения инструментов в институты принято ссылаться на Кэролла Квигли, в частности, на книгу «Развитие цивилизаций»¹⁰⁸. Квигли характеризует цивилизации как общества, имеющие инструменты для экспансии:

«...на каждом уровне общества создаются соответствующие организации. Такие организации, состоящие главным образом из личных связей их участников, мы называем „инструментами" — до тех пор, пока они преследуют свои исходные цели. Но каждая такая организация может (...) переключиться на удовлетворение собственных потребностей, в результате чего их первоначальные задачи решаются со все меньшей эффективностью».

Примеры таких превращений подробно разбирают Андрей Мовчан и Алексей Митров в книге «Проклятые экономики»¹⁰⁶. Например, это превращение янычар в Турции из военного института в элитную группу, способную диктовать свои условия верховной власти. Это превращение военных в хунту, захватывающую власть, затем повторяется многократно в 20-м веке во многих развивающихся странах.

Хазин и Щеглов отмечают, что «точно такое же превращение испытывает и основной инструмент цивилизации, инструмент ее экспансии»¹⁰⁷ и приводят еще одну цитату Квигли:

«Когда инструмент экспансии в цивилизации становится институтом, напряжение усиливается... Общество в целом привыкает к экспансии; массы

¹⁰⁵ Аузан, А. (2021). Institutional Economics. New Institutional Economic Theory. Litres.

¹⁰⁶ Movchan, A., Mitrov, A. (2022). The Curse of the Economy. AST

¹⁰⁷ Khazin, M., Shcheglov, S. (2016). Stairway to Heaven: Dialogues on Power, Career, and the World Elite. Ripol-classic.

¹⁰⁸ Quigley, C. (1961). The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. New York: Macmillan.

населения ожидают и желают ее продолжения. Общество, создавшее инструмент экспансии, занимается многие поколения, или даже столетия. Население привыкает к экспансии. Когда ситуация перестает становиться “лучше чем вчера”... оно оказывается растерянным, беспокойным и даже озлобленным. В то же время само общество, после веков экспансии, перестроено под продолжение экспансии, и испытывает болезненный стресс, когда экспансия замедляется... После веков экспансии наше общество организовано так, что оно не может просто существовать; оно должно расширяться – или погибнуть»¹⁰⁹.

Квигли характеризует привычку к экспансии как свойство западных колониальных империй, прежде всего, Великобритании. Выше мы обсуждали, что институты вообще тяготеют к экспансии, поскольку эта потребность является на самом деле одним из базовых мотивов любого живого организма. Общества — это несомненно живые организмы, и они стремятся к экспансии. Если бы это было не так, население земли не достигло бы восьми миллиардов человек всего за несколько тысяч лет и тех значительных результатов в технике и общественном устройстве, которые мы имеем.

Преобразование инструментов в институты представляет гораздо более широкий класс ситуаций, чем только вопросы захвата власти военными или инструменты колониальной экспансии.

Трудно четко обозначить грань между инструментами социального действия и социальными институтами. Под институтами обычно подразумевают более сложную социотехническую систему, включающую и координацию социального действия, и алгоритмы, и технические устройства. Первый римский легион — это, в сущности, уже институт, а не только инструмент, хотя и в самой начальной стадии своего развития. Ситуация «превращения инструментов в институты» обычно происходит в ситуации борьбы за власть. Старые большие игроки становятся несовременными, новые растут и отбирают рычаги управления или доли рынка в экономике. Могут применяться недобросовестные или ранее неизвестные формы конкуренции.

Иногда прототипы будущих институтов создаются именно с такой надеждой — что постепенно этот институт наберет больше силы и влияния. Так, политические структуры ЕС долгое время выглядели как слабые, лишённые реальных рычагов власти, однако мы видим, как этот институт постепенно пытается усилить свое реальное влияние.

В первой части отмечалось, что институты — это живой социальный организм, и поэтому он способен к самосохранению, экспансии и борьбе за власть. Преобразование инструментов (или локальных институтов) в более

¹⁰⁹ Quigley, C. (1979). *The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis*. Liberty Fund.

масштабные институты часто происходит в рамках такой борьбы за власть конкретных социальных и элитных групп.

Возвращаясь к примеру Квигли, мы можем, например, наблюдать, как США в 20-м веке создали обширную инфраструктуру глобализации, международной торговли и финансов — пока это служило интересам экспансии американского бизнеса. В 21-м веке власти США начинают яростно воевать против тех институтов, которые они сами создали (например, ВТО), разрушать мировую торговлю с помощью санкций и торговых войн. И это выглядит странно, поскольку еще 15 лет назад каждый американский учебник объяснял, что ВТО и глобализация — это высшая и практически сакральная ценность для всего человечества.

Проблема для США состоит в том, что в силу своих масштабов, инфраструктура международной торговли и финансов превратилась в большой, влиятельный институт в самих США. Это в общем-то и называют популярным термином «глобалисты». Для этого института не так важно, приносит он гражданам США прибыль или убытки — главное, что он определенно приносит прибыль членам и владельцам самого института, то есть самим глобалистам.

США рано или поздно защитят свои национальные интересы, но запущенная ими глобализация и созданные ТНК не исчезнут. Такова вообще диалектика истории. Институты, порожденные сначала в рамках жестокого колониализма, постепенно превратились в институты развития всего мира. Основными защитниками глобализации будут не какие-то таинственные «глобалисты», а вполне конкретные транснациональные корпорации. Эти корпорации уже сейчас представляют интересы собственников из всех стран мира, пропорционально тому уровню прибыли, который эти страны извлекают из международной торговли и финансов.

Превращение инструментов в институты характерно для самых разных областей общественной жизни. Именно эти превращения вносят столько сложности и противоречий в вопросы морали и справедливости.

Обычно в любой стадии устойчивого существования общества, в рамках одного стабильного экономического и технического уклада, формируются устойчивые социальные нормы. Они формируются и при феодализме, и в индустриальную эпоху и, например, в полисах Древней Греции. Устойчивая социальная норма постепенно превращается в мораль, представление о справедливости, как ценности. Нам трудно сейчас представить, но, с точки зрения крепостного крестьянина его отношения с баринем вполне справедливы. Так устроен мир: барин — это барин, а раб — это раб. Несправедливо было бы, если бы другой крепостной сосед украл бы у него хлеб, — это противоречит писанным и неписанным законам, социальной норме.

Значительная часть текста Нового Завета описывает конфликт Иисуса Христа с фарисеями. Содержание этого конфликта состоит в том, что

Христос требует революции духа: «не мир пришел Я принести, но меч» (Матфей 10:34–36). А фарисеи насаждают нормы религиозных ритуалов, как мораль и ценность.

При поздних монархических режимах церковь тоже способствовала легитимации власти и сложившихся социальных норм.

Однако моральная легитимация сложившегося уклада служит не только интересам элит. Она действительно служит общему благу, поскольку оптимизирует общественное взаимодействие в рамках имеющихся возможностей (и технических, и экономических, и умственных). Отсюда возникает ценностная роль морали, даже если эта мораль фиксирует общественное неравенство. Соблюдение правил игры на основе коллективной мудрости институтов действительно помогает оптимизировать баланс между рисками и выгодами. Революционный протест против имеющихся институтов, в духе героя Лермонтова Мцыри, позволяет жить бурно, но очень недолго.

Итак, социальная норма превращается в мораль и ценность. Люди нуждаются в ценностных ориентирах – и социальная норма, общественная мораль является простым и наглядным ценностным ориентиром. Именно через это надо понимать эффективность гитлеровского режима – он опирался на представления общества о своей морали. Общество привыкло считать мораль институтом, практически сакральным и вечным, тогда как Адольф Гитлер и его социальные технологи хорошо понимали, что это инструмент, которым можно управлять. Добропорядочность, дисциплина и патриотизм легко слились с лояльностью и служению правящему режиму.

Книгу Кристофера Лэша «Восстание элит»¹¹⁰ часто цитируют в контексте темы деградации элит, отделения элит от народа. Полное название этой книги – «Восстание элит и предательство демократии», и здесь мне кажется уместным остановиться как раз на второй части названия. Мысли Лэша, на мой взгляд, довольно запутаны и противоречат сами себе. Однако, они интересны, как социологический феномен, характерный пример мышления консервативных американских интеллектуалов.

Под восстанием элит Кристофер Лэш подразумевает как бы предательство элит по отношению к народу, превращение элит в эгоистический, безответственный класс, не связанный со своими национальными корнями или традиционными гуманистическими ценностями. Сама это заявление Лэша выглядит неоднозначно. Называть такое поведение «предательством» довольно странно, поскольку американские элиты всегда были либеральными, а следовательно, не обещали никому ничего бесплатно. Это типичная ловушка собственных ошибочных убеждений. Кристофер Лэш верит и в элитаризм, и в либерализм, считает их благими и добрыми, но при этом удивляется, почему же элиты так плохо себя ведут.

¹¹⁰ Lasch, C. (1995). *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. W. W. Norton & Company

Критикуемые Лэшем космополитичные, либеральные, эгоистичные новые элиты США, могли бы справедливо возразить, что они никогда не подписывались быть консервативными, религиозными и патриотичными. И что демократия нужна как раз для защиты собственных интересов, как их понимает каждый человек, в рамках закона. Именно это и делают неприятные Лэшу «предатели», не нарушая ни закон, ни процедуры демократии.

Кристофер Лэш, как и многие в США, попадают в собственную ловушку придания институтам ненадлежащих функций. Демократия — это система выборов, представительства, защиты интересов разных социальных групп. Демократию можно считать прогрессивной, но нельзя считать гуманистичной, по определению. Адольф Гитлер набрал 37% голосов избирателей Германии на вполне демократических выборах в 1932 году, что стало прологом к его утверждению в качестве президента и канцлера на всенародном референдуме 1934-го года.

Демократия является институтом, алгоритмом социального и политического действия. Этот институт прогрессивный и полезный, как, например, медицинское оборудование, помогающее лечить людей. Однако то, что оборудование помогает лечить людей, не наделяет его имманентными гуманистическими свойствами. При определенных обстоятельствах оно может быть использовано и во зло, и не по назначению. Само оборудование при этом промолчит, поскольку, в конечном счете, является только инструментом, а не носителем воли.

Это несложное размышление почему-то ускользает от западных мыслителей. С середины 20-го века в США сформировалась традиция считать демократию сверхценностью. Наделение демократии сакральными свойствами, по-видимому, имело те же культурные и социальные причины, по которым коммунизм в России в 20-м веке был назначен на место рая и веры в Бога. Свято место пусто не бывает. Потребность в вере и смысле остается у людей и при всеобщей победе материализма.

Консенсус вокруг демократии, как сверхценности, сложился по вполне понятным причинам. Во-первых, это сделано в Америке, и позволяет, таким образом, нести этот свет остальному миру. Во-вторых, действительно, демократия является прогрессивным институтом и для защиты прав и интересов народа, и для включения социальных лифтов при капитализме. По факту, она выполняет ту же роль, которую социализм выполняет в других странах, поскольку фактически защищает трудящихся и снижает неравенство. В-третьих, это достаточно универсальная база для общественного договора — поскольку это материалистический, работающий, прикладной инструмент, в целом выгодный всем участникам.

Есть только одна проблема — демократия не является и не может быть ценностью. Демократия — это, прежде всего, инструмент. И только со временем она превратилась в социальный институт, в том числе наделенный

ценностным смыслом. Ценностью является, в действительности, гуманизм, а не демократия. С.Е. Кургинян справедливо отмечает, что в документах ООН или ЕС в последние годы под видом ценностей обсуждается все что угодно, кроме человека, - то есть кроме гуманизма на самом деле.

Но демократия, даже по своей официальной инструкции, не обязана включать в себя гуманизм. Демократия не более гуманистична, чем правила дорожного движения. Это алгоритм координации общественных интересов.

Сам тот факт, что институту придали новые функции, становится социальной и политической реальностью. И этот ценностный аспект демократии порождает свои следствия. Например, делает практически невозможным ее реформирование – поскольку она теперь сакральна. Реформация христианского вероучения привела к длительным войнам в Европе и расколу христианской церкви. Отмена коммунизма привела к развалу советского государства. Реформировать институты можно – а реформировать ценности крайне опасно.

Назначив демократию на роль ценности, США попали в ловушку. Любой институт надо модернизировать, иногда глубоко реформировать. Любой институт прогрессивен в одних условиях, а потом становится фактором отсталости и архаизации, если не реформируется или не заменяется новым. Если наделять институт сакральными свойствами, то, когда приходит время его отменять (а это время обязательно приходит) – власть и народ должны публично объявить о предательстве своих ценностей.

Публичное предательство своих ценностей народами и элитой практически неизбежно ведет к кризису самоидентификации и кризису общественного договора.

Часть 4

**ИНТЕРНАЛИИ И
ЭКСТЕРНАЛИИ
ИНСТИТУТОВ**

4.1 ПЕРЕУСЛОЖНЕНИЕ И КРИЗИС СИСТЕМ

Кризис сложных систем, как институциональный феномен, известен с древних времен. Можно предположить, что в ветхозаветной притче о Вавилонской башне описан как раз такой кризис переусложненной системы.

Вавилонская башня разрушилась таким же образом, как впоследствии и другие слишком сложные и централизованные системы – например, Советский союз. Из единого образования СССР распался на 15 гораздо более простых республик – и что характерно, использующих разные языки.

Произошел распад на меньшие части, способные к саморегулированию, к регулированию собственной институциональной сложности.

В 20-м веке проектирование организационных систем, а затем и их цифровизация была поставлена на поток. Возникла общая теория систем (Берталанфи, Богданов, Винер), затем более предметные представления об архитектуре организационных систем в кибернетике и менеджменте.

Во второй половине 20-го века парадоксы организационных систем широко обсуждались в научно-популярной литературе. Прежде всего, надо отметить знаменитые «Законы Паркинсона», затем в более популярной форме продолженные как законы Мерфи.

Также иронической, но знаковой для обсуждения институциональных рассогласований стала книга Джона Галла «Системантика»¹¹¹, вышедшая в 1975-м году. В этой книге автор обсуждает «закономерности» организационных кризисов и рассогласований. Как это было принято в то время, каждый автор претендует на открытие «законов» и всеобщей теории. В сущности же, и законы Паркинсона, и «Системантика» Галла – это набор анекдотов, описаний точно подмеченных организационных феноменов.

Более серьезной выглядит книга «Мышление в системах»¹¹². Ее автор Донелла Медоуз – один из авторов известного доклада Римского клуба о пределах роста 1972 года.

Несмотря на громкое название, «теория систем» имеет достаточно ограниченное применение в социальных науках и в области управления. Эта теория описывает, в том числе, и системные свойства организаций. Но закономерности поведения организаций отнюдь не сводятся к их системным

¹¹¹ Gall, J. (1975). Systemantics. How Systems Work and Especially How They Fail. Quadrangle. New York Times Book Company.

¹¹² Meadows, D. (2008). Thinking in systems: International bestseller. Chelsea green publishing.

свойствам, представляя собой сложное сочетание коллективного интеллекта, социальной динамики, институциональной организации, вложенных в организацию технических компетенций и знаний, а также особенностей внешних вызовов и реакций на них. Это подробнее обсуждалось в первой части. Нельзя считать только системные свойства ключом к объяснению остальных параметров поведения социотехнических систем — хотя системные свойства безусловно присутствуют и играют свою роль.

Каждая научная дисциплина исследует свою область, как систему, и поэтому метод каждой конкретной науки на микроуровне более плодотворен, чем попытки создать обобщенные принципы деятельности систем. Системы жизнедеятельности бактерий и, например, инженерные системы, если и имеют общие системные закономерности, то именно что самые общие.

Большинство описанных разными авторами «законов» организационных систем имеют место быть в реальности, но не являются законами. Это скорее типичные ловушки, типичные рассогласования организационных систем. Они могут происходить и часто происходят при определенных условиях — например, при ослаблении менеджмента, или при различных переходах к новым техническим или рыночным условиям. Но могут и не возникать, в силу культурных и управленческих особенностей в каждой конкретной организации.

В этом смысле знаменитая книга «Законы Паркинсона»¹¹³, иронически описывающая парадоксы менеджмента в литературном жанре, как раз представляет собой адекватный формат обсуждения этих ситуаций. Речь идет, в сущности, про набор феноменов, типичных для организационных систем, но не закономерных. Закономерностями следует считать те социальные, институциональные, экономические и технические тенденции, которые вместе приводят к возникновению этих «багов» и ловушек.

Вернемся к основной теме — кризис в результате переусложнения организационных систем. «Рост приводит к усложнённости, а усложнённость — это конец пути» — третий закон Паркинсона.

Согласно этому «закону», количество элементов в любой развивающейся системе постепенно увеличивается, сама система усложняется, и это приводит её к упадку.

Это наблюдение можно описать формально. Если все элементы системы связаны между собой, и система увеличивается, то количество новых связей растет гораздо быстрее, чем число новых элементов.

Для примера, предположим, что в системе 10 участников, и связи присутствуют между каждым и каждым. Тогда количество уникальных парных связей, без учета повторов, можно вычислить по следующей формуле:

¹¹³ Parkinson, C. N. (1958). Parkinson's Law: The Pursuit of Progress (1st ed.). London: John Murray General Publishing Division.

$$\text{Число связей} = \frac{n(n-1)}{2}$$

где n — количество участников.

Подставим для 10 связей:

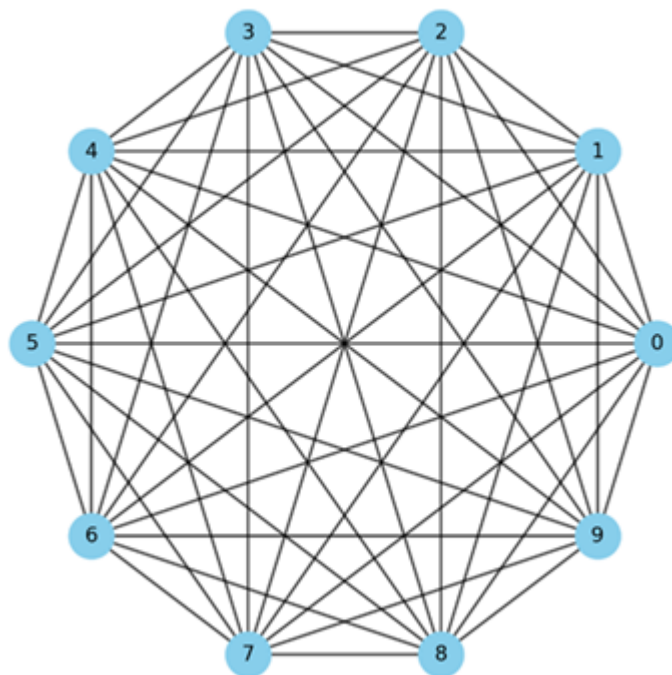
$$\frac{10 \cdot (10 - 1)}{2} = \frac{10 \cdot 9}{2} = \frac{90}{2} = \boxed{45}$$

Таким образом, в системе из 10 участников будет 45 уникальных связей.

Если бы мы считали каждую связь, как направленную, то в приведенной формуле не было бы деления на 2. Тогда количество связей составило бы 90.

Графически это можно представить следующим образом:

Связи между 10 участниками (каждый с каждым)

Теперь вычислим, на сколько увеличится число парных связей при росте числа участников на 3.

после добавления 3 участников их станет $n + 3$, и:

$$\Delta L = L(n + 3) - L(n) = \frac{(n + 3)(n + 2)}{2} - \frac{n(n - 1)}{2}$$

Подставляя исходное число участников 10, получим:

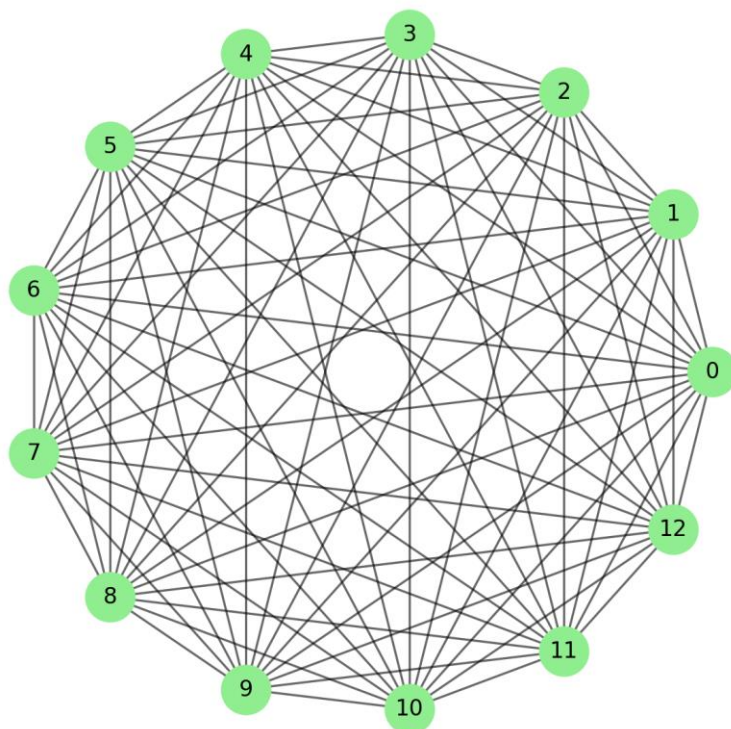
- Было: $\frac{10 \cdot 9}{2} = 45$
- Стало: $\frac{13 \cdot 12}{2} = 78$
- Разница: $78 - 45 = 33$

Число участников увеличилось на 33% ($= (3/10) \cdot 100\%$).

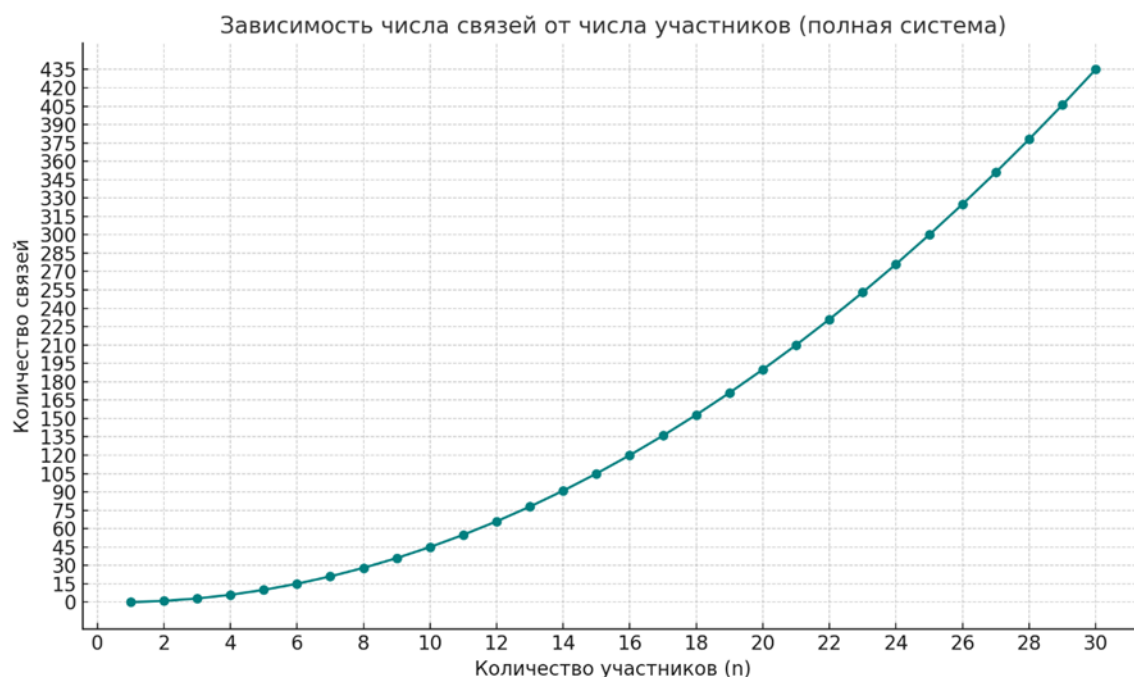
А число связей между ними на 73,3% ($= (33/45) \cdot 100\%$).

Теперь граф выглядит следующим образом:

Связи между 13 участниками (каждый с каждым)

Если продлить эту закономерность роста количества связей с ростом количества участников, получим следующий график:

Этот график описывается приведенной выше квадратичной функцией:

$$L(n) = \frac{n^2 - n}{2} = \frac{1}{2}n^2 - \frac{1}{2}n$$

Дуглас Норт отметил в 1990-е гг. резкий, на порядки рост числа транзакций в западных экономиках. Это и было квадратичным результатом от роста числа субъектов в экономиках – малого и среднего бизнеса, обеспеченных домохозяйств. То же самое произошло в СССР в 1980-е гг. Невзирая на формально плановую экономику, фактически развивались массовые сетевые связи вне иерархических институтов.

В этом и состояла причина переноса основной части деловой активности, и на Западе, и в России, в рамки сетевых институтов. Рост транзакций значительно опережал возможность управляющих иерархических институтов обслуживать их.

Но такой перенос носил, в сущности, вынужденный характер, - хотя и был представлен как намеренная, идейная политика либерализации. Рост производственных возможностей был обеспечен в рамках иерархических

институтов. Перенос избытков этого роста в сетевые институты не гарантирует сколь-либо устойчивого дальнейшего роста.

Жесткий формат управления в СССР не справился с ростом сложности и масштаба системы. Западное управление гораздо гибче. Сетевые институты предоставляют возможность саморегуляции. Но это не отменяет проблему роста масштаба и сложности. Количество экстерналий и рассогласований опережает рост самой системы, в соответствии с квадратичной функцией. Можно предположить, что стагнация западных экономик вызвана именно этой причиной. Каждая попытка роста системы, приносит, в итоге, больше негативных эффектов, чем пользы.

Если система перегружена сверх ее проектных возможностей, то требуется, прежде всего, изменение системы, повышение ее мощности. Постиндустриальная экономика знаний требует ряда принципиально новых институтов.

Вместо этого старые институты обрастают новыми функциями и расширяются как снежный ком. Новому поколению руководителей достаются уже действующие институты, и новое поколение хочет реализовать свои амбиции на готовой основе, а не заниматься тяжелой работой строительства институтов заново. Это напоминает надстройки и пристройки к одноэтажному домику, как это практикуется в фавелах Латинской Америки. Домик надстраивается, расширяется, но затем все это может рухнуть – так часто и происходит.

Менеджмент может только предложить остановить расширение, перестать надстраивать, проявить осторожность. Это и есть интуитивный консерватизм властей во многих странах. На структурные реформы никто не готов, но чувство осторожности подсказывает руководству, что домик Наф-Нафа такими темпами скоро завалится сам собой.

4.2 ЭФФЕКТ ВЕТО ПРОЦЕССОВ И ИНСТИТУТОВ

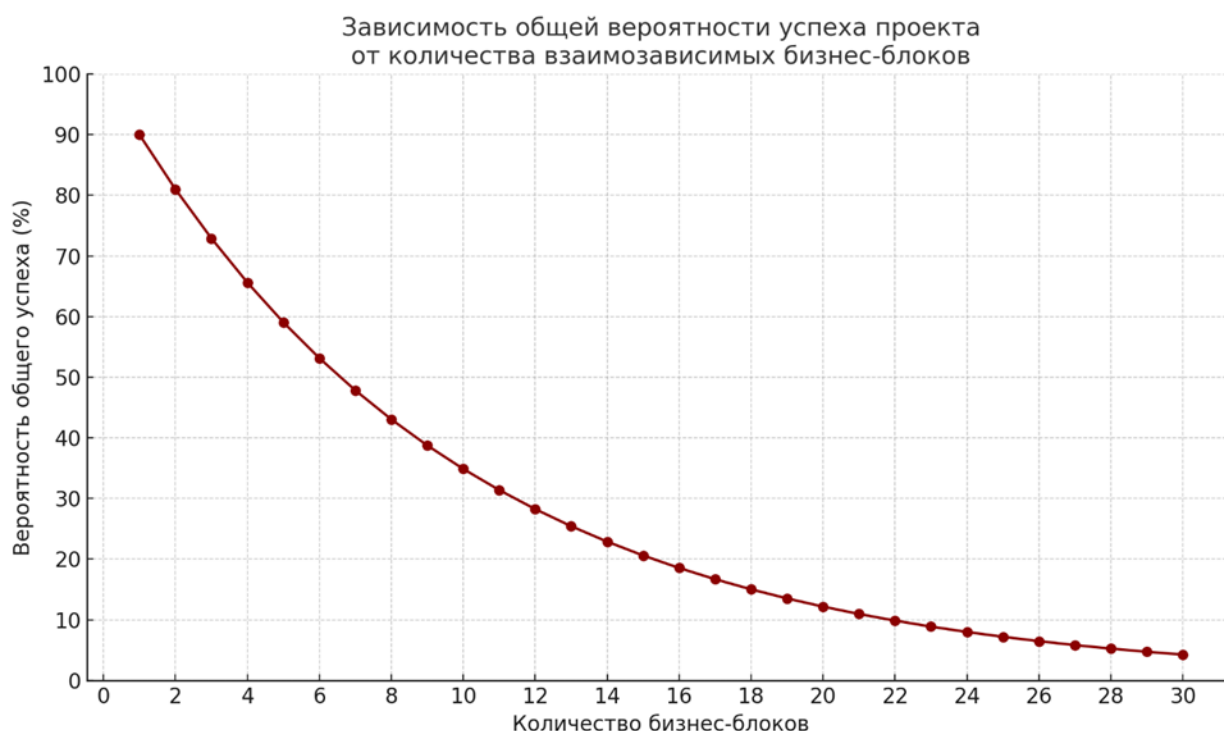
В отношении бизнес-процессов хорошо известен **эффект «вето»** каждого бизнес-процесса на весь проект. Я уже приводил этот пример выше, но повторю кратко, потому что он важен в контексте именно этой темы.

Допустим, на проектируемом предприятии есть 10 ключевых бизнес-блоков: инфраструктура, производство, администрация, финансы, маркетинг, сбыт, логистика, кадры и т.д. Неудача в организации любого из ключевых бизнес-блоков останавливает все производство. Предположим, для нового проекта, вероятность успешного построения каждого бизнес-блока составляет 90%.

Тогда, чем больше взаимозависимых бизнес-блоков, тем выше вероятность итоговой неудачи. Для десяти зависимых бизнес-блоков вероятность успеха это $0,9^{10} = 35\%$

При довольно высокой вероятности успеха в каждом блоке, суммарная вероятность успеха всего нового предприятия падает до 35%.

Графически это можно представить следующим образом:

На практике, каждый проектируемый бизнес-блок не содержит одинаковой вероятности неудачи. Для одних процессов она может быть минимальной, а для других составлять более 50%. Например, максимально высок риск для маркетинга и продаж на новом рынке, инвестиций в Research & Development, инновации, для ведения бизнеса в странах с нестабильным политическим режимом и т.д.

Это можно постоянно наблюдать в корпоративной практике, особенно когда речь идет о новых проектах. Сильный бизнес-проект, имеющий в целом хороший продукт, команду и инвестиции в развитие терпит убытки год за годом, когда руководители не в силах определить отдельные недостающие или неработающие процессы.

При сотне взаимозависимых бизнес-процессов вероятность успеха приближается к нулю, то есть рассогласование гарантировано. Конечно, в сложных системах процессы не зависят друг от друга на 100% и имеют запасные пути и резервные варианты. Сложные системы обладают диверсификацией элементов и связей, дублированием ключевых процессов, которые повышают устойчивость.

Это простое объяснение саморазрушения или деградации крупных плановых экономик, поскольку в таких экономиках процессы довольно жестко взаимозависимы. Тогда как в рыночной экономике эта зависимость более свободная и имеет больше возможностей замены, саморегуляции и дублирования.

Дальше мы будем подробнее говорить об институциональных ловушках и различных негативных эффектах. Большинство институциональных процессов несут в себе потенциал непреднамеренных негативных эффектов. Рассогласования чаще всего возникают именно на стыках процессов. В бизнесе хорошо известно, что типичные убытки возникают там, где ответственность одного подразделения уже закончилась, а ответственность другого подразделения как бы еще не началась.

Таким образом, при резком росте количества связей с ними растет и количество рассогласований, экстерналий и ловушек. Чаще всего, в силу организационной инерции менеджмент просто не успевает регулировать эти новые возникающие проблемы и не успевает расширять свои мощности параллельно с усложнением системы.

Рост системы воспринимается как благо, как повышение производительности труда, капитала и менеджмента. Вся эффективность эффективных менеджеров вроде бы и состоит в том, чтобы производить больше, не увеличивая штаты сотрудников и другие затраты. На практике же это обычно и ведет к коллапсу системы. Возросшим объемом рассогласований, негативных эффектов просто никто не занимается.

Применительно к институтам мы можем наблюдать те же закономерности взаимозависимости и эффекта вето. Например, мы можем наблюдать это в области торговой и финансовой глобализации.

Архитектура международной торговли выстраивалась в последние десятилетия без запаса прочности. Наоборот, вводилась концепция just-in-time, производства и поставок по требованию. Это предполагало слаженное, безотказное действие всей системы. На архитектуре мировой безопасности экономили, как всегда, при капитализме экономят на общественных благах и неприбыльной инфраструктуре.

С точки зрения системного анализа, наступившая с 2020-х гг. эпоха торговых войн, санкций, подрывов трубопроводов, блокирования грузоперевозок — должна была наступить не только по политическим причинам, а по причинам принципа Вавилонской башни или третьего закона Паркинсона.

В третьей части книги мы обсуждали естественную взаимосвязь большинства общественных институтов. **Каждый значимый институт цивилизации, по умолчанию, подразумевает наличие других институтов.** Рабочие места на современном предприятии, по умолчанию, подразумевают, что сотрудники уже получили школьное образование. Школьные учителя, по умолчанию, предполагают, что дети способны сидеть за партой и слушаться учителя — поскольку родители уже передали им базовые установки культуры и воспитания. Заметим, что это именно подразумевается в цивилизованном обществе, но не существует само собой, как какое-то свойство людей, полученное от рождения.

В эпоху сетевых институтов и высокого темпа перемен эти подразумеваемые составляющие цивилизации все чаще дают сбой. Например, дети все больше самовоспитываются в компьютерных играх и социальных сетях. Затем, повзрослев, они тем более не способны передать традиционное воспитание и бытовую культуру своим детям. Один из подразумеваемых компонентов цивилизации начинает исчезать. Без этой части школьное обучение не срабатывает, как не сработала бы сборка на конвейере, если туда прислали не все компоненты.

Воспроизводство населения, рождаемость начинает давать сбой во всех развитых странах и близких к ним по уровню жизни городах крупных развивающихся стран. Неожиданно выясняется, что не только рост экономики, но даже ее воспроизводство, поддержание инфраструктуры подразумевало сохранение численности или рост населения. Снижение рождаемости — один из многих социальных институтов — накладывает вето на развитие экономики и общественного благосостояния.

Вопросы мировой безопасности представляют еще один пример такого фактического права вето. Одна страна или даже движение повстанцев, не согласных со сложившимся раскладом сил, может начать войну и инициировать пересмотр всей системы международной безопасности.

К сожалению, неадекватных времени или плохо работающих институтов стало довольно много. Кроме названных выше, это заболачивание системы администрирования и права на Западе — «вашингтонское болото», приватизация закона корпорацией юристов и адвокатов. Это кризис

демократии, политика спектакля. Это зомби-экономика, все больше поддерживаемая наращиванием долгов. Это деградация информационного пространства, в котором сначала исчез авторитет ученых, экспертов, а затем растворилось доминирующее значение рационального мышления, понятия об истине.

Это вызывает полноценный кризис институтов. Еще работающие институты блокируются смежными – неработающими.

На микроуровне мы можем наблюдать эти эффекты ежедневно. Вы пытаетесь объяснить сотруднику или деловому партнеру что-то, на уровне рационального мышления, - но оказывается, что у него не развито рациональное мышление. Вы пытаетесь воззвать к ответственности и совести – но оказывается, что родители не привили этому человеку такие установки. Вы пытаетесь сказать об опасных последствиях для этого человека – но оказывается, что они есть только в вашей картине мира. А у этого человека другая картина мира, и в ней нет опасных последствий.

Эти проблемы часто интерпретируются в старых политических и общественных терминах и вызывают горячие споры. Противники западных институтов (рынка, демократии и т.п.) указывают на их системные недостатки и деградацию. Сторонники указывают на то, что большинство западных институтов работают, и приносят много пользы. Суть проблемы состоит в том, что большинство западных институтов действительно передовые, прогрессивные – и продолжают работать в таком качестве. Но они заражены меньшей частью неработающих, поломанных институтов. Эти поломки и рассогласования имеют эффект «вето» - хотя неработающие институты и в меньшинстве, но они существенно блокируют работоспособность западной социально-экономической системы в целом.

В этом смысле можно говорить о полноценном **институциональном кризисе** Запада в 21-м веке.

Так же бесполезно винить во всем власть и элиты. Сами они – часть совокупного институционального кризиса. Их мышление, рычаги управления блокируются этими же эффектами вето со стороны ключевых институтов. Безусловно, управляющие элиты – это то звено, которое могло бы исправить многие институциональные рассогласования. Но сами западные элиты, как институт, являются одним из наиболее кризисных звеньев во всей системе. Подробнее об этом речь пойдет далее.

4.3 | ПОБОЧНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Вся проблематика институциональных эффектов и экстерналий довольно новая. То есть, конечно, эти эффекты и экстерналии существуют столько же, сколько существуют институты. Но только в 20-м веке производство институтов было поставлено на поток – и это породило сопутствующий поток побочных и негативных эффектов.

В 1980-е гг. к проблеме рисков, вызванных модернизацией, привлёк внимание немецкий социолог Ульрих Бек в книге «Общество риска»¹¹⁴. По его мнению, главной характеристикой эпохи после индустриализации стала не только борьба с нехваткой ресурсов, но и управление созданными самими людьми глобальными рисками.

Таковыми побочными эффектами развития, ключевыми рисками, Ульрих Бек называет:

- Экологический: Загрязнение, климат, ядерные аварии
- Технологический: Аварии, риски ИИ, биотехнологии, киберугрозы
- Финансовый: Глобальные кризисы, пузырь активов
- Политический: Терроризм, массовая миграция, слом институтов
- Эпидемиологический: пандемии, такие как COVID-19

Бек подчеркивает, что эти риски глобальны и не имеют границ. Экологическая катастрофа в одной стране может затронуть весь мир (например, Чернобыль). Риски — невидимы и абстрактны. Современные угрозы часто невидимы на глаз и воспринимаются только через экспертов и науку (радиация, вирусы, углеродные выбросы).

Поистине массовый и плохо управляемый характер побочных институциональных эффектов приобрели в начале 21-го века, в связи с распространением на Западе сетевой модели управления. Сетевая модель управления подразумевает, что субъекты (и люди, и бизнесы) управляются не напрямую, иерархически, а институционально, будучи помещёнными в регуляционные матрицы.

¹¹⁴ Beck, U. (1986). Risk Society: On the Path to a Different Modernity. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. In the original: Beck, U. (1986). Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.

Самый характерный тип сетевого управления – это невидимая рука рынка, рыночная экономика. На Западе рыночная экономика характеризуется высочайшей степенью институционализации, то есть регламентацией прав и обязанностей участников. Тем не менее, в этих регламентах нет плана как такового, то есть не указывается (по крайней мере, малому и среднему бизнесу), что и именно ему производить и в каком количестве, сколько людей нанимать и какие устанавливать цены. Это определяется в ходе конкуренции, проб и ошибок, инновационных усилий предприятий. Это и есть сетевое управление, на уровне экономики.

Аналогично деятельность граждан управляется, в первую очередь, именно сетевым образом. Матрица гражданских прав и обязанностей прописана на Западе чрезвычайно детально в каждом аспекте деятельности человека. Это часто называют «дисциплинарным» обществом. Однако, в большинстве случаев действительно нет прямого указания целей или плана деятельности для граждан. В рамках матрицы граждане действуют более-менее свободно.

Метод сетевого управления, очевидно, был неизбежен в связи с ростом сложности управления и резким ростом количества управляемых субъектов и операций со второй половины 20-го века. В этот период на Западе произошел массовый рост среднего класса и связанный со спросом этого среднего класса массовый рост малого и среднего бизнеса. Численность бизнесов выросла на порядок. Хотя численность населения не увеличилась радикально, но каждый представитель среднего класса совершает в сотню раз больше экономических, хозяйственных и административных операций за год, чем его предшественник – бедный крестьянин или пролетарий 19-го – начала 20-го века.

Метод сетевого управления обеспечил успешное развитие ряда стран в условиях рыночной экономики и демократии. Именно его следовало бы ставить на первое место – демократия и рыночная экономика хорошо сработали в тот период как часть, среди других сильных институтов, которые вместе обеспечили сетевое управление.

Но сама же сетевая модель организации и повлекла массовое количество экстерналий и институциональных эффектов. Каждый институт исполняет свои задачи, а его экстерналии, следствия как бы должны саморегулироваться или регулироваться другими институтами. На самом деле это происходит не всегда. Регуляционная матрица одних институтов часто конфликтует с другими институтами; часто институты изначально рассогласованы или даже конкурируют.

Институты и проекты постоянно порождают непредвиденные эффекты. В основном это результат модернизации – поскольку модернизация — это

решительные изменения реальности на основании неполных знаний. Ряд таких непреднамеренных эффектов описан Джеймсом Скоттом¹¹⁵.

Но побочные эффекты могут быть порождены и естественными, традиционными институтами. Любое регулирование устанавливает правила – даже если это саморегуляция общин. Любые правила условны и имеют непредвиденные эффекты, в силу нашей неполноты знаний о мире и обществе.

Непредвиденные эффекты порождаются и по причине когнитивных искажений, в том числе коллективных, и в силу естественных интеллектуальных и информационных ограничений. Эти непреднамеренные эффекты обсуждаются с самого зарождения институциональной теории и регулирования. Первые обсуждения таких проблем связывают с именами Джона Локка и Адама Смита.

При анализе законодательных нововведений хорошо известны эффекты такого рода, когда попытки регулировать одну область непреднамеренным образом меняют правила игры для других сфер общественной жизни. Многие виды законодательного регулирования не применяются именно по причине слишком проблематичных побочных последствий или двусмысленных толкований.

Например, рождаемость в России является проблемой, прежде всего, именно русской нации. Однако создание программ демографического стимулирования по этническому признаку противоречит идеям равенства прав всех граждан России, заложенным в Конституции. Политика сглаживания межэтнических противоречий основана на всевозможном понижении аспекта этнической принадлежности в общественном сознании. В этом контексте выделение одного этноса среди других, для целей практического стимулирования рождаемости, означало бы крах длительно выстраиваемой концепции многонационального сосуществования. Это пример конфликта двух институтов – демографической политики и межнациональной политики.

Забегая вперед, скажу, что такие проблемы не решаются в рамках сложившегося дискурса, ни правыми, ни либеральными методами. Необходим переход на новый уровень регулирования, который я предлагаю в отдельной книге. Как сказал Энтштейн, нельзя решить проблемы на том уровне сознания, который привел к их возникновению.

Известный пример побочных эффектов – это возникновение могущественных мафиозных структур на основе государственных запретов. В 1930-е гг. в США был введен «сухой закон», запрещающий продажу алкоголя, и это породило могущественные структуры контрабандистов и подпольной

¹¹⁵ Scott, James C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press

торговли. Сегодня это же происходит в области наркоторговли – объемы этого бизнеса в мире достигают сотни миллиардов долларов.

Дело не в самой наркоторговле – она была бы в любом случае, и скорее всего, без запретов была бы гораздо масштабнее. Непреднамеренный эффект состоит в том, что запрет создал сверхприбыльные, иерархические, военизированные мафиозные корпорации. Эти корпорации владеют, например, в Латинской Америке не только оружием, но и тяжелой военной техникой. Иногда из новостей мы узнаем, что эти структуры захватывают город в Мексике или Боливии, разгоняя полицию и официальные власти, чтобы освободить из тюрьмы своих коллег.

В силу концентрации сверхприбыли в крупных нарко-корпорациях, эти корпорации становятся также могущественными политическими лоббистами.

Другой известный пример – привоз кроликов в Австралию, который вызвал их неконтролируемое размножение. Или организованное уничтожение воробьев в Китае в конце 1950-х – начале 1960-х гг. вызвало непреднамеренный рост популяции саранчи, которая в итоге принесла еще больше бед сельскому хозяйству, чем воробьи.

Принцип непреднамеренных последствий в последнее время чаще упоминается в юридических дискуссиях, - особенно при анализе последствий законодательных нововведений. Обзоры таких дискуссий приведены в ряде работ (см. ссылки^{116,117,118,119}).

Однако, в науке эта тема занимает довольно скромное место. Обычно ссылаются на работу социолога Роберта Мертона «Непреднамеренные последствия намеренных социальных действий», 1936 года¹²⁰, которая представляет самый общий подход к этой проблеме. Другие книги по этой теме, такие как упоминавшиеся «Законы Паркинсона» или «Системантика» Джона Галла представляют собой, скорее, набор анекдотов и кейсов на тему организационных рассогласований и непреднамеренных эффектов. В таком

¹¹⁶ Norton, Rob (2008). "Unintended Consequences". In David R. Henderson (ed.). *Concise Encyclopedia of Economics* (2nd ed.). Indianapolis: Library of Economics and Liberty. ISBN 978-0-86597-665-8. OCLC 237794267.

¹¹⁷ Schwartz, Victor E.; Tedesco, Rochelle M. "The Law of Unintended Consequences in Asbestos Litigation: How Efforts to Streamline the Litigation Have Fueled More Claims". *Mississippi Law Journal*. 71. HeinOnline: 531. Retrieved May 7, 2010.

¹¹⁸ Mascharka, Christopher (June 18, 1993). "28 Florida State University Law Review 2000–2001 Mandatory Minimum Sentences: Exemplifying the Law of Unintended Consequences Comment". *Florida State University Law Review*. 28. Heinonline.org: 935. Retrieved November 21, 2012.

¹¹⁹ Sims, Joe; Herman, Deborah P. "The Effect of Twenty Years of Hart-Scott-Rodino on Merger Practice: A Case Study in the Law of Unintended Consequences Applied to Antitrust Legislation". *Antitrust Law Journal*. 65. HeinOnline: 865. Retrieved May 7, 2010.

¹²⁰ Merton R. The unanticipated consequences of purposive social action // *American Sociological Review*. 1936. Vol. 1. No. 6. P. 894-904.

жанре первенство обсуждения институциональных эффектов следовало бы отдать «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэрролла¹²¹.

Недооценка непреднамеренных последствий ведет к перекосам в целых крупных дисциплинах — особенно, в юриспруденции и политологии. Юридическая корпорация сосредоточена на обсуждении преднамеренных последствий своих регуляций и недооценивает перегруженность общества всей совокупностью регулирования. Закон перестал быть сколь-либо доступным для среднего гражданина и стал вотчиной профессиональных юристов и тех, кто способен им заплатить.

Считается, что незнание законов не освобождает от ответственности. Но как с этим быть в ситуации, когда гражданин в принципе не может знать 99% законов и правил, по причине их необъятного количества, сложности и ограничений своего образования. «Процесс» Франца Кафки¹²² становится не метафорой, не исключением, а правилом для большинства.

В политологии исследуются в основном официальные программные документы и заявления партий и политических движений. Даже когда политологи исследуют политические заговоры и интриги, они находятся в плену парадигмы преднамеренных действий. При чтении статей большинства политических аналитиков, складывается впечатление, что все в мире происходит если не в силу явных намерений лидеров и элит, то уж точно в силу их тайных договоренностей и закулисных планов. В действительности же, как точно сказал Виктор Пелевин, «миром правит не тайная ложа, а явная лажа». Непреднамеренные последствия намеренных действий часто оказываются значительнее, чем планировавшиеся результаты. Управленческие воздействия чаще всего оказываются намного слабее, чем хотелось бы управляющим — и в итоге правят законы социальной саморегуляции, в которые намеренные действия управляющих вносят только некоторый сумбур и дезорганизацию.

Многие странные эффекты политических или экономических действий связаны с тем, что регуляции не достигают своей цели, но при этом все-таки выводят систему из естественного равновесия.

Непризнание непреднамеренных последствий, по-видимому, связано с эффектом вымещения из сознания «общественной тени», о котором я писал выше, в разделе 3.2. Правящие элиты не хотят слышать о том, что их действия могут иметь какие-то другие последствия, кроме запланированных. Для публики же эта тема просто непонятна. В итоге, основной пласт реальной политической и социальной динамики остается мало осмысленным современными аналитиками.

¹²¹ Carroll, L. (1865). *Alice's Adventures in Wonderland*. Macmillan.

¹²² Kafka, F. (1925). *The Trial* (German: *Der Prozess*). Berlin: Verlag Die Schmiede.

4.4 | ЭКСТЕРНАЛИИ ИНСТИТУТОВ

Важная закономерность, которой уделяется мало внимания — это то, что институты и корпорации порождают **социальные экстерналии**. Они порождают экстерналии не в виде ошибки, случайности или недосмотра. Они порождают экстерналии в силу своей природы. Не будет преувеличением сказать, что все институты порождают экстерналии, в большей или меньшей степени.

Каким бы ни было вмешательство государства в экономику и общество, от регулирования лесного хозяйства в Пруссии в 19-м веке и до переноса столицы Бразилии вглубь страны, это всегда искусственное, модернистское вмешательство, нарушающее баланс естественной системы. Будь это природная экосистема или традиционная сложившаяся система отношений в экономике и обществе. Накоплено довольно мало данных, и менеджмент корпораций редко владеет полнотой таких данных, чтобы точно прогнозировать, как те или иные вмешательства могут породить непредвиденные и долгосрочные экстерналии в экономике и обществе.

Честно говоря, об этом мало кто думает. Руководству корпораций надо решать проблемы здесь и сейчас, наращивать прибыль, преодолевать кризисы и делать акционеров более счастливыми. Если деятельность не выходит за рамки закона и не несет убытков в среднесрочной перспективе, для большинства менеджеров этого совершенно достаточно.

Государственные институты, которые, по идее, должны регулировать эти экстерналии и смотреть более долгосрочно, сами находятся сегодня под таким колоссальным грузом институциональных противоречий, что на них не приходится сейчас рассчитывать в этом отношении.

Например, мало кого заботит, что вся совокупность навязчивой маркетинговой и рекламной информации создает какое-то безумное, буквально сводящее с ума информационное поле. В этом информационном пространстве человек существует как бы для того, чтобы потреблять все больше и больше, менять гаджеты чаще, ненавидеть врагов (актуальной повестки) и любить своих политиков, жить все более комфортно и так далее. А также осознать свою идентичность, как часть идентичности нескольких тысяч самых крупных брендов, которым больше всего есть дела до нашей идентичности.

Каждый конкретный производитель всего лишь пытается продать свою продукцию и перекричать общий рекламный шум. Но в совокупности это создает колоссальную и токсичную информационную помойку, в которой

сохранять психическое здоровье обычному человеку уже очень трудно. В мало модернизированных странах Юго-Восточной Азии люди гораздо меньше перегружены информационным давлением, и их самоощущение выглядит намного более здоровыми и счастливыми, чем у современных жителей городов в богатых и крупных странах.

Не будет преувеличением сказать, что мы живем в эпоху экстерналий. Мы буквально завалены беспросветными тоннами токсичных экстерналий, которые породили институты и корпорации предыдущих столетий. Пока человечество очень слабо понимало, как оно грубо нарушает природную и общественную экосистему, эти экстерналии производились в колоссальных объемах. К концу 20-го – началу 21-го века они стали производиться в еще более увеличенных объемах, при помощи мощных производственных возможностей и даже искусственного интеллекта. Перефразируя Ленина, можно сказать, что человек был и останется глупенькой жертвой обмана и самообмана, пока не поймет, что живет на свалке радиоактивных отходов. Эта проблема была обозначена Стругацкими в книге «Пикник на обочине».

Некие инопланетяне, ненадолго остановившись на земле, устроили пикник на обочине. После пикника осталась радиоактивная свалка, которая порождает массу непонятных землянам аномалий, и создает некое поле чудес. Земляне увлеченно копаются в этих аномалиях, хотя очевидно, что зла и разрушений от них в целом гораздо больше, чем пользы. Это очень точное описание эпохи экстерналий, в которой мы сейчас живем.

Экстерналии обычно понимают как побочные эффекты, за которые в итоге вынужденно платит третья сторона или, наоборот, получает бесплатную выгоду, если экстерналии позитивное. В институциональном аспекте, можно сказать, что экстерналии возникают везде, где есть усилия по модернизации, регулированию и проектированию поведения живых систем, общественных или природных.

Почти любое не до конца ясное событие, с наибольшей вероятностью несет в себе черты институциональных экстерналий. Как возникли сталинские репрессии? В самых общих чертах, быстрая модернизация не могла обойтись без экстерналий, и они возникли. Фраза «лес рубят - щепки летят», следует отнести не на счет безразличия к потерям, а насчет того, что часть результатов не планируются, а возникает сама собой.

Экстерналии более правильно понимать как незапланированные следствия модернистских вмешательств – и такие следствия возникают практически при каждом вмешательстве.

4.5 | ИНТЕРНАЛИИ ИНСТИТУТОВ

Особым видом институциональных побочных эффектов являются негативные эффекты, ненамеренно производимые институтом, и обращенные не столько вовне, сколько на сам же институт. В результате этого институт может привести к своему вырождению и гибели сам, в силу собственных же механизмов.

По контрасту с термином «экстерналии» (негативные эффекты, обращенные вовне), тут будет уместно использовать термин **«интерналии» – негативные эффекты, порожденные институтом и обращенные на сам же институт.**

Большинство институтов – это алгоритмические, рукотворные механизмы. Они подразумевают наличие внешнего управления или, по крайней мере, внешнего контролера, который, при необходимости, скорректирует деятельность института. Любая машина нуждается в обслуживании, но чаще всего не может чинить и обслуживать себя сама. Любое роботизированное оборудование может какое-то время работать автономно, но рано или поздно будет завалено отходами своей же деятельности, испортятся ключевые детали и так далее.

В 21-м веке мы можем наблюдать на Западе институциональный киберпанк – брошенные институты бродят, как призрак коммунизма, продолжают что-то производить в силу своих автоматизированных процессов, и при этом все больше тонут в собственных отходах.

(Мы все время говорим о Западе, поскольку западная модернизация опережала весь мир в последние столетия – и Запад первым пришел к тому институциональному кризису, который следует за этой моделью модернизации. Но институциональный кризис — это так же точно проблема всех стран, осуществлявших модернизацию по западным образцам).

Простой, но наглядный пример институциональных интерналий представляет общественный пляж. Представим, что это бесплатный пляж, который никем не регулируется. Граждане сначала будут охотно пользоваться пляжем, но затем сами же его замусорят. Уборкой мусора никто не занимается, в силу «трагедии общин», принципа безбилетника. Все хотят получать выгоду от пляжа и списать убытки на других. В сущности, эта же ситуация и описывается в классической трагедии общин, применительно к водоемам общего использования. Но классический кейс трагедии общин акцентирует внимание на проблеме социальной ответственности, вопросе распределения и оплаты общих издержек.

В описанной мной ситуации с пляжем мы можем посмотреть на эту же проблему с другой стороны. Пляж, как институт, производит негативные эффекты, обращенные на самого себя. Этих негативных эффектов не было бы, если бы пляж не был социальным институтом. Например, если бы он был непригоден для купания и отдыха по причинам наличия змей, холодной воды и зарослей крапивы. Обеспечивая институциональный механизм, пригодный пляж обеспечивает и потенциал интерналий – которые постепенно приведут к его вырождению. Люди сначала сами замусорят пляж, а потом сами перестанут его использовать, как пляж, – то есть он погибнет, как прежний институт.

Так и происходит со многими институтами, особенно общественными.

Подобные проблемы описывает Джаред Даемон в книге «Коллапс: Почему одни общества приходят к процветанию, а другие — к гибели»¹²³ на примере острова Пасхи. Жители острова сами уничтожили и экологию острова, и свою кормовую базу, вырубив все деревья. Деревья были нужны для строительства лодок, и они вырубались быстрее, чем лес мог воспроизводиться. В рамках своих ограниченных знаний и развития, аборигены не могли знать об экологических закономерностях. В биологическом смысле произошла саморегуляция – популяция расширилась, проела ресурсы и вернулась в исходное состояние.

Проблема саморазрушения обсуждается западными исследователями применительно к демократии в США. В книге "Как умирают демократии"¹²⁴ Стивен Левицкий и Дэниел Зиблатт исследуют на опыте США, как демократические институты могут постепенно разрушаться изнутри. Еще Гитлер продемонстрировал, что демократия имеет встроенный механизм саморазрушения – допуская к власти диктаторов, через открытые выборы. Левицкий и Зиблатт исследуют более мягкие способы коррупции демократии в наше время, тем не менее, тоже ведущие к ее деградации.

Обычно проблемы общественных институтов связывают с проблемой общественных благ, или с давлением капитализма, олигархических элит. Я же хочу подчеркнуть, что эти проблемы часто связаны с самими институциональными механизмами.

Интерналиями являются многие вредные привычки, например, алкоголизм и наркомания. Вред от этих действий направлен, прежде всего, на самого же субъекта действий.

Институт семьи в наше время разрушается в значительной степени в результате интерналий. Вместо применения сложных долгосрочных стратегий взаимодействия, которые присутствовали в традиционном институте семьи, применяются, по сути, контрактные отношения. Этот характер отношений является добровольным и признаваемым участниками.

¹²³ Diamond, J. (2011). Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. Penguin Books.

¹²⁴ Levitsky, S., Ziblatt, D. (2018). How Democracies Die. Crown.

Каждый член семьи пытается выторговать приемлемые для себя условия участия. Этот жанр торга и постоянного пересмотра баланса выгод и издержек, в сущности, не позволяет решать сколь-либо сложные проблемы. Такие семьи держатся, пока все в целом благополучно, и распадаются, столкнувшись со сколь-либо серьезными трудностями. Эта деградация института семьи, обусловлена, в сущности, самим механизмом контрактов, положенных в основу семейных отношений. Институт семьи, основанный на контрактах, создает такие негативные интерналии, которые его же и губят.

Это можно сказать про многие стихийно сформировавшиеся сетевые институты или контракты. Они появляются сначала как ответ свободных людей на диктат корпораций или традиций, старых норм. Это можно сказать про P2P лендинг, например, или про блокчейн-проекты, частные деньги. Потом оказывается, что эти новые институты имеют настолько примитивную конструкцию, что рассыпаются при реализации первых рисков. Часто, как P2P лендинг, они как бы поощряют эти риски. Если банки отказали заемщику, почему-бы не пойти поискать займа напрямую у честных людей? В итоге, на эти платформы приходит самая неплатежеспособная часть заемщиков. Эти платформы, по самой своей концепции, привлекают тех, кто и разрушит весь бизнес. Но тут нет пирамиды или мошенничества. Это интерналии сетевого института.

То же самое с блокчейн-проектами. Возможно, их создатели и хотели осчастливить человечество, избавив от государственных денег. Но так получилось, что обычным легальным бизнесам в общем-то незачем пользоваться дорогой, неудобной и преследуемой государствами схемой платежей. А вот для не совсем легальных бизнесов это оказалось очень даже полезно.

Отсутствие четкой грани между интерналиями и экстерналиями

Применительно к институтам чаще всего нет четкой грани между экстерналиями и интерналиями.

Социальные институты глубоко переплетены между собой и взаимозависимы. Даже если один институт сбрасывает свои негативные экстерналии на другой, то потом эти разрушения чаще всего будут неизбежно возвращены исходному институту. Как сказал английский священник Джон Донн – «Не спрашивай, по ком звонит колокол – он звонит по тебе».

Например, в странах третьего мира имеет место крайнее неравенство между богатыми и бедными. На одной улице могут соседствовать дворцы богатей и нищие фавелы бедняков. Однако, отгородив свой дворец высоким забором, богачи не могут оградиться от заразных болезней, плохой воды и преступности на улицах.

Рациональные рыночные институты сбрасывают на общество все проблемы общественных благ. Потребительские товары и услуги часто увлекают клиента по наркотическому методу – максимально комфортно и приятно сейчас. Все рыночные институты вместе, волей или неволей, насаждают тотальную парадигму потребительской наркомании – гедонизма, лени, капризности, повышенных требований к комфорту, непопулярности любых личных ограничений и усилий, в том числе умственных.

Но в макроэкономическом масштабе ленивое и отупевшее население представляет проблему уже для бизнеса: оно не хочет и не может работать в профессиях, требующих высокой квалификации и дисциплины. Замена трудящихся роботами, признание неизбежной безработицы (безусловный доход) – это все равно в итоге непосильный налог на сам же бизнес, который и вырастил общество, психически зависимое от потребления.

По Марксу, капиталисты вырастили своих могильщиков в лице пролетариата. Современный же капитализм вырастил такого западного человека, который все меньше способен приносить пользу капиталу, и как рабочий, и как потребитель.

4.6.1. Приватизация общественных институтов

Социолог Энтони Гидденс отмечал особую роль рациональной рефлексии современных людей. Рациональное понимание происходящего стало всеобщим инструментом управления, даже на бытовом и личном уровне. Интернет, доступность информации, автоматизация еще и на порядки ускорили процессы принятия решений.

Широкое распространение в управлении получила теория игр. В самом общем смысле, теория игр формализует социальные и управленческие ситуации, представляя каждую как расстановку шахматных фигур с определенными целями, критериями и интересами.

Представлению в виде игры поддаются и формализованные ситуации – политические выборы, бизнес-конкуренция, и совершенно неформальные – например, коррупционные интересы, деятельность мафии или эскалация военных действий.

Важно то, что человеческая деятельность высоко рефлексивна – и в последние десятилетия все более рефлексивна. Как только мы получаем инструмент прогноза, например, в виде теории игр, мы получаем и возможность извлечь выгоду из этого прогноза. Но сам этот процесс извлечения выгоды, на основе разгаданной игры или тренда, меняет в итоге сам базовый тренд или правила игры. (Под правилами здесь я подразумеваю формализацию игры, примененную первоначально, а не легальность этих правил).

Социальные и деловые игры, в эпоху около-нулевого роста экономики Запада – это в основном игры с нулевой суммой, а не «выиграть-выиграть». То, что выигрывает один, должен проиграть другой. Это тем более поощряет изощренное интриганство, поскольку общий пирог не растет, и разбогатеть можно, в сущности, только за счет других членов общества.

«Отстройка» от сложившихся правил игры, переосмысление правил в свою пользу становится важным способом социального и делового успеха. Ряд исследований и художественных фильмов посвящены технологиям «социального хакинга» – навязывания людям своих интересов на основе манипулирования психологическими и социальными паттернами. Если немного пересмотреть правила игры в свою пользу, то в итоге можно получить ощутимую выгоду. Это вполне реально в условиях, когда традиционные институты с легкостью выброшены на помойку истории. По

любому вопросу люди теперь договариваются в индивидуальном порядке. Следовательно, кто хитрее продумает правила игры, тот и выиграет в итоге.

Мы даже на бытовом уровне можем наблюдать повсеместно такую ситуацию. Многие семьи распадаются из-за того, что муж и жена не желают соблюдать какие-то там традиционные, или даже просто хоть какие-то устойчивые «правила игры». Каждый, по ситуации, пытается выжать для себя все преимущества и сбросить все убытки и неудобства на других членов семьи. На бытовом уровне это называется «ведь мне так комфортно». На самом деле за этим стоит рефлексивная рациональная схема: вычленив выгоду, точно, в мелочах определить убытки, обременения и постараться их сбросить. Но поскольку семья – это единая система, то сбрасывается негатив и убытки в основном не куда-то в космос, а в саму же семью.

В пятой части книги, посвященной институциональным ловушкам, мы обсудим принцип социального бумеранга или кармы. В замкнутой системе негативные экстерналии обычно возвращаются к инициатору. Пока достаточно сказать, что для семьи, как единой системы, такой способ регулирования отношений порождает разрушительные интерналии.

Итак, возникает ситуация, при которой распатывание правил игры, пересмотр их в свою пользу становится чуть ли не главным способом успеха.

«Капиталисты и олигархи навязали нам несправедливые государственные деньги, которые делают нас бедными. Отменим это все, введем справедливые частные деньги, криптовалюты». Довольно быстро оказывается, что от блокчейн-проектов прибыль получили только сами организаторы блокчейн-проектов. Мир же не стал более справедливым. Многие подобные схемы построены на принципе: «устроим мировую революцию, чтобы купить мне броневичок». Это широко известный рецепт капитализации для демократических и публичных политиков. На этом же основана, например, неугасающая популярность финансовых пирамид, типа МММ.

Важно отметить, что эта проблема возникает при отсутствии экономического роста и социальных лифтов. Вообще созидательные стратегии долгосрочно наиболее прибыльные и надежные. Созидательные стратегии это в целом «выиграть-выиграть», тогда как передел и распределение это игра с нулевой суммой, а то и проиграть-проиграть.

Если предположить, что карьера человека довольно длинная, и он поучаствует во многих играх с нулевой суммой, то математическое ожидание его суммарного выигрыша будет равно нулю. Если бы игроки в основном играли в игры вин-вин, то ожидание положительно отличалось бы от нуля для всех участников.

В стратегиях, нацеленных на извлечение личной выгоды из пересмотра правил, встает острый вопрос: где грань легальности правил. Все неформальные правила давно уже отменены в пользу сиюминутных частных интересов – это и образует описанное Зигмундом Бауманом текучее общество и текучую идентичность западного человека.

Вопрос о легальности для современного человека — это не моральный вопрос, а сугубо шкурный. Одно дело пересматривать неформальные правила, отказываясь от обязательств перед семьей, Родиной, порядочностью, истиной и чем еще угодно. Это просто либерально и не наказуемо.

Другое дело — пересматривать правила игры, за нарушение которых предусмотрены прямые законные санкции. На практике огромное количество нарушений закона на низовом уровне происходит именно в силу охватившего общества хайпа интерпретации правил игры в свою пользу. Чаще всего молодые люди руководствуются этой ложной социальной нормой, не зная или стараясь не думать о том, что она противоречит духу и букве закона. Воинственная глупость — это еще одна черта современного общества. Если про что-то не было сказано в личной группе в Тиктоке, значит этого не существует.

Колоссальный рост количества и влияния юристов в США объясняется их особой ролью в творческом переосмыслении легальных правил игры, в пользу заказчика.

В странах с сильными институтами, как США и ЕС, нарушение закона особенно прибыльно — поскольку созданы искусственные дефициты. Где-нибудь в Лаосе или Камбодже вряд ли можно разбогатеть на торговле наркотиками. Потому что эта торговля регулируется в основном невидимой рукой рынка, законами совершенной конкуренции, при наличии некоторого налога со стороны полиции.

Тогда как в США каждый второй сериал рассказывает о баснословном обогащении, которое получит малолетний дебил, если вступит в торговлю наркотиками. При некоторой преувеличенности этих обещаний, суть дела не меняется.

Возникает классический вопрос рационального выбора. Какая прибыль оправдана, при условии определенной вероятности определенных убытков. В микроэкономике используют в этой ситуации еще и коэффициент «аппетита к риску», личной готовности рискнуть. Для поколения воинствующей глупости этот аппетит к риску превышает все ранее известные уровни. Прежде всего, малолетний дебил (лет до сорока) не в силах оценить и осмыслить последствия. Выгода очевидна здесь и сейчас, а последствия умозрительны: взрослые все врут, и в Тиктоке про это не было.

Профессиональные управленцы и юристы, как отмечалось, действуют иначе. Они находят способы более аккуратно пересматривать правила игры, не нарушая закон буквально. Эти способы были подробно показаны, например, в сериале «Лучше звоните Солу».

Заметим, что все это происходит на фоне проблемы системной недостаточности общественных благ при капитализме. Усилия по защите закона всегда будут меньше финансироваться, чем усилия по личному обогащению. На защиту закона всегда будет направляться в среднем более

слабый человеческий капитал, потому что лучший человеческий капитал собирают частные корпорации.

Из-за этой системной недостаточности общественных благ в законе достаточно дыр, которые можно конвертировать в частную выгоду. Коррупция помогает целенаправленно эти дыры расширять.

Что же происходит с институтами и обществом, когда пересмотр правил игры становится основной и массовой стратегией?

Приведу кейс, который я лично наблюдал, работая как бизнес-консультант в начале 2010-х гг. в Москве.

В это время только недавно начали распространяться кофе-машины, так называемые «вендинговые автоматы». Это такой шкаф, который сейчас можно встретить где угодно – в любом месте ожидания, МФЦ, вокзале или поликлинике. Этот автоматизированный шкаф готовит кофе за деньги.

В наше время эти автоматы предлагают в основном натуральный молотый кофе приличного качества. В те годы они заправлялись растворимым кофе. Грань между растворимым кофе и бурдой типа «три в одном» довольно условна. Этим путем и пошли новые игроки в целях ценовой конкуренции.

Важно отметить, что это было еще время неприхотливых вкусов, люди не очень разбирались в кофе. В итоге, поставщики бурды выместили поставщиков кофе более приличного качества, предлагая самые низкие цены. А затем привели к полной дискредитации рынка в целом. На какое-то время вся отрасль кофейных автоматов приобрела репутацию, схожую с репутацией рюмочной для бомжей.

Это пример того, как в рамках легальной конкуренции, меняя правила игры в частную пользу, можно в итоге разрушить сам рынок.

Важно отметить, что поставщики самого дешевого кофе выигрывали не столько за счет снижения цен, сколько за счет паразитирования на предыдущей репутации отрасли в целом.

Саморегулирование на таких рынках практически невозможно. Это огромное количество очень мелких игроков. Сам рынок быстро растет и меняется, точки открываются, лопаются, закрываются и открываются заново. Бизнес ведут непрофессионалы, это типичный способ «начать свое дело» для человека, который толком ничего не умеет. Как говорил Мюллер в кино, невозможно понять логику непрофессионала.

Эта ситуация постоянно повторяется на пищевых рынках. Достаточно добавить в колбасу всего на 5% больше искусственных ингредиентов, и можно поднять прибыль, пользуясь общей репутацией колбасы в целом. В более явном виде это делается как «шпринкфляция» - когда литр молока превращается в 880 грамм, искусно сохраняя при этом вид большого пакета.

Если вся прибыль до этого составляла 5%, то снижение себестоимости на 5% увеличит прибыль примерно в два раза. Это всегда очень заманчивый путь,

особенно для непрофессионалов — энтузиастов малого бизнеса и самозанятости. С каждым новым поколением эти энтузиасты набегают как морские волны на берег, на смену прогоревшим прежним энтузиастам.

Простые рынки, как описанный рынок кофемашин, способны к самовосстановлению. Начинается отстройка, наоборот, в сторону качества. Новые автоматы акцентируют внимание не то, что продают только натуральный молотый кофе.

К сожалению, для многих сложных институтов такое саморазрушение возможно, а вот восстановление гораздо более проблематично. Сложные институты обычно несут в себе ранее сделанные, накопленные инвестиции в общественные блага и инфраструктуру.

Разрушение этих сложных институтов происходит таким же образом — все понемногу откусывают от прежней репутации, делают прежние правила все более гибкими, дырявыми. Затем рынок или сложный институт разрушается, потребители теряют доверие. Стиральная машина Бош перестает оправдывать свою высокую цену, поскольку она сделана в Китае. Зачем доплачивать еще посредникам-немцам только за рекламу и бренд? Американский доллар при инфляции 5% и хаотичном аресте частных активов на территории США постепенно становится проблемной валютой для иностранцев.

Восстановления же не происходит — потому что для этого понадобились бы инвестиции в общественные блага такого масштаба, какие до этого были сделаны за несколько сотен лет.

Эта ситуация применительно к крупным институтам подробно разобрал Джордж Мартин в серии романов «Игра престолов». Описанная ситуация разгрома государства и институтов вполне убедительна.

Каждый игрок руководствуется частной игровой стратегией, не обращая внимания на издержки для общества и государства. Только Варис служит государству, а Джон Сноу — народу, но эти лидеры в абсолютном меньшинстве.

В результате происходит коллапс государства и народного хозяйства Вестероса. Финальная книга еще не опубликована, но в реальной истории государства и народы далеко не всегда восстанавливаются после такого коллапса.

Проблема Игры престолов присутствует в американском интеллектуальном дискурсе. Книга Питера Турчина «Конец времен: элиты, контрэлиты и путь политической дезинтеграции»¹²⁵ стала одним из интеллектуальных бестселлеров.

¹²⁵ Turchin, P. (2023). End Times: Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration. Penguin Press.

Турчин акцентирует внимание на проблеме перепроизводства элиты. Эта же проблема имела место, по-видимому, и в исторических обстоятельствах войны Алой и Белой Розы, на которых основан роман «Игра Престолов».

Элитой можно считать не только класс собственников и наиболее богатых людей, но все уровни менеджмента. Целые профессии специализируются фактически на управлении – это финансисты, экономисты и юристы.

Но на мой взгляд, проблема не столько в перепроизводстве элиты, сколько в преобладающей модели экономики распределения и проедания. Юристы и финансисты в основном обслуживают процессы распределения. Сами эти процессы стали наиболее прибыльными и преобладающими в экономике, отсюда и рост этих профессий.

Дело не в перепроизводстве элит, а в проблеме общественных благ и приоритетах развития. Амбициозным людям предлагается самостоятельно, в частном порядке искать пути к успеху. Самостоятельный путь к успеху – это отличное образование и карьера управленца. Люди научились легально извлекать прибыль из неэффективности институтов, «ничейных» общественных благ, – и эти менеджеры будут отлично самофинансироваться и делать карьеру, разъедая государство и общество. Запретите финансистов, и они назовут себя снабженцами, специалистами по логистике и автоматизации бизнеса.

В России, например, доходы ученого часто не дотягивают до доходов курьера. Региональные ученые часто подрабатывают в такси, в качестве хобби. Только недавно карьера военного вернула себе тот статус, который имела в советское время. Верните статус людям труда и знаний – и не будет никакой проблемы «перепроизводства элит».

Мы имеем дело с типичной институциональной ловушкой – превращение порочной практики в социальную и легальную норму.

Бесполезно запрещать образование юристов и финансистов, безнадежно пытаться снизить численность элиты в эпоху объективно растущего неравенства. Проедание институтов – это не только элитная практика, это массовая социальная норма. Каждый проедает то, до чего может дотянуться.

Элиты безудержно наращивают долги бюджета, осваивают бюджетные потоки, а рядовой гражданин пытается паразитировать на любви родственников, доверии друзей, ищет мелкие дырки в законах и способы припасть к коррупции без опасных последствий.

Пока парадигма проедания стоимости и парадигма создания стоимости равны на законном и неформальном уровнях, расхищение общественных благ и государства будет продолжаться.

4.6.2. Заразность паразитизма и хищничества

Независимо от того, называете вы паразитизм незаконным или легальной рыночной практикой – он заразителен. При условии, если его выгоды существенно превышают издержки. В легальной ситуации выгоды безусловно превышают и издержки, и альтернативные выгоды от сложной созидательной деятельности.

Приведу еще один пример, подобный кейсу про кофейные автоматы. Представим, что торговцы на рынке предлагают мед, примерно по одинаковым ценам (совершенная конкуренция).

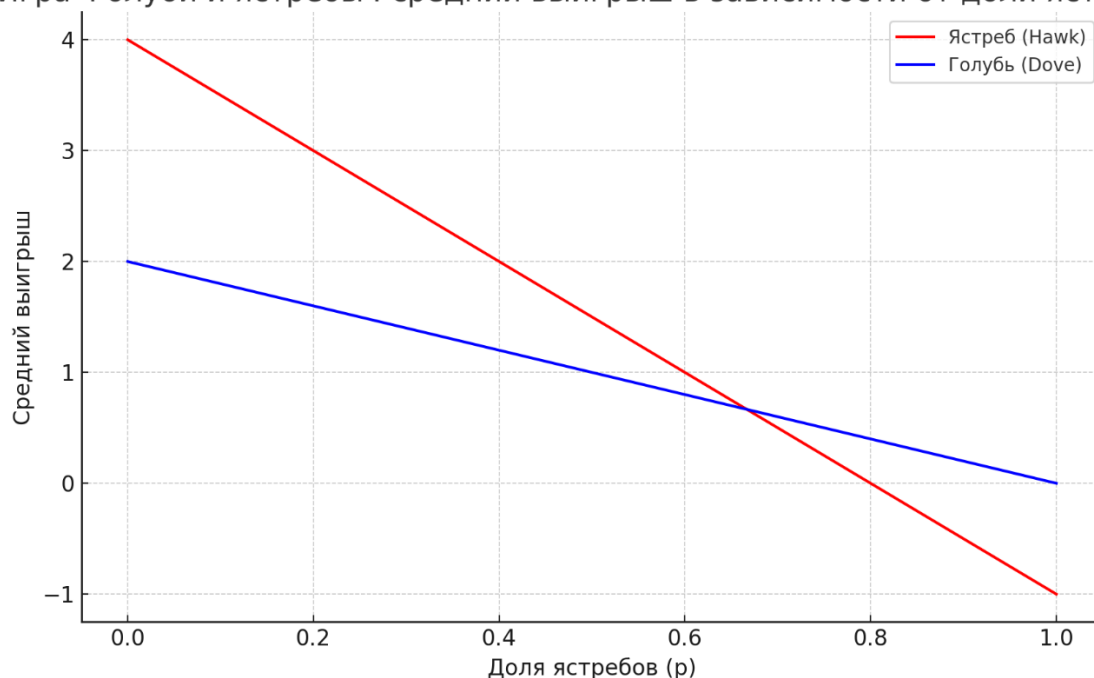
Прибыль при совершенной конкуренции стремится к нулю, в долгосрочной перспективе, но предположим, что сейчас она составляет 2,5% от оборота.

Один из продавцов добавляет всего лишь 5% искусственного меда к натуральному. Отличить это на вкус невозможно. Но его прибыль теперь составляет 7,5%, то есть в три раза больше конкурентов. Тогда он может понизить цену и увеличить оборот, выдавливая с рынка добросовестных продавцов.

Другие продавцы могут поступить так же или уйти с рынка. Саморегулирование на рынках с большим числом участников в наше время почти невозможно, по причине хаотичности и высокого темпа перемен в технологиях и экономике. Институт репутации заменен красивым логотипом бренда или самой низкой ценой в онлайн-магазине. Отзывы клиентов, рейтинги легко фальсифицируются или официально покупаются на маркетплейсе.

В известном примере из теории игр описывается взаимодействие случайно встречающихся голубей и ястребов, которые делят в каждом случае один ресурс, пищу. При встрече голубя с голубем каждый остается при своем, ястреба с голубем – всю еду забирает ястреб, а при встрече ястреба с ястребом оба тратят силы на драку.

Игра 'Голуби и ястребы': средний выигрыш в зависимости от доли ястребов

В этой игре популяция хищных ястребов нарастает и становится преобладающей. У голубей выбор невелик – или самим стать ястребами, или исчезнуть.

В игре сделано допущение, что ястребы не убивают голубей, а только отбирают еду. Только поэтому голуби вообще остаются в сообществе, хоть и с меньшей долей. Голубиная стратегия вновь становится предпочтительной, когда при высокой доле ястребов становится слишком велика вероятность встретить другого ястреба и сыграть в игру “проиграть-проиграть”. Тогда быть голубем все-таки выгодно, даже при намного меньшей ожидаемой выгоде, чем если бы все были голубями. Но это работает, только если голубей не убивают – реальные же рынки «убивают» конкурентов, то есть доводят до банкротства и поглощают. Реальные рынки больше похожи на беспощадную Игру престолов, чем на голубиные игры.

На практике проблема состоит в том, что даже частично допущенное хищничество становится заразным. Никто не хочет быть убитым ястребами, даже если их еще немного. И наоборот, хищная стратегия приносит свои ощутимые выгоды. Все срочно начинают превращаться в ястребов.

Когда все превратились в ястребов, битва идет до полного взаимоуничтожения. Попытка любой из сторон выйти из войны и перейти на мирный уклад делает эту сторону «терпилой» - легкой добычей для остальных.

Мир достигается по причине разрушения кормовой базы. Остатки ястребов отползают, становятся голубями и пытаются построить мирную жизнь, поскольку без этого нечего есть. Грабить больше некого, все разграблено под ноль.

В этом основная угроза выпущенного и легализованного джина паразитизма и хищничества. Сначала он заражает общество, а потом начинается война всех против всех. А всего-то отдельные элиты хотели немного поиграть в игры престолов.

Ключевое противоречие нашего времени – это приравнивание паразитических форм деятельности к созидательным. В рамках демократии одинаковые права имеют социальные доноры и иждивенцы; те, кто борются за права человека и те, кто отрицает права человека – и все они имеют равные права голосовать и быть избранными.

В рамках рыночной экономики приравнены те, кто создают стоимость и те, кто проедают ранее созданные институты и избытки капитала. Например, обеспечивать хронический дефицит внешней торговли США позволяет созданная ранее репутация США, как мирового финансового центра и супернадежного кредитора. Эта репутация – обычный нематериальный актив, созданный предыдущими поколениями. Нарастание госдолга, увеличение денежной массы, хроническое превышение импорта над экспортом – это паразитическое проедание, приватизация этого конкретного нематериального актива. Как любой паразитизм, это более прибыльно и легко в исполнении, чем созидательная деятельность.

О конфликте между созидательной и паразитической деятельностью уже высказывались интеллектуалы – Евгений Гильбо, Михаил Делягин, Михаил Юрьев и другие.

Обычно в этой дискуссии пытаются определить игроков, заинтересованные стороны. Я же хочу подчеркнуть, что такого рода паразитизм вырастает естественным образом, из свойств институтов. Институты несут описанные в этой книге недоработки, ошибки и ловушки. Эти слабости институтов оказывается удобно использовать для извлечения частной выгоды.

Возникает парадокс: если институт сам предоставил всем равные права человека, то значит, институт сам и легитимировал любые формы социального паразитизма.

Если в рамках формального права репутация США как надежного заемщика не принадлежит никому, – поскольку она вообще не определена как нематериальный актив, – то, значит, она и может быть приватизирована любым желающим, без всякого нарушения закона.

Огромная корпорация юристов и адвокатов в США в своей существенной части являются профессиональными эксплуататорами таких институциональных ошибок и непреднамеренных эффектов. Если институт был спроектирован с ошибками, то есть дал козыри в руки эксплуататорам побочных эффектов – то дальше этот институт попадает от них в зависимость все больше и больше.

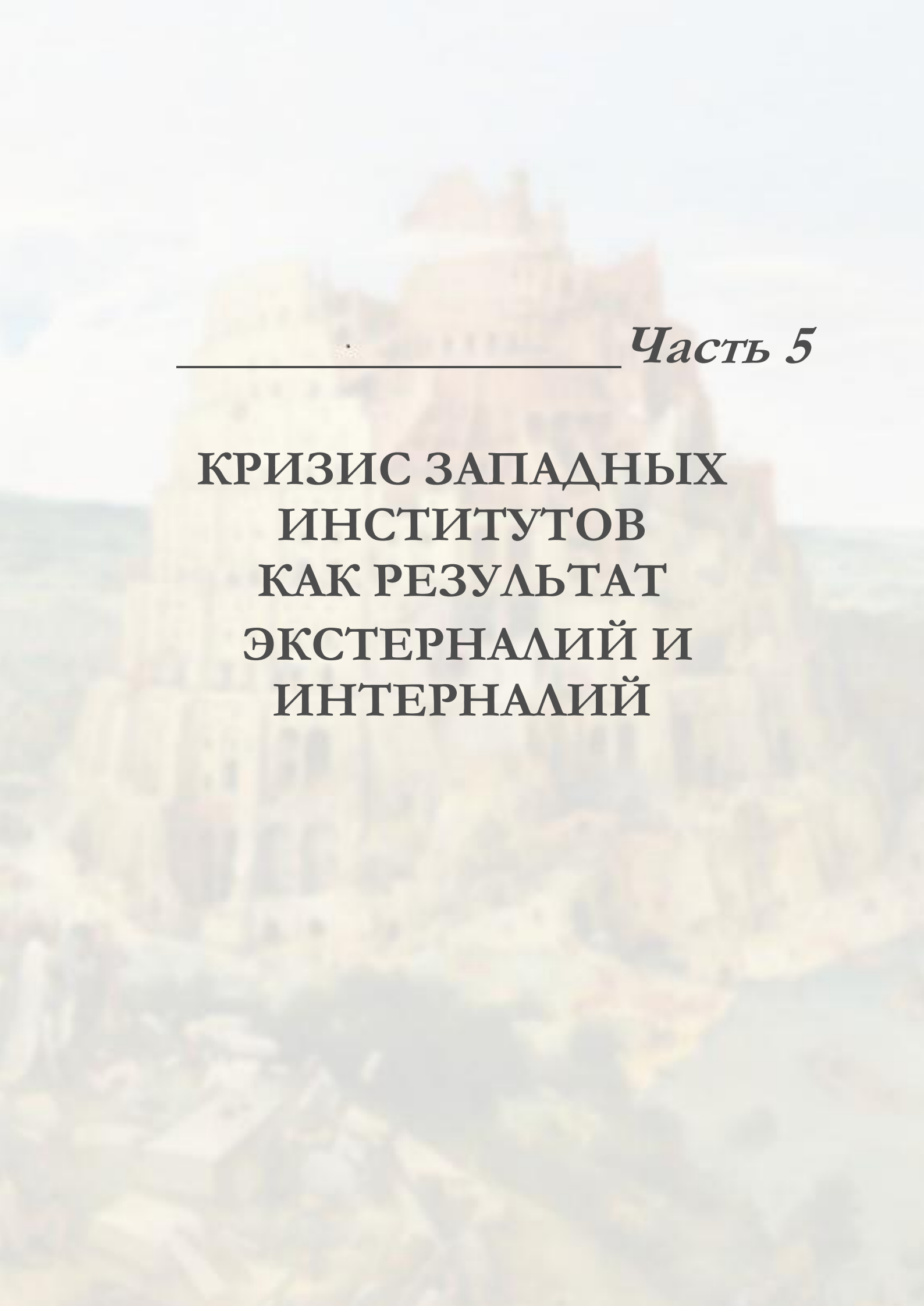
Проблема управления при социализме не была решена на теоретическом и институциональном уровне в раннем СССР – и поэтому поздний СССР

попал в полную зависимость от номенклатуры. Которая его позднее и приватизировала в своих интересах.

Как в айкидо, игроки используют намерение самого института, чтобы вывести его из равновесия. А затем нанести уже свой удар. Далее вступает в действие тот принцип, что паразитизм выгоднее, чем созидательная деятельность. Стоило институту попасть в такую ловушку, и паразитизм начинает его съедать, потому что конкуренция созидания и паразитирования в рамках одинаковых правил игры всегда приведет к победе паразитизма.

Сейчас на Западе мы наблюдаем, как корпорация юристов и адвокатов тормозит внедрение ИИ, которое может повысить производительность труда и создать реальные стимулы для экономического роста. Например, тормозится переход на роботизированные такси и грузовой транспорт – тогда как технически это возможно и опробовано уже с 2010-х гг. В Китае этот переход осуществляется на практике, а в США, где эти технологии появились раньше, такого внедрения не происходит. Ответ прост: этот переход в США блокируется гильдией юристов. Дело не в том, что юристам есть какое-то дело до самого перехода на искусственный интеллект. А в том, что возникает целый ряд юридических коллизий, очень удобных для обложения корпораций крупными сборами (в случае аварий с нанесением вреда здоровью или жизни).

При этом отсутствует сильный управляющий субъект, который мог бы «продавить» прогрессивные решения. По закону дефицита общественных благ при капитализме, такой субъект всегда слабее, чем частные игроки.

Часть 5

**КРИЗИС ЗАПАДНЫХ
ИНСТИТУТОВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ
ЭКСТЕРНАЛИЙ И
ИНТЕРНАЛИЙ**

Совокупность институциональных экстерналий, интерналий и побочных эффектов создает крупные современные феномены в обществе и экономике. Затем аналитики пытаются их разгадывать – но при этом обычно находятся в плену парадигмы намеренных действий.

По мнению аналитиков, за крупными событиями и трендами должны стоять, пусть и запутанные, конфликтные, но намеренные действия. Аналитики разгадывают скрытые планы политиков, элит, транснациональных корпораций и английских спецслужб.

В действительности же многие крупные феномены современной жизни объясняются накопленной совокупностью институциональных экстерналий и побочных эффектов.

Еще более вульгарно выглядят в этом контексте постоянные упреки со стороны комментаторов насчет «тупости» и подобных недостатков западных политиков. Политика спектакля и спрятанный за ней институциональный кризис не дают политическим актерам сыграть гениальность и дальновидность, независимо от того, глупы они или умны лично. Один и тот же актер вдруг раскрывается или, наоборот, становится скучным и плоским, в зависимости от режиссера и сценария. Такое случается и с политическими актерами.

Как отмечалось выше, 20-й и 21-й века породили небывалый темп конструкции и деконструкции институтов. При этом проблемой экстерналий перестали заниматься, по причине деградации общественных институтов и снижения роли иерархических институтов. Любая система, даже в состоянии поломки и деградации, стремится к равновесию и находит его своими способами. Большинство крупных современных феноменов – это саморегуляция большого человеческого муравейника, его сетевых институтов, в условиях кризиса институтов модерна и их нерегулируемых интерналий и экстерналий.

Обсудим некоторые наиболее важные примеры таких тенденций и саморегуляции в современном обществе.

5.1 РОСТ ДОХОДОВ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Рост производственных возможностей

Во всем мире значительно выросли и продолжают расти производственные возможности. Производственные возможности – это базовый экономический термин, обозначающий максимальный совокупный объем производства товаров и услуг, которые может создавать конкретная страна, в условиях имеющихся ограничений ресурсов, труда и капитала.

Схема сугубо условная, показаны две группы товаров, чтобы продемонстрировать природу ограничений, – увеличение производства одной группы возможно только за счет сокращения производства другой.

С ростом технических возможностей, ростом населения и накоплением капитала кривая сдвигается вправо, позволяя производить больше и первой, и второй группы товаров. Вследствие бурных дискуссий в немецкой прессе 1930-х гг. эти две условные группы товаров приобрели название «пушки и масло», которое часто используется и до сих пор.

Источник: классическая схема из учебника Экономикс¹²⁶

¹²⁶ McConnell, C. R., Brue, S. L., & Flynn, S. M. (2022). Economics: Principles, problems, and policies. McGraw-Hill Education

Производственные возможности или **производительность труда** на душу населения, с одной стороны, и **доходы населения**, с другой стороны, это тесно связанные показатели, поскольку в наше время средний мировой показатель потребления домохозяйств в ВВП составляет, по данным Всемирного банка, около 55%. Рост производительности труда, выражаемый как рост ВВП на душу населения, отражается и в соответствующем росте реальных зарплат. Я не буду здесь углубляться в обсуждение разницы между производительностью труда и доходами населения. Здесь достаточно обозначить, что в целом эти тенденции тесно связаны и идут в одном направлении.

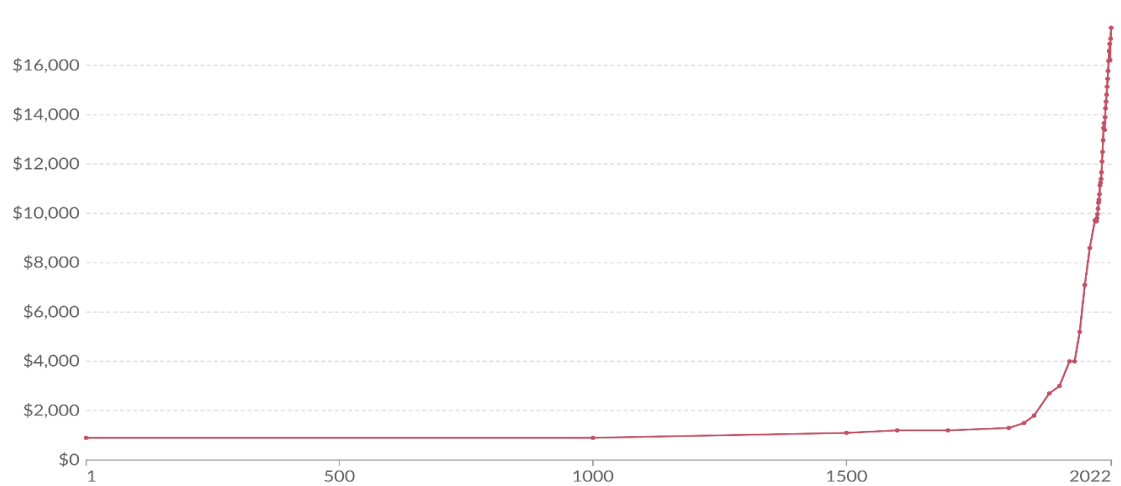
В прежние исторические эпохи производительность труда увеличивалась очень медленно, а иногда, в ходе кризисов и войн сокращалась. Увеличение населения часто вызывало падение доходов на человека, опять же в связи с ограниченностью доступных сельхозугодий (как, в частности, произошло в России в конце 19-го века, на фоне роста населения).

Но с начала 19-го века по сей день производственные возможности в мире выросли более чем в 15 раз на душу населения, в мире в среднем, а такого не было никогда в истории. По масштабу перемен это сопоставимо с неолитической революцией, то есть первым переходом от охоты и собирательства к аграрному укладу.

На графике видно, как ВВП на душу населения почти не меняется от Рождества Христова и до 18-го века, а затем происходит взрывной, почти вертикальный рост этого показателя.

Средний мировой показатель ВВП на душу населения

Эти исторические оценки ВВП на душу населения скорректированы с учетом инфляции. Для создания этого временного ряда были объединены три источника: база данных Мэддисона (до 1820 года), база данных проекта Мэддисона (1820–1989 годы) и данные Всемирного банка (с 1990 года).

Источник: World Bank (2023); Bolt and van Sanden – Maddison Project Database, 2023; Maddison Project Database, 2010.

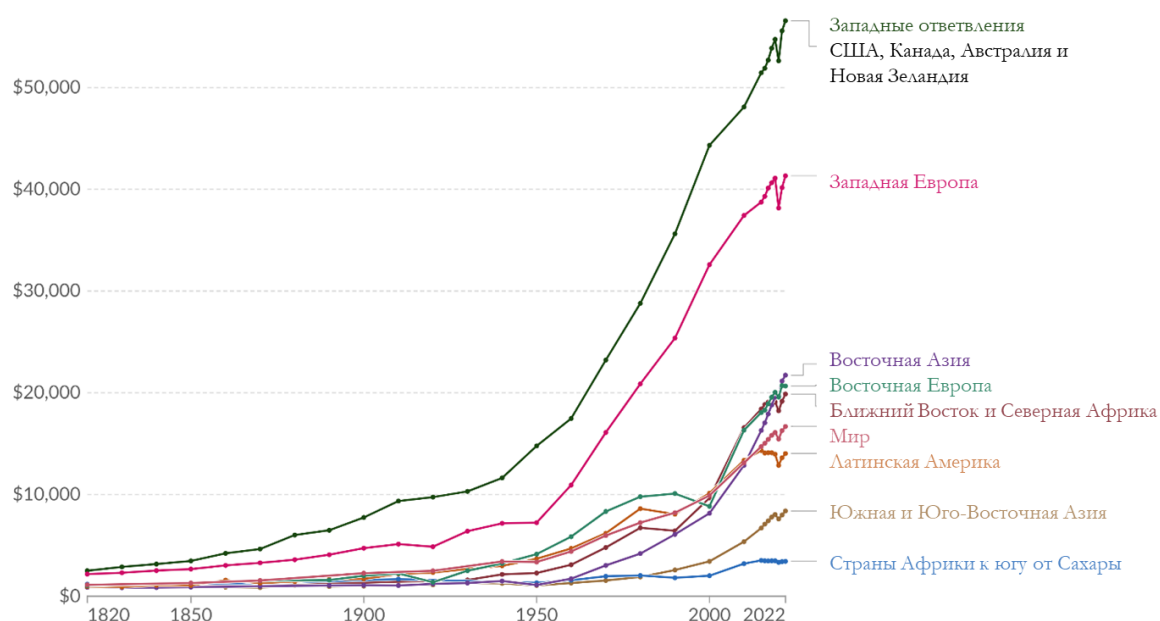
Примечание: данные выражены в международных долларах по ценам 2011 года.

Международные доллары — это гипотетическая валюта, используемая для содержательного сравнения денежных показателей уровня жизни. Показатели, выраженные в международных долларах, корректируются с учетом инфляции внутри стран с течением времени и разницы в стоимости жизни между странами. Цель таких корректировок — создать единицу, покупательная способность которой остается постоянной с течением времени и в разных странах, чтобы за один международный доллар можно было купить одинаковое количество и качество товаров и услуг независимо от того, где и когда он был потрачен.

На более подробном графике, с 1820 года, мы видим детализацию по регионам мира. Для большинства регионов мира рост реального ВВП на душу населения за 200 лет составил 15-20 раз.

ВВП на душу населения, 1820 – 2022 гг.

Эти данные скорректированы с учетом инфляции и разницы в стоимости жизни между странами.

Источник: Bolt and van Sanden – Maddison Project Database, 2023 г.

Примечание: данные выражены в международных долларах по ценам 2011 года.

Производительность труда продемонстрировала приблизительно ту же динамику (на примере Швеции, сельское хозяйство).

Производительность труда в сельском хозяйстве, ВВП / на рабочего, Швеция, 1850-2010

Производительность труда соответствует соотношению между стоимостью, добавленной в сельском хозяйстве (в шведских кронах, в постоянных ценах, на уровне цен 1910/12 г.), и численностью людей, занятых в сельском хозяйстве.

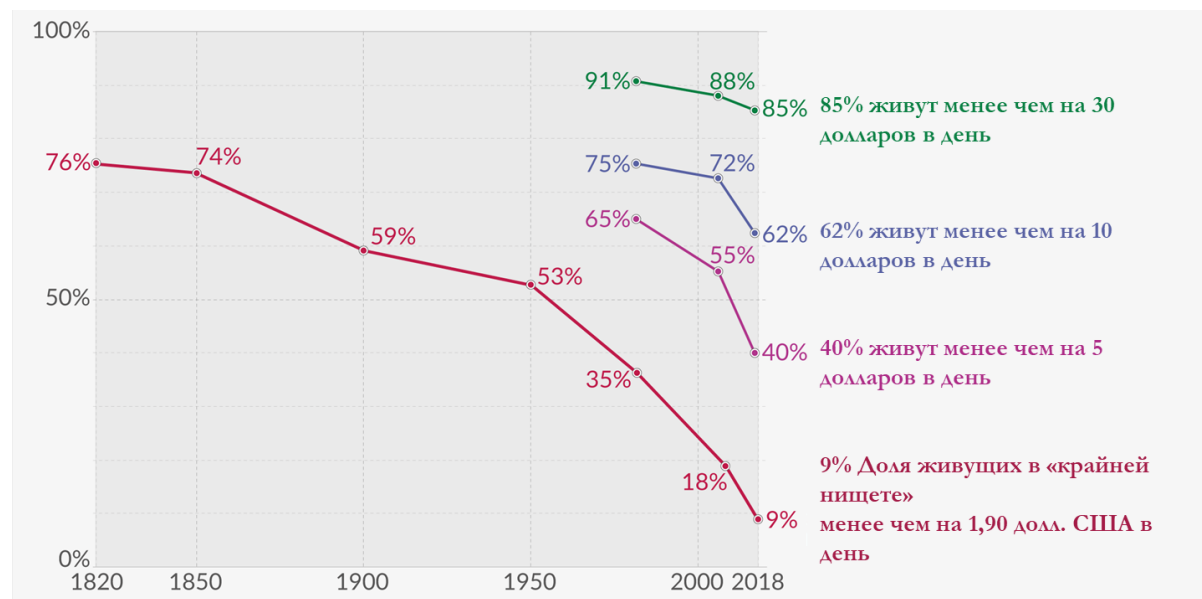

Источник: Schon and Krantz (2007, 2012, 2015).

Доля **экстремально бедных**, то есть живущих менее, чем на 2 доллара в день, **сократилась с 53% населения мира еще в 1950 году до 9% в 2018 году.**

Доля мирового населения, живущая в бедности и нищете

Все данные скорректированы с учетом изменения цен с течением времени (инфляции) и разницы цен в разных странах.

Источник: Historical data from Michail Moatsos (2021) - Global Extreme Poverty: Present and Past since 1820; shown as moving averages. OurWorldinData.org.

Профессор Макс Розер пишет, в связи с этим, в своем обзоре¹²⁷ на OurWorldInData.org: «...сегодня средний человек на планете имеет такой же уровень богатства, какой имел средний человек в самой богатой стране в 1950 году. И все те страны, которые имеют доход выше среднего мирового сегодня, - более процветающие, чем США в 1950 году: Иран, Мексика, Болгария...».

Он также отмечает, что средний уровень богатства на душу населения в мире только с 1950 года вырос в 4,4 раза – с \$3,300 в 1950 до \$15,200 в 2018, в реальном выражении.

Современные журналисты и блогеры любят обсуждать ИИ и другие хайпы, которые будто бы должны перевернуть жизнь людей. В действительности ИИ пока является одним из способов автоматизации экономики, наряду с цифровизацией и роботизацией. Эта автоматизация, так или иначе, продолжается уже более сотни лет.

А вот настоящий революционный сдвиг состоит в том, что миллиарды еще недавно нищего аграрного населения Азии, Африки и Латинской Америки обретают городской образ жизни, производства и потребления.

¹²⁷ Max Roser (2019) - "Which countries achieved economic growth? And why does it matter?" Published online at OurWorldInData.org. Retrieved from: 'https://ourworldindata.org/economic-growth-since-1950' [Online Resource]

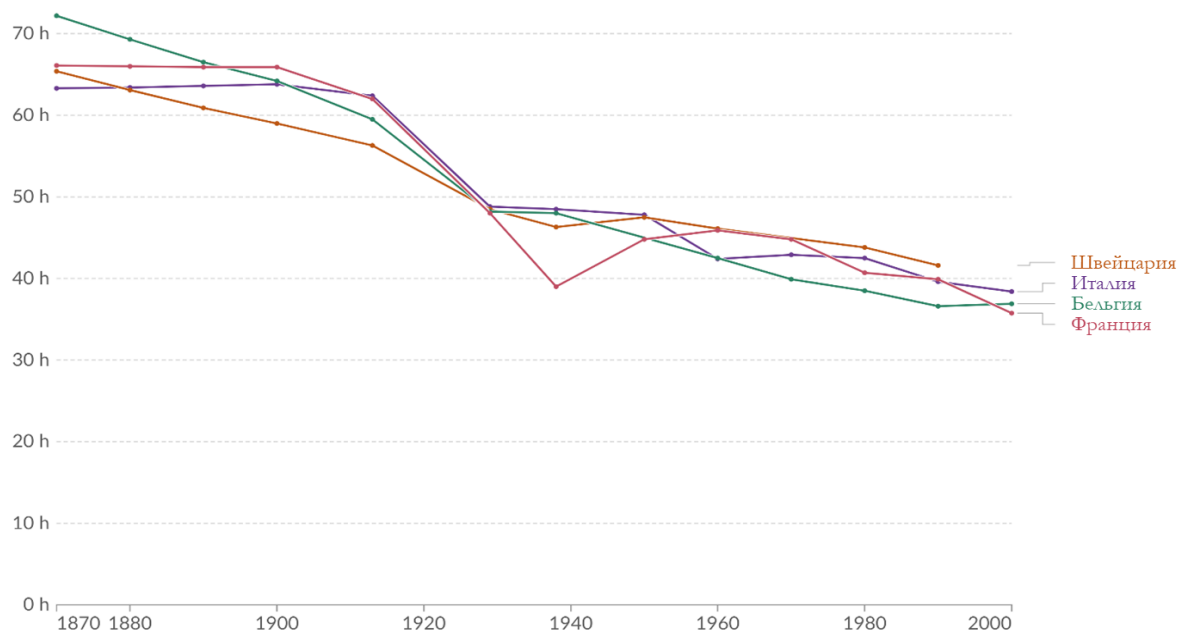
Тема роста доходов часто искажается, под влиянием левой пропаганды и политических взглядов. Таким типичным искажением является указание на растущее в мире неравенство и сохраняющуюся нищету огромных масс населения развивающихся стран.

Макс Розер в том же обзоре пишет – и это следует считать уже скорее ценностным авторским акцентом – «...Разница между стагнацией или даже спадом в некоторых местах и быстрым ростом в других местах приводит к резкому росту неравенства в мире. Норвежцы сейчас в среднем более чем в 100 раз богаче, чем люди в Либерии, Бурунди и Центральноафриканской Республике»¹²⁸. В этом утверждении упущено то, что, во-первых, жители центральной Африки и в 1950-м году были в 100 раз беднее, чем средний житель Норвегии или США. Но самое главное, упущен из виду тот факт, что жители Китая и Индии были в 50 раз беднее жителей США в 1950-м году, а сегодня эта разница сократилась (по ППС) до 3-5 раз (для Китая в целом и как минимум, для городского населения Индии). Такое сокращение неравенства произошло и в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в ряде стран Юго-Восточной Азии и других крупных регионах – и оно касается миллиардов людей, тогда как «хвосты» совокупности, характеризующие высокое неравенство касаются уже гораздо меньшего числа людей на Земле. Исследователи также часто сосредоточены на оценках неравенства внутри США или Западной Европы – которое действительно растет. Это происходит в результате стихийного перехода к экономике знаний, в которой большинство населения не выдерживает конкуренции с роботами, а способов встроиться в экономику знаний на роли когнитариата им не предложено. Но эта проблема касается именно наиболее развитых стран. В развивающихся и отсталых странах происходит догоняющая модернизация по образцу Запада 20-го века – внедрение базовых технологий, моторизации, информатизации, всеобщего образования, городского образа жизни и т.д. Такой формат обеспечивает общий рост благосостояния, значительно превосходящий по своему значению проблемы неравенства в этих странах. Выросли все ключевые показатели качества жизни в мире: индекс человеческого капитала, ожидаемая продолжительность жизни. Количество рабочих часов в неделю сократилось в полтора-два раза за 150 лет.

¹²⁸ Max Roser (2019) - "Which countries achieved economic growth? And why does it matter?" Published online at OurWorldInData.org. Retrieved from: '<https://ourworldindata.org/economic-growth-since-1950>' [Online Resource]

Количество рабочих часов в неделю, с 1870 по 2000 г.

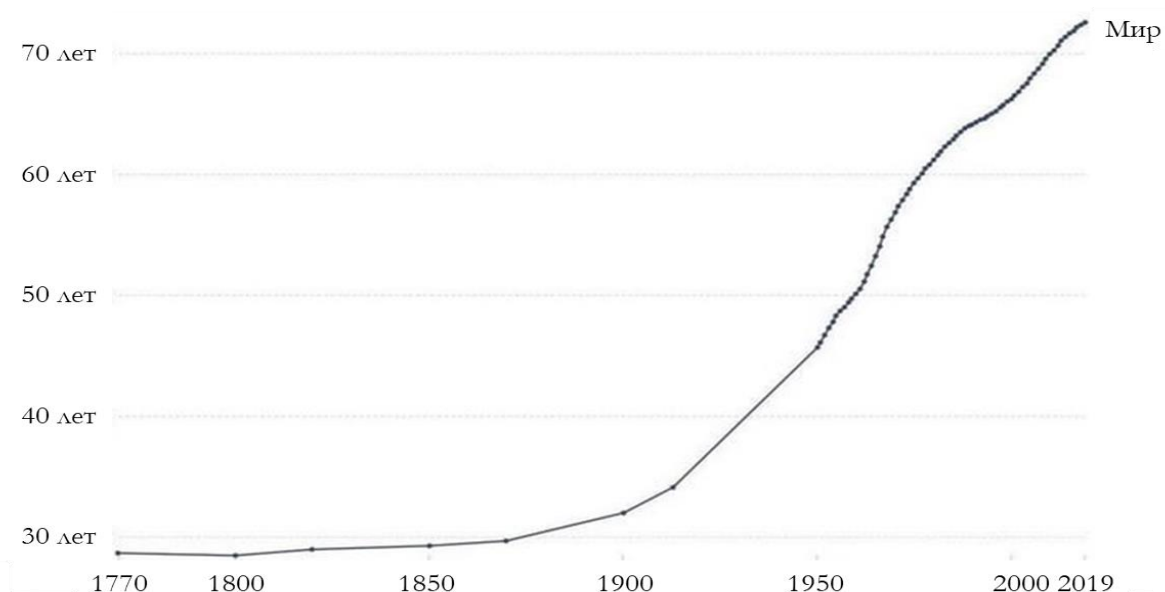
Рабочее время штатных производственных рабочих (мужчин и женщин) в несельскохозяйственной деятельности

Источник: Huberman & Minns (2007).

Среднемировая продолжительность жизни выросла с 32-х лет в 1900-м году до 73-х лет в 2019-м году.

Ожидаемая продолжительность жизни, с 1770-го до 2019-го г.

Источник: Riley (2005), Clio Infra (2015) и UN Population Division (2019)

Примечание: указана ожидаемая продолжительность жизни при рождении, т.е. среднее количество лет, которое проживет новорожденный, если модель смертности в данном году останется одинаковой на протяжении всей его жизни.

Вся эта информация является общеизвестной. Об этом много писал, например, британский историк Эрик Хобсбаум¹²⁹

Между тем, в социально-экономической дискуссии как будто не осознается исторический, эпохальный масштаб перемен, который принес с собой рост производственных возможностей.

Этот сдвиг представляет собой совершенно революционное изменение всего образа жизни людей и устройства экономики. За столетие объем подушевого производства вырос многократно больше, чем за все предыдущие тысячелетия развития цивилизаций.

В этой книге мы говорим о том, как революционные изменения ключевых параметров экономики и техники повлияли на образ жизни общества, на человека. Задумайтесь, один только этот революционный скачок в производстве не мог не привести к устареванию целого ряда традиционных институтов, которые столетиями поддерживали общественный баланс в условиях гораздо более бедной жизни и гораздо более низких темпов роста экономики.

В основе стремительного роста доходов и производительности труда лежат, в сущности, два больших фактора: **научно-техническая революция** и **развитие институтов**, регулирующих экономику и жизнь общества. Например, для развивающихся стран очевидна тесная связь между процессом урбанизации и экономическим ростом. Разница доходов между городом и селом, в Индии или в Юго-Восточной Азии до сих пор составляет 5-10 раз. Урбанизация – это совокупность городских, современных институтов и укладов жизни.

Но, если тема НТР постоянно обсуждается (роботизация, автоматизация, инновации, диджитализация, искусственный интеллект и так далее), тема институтов как фундамента нынешнего благосостояния отодвинута на задний план. Между тем, институты являются важнейшей частью модернизации, они регулируют и моделируют поведение людей практически во всех аспектах. Приведем такой пример. В США и во Вьетнаме работает аналогичная фабрика. Это может быть фабрика, которая даже принадлежит одной и той же транснациональной корпорации, например компании Coca Cola. В каждой крупной стране она выпускает продукцию на своей местной фабрике. Фабрика в США и во Вьетнаме построена по тем же стандартам и с тем же оборудованием; использует примерно то же сырье, бизнес-процессы, одинаковое количество рабочих (на единицу выпуска) и выпускает совершенно идентичную продукцию. Заметим, что и специалисты имеют в целом равную квалификацию – они заканчивали идентичные колледжи и бакалавриаты пищевых технологий. Есть только одно отличие – сотрудники

¹²⁹ Hobsbawm, E. (1994). The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. Vintage Books

этой компании во Вьетнаме зарабатывают в 7 раз меньше в долларах или в 4 раза меньше, если считать в международных долларах (по ППС).

Эта разница никак не может быть отнесена к качеству сотрудников, технологиям или организации бизнес-процессов – все это идентично. Эта разница обусловлена только совокупностью всех остальных институтов во Вьетнаме и в США.

Несомненно, эта разница обусловлена не только «инклюзивными» западными институтами, но и иерархией мирсистемы, по Валлерстайну, – но ведь и в основе мирсистемы находятся институты и инструменты, удерживающие ее иерархию.

Давайте теперь подробнее поговорим о том, к каким именно изменениям общества и поведения людей привел колоссальный рост доходов и производственных возможностей.

Следствие: отмена естественных регуляторов поведения для общества и человека

Естественные регуляторы общества, такие как войны, голод, эпидемии, отступили на второй план. Выросшие производственные возможности – это, кроме прочего, мощные механизмы управления рисками окружающей среды, их предупреждения и снижения их последствий.

Это привело к резкому повышению качества, продолжительности и безопасности жизни. Вместе с тем это привело и к ряду специфических последствий.

Для большинства людей на Западе прежние угрозы - голод, война, болезни, смерть – исчезли из повседневной жизни даже на метакогнитивном уровне. (Напомню, что метакогнитивными называют такие знания о мире, которые мы не обдумываем в повседневной умственной деятельности, а принимаем как аксиомы).

Мы можем заметить, как мало обсуждается смерть серьезным образом в кино или современной культуре. Об этом не приятно вспоминать, да и сказать на эту тему современному человеку нечего.

Когда началась военная операция России в Украине в 2022-м году, огромное количество людей написали в своих социальных сетях такие фразы: «этого никто не мог ожидать», «это выходит за все мыслимые рамки» и так далее. Для человека 19-го века странно было бы сказать, что наступление войны «выходит за мыслимые рамки». Надо заметить, что некоторые политические эксперты, как в частности С.Е. Кургинян, предупреждали о том, что продолжение войны на Украине неизбежно; однако массовое сознание предпочитает не слышать некомфортные для себя мнения – это и есть вымещение из когнитивных и метакогнитивных структур.

Современный человек уверен, что мир в принципе создан для его комфорта. В связи с этим правительство хорошо только с точки зрения того, насколько оно максимизирует этот комфорт для населения. Когда правительство допускает такие события, как война, то это «удар ножом в спину» (еще один популярный тогда мем). Поскольку средний человек все объясняет только изнутри общества, а не с позиций отношений общества со внешней средой, то и объяснения обычно возникают социального характера: «это потому что власть захватили злодеи» и «потому что не хватает демократии» и т.п.

Поколения, родившиеся после миллениума, воспитаны с младенчества на таких мультфильмах, как Лунтик или Даша-путешественница. Эти мультфильмы передают характерное мироощущение, сложившиеся в развитых странах после «конца истории». И у Лунтика, и у Даши, все блага мира гарантированы по умолчанию. Еда всегда есть в холодильнике, они окружены заботой родителей, дедушек и бабушек. Основная цель – это развлекаться, играть и радоваться жизни. Самое худшее, что можно встретить, – это хитрость или вредность, но, в сущности, все кругом тоже добрые и веселые.

Хотя благоприятные следствия от современной институциональной и технической организации явно приносят огромные блага людям, не следует недооценивать значительные недостатки, экстерналии и институциональные эффекты.

Современный человек живет как бы в некоем батискафе, в капсуле, отделяющей его от окружающего космического холода, как в фантастических рассказах. (Примечание: батискаф это небольшая и особо прочная подводная лодка, для исследования глубин океана). «We all live in a yellow submarine» - пела группа Битлс. Человек передвигается в пространстве и живет, управляя таким роботом, сам находясь внутри капсулы, а робот двигается, добывает еду и так далее.

Не знаю, была ли песня Битлс провидческой или это случайное совпадение, но смысл вопроса передан точно:

As we live a life of ease / Поскольку мы живем легкой жизнью
Every one of us has all we need / У каждого из нас есть все, что нам нужно
Sky of blue and sea of green / Голубое небо и зеленое море
In our yellow submarine / В нашей желтой подводной лодке

The Beatles, Yellow Submarine, 1966 г.

Городской человек не сталкивается напрямую с вопросами голода, холода, драки за выживание, все это делается опосредованно, роботами. Человек зарабатывает деньги за компьютером, охраняется полицией и законом, обогревается электричеством, продукты покупает в супермаркете и т.д.

Тем не менее внешний мир, в котором существует голод, холод и война, существует в реальности. Но человек отделен от него стенками своего

батискафа. Отчасти батискаф уже на автомате, например, электричество и вода в дом поступают постоянно, и об этом даже не надо думать. Но отчасти человек должен этим управлять. Чтобы управлять, не чувствуя физически внешнего мира, человек формирует в своем сознании образы внешнего мира, карту. Эта карта должна быть адекватной. Большинство людей эту карту составить не могут. Большинство людей — это матросы в трюмах корабля, а карту знает только капитан.

Наличие реального батискафа в виде технологий, правозащиты, финансовой подушки, гарантий стабильности не может не создавать в сознании аналогичный когнитивный батискаф. Большинство вопросов отношений с внешним миром взяли на себя институты и технологии. Сам человек, как дрессированная белка в колесе, должен выполнять набор алгоритмических усилий, полный смысл которых ему обычно не известен (и не интересен) — а в остальное время заниматься обустройством внутреннего мира своего батискафа, то есть повышением своего комфорта.

Сказать, что результатом такой когнитивно-поведенческой бочки, изоляции, становится самодурство и неадекватность (реальным внешним условиям и реальному устройству общества) — это достаточно умеренное определение.

Когда еще было возможно в массовой культуре такие вещи называть своими именами, Владимир Высоцкий пел:

Вот твой билет, вот твой вагон -
Всё в лучшем виде, - одному тебе дано
В цветном раю увидеть сон -
Трёхвековое непрерывное кино.
...
Тебе плевать и хоть бы хны:
Лежишь, миляга, принимаешь вечный кайф, -
И нет забот, и нет вины, -
Ты - молодчина, это место подыскав.
...Разбудит вас какой - то тип
И впустит в мир, где в прошлом - войны, вонь и рак,
Где побеждён гонконгский грипп, -
На всём готовеньком ты счастлив ли дурак?
Баллада об уходе в рай, 1977 г.

Таких отношений между человеком и реальностью массово не было почти никогда в более ранней истории — за исключением примеров элит, живущих в «башне из слоновой кости». Это всем известный постулат, приписываемый королеве Марии Антуанетте: «если у вас нет хлеба — ешьте пирожные». Сегодня в такой «башне из слоновой кости», в этой когнитивной бочке, живет основная часть городского населения Запада.

Именно в этом контексте надо понимать распространение и господство **методов постмодернизма и общества спектакля**¹³⁰. Еще не так давно некоторые инструменты, например, демократия, имели реальный смысл. Это было связано с тем, что люди владели реальными смыслами. Они могли соотносить обещания политиков со здравым смыслом. Сегодня же обещания политиков, аналитиков, журналистов – это рассказы о карте внешнего мира, о котором житель батискафа в любом случае понятия не имеет. Поэтому и рассказы эти конкурируют в цветистости и забавности, как средневековые истории о дальних землях, где живут кентавры, псоглавцы, а молочные реки окружены кисельными берегами. Все равно там никто не был.

Философы используют термин **гиперреальность**, введенный Жаном Бодрийяром, в книге «Симулякры и симуляция» в 1981 году¹³¹. Эта идея легла в основу фильма «Матрица». Философы увлекаются темой символов, отделенных от реальности, их конструкций и деконструкций. Но мы, в рамках политэкономии, отметим, что все это было бы невозможно без соответствующих производственных возможностей и базовых институтов. Все эти символы и гиперреальность – не более чем надстройка, как электронная панель управления является надстройкой над основным механизмом. Проблема состоит не в гиперреальности. А в том, что человек объективно отделен от реальности прослойкой институтов и технологий, смысла которых он не понимает. С помощью символической панели управления человек должен, по идее, воздействовать на внешний мир. Но и представление о внешнем мире, и представление о механизмах управления постепенно утрачивается, по мере роста инфантильности на Западе и восстания масс в остальном мире.

Помимо самодурства и неадекватности, второй побочный эффект роста благосостояния – это лень. Лень обычно обсуждают на бытовом, индивидуальном уровне, как мелкий грешок. Мы же сейчас приходим к тому, что лень становится крупным социологическим трендом. Наверное, в рамках западного новояза следовало бы использовать какое-то другое название, что-то вроде, «альтернативного отношения к труду».

Уровень трудолюбия современного человека смоделирован веками модернизации. Это трудолюбие построено на принципе кнута и пряника. С одной стороны – голод и нужда, заставляющие работать. С другой стороны, способы трудового поведения, помогающие улучшить благосостояние и даже поднять человека по социальной лестнице. За века трудолюбие институционализировалось, было встроено в процесс обучения и воспитания. А сейчас начало исчезать.

В России в 1990-е годы произошел отказ государства и школы от воспитательной роли. На самом деле, в более широком контексте, это тоже

¹³⁰ Debord, G. (1995). The society of the spectacle (D. Nicholson-Smith, Trans.). Zone Books

¹³¹ Baudrillard, J. (1983). Simulacra and Simulation. Semiotext.

результат роста производственных возможностей. Воспитывать больше незачем – все блага мира гарантированы Лунтику и так. В крайнем случае, проще дать ему безусловный доход. Переход половины россиян «в тень» и затем на самозанятость сначала вроде бы ассоциировался с экономическим кризисом 1990-х и его последствиями. Но кризис давно закончился, а тень и самозанятость остались самым популярным работодателем.

Как вам скажет любой фрилансер, самозанятость позволяет находить оптимальный баланс между работой и личной жизнью. Неумолимо, с каждым годом, и тем более с каждым новым поколением, этот баланс все больше сдвигается от труда к личной жизни. Сам себе хозяин, самозанятый, сам решает, сколько дней в неделю работать, во сколько выйти на работу, и надо ли выходить вообще. В реальности, профициты благосостояния, формируемые родственниками и обществом в целом настолько велики, что многие самозанятые становятся все более условно занятыми, а их доход остается вполне безусловным.

Возникают новые идеологические объяснения, такие как «постматериальные ценности», сознательный отказ от карьеры и претензий на расширение материальных накоплений. На самом же деле человеку вообще не свойственно так трудиться, как это было принято в последние века модерна. До аграрной революции охотники-собиратели работали, скорее, в режиме фриланса и самозанятости, чем фуллтайм.

Можно только приветствовать такое возвращение к истокам. Единственный вопрос состоит в том, что инфраструктуру цивилизации в таком режиме поддерживать не получится.

Следствия для элит и управления

Итак, люди не знают карты, и полагаются в этом на капитанов, а между тем предаются развлечениям общества спектакля. Самые пытливые умы подозревают, что капитаны, организовавшие спектакль, не только знают реальные карты, но и каким-то образом продолжают обманывать и эксплуатировать народные массы.

Поговорим теперь о том, как рост производственных возможностей отразился на элитах и управлении. Латиноамериканский политический мэмп гласит: *«Если мэру уменьшить финансирование в 10 раз, то, может быть, он начнет думать. Если мэру уменьшить финансирование в 100 раз, тогда он точно начнет думать».*

Недостаток ресурсов заставляет думать по-настоящему и заставляет действовать. Поэтому, в частности, иногда положительный эффект кризисов для управления такой мощный. На кризисах, и связанных с ними обновлениях предпринимательских элит основана модель перехода к инновациям и новым укладам экономики Йозефа Шумпетера. На этом же

принципе основано обновление политических элит по Паретто, подразумевающее приход к власти более дееспособных контрэлит.

Йозеф Шумпетер так описывал свою концепцию созидательного разрушения в книге «Капитализм, Социализм и Демократия»:

«Капитализм по своей природе является формой или методом экономических изменений и не может быть стационарным. (...)

Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его в работе, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства или транспорта, новых рынков, новых форм промышленной организации, которые создаёт капиталистическое предприятие.

Открытие новых рынков — внешних или внутренних — и организационное развитие от ремесленной мастерской и фабрики до таких гигантов, как U. S. Steel иллюстрируют процесс индустриальной мутации, который непрерывно революционизирует экономическую структуру изнутри, неустанно разрушая старое и постоянно создавая новое. Этот процесс Творческого Разрушения — главная сущность капитализма. В нём состоит капитализм, и в нём приходится существовать каждому капиталистическому предприятию»¹³².

И наоборот, в стабильных и благополучных условиях элиты бесконечно варятся в той модели, которая создана ранее, у них нет мотива ни думать, ни что-то менять. Эту тему подробно рассмотрел Нассим Талеб в своей книге «Рискуя собственной шкурой»¹³³. Чем удобно творчество Нассима Талеба, это тем, что содержание всей книги можно пересказать в одном предложении. Нассим Талеб объясняет, что современные управляющие перестали рисковать собственной шкурой, и поэтому все пошло как-то не так.

Если у Талеба появляется вторая мысль — то это уже повод написать новую книгу. И тут мы не можем не вспомнить про другой его важнейший труд, «Антихрупкость»¹³⁴. Стремление к стабильности губительно, тогда как готовность к переменам очень полезна, утверждает в этой книге.

Та же ситуация роста производственных возможностей и связанной с этим гиперреальности создала и колоссальные проблемы с адекватностью современных элит. Элиты еще в большей степени, чем обычные люди, отделены от энтропии, от необходимости встречаться с реальной жизнью.

В условиях нынешних производственных возможностей элиты практически наверняка оказываются в башне из слоновой кости. Так же, как и любой

¹³² Schumpeter, J. A. (1954). Capitalism, socialism, and democracy (4th ed., with a new chapter). London: Allen & Unwin

¹³³ Taleb, N.N. (2018). Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life. Random House.

¹³⁴ Taleb, N.N. (2012). Antifragile. Random House.

городской человек, что описано выше, только элитный батискаф намного комфортнее и еще надежнее отделяет от реального мира.

Элиты и раньше имели проблему Марии Антуанетты, то есть слабое представление об управляемом объекте, народе. Сейчас этим грешат не только элиты в особо высоких башнях, но и владельцы среднего бизнеса. Владение несколькими миллионами долларов надежно и пожизненно защищает человека от необходимости работать, или позволяет выбирать из работы только наиболее вкусные, приятные для себя кусочки, как вишенки из торта. И таким образом, можно всю жизнь избегать столкновений с неприятными ситуациями. А не сталкиваясь с ними, эти элиты и не узнают «изнанку» бизнеса и реальное устройство рынков и конкуренции.

На это накладывается ряд когнитивных искажений, например, проекция. Каждый человек, по умолчанию, предполагают, что другие живут примерно так же, как он сам. Тем более он не может догадываться о таких проблемах у людей, о которых сам он в жизни даже не слышал.

В силу общей ограниченности и самодовольства современного человека, и такой собственник искренне верит, что он имеет полное и даже стратегическое представление о своем бизнесе, отрасли, клиентах и так далее. Все его подчиненные, которые могли бы с этим не согласиться, давно уже уволены.

К эффекту батискафа (когнитивной бочки) добавляется еще и вырождение элит. Этот механизм широко известен, он описан в частности Паретто¹³⁵.

Элиты в первом-втором поколении еще помнят, к какой реальности относятся механизмы управления. Элиты в следующих поколениях, а сейчас на Западе преобладают именно такие, просто не могут знать, к какому объекту относятся инструменты управления, которым их обучают в Гарварде и Оксфорде. Про риски и вызовы внешнего мира нельзя узнать из учебника – их надо почувствовать на собственной шкуре, и желательно в самых разных проявлениях. Как пел, опять же, Высоцкий:

Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом, —
Значит, в жизни ты был
Ни при чём, ни при чём!
Баллада о борьбе, 1975 г.

¹³⁵ Pareto, V. (1916). *The Mind and Society* (it. *Trattato di sociologia generale*). Firenze, Barbera.

На Западе оказалось затрудненным и обновление элит, поскольку в ситуации батискафа оказались и контрэлиты, и большая часть общества. Натуральная элита должна обладать настоящим лидерством; это лидерство должно черпаться из всего общества. Раньше постоянная борьба общества с энтропией принудительно возобновляла механизмы элитогенеза.

Феодалы воспитывали своих детей в духе воинства и лидерства, поскольку ожидалось, что в течение жизни этих детей им придется не раз заново подтверждать право своего рода на занимаемые лидерские позиции. Невзирая на всю материальную базу, этот феодальный руководитель должен был показывать личные чемпионские способности в войне, драке и интригах.

Понятно, что издержки и такой организации, и такой прямой борьбы с внешними угрозами были настолько велики, что в ходе такого проявления лидерства то исчезало две трети населения Европы, то целые цивилизации.

Однако, отказ от соревновательного проявления лидерства быстро привел к утрате элитами лидерских качеств.

Следствие: ухудшение управления при росте производственных возможностей

Возникает парадоксальное противоречие, которое часто сбивает с толку аналитиков и комментаторов. Это противоречие между **растущими производственными возможностями** и **ухудшением качества управления**.

Это действительно кого угодно собьет с толку. В одной и той же системе, например, в развитых странах Запада, производственные возможности объективно продолжают расти, поскольку растет накопленный капитал и продолжается научно-техническое развитие. И одновременно снижается уровень управления, в результате инфантильности и эффекта батискафа.

Производственные возможности растут одновременно и интенсивно, и экстенсивно. Экстенсивно — осваиваются новые территории (за счет автодорог, развития транспорта, технологий добычи, строительства инфраструктуры); растет население земли; растет физический капитал (основные фонды и разведанные недра).

Но производственные возможности растут и интенсивно — за счет инноваций, науки, внедрения технологий, образования.

Одновременно с этим менеджмент становится хуже. Во-первых, непонятны институциональные свойства меняющейся среды, и для любого менеджмента это самая большая проблема. Мы постоянно слышим от руководителей крупнейших стран заявления в духе «...мы такого не ожидали» и «...это не совсем то, на что мы рассчитывали».

Во-вторых, самое главное, этот рост производственных возможностей происходит все больше сам по себе, в общем без участия менеджмента.

Например, в России принято критиковать правительство за то, что половину доходов бюджета приносит экспорт нефти и газа. Из этого делается вывод о сырьевой зависимости и т.п. Более корректно было бы сказать, что эксплуатируется не столько нефть и газ, а вся технологическая и институциональная инфраструктура, которая добывает и продает нефть. Эта инфраструктура создавалась столетиями – начиная с присоединения территорий, на которых сейчас находится эта нефть, до создания технологической инфраструктуры и образованных кадров, которые позволяют добывать и обслуживать эту нефть. А также вся система безопасности и дипломатии, которая делает возможной внешнюю торговлю.

Российский бюджет наполняет не нефть, а вся совокупность институтов, которые делают возможным получение прибыли, в том числе, от нефти.

Во всем мире хорошо осознаны законы саморегулирования экономики. Вместе с тем применение технических инноваций позволяет развивающимся и догоняющим странам (а это 80% населения земли) повторять экономический рост Запада. В этом смысле экономический рост происходит сам собой, даже при максимальной либерализации экономики. На Западе если и нет роста экономики, то гигантский западный бизнес, опять же создававшийся столетиями, стабильно генерирует прибыль. Это уже мало зависит от того, руководят им профессиональные директора, безликие инвестиционные фонды или наследственные собственники в 12-м поколении, которые не очень точно знают, чем миллион отличается от миллиарда.

Отсюда возникает ощущение, что возможен любой мисменеджмент, коррупция и присвоение этих прибылей, а прибыли все равно растут и растут. Такая ситуация никак не способствует рефлексии, принятию трудных и правильных управленческих решений.

Чем «ближе к земле», тем больше адекватности сохраняют люди. Именно потому, что они вынуждены непосредственно и прямо соприкасаться с энтропией. Это новый парадокс – раньше управленцами были самые лучшие, самые конкурентоспособные, то есть самые адекватные в плане преодоления рисков и угроз. Сегодня же наоборот – люди внизу зачастую более адекватны, чем управляющие наверху.

Следующий фактор деградации управления состоит в том, что уже созданная техническая и экономическая система позволяет производить продукцию по инструкциям и регламентам. Это, в частности, дает возможность догоняющим странам успешно копировать западные технологии и институты.

Функционирование производств по регламентам, в сочетании с автоматизацией, позволяет как бы вечно получать прибыль, не особенно участвуя в управлении. Отмена конкуренции, монополизм тем более позволяют не слишком беспокоиться об оперативном и даже стратегическом управлении. Не просто владелец становится пенсионером – но и топ-

менеджеры, нанятые для оперативного управления, тоже все меньше отличаются от пенсионеров, получателей надежной ренты. С этим связано и такое повышенное внимание менеджмента к финансам – пенсионер не раздумывает о том, откуда берется его рента, однако очень желательно, чтобы сама сумма получалась побольше.

Основной задачей высшего менеджера, хоть политического, хоть корпоративного, становится борьба за улучшение своих позиций в системе, а не собственно управление.

Это существенно отличается от более ранних эпох капитализма, про которые Владимир Маяковский писал:

Капитализм

 в молодые года
был ничего,
 деловой парнишка:
первый работал -
 не боялся тогда,
что у него
 от работ
 засалится манишка.

поэма Владимир Ильич Ленин, 1924 г.

Раньше, в условиях жестких ограничений, общество и власть просто не могли позволить себе расточительный, безответственный менеджмент.

В психологии личного развития применяется такой термин, как зона комфорта, или эффект костыля. Это когда человек держится за какое-то удобное, защищенное положение, и поэтому не развивается и не соприкасается с жизненными вызовами. Зона комфорта превратилась, по факту, в общественную и управленческую идеологию. Технологический костыль превратился в главный козырь Запада. Много лет на экранах показывали все более и более совершенное западное оружие, которое в режиме компьютерной игры уничтожало всех негодяев в любой точке земного шара. Когда дело дошло до реальных войн, западные эксперты признали, что это оружие «слишком технологичное, чтобы им воевать». Они также «выявили обеспокоенность по вопросу недостаточности запасов вооружений», поскольку те оказались еще и слишком дорогими. Владельцы же костыля, граждане, и подавно не собираются воевать. По опросу YouGov, проведенного в феврале 2023 года в Германии, 11% взрослых немцев в случае военного вторжения в их страну готовы воевать, но 24% предпочли бы в такой ситуации покинуть страну. Остальные предпочли бы не обращать внимания.

Эту тему довольно обстоятельно изобразил Виктор Пелевин в романе SNUFF. Искусственный интеллект и роботы тоже становятся слишком технологичными для того, чтобы ими могли воспользоваться люди.

В результате развитие экономики остановилось даже в США — где для этого с избытком есть все необходимые компоненты — земля, труд, капитал, инновации и предпринимательские способности. Реальные зарплаты не растут с 1980-х гг., а ВВП — после 2007 года, если вычесть из статистики роста фактическую инфляцию и рост долгов.

То же самое происходит и в Западной Европе, и в России, — несмотря, казалось бы, на всю разницу политических и экономических моделей. Реальный уровень доходов остается на уровне 1980-х гг. 20-го века. Изменилась структура потребления, но суммарно потребление остается приблизительно на прежнем уровне.

Китай, Индия и другие развивающиеся страны демонстрируют высокие темпы роста не только по причине использования догоняющих моделей развития — но и по причине того, что их менеджмент не деградировал еще так, как на Западе.

Шанс институциональной модернизации сейчас даже выше для развивающихся стран. Имея пока еще сильный менеджмент, они еще могут сделать выводы из опыта Запада, и не сворачивать на тот же путь. По мере роста богатства, у менеджмента и собственников все выше желание отдыхать и заниматься только распределением генерируемых богатств. Для этого могут использоваться финансово-рыночные механизмы (США) или административно-плановые (Европа), но суть дела не меняется.

Выход видится в создании институциональных механизмов обновления менеджмента, продвижения за лидерские способности. Эти механизмы должны стать упорядоченными, привычными, не вызывать общественных или элитных катаклизмов и революций. Конкуренция и «рука рынка», как и демократия, давно уже не справляются с этой задачей.

5.2 | ДЕГРАДАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ НА ЗАПАДЕ

Падение культурного, умственного и управленческого уровня западных политических элит обсуждалось в западных и мировых СМИ настолько часто, в последние 20 лет, что сам этот феномен можно считать не требующим дополнительных доказательств.

Типичный стиль западного политического руководства в последние годы — это сделать на весь мир ультимативные заявления, в самодовольном и безапелляционном стиле, — и затем так же громко сесть в лужу.

Или сначала рекламировать на каждом углу очередную концепцию трансформации глобализма и человечества, а затем в пух и прах проигрывать конкуренцию Китаю, Мексике и всем остальным.

Я не берусь утверждать, что сама элита, в человеческом смысле, стала принципиально хуже, чем была. Критерий деградации западной элиты, который, думаю, трудно оспорить — это то, что элита перестала соответствовать сложности управляемой системы и современных вызовов. Большинство решений в политике и экономике принимаются так, как будто бы они принимаются в очень простой иерархической системе, такой как одно промышленное предприятие. Повысить торговые тарифы, увеличить долг, силовым способом создать проблемы конкурентам, пообещать гражданам рост доходов. Каждое из этих действий в системе переплетенных, множественных институтов порождает цепную реакцию непредвиденных экстерналий и побочных эффектов. Совокупность этих отрицательных эффектов часто на порядок перевешивает ожидавшийся положительный эффект от самого действия.

Наращивание госдолга и санкции ведут к утрате доверия к США как мировому финансовому лидеру — а ведь роль мирового финансового центра — это значимый источник прибыли и часть американского ВВП. Пошлины на импорт в США, помогающие национальной промышленности, ведут при этом к падению внешнего притока капитала, который может быть замещен только очередным количественным смягчением.

Военное вмешательство в Афганистане, Ираке, на Украине, которое кажется совершенно простым, мощным ударом по конкурентам, в стиле Питера Наварро, в итоге ведет к международной дискредитации США. Поскольку до этого большинство союзников США в мире верили в легенду о разгромной победе американцев над СССР и о секретных военных сверттехнологиях, которые позволяют американцам нажатием кнопки убить всех врагов в любой точке земного шара.

Никакие сложные стратегии повышения американской конкурентоспособности, обеспечения доступа в экономику знаний для большинства населения, даже не обсуждаются. Противостояние республиканцев и демократов состоит в диалектической борьбе двух сверхидей: повысить тарифы на импорт или напечатать денег.

Про элиту ЕС и Англии можно сказать примерно то же самое. Проект ЕС превратился в гигантский бюрократический аппарат, опутавший все страны дотациями и перекрестным субсидированием. Вместо конкурентоспособного экспорта в другие регионы мира, сделан акцент на экспорт в менее развитые страны ЕС, но на деньги самих же стран-поставщиков. Это типичная советская плановая экономика в своих не лучших проявлениях.

На самом деле и политическая недалекость, и падение деловой конкурентоспособности выглядят довольно странно, можно даже сказать — нелогично. США, ЕС и Великобритания находятся на пике своих экономических, интеллектуальных и технических возможностей за всю историю. ВВП этих стран в реальном выражении достиг максимума за всю историю; население остается огромным, хорошо образованным.

Работают прославленные на весь мир инклюзивные институты демократии и прав человека. Институты научно-технического прогресса порождают и коммерциализируют инновации с небывалой скоростью. Все это должно было бы вести к постоянному росту уровня жизни, совершенно независимо от потери влияния Запада на другие регионы мира.

Основной фактор роста в 21-м веке — это человеческий капитал и инновации, а также традиционный капитал и природные ресурсы. Всего этого на Западе достаточно. Кроме того, рост экономик других стран — торговых партнеров — потенциально ведет не только к конкуренции, но и к росту спроса с их стороны.

Эти многочисленные факторы успеха и развития Запада разбиваются как о скалу об один фактор, который их явно перевешивает — деградацию управления.

Как сказано в Писании, «судите о дереве по плодам его». Действительно, не столь важно, каковы аналитические способности и красота речи политиков. Важны их успехи в управлении государством и экономикой. Этих успехов после кризиса 2007 года не наблюдается практически ни в чем.

В экономике США и ЕС небольшой рост ВВП имитируется за счет постоянного роста гос. долга и денежной массы. Политическое влияние во всем мире сокращается. Доля в мировом ВВП быстро сокращается. Доля и численность коренного населения сокращается. Реальные доходы среднего класса стагнируют на уровне 1980-х гг. Реальный объем государственной социальной поддержки населения фактически сократился по сравнению с 1980-90 гг.

Социальные лифты карьеры, предпринимательства практически перестали работать для среднего гражданина — чему посвящены большинство серьезных западных фильмов и сериалов последних десятилетий.

Яркая массовая культура, когда-то порождавшая образцы для всего мира, стала унылой, неинтересной и напоминает позднесоветскую пропаганду, в которую не верит никто, включая самих пропагандистов.

Все это можно охарактеризовать как сочетание социальной апатии и экономической стагнации. В этих условиях самый простой и главный вопрос, который хочет задать любой избиратель и даже внешний наблюдатель, это: а как так руководство, имея такие ресурсы, довело до такой неприглядной ситуации?

Причины деградации управления на Западе

Сословная монополия на власть

Изучение устройства власти существует столько же, сколько существует философская политическая мысль. В Европе этот отсчет можно вести от Платона и Аристотеля, в древнем Китае — от Конфуция и Лао Цзы.

В конце 19-го - начале 20-го века изучение элит превращается в самостоятельное социологическое направление. Прежде всего, это итальянская школа маккиавелизма, связываемая с именами Вильфредо Паретто, Гаэтано Моска и Роберта Михельса.

По мере изучения элит, формируется представление о факторах их развития и упадка. Паретто формулирует представление о циркуляции элит. Знаковой считается работа Торстейна Веблена «Теория праздного класса»¹³⁶. В этой работе отмечается, что вследствие получения собственности по наследству, собственники перестают концентрировать внимание и силы на производстве, а занимаются демонстративным потреблением и ведением праздного образа жизни.

Тема подъема и упадка элит рассматривается в цивилизационных теориях. Хотя элиты обычно не являются главным вопросом цивилизационных теорий, однако, им уделено значительное внимание. Особенно тут надо сказать о цивилизационной теории Арнольда Тойнби.

Тойнби описывает развитие цивилизации как ответы на вызовы. В результате таких ответов цивилизация достигает пика своего развития. Затем начинается спад и деградация элиты. Элита, способная отвечать на вызовы, превращается в правящий класс, занятый удержанием власти. Накопленный капитал и институты содействуют удержанию власти, не требуя проявления прежних лидерских способностей. Начинается деградация элит.

¹³⁶ Veblen, T. (1899). The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. New York: Macmillan.

Роберт Михельс описывает этот же процесс на микроуровне – как «железный закон олигархии». Из лидеров, получивших свои позиции по заслугам, элита превращается в сплоченную группу - олигархию, специализирующуюся на удержании и насаждении своей власти.

Современные институционалисты также отмечают монополизм на власть, как институциональную ловушку. В частности, об этом пишет Дуглас Норт¹³⁷. Обычно западные институционалисты видят такую ловушку не у себя дома, а на примере авторитарных режимов в других странах. Из истории мы знаем, что политическая диктатура действительно часто превращается в ловушку, которая ведет к застою общества и деградации элит. Но, к сожалению, и прославленные инклюзивные институты Запада пока не смогли преодолеть проблем монополизации власти на самом Западе.

Работа Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»¹³⁸ (1917 г.) описывает принципы формирования олигополий, на основе переплетения промышленного и финансового капитала. В этой работе, помимо рассмотрения мировых тенденция развития капитализма Ленин говорит о тенденции к монополизму. И далее, о вызванной монополизмом тенденции застоя и загнивания, подавления конкуренции и развития. Ленин также обсуждает формирование класса рантье и государств-рантье, получающих доход от империалистической эксплуатации зависимых стран.

Безусловно, на Западе приложили немало усилий в 20-м веке для компенсации этих негативных сторон капитализма, и прежде всего, речь идет о демократических процедурах выборов и представительства. Тем не менее, тенденция самой элиты к омертвлению, монополизму, насаждению власти вне конкуренции актуальна при любой политической системе.

Во второй половине 20-го века в США появляются эмпирические исследования социологии власти. Это, например, работа Уильяма Домхоффа, «Кто правит на самом деле»¹³⁹ и другие. Довольно обширный обзор этих исследований представлен в книге М. Хазина и С. Щеглова «Лестница в небо»¹⁴⁰.

Как это характерно для эпохи специализированных наук, в основном эти социологические исследования уходят в выяснение подробностей, кому и как принадлежит собственность, даже не пытаясь при этом построить цельную картину элит как класса и политэкономического явления.

В целом исследования элит были и остаются довольно маргинальным направлением социологии, по понятным причинам. Элиты не хотят, чтобы

¹³⁷ North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. Cambridge University Press.

¹³⁸ Lenin, V. (1917). Imperialism as the highest stage of capitalism. Life and knowledge.

¹³⁹ Domhoff, G.W. (1978). Who Really Rules? Routledge.

¹⁴⁰ Khazin, M, Shcheglov, S. (2016). Stairway to Heaven: Dialogues on Power, Career, and the World Elite. Rapol-classic

их исследовали или, по крайней мере, чтобы эти исследования открыто публиковались. Что касается политэкономии, то она была разгромлена в США еще в первой половине 20-го века, в общем-то по тем же причинам.

Хотя исследования 20-го и 21-го веков принесли некоторые подробности об элитах и цепочках собственности, они не добавили принципиально нового понимания элит. В основном эти исследования проиллюстрировали с помощью данных то, что было понятно социологам еще в 19-м веке – «железный закон олигархии», фактический контроль немногих ключевых собственников над основным объемом активов и рычагами политической власти в стране.

Сейчас регулярно публикуют открытия исследователей, которые на основе данных сети и отчетности корпораций показывают длинные цепочки собственности и доказывают олигархический характер мирового бизнеса.

Например, это исследование Витали, Глаттфельдера и Баттистона «Сеть всемирного корпоративного контроля»¹⁴¹ (2011 г.). Исследователи использовали данные о 43060 транснациональных корпорациях. Они обнаружили «узел» из 1318 компаний, контролирующих 20 % глобальной выручки, и «суперсубъект» из 147 компаний, обладающих контролем над 40 % сети.

Исследование Дэвида Пита и Джорджины Мюррей, опубликованное в *The Conversation* в 2017 году¹⁴² показало, что из 299 крупнейших мировых публичных корпораций 30 крупных владельцев контролируют более 51 % их акций. Это означает, что всего 1,5 % держателей контролирует основную часть акций самых крупных компаний. Топ-8 владельцев (включая BlackRock, Vanguard, Capital Group и др.) владеют долями в более чем половине всех крупных корпораций.

Олигархическая структура мировой собственности была понятна еще Ленину, и без интернета и данных корпоративной отчетности. Президент США Франклин Рузвельт в выступлениях 1930-х гг. указывал на то, что 0,1% корпораций владеет 52% всех корпоративных активов и формирует 50% всей прибыли в экономике США¹⁴³ (29 апреля 1938).

И исторические, цивилизационные теории, и марксистско-ленинская политэкономия, и западная социология в значительной степени сходятся в определении ключевой причины деградации элит. Это формирование олигопольного принципа владения собственностью, переплетение

¹⁴¹ Vitali, S., Glattfelder, J. B., & Battiston, S. (2011). The network of global corporate control. *PloS one*, 6(10), e25995.

¹⁴² Peetz, D., & Murray, G. (2017). Who owns the world? Tracing half the corporate giants' shares to 30 owners. *The Conversation*, 11. <https://theconversation.com/who-owns-the-world-tracing-half-the-corporate-giants-shares-to-30-owners-59963>

¹⁴³ Roosevelt, F.D. (1938, April 29). Message to Congress on Concentration of Economic Power. Public Papers of the Presidents of the United States.

собственности и власти. И затем перенесение монопольных практик на управление в целом. Это отказ от развития, подавление конкуренции, навязывание своих правил обществу, цензура и так далее.

Монополию на власть можно рассматривать и в классовом, сословном аспекте. Петер Глотц исследовал социальное расслоение в американском обществе¹⁴⁴. Он указывает, что менее половины процента американцев, то есть 843 тыс. семей, владеют 56,2% имущества и 37,4% финансовых активов.

Немецкий социолог и эксперт по элитам Михаэль Хартман показал, что механизмы социального продвижения в Германии за последние 150 лет почти не изменились, а попасть в высшее общество из рабочего класса почти невозможно. Как и раньше, социальное рекрутирование в экономические элиты происходит из четырех процентов высших социальных слоев¹⁴⁵. Очевидно, это связано, прежде всего, с наследственным принципом передачи собственности.

Возникает достаточно своеобразный феномен **сословной монополии на власть**. В России часто используют термин «новый феодализм», крипто-феодализм, новое средневековье. Все эти термины очень условны. Сословная монополия, конечно, не является ни феодализмом, ни аналогом тоталитарных политических режимов. Это «многоэтажное» общество, в котором переходы между этажами крайне затруднены. В отличие от прямых сословных отличий в правах, структура многоэтажного общества основана на имущественном и образовательном цензе, а также на неформальных, но очень прочных связях и отношениях.

Шон Рирдон¹⁴⁶ (2011 г.) показал, что разрыв в школьных успехах между детьми из бедных и богатых семей вырос в 2 раза с 1970-х годов. Разрыв между 90-м и 10-м перцентилем семей по доходу в школьных достижениях стал больше, чем расовый разрыв, и продолжает расти. Поскольку высшее образование и колледж в США платные, то это тем более приводит к закреплению неравенства между богатыми и бедными, на уровне образования.

Определенная конкуренция внутри самого верхнего слоя присутствует, но, конечно, это не та конкуренция, которая описана в учебнике Экономикс. А скорее, та конкуренция, которая описана Джорджем Мартинам в романах «Игра престолов».

Отношение этого верхнего слоя к остальному обществу и экономике уместно охарактеризовать экономическим термином «монополистическая конкуренция». Этот слой не защищен полностью от общей конкуренции, но

¹⁴⁴ Glotz, P. Accelerated Society: Cultural Struggle in the Age of Digital Capitalism. (in germane Die beschleunigte Gesellschaft. Kulturkämpfe im digitalen Kapitalismus). Rowohlt Tb.

¹⁴⁵ Hartmann, M. (2025). Mehr Kontinuität als Wandel—Die deutschen Eliten vom Kaiserreich bis heute. Berliner Journal für Soziologie, 1-26.

¹⁴⁶ Reardon, S. F. (2013). The widening income achievement gap. Educational Leadership , 70(8), 10-16.

имеет выигрышное положение, и строит вокруг себя барьеры, непреодолимые для большинства конкурентов.

Отмечаемый исследователями в последние десятилетия рост неравенства между наиболее богатым классом и остальным населением на Западе – это как раз признак того, что монополистическая конкуренция становится все более монополистической и все менее конкуренцией. Правящий класс все более осознает себя как отдельный класс, а не как избранные представители народа или успешные бизнес-лидеры среди прочих предпринимателей. Происходит сплетение ветвей власти, власти и бизнеса, на сословном и семейном уровнях. В этом и состоит пресловутый феномен «вашингтонского болота» или евробюрократии.

Этому способствует сама природа современных иерархических институтов – крупных корпораций и институтов государственной власти. По сравнению с сетевыми институтами, в рамках которых действует большинство населения и бизнесов, иерархические институты концентрируют весь капитал, компетенции и научные разработки.

Сам рост концентрации и масштаба капитала, принадлежащего собственникам и топ-менеджерам, на мой взгляд, отражает специфику постиндустриальной экономики знаний. Дело не в эксплуатации, как это часто интерпретируют левые интеллектуалы, а в объективном снижении вклада человеческого труда в создание конечной стоимости. Особенно снижается роль не умственного, обычного труда. Это подтверждается тем, что именно такой труд наиболее интенсивно заменяется автоматами и искусственным интеллектом.

Основной вклад в создание стоимости вносит сама корпорация – ее технологии, процессы, инновации, коллективный и искусственный интеллект. А также та институциональная среда, в которой находится эта корпорация. В результате корпорация формирует значительный совокупный доход – но он достается не трудящимся, а собственникам и когнитарному классу. Петер Глотц отмечает, что 3,8 млн специалистов экономики знаний, составляющие 4% трудящихся в США, равен сумме доходов 49,2 млн. трудящихся (51%), стоящих на более низких ступенях социальной лестницы¹⁴⁷.

В рамках изложенного здесь анализа, происходит не «деградация элит», а отдаление элит от интересов народа. Современные элиты защищены от конкуренции имущественным и сословным барьером, а их корпорации работают на недостижимом для конкурентов уровне сложности. В сущности, эти элиты могут позволить себе меньше обращать внимание на интересы народа, поскольку у народа больше нет настоящих рычагов влияния на элиты.

¹⁴⁷ Glotz, P. Accelerated Society: Cultural Struggle in the Age of Digital Capitalism. (in germane Die beschleunigte Gesellschaft. Kulturkämpfe im digitalen Kapitalismus). Rowohlt Tb.)

Капитал, как и прежде, возводит политические, тарифные и прочие барьеры, по факту ограничивая себя от конкуренции. Как и аристократия прежних времен, современное правящее сословие переплетено родственными связями, взаимными договоренностями и объединено общими классовыми интересами. Ресурсы государства брошены каждый раз на спасение имеющихся бизнесов и имеющегося уклада. Государство не допускает кризиса, который мог бы привести к значительному пересмотру собственности. Нарастивание долга и дефицита бюджета позволяет направить финансовые потоки, прежде всего, в сторону элит, для удержания их имеющейся собственности, даже если она убыточна и плохо управляется. Это прощение любых ошибок не может не сказываться на систематическом понижении качества управления.

Кризис управления на Западе очевиден. По-видимому, дело в том, что при фактическом переходе к новому укладу управления и новому положению элит, не произошла институционализация этого нового порядка.

Инклюзивные институты 20-го века, демократия, рыночная экономика, обновляли и оздоравливали и систему в целом, и элиты в том числе. Проблема здесь не в «предательстве демократии», как пишет Кристофер Лэш, поскольку это отделение элит, по-видимому, представляет неизбежный процесс, сопровождающий развитие экономики знаний.

Проблема в том, что в этой новой ситуации у самих элит нет еще институтов саморегуляции, внутреннего обновления и конкуренции. Игра престолов – реальный, но совсем не лучший способ такой саморегуляции. Архаичные социальные регуляторы всегда включаются сами собой, в ситуации, когда отсутствуют более цивилизованные и сложные институты.

Говоря об институтах 21-го века, надо в первую очередь говорить об институтах регуляции и самообновления внутри монопольных и олигопольных структур. Поскольку именно они будут основными двигателями развития экономики и технологий в ближайшие века.

«Восстание элит»

О деградации элит Запада одним из первых в самих США заговорил американский консервативный мыслитель Кристофер Лэш в книге «Восстание элит»¹⁴⁸. Название книги явно выбрано автором по подобию с названием известного эссе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1930 год) – поскольку Лэш приписывает современным американским элитам все те же низкие свойства, за которые Ортега критиковал восставшие массы за 67 лет до того. Кристофер Лэш начинает свою книгу именно с адресации к Ортеге-и-Гассету и, в частности, пишет:

¹⁴⁸ Lasch, C. (1995). The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. W. W. Norton & Company

«С точки зрения Ортеги, широко разделявшейся в его время, ценность культурной элиты заложена в её готовности принять ответственность за строгость соблюдения норм, без чего цивилизация невозможна. Она посвящала жизнь служению высоким идеалам. “Благородство определяется требованиями, которое оно к нам предъявляет, — обязанностями, а не правами”. Массовый человек, с другой стороны, не видел нужды в обязанностях и не имел понятия, что они значат, не знал “чувства великого долга перед историей”. Вместо этого он утверждал “право на пошлость и пошлость как право”. Одновременно разбалованный и довольный собой, он отвергал всё “непохожее, недюжинное, личностное и лучшее”. Он был “неспособен принять никакое руководство”. Не имеющий ни малейшего разумения о хрупкости цивилизации или о трагическом характере истории, он бездумно жил, питая “уверенность, что завтра мир, ... станет богаче, ещё шире и совершеннее”. Он заботился лишь о своём собственном благополучии и жил в ожидании будущего “безграничных возможностей” и “полной свободы”».

Заканчивая обзор недостатков масс, Кристофер Лэш сурово заключает: «весь этот психический склад, утверждаю я, более характерен теперь для высших слоев общества, нежели для низших и средних слоев».

Проблема уподобления элит массам определяется известной фразой Ленина: нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Американские элиты — это не аристократы прежних эпох, полностью отделенные от народа. Американские элиты либеральны, они смотрят те же фильмы и телешоу, стараются говорить с избирателями и сотрудниками на их языке и вообще быть «своим парнем» для простого американца. Они играют в те же компьютерные игры и не любят читать книги, как и обычные американцы.

Массовая культура вообще является единой метакогнитивной рамкой и для общества, и для элит. Примитивизация современной культуры обуславливает примитивные модели мышления, неспособность к стратегии и высоким ценностям. В отличие от прежних эпох, никакой особой, высокой культуры для элит сегодня просто нет. Высокая культура в наше время это нишевое явление, пристрастие некоторых частей интеллигенции, а не элит. Говоря кратко, элиты ассоциируются с понятиями «гламурно, модно, дорого», но не с понятиями Достоевский, Бах и Питер Брейгель.

В то же время, довольно распространенные в прессе жалобы на то, что западные политики — тупые, безграмотные и некомпетентные — строго говоря, не имеют под собой оснований.

Профессор Джеймс Пеннебейкер разработал методы психологического и контент-анализа текста¹⁴⁹. Он известен как создатель автоматизированной системы анализ текста LIWC. С помощью этой системы было оценено, в

¹⁴⁹ Pennebaker, J. W. (2011). The secret life of pronouns: What our words say about us

частности, изменение аналитических способностей западных политических лидеров за последние 200 лет, на основании их текстов.

Метод LIWC перепроверялся в наших собственных исследованиях – оценки были подтверждены и с помощью более современных языковых нейросетей, и с помощью экспертного (человеческого) контент-анализа^{150,151}.

На примере партийных лидеров Великобритании, с 1880 по 2020 г. видно, что уровень их аналитического мышления колебался в пределах достаточно узкого диапазона.

Источник: Jordan, K. N., Sterling, J., Pennebaker, J. W., & Boyd, R. L. (2019). Examining long-term trends in politics and culture through language of political leaders and cultural institutions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(9), 3476-3481.

Похожая картина и для премьер-министров Великобритании:

¹⁵⁰ Kashkin, V., & Tian, R. G. (2025). Determining Individual Intelligence Types and Cognitive Styles Using AI-Based Automated Text Analysis. *Journal of Information Systems Engineering and Management*. Vol. 10 No. 38s

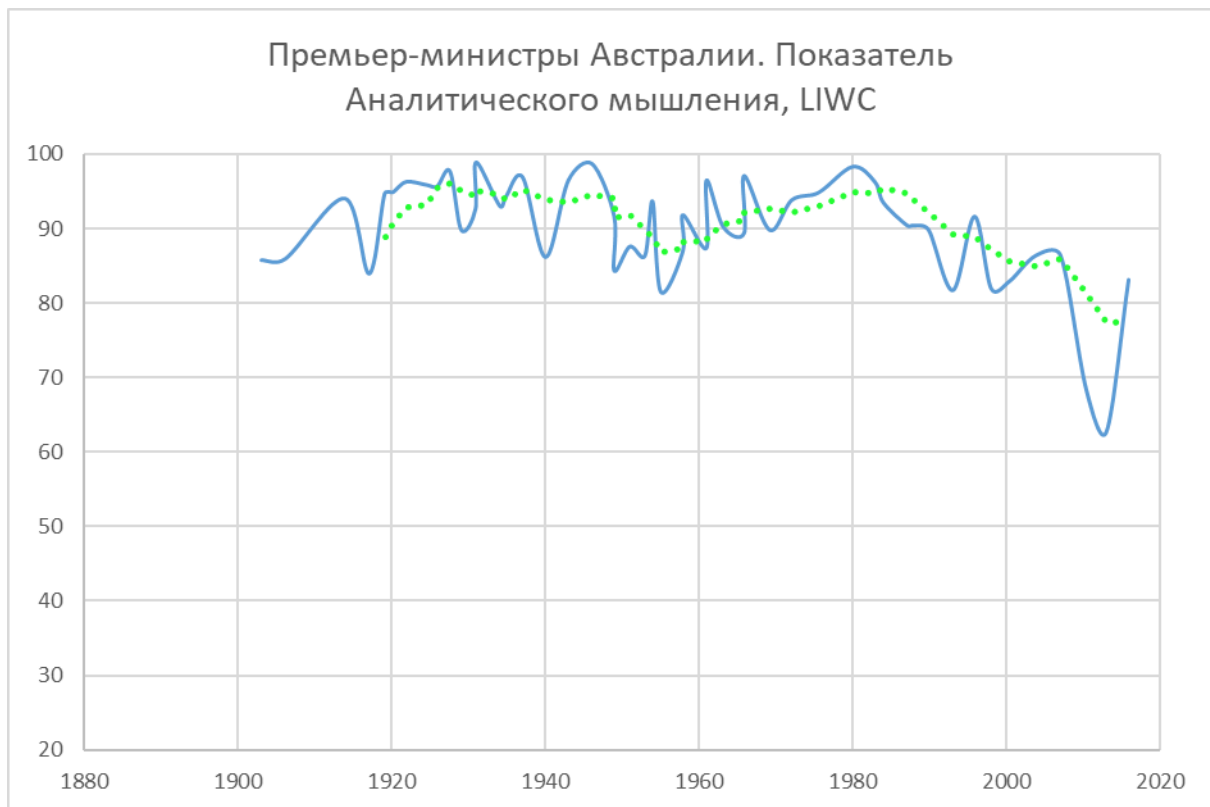
¹⁵¹ Kashkin, V., & Androsik, Y. (2025). Automated assessment of leadership style and professional values of a top-manager and its compliance with SDGs. *Journal of Lifestyle and SDGs Review*, 5(2), e03336-e03336.

Источник: Jordan, K. N., Sterling, J., Pennebaker, J. W., & Boyd, R. L. (2019). Examining long-term trends in politics and culture through language of political leaders and cultural institutions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(9), 3476-3481.

У премьер-министров Канады, Австралии и у губернаторов Техаса за 100 лет произошло снижение уровня аналитического мышления, но довольно незначительное – в пределах десяти процентных пунктов.

Источник: Jordan, K. N., Sterling, J., Pennebaker, J. W., & Boyd, R. L. (2019). Examining long-term trends in politics and culture through language of political leaders and cultural institutions. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(9), 3476-3481.

Незначительное снижение демонстрируемого в публичных выступлениях аналитического мышления трудно интерпретировать однозначно. Скорее всего, это необходимость соответствовать вкусам масс, жанр политики спектакля, которая становилась все более популистской и развлекательной в последние десятилетия.

Наши собственные исследования коллективного интеллекта корпоративных элит США (еще не опубликованы) показали максимально высокий уровень интеллекта топ-менеджеров, особенно в отраслях экономики знаний.

Исследования человеческого интеллекта всегда приводят к пониманию, что банальные термины, такие как «умный» и «глупый», в сущности, малоинформативны. Человеческий интеллект не отделим от мотивации, культуры, целей и ценностей. В случае политических лидеров интеллект бессмысленно рассматривать отдельно от лидерских способностей. Многие великие бизнес-лидеры не демонстрировали интеллекта, в академическом смысле.

Анализ текста западных лидеров демонстрирует, прежде всего, кризис целеполагания и ценностей. В этом прав Кристофер Лэш – элиты становятся похожими на массы в приземленно-материалистичных, эгоистичных и недальновидных представлениях о жизни. Это не проблема элит в отдельности, а скорее следует рассматривать, как вообще кризис целеполагания, ценностей и самоидентификации западного человека.

Наследственная передача собственности

Трудно найти какой-то более дремучий и архаичный институт в развитых странах, чем передача крупной собственности по наследству. Особенно, собственности на работающие предприятия, когда над опытными, пожилыми инженерами и специалистами вдруг появляется юный хозяин – владелец счастливого лотерейного билета.

По существу, это противоречит всем принципам инклюзивности, равенства возможностей и поощрения личных заслуг, которыми так гордятся на Западе.

Как и большинство устаревших институтов, этот институт поддерживается просто по причине инерции, отсутствия альтернативных идей, и потому что издержки по реформированию института могут оказаться слишком высокими. И как любой устаревший институт, он порождает крайне проблемные экстерналии и побочные эффекты.

В США семейные компании, то есть переходящие по наследству, создают 54% ВВП и обеспечивают 59% занятости¹⁵².

Грань между семейными и, так сказать, околосемейными бизнесами проследить трудно. Многие из собственников, которые не были наследниками в буквальном смысле, могли вступить в правильные браки, или иным образом встроились в систему элитных связей. С учетом сложных цепочек собственности, международного бизнеса, оффшоров реальное наследование отследить сложно. Сложно отследить и разницу между наследованием денег и наследованием бизнеса. Каждый гурู бизнеса рассказывает, как он создал эти бизнесы сам, но не рассказывает, сколько получил в денежной и иной форме по наследству. Как в старом анекдоте про историю успеха мультмиллионера: «сначала купил яблоко за доллар, помыл и продал за 2 доллара. Потом купил 2 яблока, помыл и продал за 4 доллара. А потом получил по наследству миллиард долларов».

В Европе роль семейных бизнесов выражена еще в большей степени. Экономисты банка Италии Гульельмо Бароне Сауро Мочетти¹⁵³ проанализировали налоговые записи Флоренции 1427 и 2011 годов, используя фамилии как маркеры социальных династий. Среди наиболее состоятельных налогоплательщиков 15 и 21 веков совпали почти 900 фамилий. Треть семей, богатых 600 лет назад, остались богатыми и в наше время. Совпали и профессии - среди членов гильдии обувщиков совпадение составило 97%, а гильдии ткачей шелка и гильдии судей и нотариусов — 93%.

¹⁵² Family Enterprise USA, <https://familyenterpriseusa.com/research-polls-articles/>

¹⁵³ Barone, G., & Mocetti, S. (2016). What's your (sur) name? Intergenerational mobility over six centuries. VOX CEPR Policy Portal

В Германии на сегодняшний день 46% крупных компаний являются семейными. Доля от общего числа компаний достигает 78%, но семейные компании больше представлены в малом и среднем бизнесе, поэтому их доля в общей занятости 56%.¹⁵⁴

В Италии этот показатель даже выше. В целом по Европе доля семейных бизнесов составляет 60-80% по численности, доля в формировании занятости – 40-50%.

В условиях сословной монополии на капитал, основной способ вхождения в элиты – это просто родиться в элитах.

Нет ничего удивительного в том, что восстание элит, по Лэшу, становится очень похожим на восстание масс. По сути дела, это одно и то же. Поскольку человеческие способности раздаются довольно случайным образом, при рождении, то наследник богатых классов в наше время не так уж сильно отличается от наследника средних граждан. А при том, что и воспитание происходит в том же культурно-информационном поле, то и вовсе мало отличается.

Лидерство в бизнесе и политике – это такая же профориентация, личная предрасположенность, как к любой сложной профессии. Композитор не становится инженером, а врач не стремится стать мотористом.

Талантами лидера, предпринимателя, обладают 1-2% людей. Очевидно, что при случайной раздаче собственности как выигрыша в лотерею, шанс на попадание сильных лидеров в число собственников составляет эти 1-2%. То есть 99% наследственных собственников по своему потенциалу и способностям – это люди, не имеющие лидерских и предпринимательских талантов. Возможно, они имеют другие таланты, например, в музыке или изучении искусств.

В Китае я наблюдал достаточно драматичные ситуации, когда родители принуждали наследника к повторению собственного профессионального пути, который этому молодому человеку был глубоко чужд. На первом уроке по бухгалтерскому учету я попросил написать эссе, на тему «зачем мне в жизни может понадобиться учет». Один такой юноша написал: «мне не нужен учет. Я хочу стать поваром».

Вторая проблема в связи с этим – сама мотивация владельца. Небогатый человек, предприниматель, если сам формирует свой капитал, очень принципиально относится к тому, получает ли его компания 3% прибыли (от выручки) или 1% убытка. Даже когда такой человек богатеет, он вырабатывает привычку следить за этими показателями и добиваться прибыли. Это можно наблюдать, например, в современном Китае – первое поколение

¹⁵⁴ Family businesses in Germany and Italy. Foundation for Family Business

собственников обычно очень деятельно участвует в управлении своими предприятиями, снижении издержек и увеличении прибыли.

Для наследника крупного капитала эта разница практически несущественна. В этом году прибыль, в другом году убыток. Денег все равно настолько много, что всю жизнь можно о них даже не думать. Тем более, правительство все время спасает тех, кто *too big to fail*, ради рабочих мест и ради сложившегося элитного консенсуса.

В условиях, когда прибыль корпораций обычно составляет не более 3-5% от оборота, на самом деле, борьба за прибыльность – это жесткая борьба за оптимизацию каждого процесса, сокращение издержек, повышение эффективности. Именно это можно наблюдать в Китае. Скажем прямо, работать в китайском бизнесе не очень комфортно – это постоянные переработки, работа в выходные, давление и необходимость достигать заданные показатели.

Когда класс собственников, в массе, перестает чувствовать разницу между +2% прибыли или -2% убытка, вот тут и начинается падение ВВП США и ЕС.

Перманентная революция менеджеров

В левых и вообще политологических медиа часто присутствует лейтмотив «отрицательного отбора элит». Во власть попадают самые хищные, алчные, циничные, способные идти по головам, залезать к начальству в постель и т.д.

Эта идея, в частности, художественно выражена в сериалах «Карточный домик», «Озарк» и во многих других фильмах и книгах о власти и реальных путях к успеху. Такой способ попадания во власть, несомненно, присутствует и имеет существенное значение. Но он не является единственным: есть и наследственные собственники, есть и добросовестные создатели бизнеса.

Действительно, имеет место противоречие между, собственно, управленческими задачами власти, и борьбой за власть. Элита, власть, это одновременно и престижное, доходное место, и обязанность выполнять управленческие функции. Как пишут Хазин и Щеглов, на наиболее высоких уровнях управления руководитель занимается в основном борьбой за власть.

Очевидно, что циничная борьба карьеристов ведется отнюдь не за право служить народу и возложить на себя ответственность.

Проблему «отрицательного отбора элит» подробно рассмотрел Джордж Мартин в романах «Игры престолов»: элиты не управляют, а заняты бесконечной борьбой за власть. Джорджем Мартиным представлены основные психотипы лидеров. Для большинства из них типичная проблема состоит в следующем. Те качества, которые позволили прийти к власти (например, Роберт Баратеон), или помогают удерживать власть в

конкуренции с другими (Серсея Ланнистер), совершенно не помогают править, в смысле макроменеджмента и народного хозяйства.

В истории это постоянно повторяется как принцип «революция пожирает своих детей». Те качества, которые помогали вождям революции свергнуть старую власть, абсолютно неприемлемы и непригодны в эпоху мирного строительства.

Сочетание в одном лице умения и удерживать власть, и править государством (Тайвин Ланистер) — крайне редкое явление. Тот, кто пытается добросовестно и честно править (Нед Старк) не выдерживают интриг и конкуренции в борьбе за саму власть.

Играет роль и способ прихода собственника к элитному положению. В наше время большинство новых собственников на Западе, не наследственных, — это не создатели бизнеса, в прежнем смысле. Создатели бизнеса в основном сосредоточены в странах догоняющего развития, как Китай, Индия, ЮВА и т.д. В этих странах современные бизнесы массово создавались в последние десятилетия.

Новые собственники на Западе — это специализированные топ-менеджеры, члены советов директоров, которые сумели так или иначе получить значимую долю собственности. Такой собственник обладает особыми компетенциями, которые относятся не к созданию бизнеса, а к умению получить собственность. Это финансовое мастерство, позволяющее выжимать сок из имеющихся людей и ресурсов, одновременно не увеличивая продажи и даже теряя доли рынка. Это юридическое мастерство, позволяющее делать собственников более счастливыми, особенно в оффшорах, даже если прибыль компании снижается.

Это полезные связи, умение сводить и разводить, разруливать, в общем вести элитные игры. Для каждого уклада характерен свой тип элитного поведения, поэтому в такой селекции новых собственников нет ничего странного. Однако, заметим, что все это имеет мало отношения к управлению технической и экономической стороной бизнеса. Это бурное цветение агентских интересов, а не интересов бизнеса, как экономического субъекта.

Наличие крупных работающих активов как данности меняет отношение руководителя к предприятию и своей роли в нем. Для собственников и бизнес-лидеров основная задача — это не создание, а удержание собственности. Акцент на удержание вырабатывает соответствующие компетенции и соответствующий тип управления.

Сама слабость собственников поощряет амбициозных менеджеров претендовать на перераспределение власти и активов в свою пользу. Отсюда возникает «революция менеджеров», постоянно растущая роль менеджмента, совета директоров. Агентская проблема — это не только систематическая

ситуация, описанная в теории игр, но на практике это конфликт между слабеющими собственниками и амбициозными топ-менеджерами.

Поскольку права собственности на Западе защищены очень хорошо, энергия амбициозных руководителей (не родившихся собственниками) уходит в течение их карьеры на перераспределение собственности в свою пользу, а не на создание нового.

Это опять же характерные для институтов непреднамеренные побочные эффекты. Сначала принцип частной собственности упорядочивает права и помогает работать рыночной экономике, невидимой руке рынка. Но права собственности включают передачу по наследству. Это порождает праздный класс — как непреднамеренный эффект институтов. Праздный класс порождает ситуацию, когда амбициозному менеджеру выгоднее заниматься постепенным и легальным отъемом собственности у прежних собственников, чем созданием нового.

Сами же собственники заняты возведением барьеров от конкуренции и новых собственников, непроницаемой системы личных элитных связей и т.д. Это сочетание барьеров для реальной конкуренции, с одной стороны, и слабости собственников с другой стороны, делают максимально выгодным положение менеджеров внутри корпорации, поскольку собственники все больше от них зависят.

Редко обращают внимание на то, что количественные смягчения, увеличение денежной массы в США и ЕС — это еще и перераспределение собственности. Обычно говорят о компенсации дефицита бюджета, наращивании долгов, инфляции. Однако масштабное печатание денег — это еще и размывание собственности.

Представим, что владелец бизнеса А имеет 1000 долларов, а владелец бизнеса Б имеет только 100 долларов. В рамках новых денег и субсидирования оба получили субсидию по 100 долларов. В итоге владелец А в долларах стал иметь на 10% больше, а владелец Б — в два раза больше.

Поскольку объем реальной экономики за это время не изменился, изменилось фактически распределение владения. До печатания денег владелец А имел $1000 / 1100 = 91\%$ собственности из них двоих, а владелец Б — 9% . После субсидирования владелец А имеет $1200 / 1400 = 85,7\%$ собственности, а владелец Б имеет уже $200 / 1400 = 14,3\%$.

Примерно так и происходит «революция менеджеров» и реализация агентской проблемы на практике. Не говоря о том, что новые денежные потоки будет распределять сама же бюрократия, и она будет решать, кто окажется на роли А, а кто на роли Б.

«Вашингтонское болото», евробюрократия это не просто какой-то сбор бюрократов. Это зачастую «младшие сыновья», в феодальной терминологии, - вынужденные служить по найму, так как не получили наследства. Эти младшие сыновья постепенно берут под контроль все больше собственности

– и отсюда, в частности, такая живая озабоченность этого класса по поводу количественных смягчений, помощи бедным, нуждающимся, убыточным бизнесам и так далее.

Снижение требований к лидерским способностям

Наследственный принцип передачи собственности не порождает сейчас больших проблем, не в последнюю очередь потому, что в 21-м веке принципиально снизилась роль менеджмента и лидерских способностей в деловом успехе корпораций.

В прежние века, в эпоху освоения новых рынков, формирования новых бизнесов, роль лидеров была колоссальной. От лидера зависела способность построить бизнес, в неформализованных, жестких условиях. И выдержать конкуренцию, которая часто в себя включала все виды криминальных и нерыночных воздействий.

Системы конвертации технологий в инновации и далее в потребительские товары не существовало. Все это выстраивалось вручную, в каждом случае – как получится. Везунчики получали за это сверхприбыль, однако невезунчики платили огромными долгами и убытками. Предпринимательство было еще и крайне тяжелым, рискованным трудом. Джек Лондон иронически описал такое невезение, даже при наличии незаурядной предпринимательской энергии, в рассказе «Тысяча дюжин». Эта реальная цена борьбы за успех показана и в других его рассказах об освоении Аляски начала 20-го века.

Организация экономики в 21-м веке подразумевает совершенно другую роль собственника бизнеса и топ-менеджеров. Сегодня владельцы не строят бизнес в чистом поле или глухих лесах, обуздывая дикую природу и попутно отбиваясь от нападений индейцев.

Современные компании на Западе управляются в очень стабильной институциональной среде. Они не рискуют собственной шкурой, как точно подметил Насим Талеб.

Именно поэтому и становится возможной передача даже малых бизнесов из поколения в поколение на протяжении веков, как это показало упомянутое выше исследование о Флоренции.

Факторы успеха современной корпорации – это сформированные технологии производства, специализированные сотрудники, капитал, инновации. А также, и прежде всего, институциональная система законодательства, рыночной экономики, защиты прав, сформированного и платежеспособного потребительского спроса. Среди этих факторов менеджмент и лидерство – лишь один из многих.

Каждый из этих факторов производится в развитых странах, так сказать, на конвейере. Банки охотно выдают кредиты корпорациям. НИИ, подразделения Research & Development работают как конвейер по

изобретению и внедрению инноваций. Система образования куёт специализированные кадры. Все компоненты деятельности корпорации заменимы – в том числе и менеджмент.

В этом же плане следует рассматривать и «революцию менеджеров»¹⁵⁵ - рост роли наемных менеджеров в управлении корпорациями. Эта тема обсуждается уже с 1940-х годов, когда вышла книга Джеймса Бернхема с этим названием – но тема не утратила актуальности и сейчас.

Революцию менеджеров какое-то время рассматривали как многообещающую, как приход к власти эффективных «технократов».

В действительности же революция менеджеров отражает снижение роли бизнес-лидеров вообще, превращение менеджмента в набор специализированных (и заменимых) функций и исполнителей. На этом же фоне происходит рост доли компаний с отсутствием доминирующего права голоса или контрольного пакета акций, когда владение распределено между множеством акционеров, в том числе миноритарных.

В России есть автомобильные предприятия, которые выпускают с 1970-х гг. ту же модель автомобиля. Речь идет, например, об УАЗе. Про него шутят, что Тойота улучшает автомобили каждый год, а у нас 50 лет назад сразу получился самый лучший. Этот кейс обычно приводят как пример отставания российских автомобилей.

Но нас здесь интересует этот кейс как пример того, что система производство-сбыт может работать 50 лет, независимо от собственников и конкретных руководителей. Завод УАЗ был создан во время СССР, то есть находился в государственной собственности. За это время сменился государственный строй, собственники завода стали частными, покупатели покупают его в рамках рыночной экономики – меньше всего поменялся только сам автомобиль.

Но и Мерседес, в инновационное развитие которого каждый год вкладываются средства, сравнимые со стоимостью всего Ульяновского автозавода, следует этому институциональному принципу. Накопленный институциональный капитал, технологии, инновации значат намного больше, чем управленческие идеи и усилия отдельных руководителей, даже если они – собственники.

И вроде бы все работает как часы, менеджмент превратился в набор узких специальностей, заменимых операций.

Однако, собственники и топ-менеджеры крупнейших корпораций руководят не только своими бизнесами. Они образуют и управляющую элиту в широком смысле, на макроуровне. Они принимают ключевые решения не только в своем бизнесе, но и совместно – по отраслевым, макроэкономическим и политическим вопросам.

¹⁵⁵ Burnham, J. (1941). The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York: Day.

И вот на этом уровне начинает давать знать о себе отсутствие отбора лидеров и отсутствие самой практики целостного управления.

Макро-уровень, институциональное согласование, ответы на вызовы меняющейся среды – это не часовой механизм, который работает сам собой. Это передний край противостояния внешним вызовам. Тут уровень неопределенности и рисков сопоставим с диким Западом – разве что не всегда надо платить жизнью за ошибки.

Этот уровень, по определению, не может быть формализован, поскольку это передний край цивилизации, самый сложный из достигнутых уровней, и это передний край глобальной конкуренции.

Именно поэтому США и ЕС проигрывают конкуренцию Китаю на внешних рынках. Дело не только в стоимости и качестве продукции, а прежде всего, в умении идти на внешние рынки, конкурировать и строить бизнес в жесткой среде. Предприниматели Китая и других развивающихся стран еще недавно строили бизнес с нуля, и помнят, как это делать.

Санкции, торговые войны, которые ведет Запад похожи на комфортный для руководства стиль управления внутри собственной корпорации. Начальник издает грозный указ, увольняет провинившихся сотрудников, и все приходит в порядок. Но на внешнем контуре это не работает. В результате политика и экономика США и ЕС начинает стремиться к тому, чтобы окуклиться внутри себя, уйти из внешнего мира.

Во второй половине 20-го века Жаном Бодрийяром и затем другими философами было определено особое значение гиперреальности, то есть символической системы, не связанной твердо с материальной или смысловой базой. А следовательно, возникает возможность создания симулякров, то есть символов и «смыслов» на пустом месте, из воздуха.

В это же время получил развитие постмодернизм в философии и культуре, основанный на схожих идеях. Я нарочно не углубляюсь в философские и культурные нюансы этих движений. Нас интересует, что из этого получается на практике, для общества и управления, а получается не так-то и много. Нарочно выдуманный постмодернистами птичий язык, состоящий из заумных терминов и концепций, в общем нужен только для того, чтобы раздуть свое значение. Постмодернизм – это, по существу, пустышка, эксплуатация чужих смыслов и символов, по причине неспособности создать новые и оригинальные.

Конкретные деятели интересны не связью с постмодернизмом, а своей способностью создать что-то новое и интересное, - как, например, Умберто Эко. Тут вспоминается фраза Максима Горького о Маяковском: «нет никакого футуризма, а есть поэт – и поэт истинный». Это же можно сказать и о постмодернизме. Его наиболее выдающиеся деятели хороши как раз тем, что превзошли постмодернизм и создали, по сути, классические произведения.

Конструирование симулякров захватило умы политтехнологов во всем демократическом мире. Конструирование гиперреальности позволяет влиять на метакогнитивные рамки общества, аккуратно, ненавязчиво направляя стадо в нужном направлении. Всем будет казаться, что они делают добровольный выбор, в нем даже есть демократическая альтернатива и свобода слова.

Гиперреальность позволяет политтехнологам назначать себя на роль мудрецов, которые стоят над стадом и конструируют смыслы и символы. Формируются образы политиков, «смыслы», идеологии, новостная повестка, и так далее.

В России в 1990-е годы показали все эти технологии в самом выпуклом виде, тогда как на Западе делается все то же самое – но более закулисно, не выставляя грязное белье на общее обозрение. У нас же все делается открыто – раз уж принялись делать демократию и политику спектакля, то с большевистским остервенением. Группа поэтов под руководством Егора

Летова опубликовала в 1990-е гг. книгу стихов с точным названием всего происходящего: «Русское поле экспериментов».

Музыкант Сергей Курехин самовыразился в постмодернистском ключе в знаковом интервью на Ленинградском телевидении 1991 года. Там он объяснил советским телезрителям, что Ленин — это гриб, и продемонстрировал это на схеме Ленина и его броневика. Это знаковое выступление обозначало переход от официального советского телевидения к угару политических технологий. Отношение к народу как тупому стаду, которое будет хавать все, что покажут с телевизора, в общем, и не скрывалось этими политтехнологами.

Но конструирование симулякров — это не только наркоманские и богемные игры. Вопрос о соотношении гиперреальности и реальности, о допустимости и пределах конструирования смыслов и символов — это действительно непростой философский вопрос. Постмодернистских политтехнологов нельзя просто назвать лжецами и симулянтами и сбросить с парохода современности, как только современность стала более традиционной.

Дело в том, что соотношение между символической системой и реальностью, по своей природе, весьма неоднозначное. Как только мы начинаем естественные предметы обозначать символами, сразу начинаются сложности. Цифру 2 мы можем применить и к двум яблокам, и к двум тоннам нефти. Между тем яблоко отличается от тонны нефти, как ни посмотри. Даже два яблока могут отличаться по размеру и другим признакам. Значит, применение символов условно.

Один из возможных критериев применимости символов, моделей — это получение какого-то практического результата. Может, яблоки и разные, но в итоге их можно пересчитать, назначить цену и продать.

Затем модели начинают жить своей жизнью. Математика развивается как вещь в себе, как абстракция. Потом, оказывается, что формулы разработанные в 16-м веке как игра ума описывают физические процессы, которые только в 20-м веке стало возможно отследить на экспериментальном уровне.

Политтехнологи, создающие симулякры и политику спектакля, не только стебются и издеваются над гражданами. Они иногда пытаются создать такую гиперреальность, которая как бы удобнее, операбельнее, чем реальная реальность. В конце концов, для потребителя политики спектакля, вся эта тема все равно чисто символическая. Какая за ней реальность, есть ли она вообще, народ не знает и никогда не узнает.

Так зачем травмировать народ, вынося на обозрения закулисные интриги и трудности управления, когда проще создать симулякры, и они будут выполнять свои роли. Такими симулякрами могут быть ампула политиков, повестка, идеологии партий и т.д.

В таком функциональном смысле политические технологии создают свой продукт, который соответствует и требованиям элит, и пожеланиям народа. Элиты прячутся за декорациями, а народ получает шоу.

Упускается из виду только один важный момент. Символическая реальность оформляет не только политические игры, но и само сознание человека, на глубоких уровнях – уровне метакогнитивных рамок, способов мышления, ценностей, коллективного бессознательного. Юнгианский психоанализ в значительной степени посвящен исследованию символов, мифов, архетипов как структур коллективного бессознательного. То есть, всего того, что с легкостью заменяется политическими и рекламными технологиями на дешевые симулякры.

Создавая симулякры, политтехнологии и политики преследуют краткосрочные, прагматические цели. Производство симулякров поставлено на конвейер. Одновременно и не нарочно они запускают монстров в область коллективного бессознательного и на уровень метакогнитивных рамок.

Коллективное бессознательное и метакогнитивные рамки становятся общими для народа и элит, так как образует одно информационное поле. Эти монстры довольно скоро поселяются в головах самих же элит и обслуживающих их технологов. И вот глядя на это со стороны, простой человек, не настолько погруженный в эти темные миры, спрашивает, посмотрев телевизор: они что, там все сошли с ума?

Да, они сошли с ума. Они напустили столько монстров и симулякров в свое сознание и подсознание, что сами теперь не отличают реальность от фейка и гиперреальности. Простой человек, еще может просто выключить телевизор. Политик уже не может спрятаться от симулякров и монстров – это его каждодневная работа.

Художник Франциско Гойя написал на своей гравюре в 1799 г. «Сон разума порождает чудовищ». В наше время можно повернуть это утверждение другой стороной: «Чудовища, допущенные в сознание, порождают сон разума».

Теперь этот сон разума мы можем наблюдать в политических новостях ежедневно. Для населения это источник психического нездоровья, невроза. Для элит это еще более опасный путь к коллективному безумию.

Антропологи, изучавшие ритуалы, родство, религиозные структуры и табу (Б. Малиновский, Д. Мердок, К. Гирц, К. Леви-Стросс) приходят к выводу, что символы обозначают устойчивые формы культурной организации, то есть институты, по крайней мере, в начальной форме. Символы не только регулируют, но и помогают воспроизводить культурные, институциональные порядки из поколения в поколение.

Замена содержательных символов на симулякры, привела к деградации институтов и культурных порядков, способов их передачи через поколения.

Это в большой степени и обусловило тот институциональный кризис, который сейчас можно наблюдать во многих областях. Это кризис управления, кризис института семьи, воспитания, образования и т.д.

Часть 6

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ

Институциональные ловушки обозначают широкий класс ситуаций, когда ошибочные и вредные для общества нормы и практики не просто возникают, но и систематически повторяются и затем институционализируются. Типичными примерами может служить коррупция в развивающихся странах, монополизация власти, высокая степень неравенства доходов и распределения капитала.

Институциональным ловушкам, наряду с рассогласованиями и экстерналиями институтов, надо уделить особое внимание для понимания происходящего на Западе. Западные интеллектуалы долгое время указывали на институциональные ловушки в других странах, особенно развивающихся или неудобных Западу. Считалось, что инклюзивные западные институты успешно побеждают любые ловушки, потому что они открытые и способны к саморегуляции.

Не принижая достоинств инклюзивных институтов как таковых, мы наблюдаем на практике, что они так же подвержены ловушкам, и к сожалению, отнюдь не способны к саморегуляции во многих аспектах. Поскольку институциональное творчество на Западе было очень изобильным в последние века, то и ловушек и рассогласований было произведено больше, чем в других регионах мира.

Приведем обзор работ наиболее известных авторов, которые писали об институциональных ловушках.

Наиболее известной ловушкой считается **зависимость от колеи** (path dependence), описанная Полом Пирсоном¹⁵⁶.

Автор объясняет, как политические процессы и институты могут стать «запертыми» из-за начальных решений, которые затем создают процессы, усиливающие устойчивость этих институтов. Изменения в политике и институтах становятся сложными или невозможными, когда они «замкнуты» в этих самоподдерживающихся структурах. Пирсон подчеркивает важность увеличивающихся доходов (или возврата на инвестиции), когда положительные эффекты от принятия определенного решения усиливаются с течением времени. Это делает переход к альтернативным путям крайне трудным.

¹⁵⁶ Pierson, P. 2000. Path dependence, increasing returns, and the study of politics. American Political Science Review 94(2): 251–267.

Примером этого может быть внедрение определенных технологий или политики, которые вначале могли бы быть не самыми эффективными, но из-за начальных выгод, таких как снижение издержек или улучшение координации, эти решения продолжают поддерживаться, несмотря на их очевидные недостатки с течением времени. Это порождает «ловушки», когда политические и экономические системы теряют гибкость и неспособны к реформам.

Пирсон переносит экономические концепции зависимости от колеи и растущего возврата на инвестиции в политологию, показывая, почему политические институты и решения часто застревают в неоптимальных состояниях. В частности, он обсуждает следующие ловушки:

1. Ловушка "Политической инерции"

После принятия политического решения (например, введение пенсионной системы или налогового режима) его изменение становится крайне затруднительным из-за:

- Высоких издержек перехода (например, сопротивление бюрократии или групп интересов).
- Сетевых эффектов (чем больше людей включено в систему, тем сложнее её изменить).

Примером может служить сохранение неэффективных социальных программ в США, несмотря на их финансовую неустойчивость.

2. Ловушка "Институционального блокирования"

Политические институты (например, избирательная система или структура госуправления) могут "замораживаться" в неэффективной форме из-за:

- Самоподкрепляющихся механизмов (например, мажоритарная система ведет к двухпартийности, что усиливает её устойчивость).
- Интересов элит, которые извлекают выгоду из существующих правил.

Например: сохранение Коллегии выборщиков в США, хотя этот институт давно критикуется за недемократичность.

3. Ловушка "Кумулятивных последствий"

Малозначительные на первый взгляд решения со временем накапливают эффект, делая возврат к исходной точке невозможным.

- Например, постепенное расширение полномочий федерального правительства в США привело к устойчивому перекосу в сторону централизации.
- Это создает "точки невозврата", когда отмена даже неудачных решений вызывает кризисы.

4. Ловушка "Ограниченной рациональности"

Политические акторы часто принимают решения в условиях неполной информации, а затем вынуждены поддерживать их из-за:

- Когнитивных искажений (например, эффект "мы уже столько вложили, нельзя останавливаться").
- Отсутствия мгновенной обратной связи (последствия политики проявляются слишком поздно).

Например, продолжение военных вмешательств, несмотря на их провал (как во Вьетнаме или Афганистане).

Ключевые механизмы, усиливающие ловушки (по Пирсону):

1. Возрастающая отдача (Increasing Returns) – чем дольше существует институт, тем выгоднее его поддерживать (даже если он неэффективен).
2. Координационные проблемы – реформы и переход к новым институтам требует согласованных действий множества акторов, что маловероятно.
3. Адаптивные ожидания – люди подстраивают поведение под существующие правила, усиливая их устойчивость.

Пирсон приводит следующие примеры «зависимости от колеи»:

- Социальное обеспечение: после создания системы государственных пенсий в США её реформа стала почти невозможной из-за сопротивления избирателей и лобби.
- Конституционные нормы: жёсткость поправок к Конституции США блокирует адаптацию к новым вызовам.

Классический автор институциональной теории Дуглас Норт также рассматривает проблему институциональных ловушек¹⁵⁷. Норт объясняет, как институты могут стать самоподдерживающимися, создавая «институциональные ловушки», которые ограничивают возможности для изменения и развития.

Одним из важнейших понятий в его работе также является зависимость от пути (или колеи), которое объясняет, почему исторически сложившиеся институциональные структуры оказываются очень устойчивыми, даже когда они становятся неэффективными. Это происходит потому, что предыдущие инвестиции (например, в технологии или в создание правовых и политических структур) создают барьеры для изменений, и любые альтернативы требуют значительных усилий и ресурсов. Норт подчеркивает, что изменения в институтах возможны, но они требуют значительных усилий и пересмотра существующих структур.

Ключевые институциональные ловушки по Дугласу Норту:

¹⁵⁷ North, D. C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press

1. Ловушка «Зависимости от пути»

Исторически сложившиеся институты (формальные законы и неформальные нормы) определяют будущие траектории развития, даже если они неэффективны. Возникают вследствие:

- Высоких издержек изменений — переход к новым институтам требует координации множества акторов.
- Самоподкрепляющихся механизмов — например, элиты получают ренту от существующих правил и блокируют реформы.

Пример:

- Испания XVI–XVII вв.: несмотря на упадок экономики, сохранялись институты, выгодные аристократии (например, налоговая система, разоряющая торговлю и производство).

2. Ловушка «Неформальных институтов»

Неформальные нормы (традиции, обычаи, идеологии) часто противоречат формальным законам, создавая институциональный диссонанс. Дуглас Норт выделяет следующие причины возникновения этой ловушки:

- Культурные нормы меняются медленнее, чем законы (например, доверие или клановость).
- Попытки навязать «сверху» чуждые формальные правила (например, демократию или рыночные реформы) проваливаются из-за сопротивления неформальных практик.

Например, в Латинской Америке XIX–XX вв. заимствование конституций США и Франции не привело к демократии из-за традиций каудильизма и коррупции.

3. Ловушка «Рентно-ориентированного поведения»

Институты закрепляют систему, в которой группы интересов (элиты, бюрократия) извлекают ренту, блокируя продуктивную экономическую деятельность.

Почему возникает:

- Институты создаются не для общего блага, а для максимизации выгод узких групп.

Например, меркантилизм в Европе XVII–XVIII вв.: государство выдавало монопольные привилегии купцам, подавляя инновации.

4. Ловушка «Низкокачественных правовых институтов»

Слабость судов, непредсказуемость законов и отсутствие защиты прав собственности подавляют инвестиции и рост.

Почему возникает:

- Государство не обладает монополией на насилие или само становится хищническим.
- Права собственности неясны или не соблюдаются.

Пример:

- Многие постколониальные страны Африки: в этих странах формально действуют конституции и законы, но на практике доминируют клановые отношения и произвол.

5. Ловушка «Идеологического контроля»

Господствующие идеологии (например, социализм или крайний национализм) могут долго поддерживать неэффективные институты.

Почему возникает:

- Идеологии снижают транзакционные издержки управления, оправдывая статус-кво.
- Пример: СССР сохранял плановую экономику, несмотря на её неэффективность, из-за догм марксизма.

Норт выделяет три ключевых механизма, объясняющих устойчивость институциональных ловушек:

1. Инкрементальный характер изменений – институты меняются небольшими шагами, а радикальные реформы редки.
2. Роль организаций – группы, заинтересованные в сохранении статус-кво (например, бюрократия или олигархи), сопротивляются изменениям.
3. Ментальные модели – люди воспринимают мир через призму сложившихся убеждений, что мешает увидеть альтернативы.

Собственное представление об институциональных ловушках развил **Мансур Олсон** – автор теории коллективных действий¹⁵⁸. Эта теория объясняет, почему группы с концентрированными интересами могут оказывать значительное влияние на институциональные процессы, создавая институциональные ловушки. Олсон объясняет, как малые группы, несмотря на их меньшую численность, могут оказывать большее влияние на принятие решений, чем большие группы, поскольку они могут эффективно организовать свои усилия для достижения личных выгод, в то время как общественные блага часто остаются без должного внимания.

Это может приводить к созданию неэффективных и несправедливых институтов, где интересы небольших групп становятся интегрированными в политические и экономические системы, а интересы общества в целом

¹⁵⁸ Olson Jr, M. (1971). The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Harvard University Press.

игнорируются. Эти групповые интересы часто становятся самоподдерживающимися и создают барьеры для реформ, что и является одной из причин институциональных ловушек.

Ключевые институциональные ловушки в работе Олсона

1. Ловушка «Безбилетника»

В больших группах индивиды рационально избегают участия в создании общественных благ, надеясь, что другие сделают это за них.

Почему возникает:

- Общественные блага (например, безопасность, экология) неделимы и доступны всем, даже тем, кто не участвует в их создании.
- Индивидуальные затраты на действие часто превышают выгоды для одного человека.

Пример:

- Уклонение от уплаты налогов: каждый надеется, что государственные услуги финансируются другими.
- Проблема климата: страны не сокращают выбросы, ожидая действий соседей.

2. Ловушка «Особых интересов»

Малые организованные группы (лобби, профсоюзы, олигархии) получают выгоды за счёт общества, блокируя общественно полезные реформы.

Почему возникает:

- Малая группа легче организуется (низкие издержки координации).
- Выгоды концентрируются у группы, а издержки распределяются по всему обществу.

Пример:

- Тарифы на импорт: выгодны узкому кругу производителей, но вредят потребителям.
- Коррупционные схемы: чиновники и бизнес-элиты делят ренту, а общество теряет.

3. Ловушка «Институционального склероза»

Со временем в обществах накапливаются группы особых интересов, которые замедляют адаптацию институтов к изменениям.

Почему возникает:

- Стабильные общества дают время группам интересов укрепить свои привилегии.
- Новые технологии или кризисы требуют реформ, но группы блокируют их.

Пример:

- Законы, защищающие устаревшие отрасли (например, угольную промышленность в XX веке).
- Жёсткое трудовое законодательство, мешающее созданию новых рабочих мест.

4. Ловушка «Неравномерного распределения стимулов»

В больших группах стимулы к действию слабее, чем в малых, что ведёт к параличу коллективных решений.

Почему возникает:

- В малой группе вклад каждого заметен, а в большой — «растворяется».
- Пример: фермеры легче организуют ирригацию для нескольких хозяйств, чем для всей страны.

Почему эти ловушки устойчивы? Олсон выделяет три ключевых механизма:

1. Рациональное неучастие — индивидуумы максимизируют личную выгоду, а не групповую.
2. Асимметрия организации — малые группы с концентрированными выгодами побеждают большие с распределёнными интересами.
3. Кумулятивный эффект — со временем число групп-паразитов растёт, а способность общества к реформам падает.

Олсон приводит следующие характерные примеры ловушек на практике:

- Профсоюзы и забастовки: малая группа активистов может организовать забастовку, даже если большинство работников против.
- Сельское хозяйство в СССР: колхозы страдали от проблемы «безбилетника» — крестьяне работали хуже, чем на личных участках.
- Лобби в демократических странах: аграрные субсидии в ЕС и США сохраняются десятилетиями, несмотря на их экономическую неэффективность.

В работе «Восхождение и падение наций»¹⁵⁹ Олсон исследует, как специфические интересы групп влияют на экономическое развитие стран. Он показывает, что со временем в обществе формируются "распределительные коалиции" — группы, которые стремятся получить выгоду за счет других участников системы. Эти коалиции создают институциональные ловушки, так как они блокируют реформы и инновации, которые могли бы улучшить общее благосостояние.

Олсон также анализирует, почему некоторые страны остаются в состоянии стагнации, несмотря на наличие ресурсов и возможностей для роста.

¹⁵⁹ Olson, M. (1982). The Rise and Fall of Nations. New Haven, Yale University Press

Основные институциональные ловушки, сформулированные в этой книге:

- 1. Захват государства:** доминирование узких групп интересов над общим благом.
- 2. Регуляторный застой:** накопление неэффективных законов и правил.
- 3. Сопротивление реформам:** страх правящих и привилегированных слоев общества потерять существующие привилегии.

Уже упоминавшийся выше автор, **Джеймс Скотт**, также рассматривал проблему институциональных ловушек¹⁶⁰.

Джеймс Скотт исследует, как государственные проекты, стремящиеся улучшить общественные условия (например, централизованное планирование), могут создавать институциональные ловушки. Он утверждает, что государственные власти часто игнорируют местные знания и специфические условия, пытаясь создать универсальные решения, которые оказываются неэффективными и даже вредными.

Скотт подчеркивает, что такие проекты, несмотря на их амбициозные цели, часто приводят к «ловушкам» из-за упрощения сложных социальных и экологических процессов. Это приводит к созданию жёстких и централизованных структур, которые оказываются неадекватными для реального решения проблем и затрудняют поиск более гибких и эффективных подходов.,

Ключевые институциональные ловушки в работах Скотта:

1. Ловушка «Упрощённого видения»

Государства стремятся сделать общество «читаемым», унифицируя сложные локальные практики под стандартизированные схемы (налоги, землепользование, градостроительство). Это разрушает органичные, но трудноизмеримые формы самоорганизации.

Примеры:

- Введение фамилий в Европе для удобства налогообложения (стирало родовые связи).
- Германская научная лесозаготовка XVIII века: Посадка одинаковых деревьев для удобства расчётов привела к экологическому коллапсу (монокультура уязвима для болезней).

2. Ловушка «Высокомодернистского проектирования»

Вера в научное управление обществом (без учёта локального знания) ведёт к навязыванию утопических схем, нежизнеспособных в реальности.

¹⁶⁰ Scott, James C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press

Примеры:

- Планирование городов по модели Ле Корбюзье (например, Бразилиа): красиво на бумаге, но непригодно для повседневной жизни.
- Насаждение монокультур в сельском хозяйстве развивающихся стран.
- Танзания и деревни «уджамаа»: Насильственное создание «социалистических сёл» ради контроля над крестьянами обернулось экономической катастрофой.

3. Ловушка «Авторитарного игнорирования локального знания»

Власти игнорируют практическое знание, накопленное местными сообществами, что ведёт к системным сбоям.

Примеры:

- Колониальные схемы лесопользования в Индии: европейские методы привели к экологическим кризисам.
- Провал проектов Всемирного банка в Африке (например, строительство дамб без учёта местных экосистем).
- Схемы «оседлания кочевников» в СССР: Насильственное переселение казахов разрушило их скотоводческую систему, вызвав голод (1930-е).

4. Ловушка «Жёсткой стандартизации»

Унификация разнообразия (языков, сельхозкультур, систем мер) подавляет адаптационные способности общества.

Примеры:

- Внедрение метрической системы во Франции разрушило традиционные рынки.
- Советские планы «рационального размещения» промышленности (например, хлопковые монокультуры в Узбекистане).

5. Ловушка «Непреднамеренных последствий»

Попытки радикального улучшения часто приводят к обратному эффекту из-за сложности социальных систем.

Примеры:

- Программа «борьбы с браконьерством» в Танзании: запрет традиционной охоты вызвал массовое истребление животных голодающими крестьянами.
- Политика «Великого скачка» в Китае: индустриализация через кустарные плавильные печи привела к голоду.

Почему эти ловушки устойчивы? Скотт выделяет четыре механизма:

1. Иллюзия контроля — государства переоценивают свою способность управлять сложными системами.
2. Политическая рента — проекты дают чиновникам и элитам ресурсы и власть (например, коррупция в строительных проектах).
3. Идеологическая слепота — вера в прогресс мешает увидеть провал.
4. Институциональная инерция — системы подавляют критику, чтобы оправдать вложенные ресурсы.

При том, что отдельные критические замечания Скотта справедливы, в сущности, он не предлагает альтернативы. Его описания альтернатив сводятся к наивному либерализму, в духе того, что общины могут удалиться от государства и предаться саморегулированию, попутно наслаждаясь природой и свежим воздухом. Надо заметить, что самые упорные либералы в итоге оказываются не так уж далеки от самых упорных консерваторов. И тех и других тяготит цивилизация и прогресс.

Пол Кеннеди в известной книге *Восхождение и спад великих держав*¹⁶¹ анализирует восхождения и кризисы великих держав, в зависимости от их способности адаптировать свои экономические и политические институты. Он утверждает, что многие великие державы сталкивались с институциональными ловушками, когда их системы становились слишком сложными и громоздкими, чтобы эффективно реагировать на новые вызовы.

Кеннеди подчеркивает, что сильные державы могут быть подвержены упадку, когда их политические и экономические структуры становятся неэффективными и не способны адаптироваться к изменениям в глобальной политике и экономике. Институциональные ловушки, например, чрезмерное бюрократическое управление или неэффективные военные расходы, могут тормозить развитие и даже вести к краху.

Ключевые институциональные ловушки в работе Кеннеди:

1. Ловушка «Имперского перенапряжения»

Великие державы расширяют свои военные и геополитические обязательства быстрее, чем растёт их экономическая база, что ведёт к долговому кризису и упадку.

Почему возникает:

- Государства не могут добровольно ограничить свои амбиции из-за соображений престижа, безопасности или идеологии.
- Военные расходы начинают вытеснять инвестиции в инфраструктуру, технологии и человеческий капитал.

¹⁶¹ Kennedy, P. (2010). *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. Vintage.

Примеры:

- Испанская империя XVI–XVII вв.: поток серебра из Америки тратился на войны, а не на развитие экономики.
- СССР в 1970–1980-х: гонка вооружений с США истощала ресурсы при стагнирующей экономике.

2. Ловушка «Ригидных институтов»

Политические и экономические элиты блокируют адаптацию институтов к новым вызовам, защищая свои привилегии.

Почему возникает:

- Консервативные группы (аристократия, бюрократия, военные) сопротивляются реформам, угрожающим их статусу.
- Пример: сопротивление индустриализации в Османской империи со стороны традиционных элит.

Примеры:

- Китай в XIX веке: конфуцианская бюрократия тормозила модернизацию, что привело к отставанию от Запада.
- Британская империя в XX веке: протекционизм и привязка к устаревшим отраслям (уголь, текстиль) замедлили адаптацию.

3. Ловушка «Технологического отставания»

Державы, лидирующие в одной технологической эпохе, часто не могут перестроиться под новые волны инноваций.

Почему возникает:

- Успех в старых отраслях создаёт инерцию (например, британские инвестиции в паровую энергию при переходе к электричеству).
- Государственное регулирование подавляет эксперименты (например, испанская корона ограничивала частную инициативу в колониях).

Примеры:

- Нидерланды XVII–XVIII вв.: упор на торговлю, а не промышленность, позволил Британии обогнать их.
- США в конце XX века: рост финансового сектора за счёт сокращения производственного сектора (офшоризация, деиндустриализация).

4. Ловушка «Социального неравенства»

Чрезмерное неравенство подрывает экономический рост, так как элиты тратят ресурсы на роскошь или подавление, а не на развитие.

Почему возникает:

- Концентрация богатства снижает потребительский спрос и инвестиции в человеческий капитал.

Примеры:

- Испания XVI–XVII вв.: дворянство презирало труд и коммерцию, живя за счёт колониального серебра.
- Пример: французская аристократия до 1789 года тратила средства на Версаль, а не на модернизацию.
- Российская империя: крепостное право затормозило индустриализацию до конца XIX века.

5. Ловушка «Геополитической паранойи»

Страны втягиваются в конфликты из-за субъективного восприятия угроз, даже когда это экономически нерационально.

Почему возникает:

- Идеология (например, борьба с «коммунизмом» или «империализмом»).
- Ошибочные оценки сил (например, Германия в двух мировых войнах).

Примеры:

- Наполеоновские войны: Франция истощила себя, пытаясь контролировать всю Европу.
- США во Вьетнаме: вмешательство ради «сдерживания коммунизма» нанесло урон экономике и репутации.

Почему эти ловушки устойчивы? Кеннеди выделяет три ключевых фактора:

1. Короткие горизонты планирования — политики думают о ближайших вызовах (войны, выборы), а не о долгосрочных трендах.
2. Институциональная инерция — системы управления меняются медленнее, чем технологический и экономический ландшафт.
3. Культурные установки — общества цепляются за «золотой век» в прошлом (например, британский имперский национализм после 1945 года).

Джеймс Мэдисон¹⁶² отмечает следующие политические институциональные ловушки:

- Ловушка фрагментации: когда избыточная децентрализация власти затрудняет принятие решений.

¹⁶² Madison, J. (1787). The federalist no. 10. November, 22(1787), 1787-88.

- Ловушка концентрации власти: когда власть сосредоточена в руках немногих, что может привести к авторитаризму или отсутствию подотчетности.

Винод Агарвал в работе «Институциональный дизайн в сложном мире: переговоры, взаимосвязи и иерархия»¹⁶³ рассматривает, как институциональные изменения влияют на политические и экономические результаты, и какие ловушки могут возникать в процессе этих изменений. Он отмечает, что

- Институциональные изменения могут быть заблокированы различными группами интересов, которые извлекают выгоду из существующих институтов.
- Ловушки возникают, когда те, кто выигрывает от существующего порядка, могут эффективно блокировать реформы.

Институциональные ловушки по Агарвалу:

- **Ловушка интересов:** группы, имеющие власть, используют свои позиции для блокировки реформ, несмотря на то, что изменения могли бы быть в интересах большинства.
- **Ловушка социального капитала:** сильно связанные социальные сети могут блокировать нововведения, если они изменяют баланс сил.

Элионор Остром известна как автор трагедии общин, проблем общественных благ¹⁶⁴. Она исследует, как коллективные институты могут предотвращать общественные трагедии, такие как перерасход природных ресурсов.

Остром акцентирует внимание на том, как определенные институты могут либо способствовать сотрудничеству, либо создавать ловушки, препятствующие эффективному управлению ресурсами.

Проблемы общественного блага можно решить через децентрализованные институты, которые могут адаптироваться к изменениям и избежать ловушек. Однако, если такие институты не адаптируются, они могут попасть в ловушку чрезмерной эксплуатации ресурсов или неэффективного управления.

Институциональные ловушки по Остром:

- **Ловушка общего ресурса:** когда ресурсы используются слишком интенсивно, создавая угрозу их истощения.

¹⁶³ Aggarwal, V. K (1998). Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages, and Nesting. Ithaca: Cornell University Press.

¹⁶⁴ Ostrom, E. (1990). Governing the commons: The evolution of institutions for collective action. Cambridge university press.

- **Ловушка избыточного регулирования:** когда правила и бюрократические барьеры мешают эффективному управлению и ресурсы не используются рационально.
- **Отсутствие доверия:** участники не готовы сотрудничать из-за страха перед оппортунизмом других.

Остром выделяет несколько стратегий, которые помогают избежать таких ловушек:

- Создание местных правил управления ресурсами.
- Формирование доверия и сотрудничества между участниками.
- Мониторинг и санкции для нарушителей.

Тимоти Бесли и **Торстен Перссон** исследуют, как институциональные и политические структуры влияют на экономическое развитие¹⁶⁵. Они акцентируют внимание на том, как институциональные ловушки могут тормозить прогресс в развивающихся странах.

Ловушки могут возникать в развивающихся странах, когда политические элиты используют институциональные структуры для укрепления своего положения, что ограничивает экономическое развитие.

Влияние институциональных ловушек на экономические и политические структуры может быть настолько сильным, что даже когда структура изменений очевидна, они все равно не происходят.

Институциональные ловушки по Бесли и Перссону:

- **Ловушка бедности:** когда страны не могут выйти из бедности из-за неэффективных институтов.
- **Ловушка коррупции:** когда коррупция укоренилась в институтах, она становится частью системы и мешает любым реформам.

Академик **Владимир Полтерович** разработал проблемы институциональных ловушек применительно к переходным экономикам - в частности, России и постсоветских стран 1990-х¹⁶⁶.

Полтерович выделил следующие институциональные ловушки:

- **Бартер и неплатежи** — в 1990-е годы многие предприятия перешли на бартер и задержки зарплат вместо денежных расчетов, что усугубило кризис.

¹⁶⁵ Besley, T., & Persson, T. (2011). Pillars of prosperity: The political economics of development clusters. In Pillars of Prosperity. Princeton University Press.

¹⁶⁶ Polterovich, V. (1999). Institutional Traps and Economic Reforms. Published in: Economics and Mathematical Methods, Vol. 35, No. 2, pp. 1-37.

- **Уклонение от налогов** – массовое уклонение (в т.ч. через "серые" схемы) вело к дефициту бюджета и неэффективности фискальной системы.
- **Коррупция** – превращение взяток в норму взаимодействия бизнеса и государства.
- **Теневая экономика** – чрезмерный уход бизнеса в неформальный сектор.
- **Неэффективные права собственности** – например, рейдерские захваты вместо легальных механизмов перераспределения собственности.
- **Зависимость от природных ресурсов** (ресурсное проклятие) – слабость диверсификации экономики из-за ренты.

Полтерович объяснял устойчивость ловушек следующими причинами:

- Эффектом координации (всем выгодно нарушать правила, если так делают другие);
- Краткосрочными выгодами (хотя в долгосрочной перспективе они вредны);
- Несовершенством институтов (слабость правовой системы, отсутствие доверия).

Подведем итог сделанного обзора. Приведенные выше авторы в основном описывают конкретные институциональные ошибки. Эти авторы в основном показывают ловушки как досадную неэффективность институтов – как поломки или несовершенства машин. Я же считаю, что многие институциональные ловушки порождены самой природой институтов.

Конкретные ловушки можно перечислять бесконечно, поскольку каждая новая эпоха, развитие технологических и экономических укладов будет порождать новые ловушки.

Некоторые из названных проблем, на мой взгляд, относятся не к институциональным ловушкам, а к неэффективным практикам управления. Так, рыночные реформы в России в 1990-е были плохо спланированы и не доведены до конца. Это корректнее называть плохо спроектированными и плохо построенными институтами, чем специфическими ловушками.

Замкнутый круг бедности и неэффективных институтов в отсталых странах – это не ловушка, а просто отсутствие большинства институтов модернизации.

Коррупцию, я считаю, некорректно рассматривать как особую ловушку. Обычно это сводный результат всей совокупности институциональных неэффективностей и рассогласований. Чтобы неработающие и рассогласованные институты как-то заработали, они регулируются

невидимой рукой рынка, социальным саморегулированием – это и выглядит на поверхности, как коррупция.

В этой книге основной акцент сделан на проблеме институциональных ловушек и рассогласований, поскольку на сегодняшний день нет систематического представления этой проблемы. Представленные выше описания институциональных ловушек разных авторов носят фрагментарный характер, это скорее разрозненные наблюдения за поведением институтов.

Далее в этой части я постараюсь обозначить еще ряд институциональных ловушек, наиболее актуальных в наше время.

Речь пойдет о систематических свойствах институтов, взаимодействия институтов и общества, которые порождают эти эффекты. Прочитанные выше авторы недооценивают тот факт, что многие институциональные проблемы порождены не плохим управлением, а самой природой институтов. Поэтому в первых трех частях книги я уделю особое внимание функциям, свойствам и внутренним противоречиям институтов.

Обсуждавшиеся в первых частях фундаментальные функции и свойства институтов являются часто и первоисточником ловушек. Так, характерной проблемой является рассогласование институтов.

Например, долгое время утверждалось, что китайский экспорт преуспевает за счет дешевого труда. Однако, сейчас труд в Китае стоит не дешевле, чем в Восточной Европе. Но промышленность не бежит из Китая в Африку, даже в условиях санкций и торговой войны, поскольку в Африке отсутствуют целостные производственные циклы в большинстве отраслей. Иностранные инвесторы могут сами построить завод в Мозамбике, но для этого завода они не найдут готовых обученных и опытных технических специалистов. Также инвесторам придется построить инфраструктуру электросетей, водоснабжения и транспорта за свой счет.

Когда вы приезжаете в отсталые страны, иногда кажется, что они модернизированы уже во многих аспектах. Туда прилетает тот же современный самолет, возможно, он даже принадлежит местной авиакомпания. Там такие же дороги, дома, автомобили и магазины. Есть школы, заводы и офисы. Проблема в том, что все это не работает вместе так, как в развитых странах. Модернизация импортирована по частям и не складывается в один пазл. Подробнее об этом ниже, в разделе «Недомодернизация». Именно поэтому такие государства вдруг разваливаются в ходе очередной «цветной революции», внезапно вспыхнувшей гражданской войны или политического кризиса.

Пока такое государство не развалилось, плохо согласованные институты склеиваются и как-то работают с помощью коррупции и сети неформальных связей. Про Россию начала 2000-х годов С.Е. Кургинян говорил в этом отношении, что «коррупция – это способ организации управления».

Мы также обсуждали выше проблемы проектирования институтов. Неудачно спроектированные институты могут обрушиться или перекошиться, как плохо спроектированное здание. Это мы наблюдаем постоянно и в деятельности государств, и в деятельности корпораций – хотя мощные пиар-службы все время находят способы увести наблюдателей в сторону от этого главного смысла неудач многих институтов и проектов.

В этой части мы поговорим еще о нескольких крупных причинах институциональных кризисов и ловушек. Один большой блок – это системное противоречие между алгоритмической природой институтов и живой природой социальных систем. Рационально спроектированные институты всегда сталкиваются с живым, творческим сопротивлением социальной системы. На выходе получается какой-то, часто непредвиденный синтез между проектом и социальной системой. Особенно можно вспомнить кейс со строительством новой столицы Бразилии – города Бразилиа в центре континента, спроектированного слишком монументально и геометрично, и поэтому ставшему не слишком комфортным для жителей. Фавелы, от которых больше всего хотели избавиться планировщики, довольно быстро появились и на окраинах этого нового города.

Несоответствия между модернистскими проектами институтов и общественной жизнью регулярно вызывают поломки или заторы институциональных систем. Сюда можно отнести влияние малых групп на макропроцессы, агентскую проблему, эффект «хвост виляет собакой» и другие.

Институциональные ловушки трудно отделить от проблемы экстерналий и интерналий, обсуждавшейся выше. Особенно важно иметь ввиду проблему **межинституциональных экстерналий**, которая до сих почти не обсуждалась другими авторами. Каждый институт выбрасывает не просто негативные побочные эффекты, но часто такие эффекты, которые в методологии самого этого института не существуют или считаются незначительными. Экономика потребления порождает товарный фетишизм, культ гедонизма и комфорта, примитивизацию культуры – однако в рамках методологии экономических институтов таких проблем просто не существует. Задача экономических институтов, и государственных, и частных, – обеспечить рост прибыли, рост ВВП и доходов на душу населения. Проблемами культуры может заниматься Министерство культуры, если ему угодно.

В заключении этой части я также уделяю особое внимание двухуровневому характеру институтов. Институты способны производить другие институты. Это ведет к тому, что и негативные эффекты, риски и ловушки в современном обществе часто тоже воспроизводятся и масштабируются в неуправляемом режиме.

Большинство институциональных ловушек могут быть описаны с помощью приведенных выше принципов побочных эффектов, экстерналий, рассогласований или ошибочного проектирования институтов.

Почему вообще имеет смысл говорить о «ловушках» как отдельном явлении – потому что иногда отрицательные, общественно вредные практики формируют устойчивые, повторяющиеся и общественно значимые паттерны. Часто они возникают, как проявление сразу нескольких институциональных ошибок и эффектов одновременно. Они оказываются ловушкой для общества, поскольку их происхождение непреднамеренно и неясно.

Рассмотрим подробнее некоторые наиболее актуальные для общества и управления институциональные ловушки.

6.2 АДАПТАЦИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНСТИТУТОВ

Инерция и неадаптивность — это одна из самых известных институциональных ловушек. Об этой проблеме писали основоположники институциональной теории. Торстейн Веблен характеризовал «институты как результаты процессов, происходивших в прошлом. Они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени»¹⁶⁷.

В условиях высокого темпа перемен в наше время, эта проблема приобрела еще более угрожающий характер. Технологии и рынки меняются быстро, а институты систематически отстают. Эта проблема оказалась в центре внимания институционалистов уже с середины 20-го века. Об этом писали Карл Поланьи, Мансур Олсон, Дуглас Норт, Пол Пирсон и другие. Невзирая на известность проблемы, выход из этого тупика не найден.

Институты возникают или реформируются в ответ на определенные вызовы. Это можно рассматривать как концепцию цивилизационного вызова-ответа Тойнби, или в более широком смысле — поскольку институты отвечают на объективные условия. Институт всегда решает задачу оптимизации коллективных усилий по преодолению ключевых вызовов, рисков и ограничений существования людей.

Затопление рисовых полей в Китае требовало строительства дамб, и поэтому обусловило формирование исторических институтов коллективного действия. Северные страны больше всего были озабочены защитой от холода, выживанием зимой, и это вело к созданию соответствующих институтов долгосрочного планирования, централизации и коллективной солидарности.

Авторитарные государственные структуры в Европе в эпоху модерна, Нового времени, сформировались в ответ на необходимость ведения масштабных войн. Переход к капиталистическому укладу хозяйства потребовал внедрения республиканских либеральных институтов права и экономики. И так далее.

Проблема состоит в том, что институты инертны и неадаптивны. Поэтому институты часто реформируются революционным образом или доходят до полного саморазрушения вместо того, чтобы эволюционно и гибко

¹⁶⁷ Veblen, T. (1899). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York: Macmillan.

адаптироваться к меняющимся условиям. Для неадаптивности институтов есть свои вполне объективные причины.

Во-первых, большинство современных институтов — это социотехнические системы: соединение парадигм модерна с живой социальной структурой. Социальная система имеет собственную динамику, и постепенно институты становятся все более живыми, то есть следуют социальным законам, а не изначально предначертанному плану. Человеческий муравейник устанавливает свои правила и постепенно побеждает заложенные принципы модернизации. Часто это выглядит как коррупция. Но именно поэтому обсуждение коррупции всегда неоднозначно. Как сказал Борис Кагарлицкий, победить коррупцию можно в один день — просто легализовать ее, в рамках либертарианских институтов. Спор о коррупции — это всегда, по сути, спор о том, до какой степени государство должно насаждать цивилизацию и модерн, а насколько можно просто все пустить на самотек.

Человеческий муравейник («Человеиник», по выражению Александра Зиновьева) заинтересован в поддержании баланса системы, как любая экосистема. Распределение ролей в человеинике настолько сложное, что существенное изменение парадигмы института потребовало бы радикального пересмотра ролей, распределения обязанностей и выгод, иерархий и так далее. Это затратно и рискованно.

Управляющий орган социотехнической системы постепенно играет все меньшую роль. В момент формирования, институт обычно проектируется как управляемая система. Но постепенно он начинает все больше управляться коллективным интеллектом и коллективной волей, а не по принципу начальство — подчиненные. Это метафорически показал Алексей Иванов в фантастическом романе «Вегетация», где лес постепенно подчинил себе управление лесозаготовительными машинами.

Именно это спрятано в наше время за политикой спектакля. Не тайные олигархии, правящие миром, а отсутствие, растворение управляющего субъекта. Как в сказке «Алиса в стране чудес», короли и королевы остаются только картинками на игральных картах.

Причина неадаптивности институтов состоит и в том, что институты фиксируют сложившийся общественный договор, консенсус общества и элит. Этот договор, консенсус достигается часто очень дорогой ценой — через гражданские войны, длительные периоды нестабильности, раздробленности. Помня, какая высокая цена была заплачена за новый консенсус и общественный договор, общество и элиты, естественно, не торопятся его расторгать и обновлять. Это обновление чревато развалом всей системы с негарантированными результатами. Именно так произошло обрушение СССР. Необходимость обновления институтов была очевидна. Власти попытались реформировать институты сверху, внедряя гласность, демократию, рыночную экономику, отменив политическую монополию КПСС. В результате произошло расторжение прежнего общественного и

элитного договора, и ситуация пошла вразнос, перестала быть управляемой сверху.

Помимо общественного договора, институты фиксируют права на собственность и власть. Возникает консенсус элит, который определяет иерархию власти и собственности. Пересмотр этого старого консенсуса чреват запуском войны всех против всех, где каждая элита пытается переустановить заново иерархию власти в свою пользу.

Держатели власти обычно до последнего, силой защищают старый общественный договор, старые институты, потому что тем самым защищают свою власть.

Революции, обозначившие смену экономических укладов, такие как английская, французская и русская, осуществлялись путем кровавых гражданских войн. Именно потому, что старый режим не хотел менять институты, понимая, что с ними потеряет свою власть.

Заложенное в институты коллективное знание несет в себе опыт прошлого, но не знает нынешних вызовов, и тем более неожиданных парадоксов и вызовов прогресса. Парадигмы институтов включают те рациональные, идеологические допущения (а часто ошибки и недоработки), которые считались нормой в момент создания институтов.

По идее, эти основания требуют регулярного пересмотра. Но это невозможно. Институты влияют на людей не через информирование, а через социальное научение и социальную норму.

Общественный договор подавляет несогласных – обычно революции приносят диктат большинства, а не учет всех мнений. Парадигмы навязываются пропагандой, поскольку иначе они не станут частью консенсуса и не будут выполнять согласующей и организующей роли.

Все это довольно сложно внедрить, затем ввести в привычку и закрепить прочными организационными формами. И в тот момент, когда все наладилось, наступают такие перемены, которые требуют пересмотра научных парадигм, существенных основ общественного договора.

Основная часть современных управленческих и общественных проблем связаны с неадаптивностью и инерцией институтов. Мы живем в эпоху высокого темпа перемен: глобализация, цифровизация, научно-технический прогресс постоянно порождают новые вызовы и новые формы общественной организации. Институты не успевают и не могут, по названным выше причинам, быстро адаптироваться к этим переменам.

Большинство действующих сегодня институтов сформированы в другие эпохи и в ответ на другие вызовы, нежели чем те вызовы, которые наиболее актуальны сейчас.

Многие государственные институты больше соответствуют индустриальному укладу 20-го века, чем актуальному сейчас постиндустриальному укладу и экономике знаний. Внешнеполитические и военные институты США

соответствуют той доле в мировой экономике, которую США занимали в 20-м веке (более 40%), а не той, которую занимают сейчас (менее 20%).

С точки зрения элит, зачем убивать курицу, несущую золотые яйца? Институты — это невидимый механизм, производящий нужные для элит (иногда и для общества) результаты. Как говорится, работает — не улучшай. Именно поэтому законы обычно не отменяют. В рамках прецедентного права в США остается масса ссылок на всякие права шерифа, огороды и околицы, про которые современные люди не имеют ни малейшего представления.

Формируется институциональный киберпанк — множество устаревших, неадекватных институтов, продолжающих работать как бы сами по себе. Это несоответствие вызывает у граждан постоянное чувство диссонанса, дезориентации. Регулирование, нормы, политические лозунги как будто относятся к какой-то другой реальности, не к тому, что действительно важно сейчас.

Оказалось, что большинство позднесоветских политических анекдотов и мемов рассказывают не о советской специфике, а об общих институциональных закономерностях. О неадекватности реальности и старых институтов. Достаточно заменить названия — и все эти анекдоты описывают сегодняшние проблемы Европы и США.

Самоидентификация институтов

Проблема отставания институтов от развития экономик и технологий редко решается в управляемом режиме. Обновлению институтов способствует или революция, война — как первая и вторая мировые войны способствовали обновлению институтов в Европе. Это также возможно, когда элиты пассионарны, имеют управленческий талант, а страна управляется как корпорация. Это можно было наблюдать, например, в Японии, Южной Корее в конце 20-го — начале 21-го века, и сейчас в Китае и Вьетнаме. В историческом масштабе такие периоды обычно не длятся долго.

В более спокойные периоды, когда перемены в экономике, технике и обществе накапливались медленно, институты могли адаптироваться постепенно, эволюционно, хотя и с отставанием. На это указывал еще Торстейн Веблен, обозревая 19-й и более ранние века, когда перемены, по нынешним меркам, происходили небыстро.

В наше же время общество сталкивается с высоким темпом перемен, причем в разных плоскостях одновременно — глобализация, технологии, экономика, мировая политика и так далее. При этом демократические институты на Западе не могут управляться твердой рукой по принципу «Берия — наш рулевой». Один процесс согласований займет там столько, что даже искусственный интеллект устанет ждать.

Процесс адаптации институтов в наше время происходит не эволюционно и не скачкообразно. Этот процесс можно назвать **самоидентификацией институтов** в новых условиях.

Молодые люди, от начала подросткового возраста, лет от 14 и примерно лет до 28, проходят процесс самоидентификации в качестве взрослой личности. Это процесс познания самого себя – своих мотивов, ценностей, интересов, желаний и приоритетов. Своих слабых и сильных сторон. Одновременно происходит и процесс познания других людей и внешнего мира – работы и трудностей жизни, любви и разочарований, дружбы и предательства. Такая самоидентификация — это не только познание себя самого – это и нахождение своей социальной и трудовой роли. Для этого часто приходится идти на трудные компромиссы, работать над собой, бороться за интересную работу.

Поиск себя продолжается практически всю жизнь. Конфуций и Лао Цзы называли это поиском пути, а Карл Густав Юнг – индивидуацией. В мастерстве писателей и сценаристов используют понятие «дуга характера». Это внутреннее развитие персонажа в ходе сюжета, под влиянием обстоятельств. Так вот, институты как живые социотехнические системы, если они не управляются твердой рукой сверху, то проходят путь такой самоидентификации и адаптации в меняющихся обстоятельствах.

Отличие самоидентификации от адаптации состоит в том, что адаптация обычно подразумевает заранее понятные рациональные действия по улучшению своего положения в новых обстоятельствах. Самоидентификация – это адаптация путем проб и ошибок. Мы можем пробовать себя в новой роли, принимать новые правила игры, а потом понимать, что такая адаптация не соответствует нашим глубинным установкам. Или, наоборот, с трудом добиваться новой должности, менять профессию – и открывать для себя новые возможности самореализации.

Мы знаем по человеческому поведению, что люди часто лгут себе. Они повторяют какие-то идеи о себе и обществе, которые им вбили в голову родители, воспитатели или их социальный круг. И иногда только к кризису среднего возраста человек понимает, что всю жизнь занимался не тем. Так и с институтами. В них при создании закладываются определенные парадигмы, научное знание, ценности и способы действия. Они не могут взять и развернуться на 180 градусов, по ситуации.

Происходящая сейчас мировая война, которая, вероятно, продлится не одно десятилетие – это не только явление геополитики, но и процесс самоидентификации институтов в новых условиях. Изменений, действительно, накопилось много. Снизилась доля Запада в мировой экономике и резко выросла доля развивающихся стран. Произошло множество изменений в образе жизни людей, в роботизации и цифровизации экономики.

В этом состоит вся трудность геополитических прогнозов в наше время. Читатели и зрители спрашивают экспертов: в чем цели и стратегия Евросоюза, например, в украинском конфликте? В чем состоит стратегия Китая во внешней политике?

От понимания стратегий и целей существенно зависит весь политический анализ. Но ответить на эти вопросы невозможно – потому что сам субъект стратегии, институты управления, находятся в состоянии самоидентификации в новых условиях. Участие в горячих конфликтах ускоряет процесс самоидентификации, но не делает его простым. Это путь проб и ошибок.

Институты управления – это самые сложные институты, поскольку обеспечивают синтез всех остальных и сами функционируют вследствие слаженного действия множества других институтов. В новой геополитической и технологической реальности каждый игрок ищет свою стратегию. Стратегия должна учесть риски и возможности вовне, опереться на сильные стороны внутри и суметь согласовать внутренние противоречия.

6.3 | ВЛИЯНИЕ МАЛЫХ ГРУПП

Мансур Олсон уделил в своих работах значительное внимание влиятельности малых групп. Несмотря на меньшую численность, такие группы могут оказывать решающее влияние на принятие решений, поскольку они могут эффективно организовать свои усилия для достижения личных выгод. В то же время общественные блага, предмет интереса большинства, часто остаются без должного внимания.

Это может приводить к созданию неэффективных и несправедливых институтов, где интересы небольших групп становятся интегрированными в политические и экономические системы, а интересы общества в целом игнорируются.

В Европе и США господствует идеология всепобеждающей силы инклюзивных институтов и толерантности к любым индивидуальным отличиям. Инклюзивные институты действительно преодолевали притяжение малых групп в эпохи, когда люди получали доступ к социальным лифтам, «американской мечте», и когда на первом месте были права человека, а не права меньшинств.

Но сейчас Запад переживает институциональный кризис, и инклюзивные институты не справляются с ролью плавильного котла. Отсутствие экономического роста усугубляет эту проблему.

Между тем малые группы это естественный, архаичный способ социальной организации. Всегда при ослаблении институтов модерна усиливается влияние традиционных и архаичных институтов.

Это часто вводит в заблуждение комментаторов. Некоторые малые группы, меньшинства, часто выглядят очень современно – это ЛГБТ+, феминистки, квадроберы и так далее. На самом же деле, не так важно, представляют ли они современных трансгендеров или консервативную общину иудеев. Социальный принцип самоорганизации, в любом случае, самый базовый, традиционный.

Малые группы, - будь это этнические, родовые, группы с общими интересами и целями – всегда являются основным, естественным способом самоорганизации общества. «Человек ни черта не может один», как писал Хемингуэй. Все масштабные цели достигаются на основе коллективного действия. Малые группы – это оптимальный актор коллективного действия. Большие группы недостаточно сплочены, имеют слишком много разногласий. В малых группах обеспечена сплоченность, единство интересов и целей.

Малые группы могут быть настолько эффективны, что могут даже забрать власть в государстве, как это сделали большевики в 1917 году. Численность этой партии составляла не более 10 тыс. членов, тогда как потерявшее власть Временное правительство, теоретически, имело в своем распоряжении всю армию, полицию и спецслужбы, насчитывавшие миллионы.

Малые группы могут быть организованы по самым разным признакам. Это этнические группы, группы с общими целями, криминальные структуры, бизнес-корпорации и т.д.

Критерием малой группы является наличие единого языка, культуры, целей и ценностей. Ключевую роль играет наличие общих архетипов, культурных установок, критерия свой-чужой, - и поэтому именно этнические группы это самые типичные и самые эффективные малые группы. Эти архаичные принципы связи, которые высмеивают и которыми пренебрегают в современной западной культуре, на самом деле делают возможным коллективное действие довольно значимых социальных групп. Тогда как толерантное и современное большинство уничтожило социальные связи и фактически лишилось механизмов коллективного действия.

Парад всех видов меньшинств на Западе в последние десятилетия отражает ползучее наступление этой формы социальной организации. Больше нет прав человека – есть права меньшинств, то есть малых групп. Это очень напоминает известное нам по 1990-м «крышевание» и принадлежность к конкретному клану. В современном Евросоюзе важно определиться, «под кем ходишь» - арабами, скинхедами, местной ячейкой ЛГБТ или работаешь в солидной корпорации. В таком случае человек получает какие-то права и защиту. Иначе следует занять самое последнее место в очереди за правами человека.

В условиях кризиса экономики и кризиса социальных институтов общество неизбежно начинает распадаться на сплоченные малые группы, для защиты своих интересов. Наиболее естественное разграничение этих малых групп проходит по этническим и языковым признакам. Общая культура обеспечивает глубокое взаимопонимание, единство мировоззрения, - и в итоге, возможность коллективного действия.

Для европейских политических элит культура это в основном предмет глумления и «деконструкции». На самом деле, без глубокой культуры и ценностей невозможны коллективные действия. Убивая сложную культуру западной цивилизации, они уступают место другим культурным формам, основанным на более локальных архетипах и языках. Это не обязательно только мигранты из других стран, сюда же относится и парад суверенитетов всех малых народов, от басков до шотландцев.

Мы это проходили в 1990-е, как множество криминальных кланов и группировок, от крупных до самых мелких, а также распад СССР по национальному критерию. Не случайно знаковый фильм этой эпохи назывался «Брат». «Он брат мой... А ты не брат мне...» - простой критерий

свой-чужой, родовая самоорганизация на фоне разрушения сложных институтов цивилизации.

Отказ от регулирования, примитивный либерализм последних десятилетий породил не торжество равенства, а вернул к жизни архаичные формы социальной самоорганизации. Вырастив мощные кланы, США и ЕС подготовили почву для жестких гражданских конфликтов. Любая попытка вернуть идею плавильного котла теперь будет покушением на власть кланов.

6.4 | ИНСТИТУТЫ-МАТРЕШКИ И АГЕНТСКАЯ ПРОБЛЕМА

Агентская проблема

«Агентская проблема» – это одна из хорошо изученных институциональных ловушек. Первоначально эта тема разрабатывалась в рамках менеджмента и экономики¹⁶⁸, затем получила развитие в политологии, в работах Джеймса Бьюкенена о теории общественного выбора¹⁶⁹, а также в праве и институциональной теории.

Агентскую проблему часто представляют на примере отношений менеджмента и собственников. При принятии решения выгоды менеджеров, обусловленные их зарплатой, премиями, бонусами, индивидуальными рисками отличаются от мотивации собственников. В результате, хотя нанятые менеджеры должны бороться за интересы собственников, на самом деле в конкретных ситуациях их интересы противоречат интересам собственников.

В качестве бытового примера можно привести отношения между владельцем недвижимости и риелтором – нанятым агентом.

Предположим, владелец хочет продать квартиру. Обычно риелтор получает фиксированную комиссию, или комиссию, установленную в процентах от суммы сделки, допустим, 2%. В этой ситуации владелец ожидает, что будет проведена максимально активная рекламная кампания, охвачен максимальный круг покупателей, чтобы продать недвижимость, по возможности не снижая цену. Мотивация риелтора совершенно другая – на самом деле риелтор заинтересован дать покупателю скидку и продать как можно быстрее. Скидка, например, в 10% может быть очень болезненной и невыгодной для владельца, но мало влияет на доход риелтора, поскольку риелтор фактически делает скидку за счет владельца. При цене недвижимости 100 тыс. долларов владелец потеряет 10 тыс. долларов, а агент – только 10% от своей комиссии, которая составляла изначально 2 тыс. долларов. То есть агент потеряет только 200 долларов, при этом получит 1800 долларов. Не сделав скидку, риелтор рискует вообще не получить эти

¹⁶⁸ Meckling, W. H., & Jensen, M. C. (1976). Theory of the Firm. Managerial behavior, agency costs and ownership structure, 3(4), 305-360.

Jensen, M. C., & Meckling, W. H. (2019). Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. In Corporate governance (pp. 77-132). Gower.

¹⁶⁹ Buchanan, J. M., & Tullock, G. (1965). The calculus of consent: Logical foundations of constitutional democracy (Vol. 100). University of Michigan Press.

1800 долларов. То есть, риелтор будет навязывать владельцу скидку, благодаря которой риелтор прибыль, тогда как владелец понесет чистый убыток.

Для владельца скидка может означать убыток по сравнению с ценой, заплаченной при покупке или рыночной ценой; агент же получает прибыль в любом случае. На практике, если вы работали с риелторами, чаще всего так и происходит – риелтор пытается осуществить свою, а не вашу выгоду от сделки.

Все, кто руководил отделами продаж, знают, что тема скидок – это типичный «плач» менеджеров по продажам. Менеджер по продажам обязательно будет со слезами объяснять, что при скидке 10% этот отличный клиент заключил бы огромный контракт. Этот продажник старается не замечать, что вся маржа компании составляет 5%, и в таком случае компания понесет убыток. Такая слепота особенно овладевает продавцами, когда их вознаграждение исчисляется от выручки, а не от прибыли.

Когда я работал в финансово-банковских структурах, я столкнулся с интересной агентской проблемой в области крупных сделок лизинга и кредитования корпоративных клиентов. Такие клиенты часто приходили через посредников – разного рода агентов и кредитных брокеров. Банки и лизинговые компании платили агентам комиссию. Однако вскоре некоторые крупные банки и компании вынуждены были запретить сотрудничество с брокерами полностью.

Дело в том, что собственные сотрудники потеряли мотивацию заводить сделки напрямую. Даже получив заявку напрямую, через сайт или рекламу своего банка, сотрудники банка начали отдавать заявку знакомым брокерам, чтобы затем оформить ее как поступившую от брокера. В этом случае они делили комиссию брокера, которая могла составлять около 1%, а при сумме сделки от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов долларов, это была значительная сумма. Руководители лизинговых компаний говорили мне, что брокеры, таким образом, коррумпируют сотрудников. О рынке кредитных и лизинговых брокеров и связанных с этим агентских проблемах рассказано подробнее в моей статье в журнале «Деньги и Кредит»¹⁷⁰.

В России, начиная с 1990-х гг., возник неисчерпаемый перечень подобных махинаций на всех уровнях власти и бизнеса. В обиходе это воспринимается как всепроникающая коррупция. Но на самом деле агентская проблема – это не обязательно коррупция и даже чаще всего не коррупция, в буквальном смысле.

Например, в описанном случае с риелтором, риелтор не нарушает договор и не совершает незаконных действий. Некоторые менеджеры лизинговых компаний заводили своего брокера, условно говоря, на друзей и

¹⁷⁰ Kashkin, V.V. (2009). Features of the activities and potential of credit and leasing brokers in the Russian market. Money and Credit, No. 11.

родственников, что тоже не противоречило подписанным ими обязанностям по трудовому договору.

То, что комментаторы путают агентскую проблему и коррупцию, это на самом деле сильно уводит от понимания реальных проблем. Коррупция – это, в сущности, гораздо меньшая проблема, чем весь масштаб агентских проблем на всех уровнях. Коррупция, в конце концов, всего лишь создает дополнительный налог на экономику. Известный государственный деятель Александр Меньшиков прославился и государственным строительством, и не менее масштабными коррупционными схемами.

Коррупция в варианте Меньшикова – это создавать и немного отщипывать (немного по сравнению с масштабами создаваемого). Агентская проблема может не включать коррупции, и при этом обеспечивать такой разлад менеджмента, который не позволяет вообще ничего серьезного создать.

Многоуровневые, хитрые, не нарушающие закон агентские действия съедают систему управления изнутри. Тем более это происходит на фоне множества институциональных рассогласований, экстерналий и ловушек. Вместо того, чтобы пытаться исправить эти побочные эффекты и несовершенства институтов, агенты мастерски извлекают из них выгоду в свой карман.

Например, административная система заторможена, бюрократична, проситель обречен ходить по кабинетам годами. Так это же и хорошо для агента-чиновника. Можно предложить рыночный сервис, через одного школьного друга, который как раз создал юридическую фирму, помогающую в этих вопросах. И вам хорошо, и нам хорошо. И все легально. Только система в целом становится все более тухлявой.

Современное макрорегулирование преимущественно сетевое, горизонтальное, а не иерархическое – то есть осуществляется горизонтально между множеством субъектов в рамках институтов и контрактов, а не управляется сверху вниз, иерархически. В результате множество агентских мотиваций сплетаются в низовые сети, которые порождают парадоксальные и причудливые формы и мотивации деятельности.

Сюда относится, например, низовая коррупция, которая часто может быть результатом спайки ветвей власти на низовом, муниципальном уровне. Эта проблема обсуждалась в ряде российских фильмов, например, в фильме «Левиафан» Звягинцева. Где-то вдалеке от Москвы, от центральной власти, местные власти образуют низовой комплот на основе сходства агентской мотивации – в данном случае коррупционной и преступной. Коррумпированный мэр оказывается в союзе с коррумпированными прокурором и судьей, таким же коррумпированным главой местной полиции и т.д.

Это вовсе не является специфической российской чертой. Раньше считалось, что такая ситуация характерна для любых стран со слабо развитыми институтами. Однако сегодня мы наблюдаем кризис Запада, который порождает, по сути, очень похожие агентские связки на всех уровнях.

Обсуждавшаяся выше сословная монополия на власть, основанная на родственных и клановых связях, дополняется переплетением агентских интересов.

Тут надо согласиться с консерваторами: на основе неолиберальной, эгоистичной, индивидуалистической парадигмы эти агентские проблемы неразрешимы в принципе. Сейчас принято говорить о коррупции, как главной проблеме, потому что понятие морали в современном западном дискурсе заменили понятием «соблюдения закона».

Но что делать, если агент не нарушает закона, а тем не менее проедает общественную систему?

Авторы агентской теории указали бы на то, что нужно установить более совершенные КРІ, увеличить прозрачность. Но что делать, если аудиторы КРІ и отчетности сами – часть агентской проблемы? Сословный монополизм на власть порождает ситуацию, когда власть проверяет себя сама, с помощью собой же назначенных представителей. Это замкнутый круг.

Я предлагаю технические решения этой проблемы через обновление инклюзивных институтов и построение новых структур коллективного действия – речь об этом пойдет в отдельной книге, посвященной модернизации институтов.

Двухуровневая рациональность. Институты-матрешки

Агентская проблема приобретает еще более сложный характер в связи с тем, что институты имеют многоуровневый характер. Можно сказать, что **институты вложены в институты, как матрешки.**

Например, мотивация одного подразделения, того же отдела продаж, – это один уровень. Тут есть своя рациональность, в рамках заданных КРІ.

Большая корпорация в целом – это уже институт более высокого уровня. Ее действия не могут быть выражены полностью в КРІ нижнего уровня. Эта большая корпорация может вдруг закрыть прибыльный филиал, потому что сменилась региональная стратегия. С точки зрения филиала, это абсурд и действия вопреки здравому смыслу.

Как мы обсуждали выше, институты задают когнитивные и метакогнитивные рамки. **Рациональность на одном уровне институтов не соответствует рациональности на другом уровне институтов.**

Корпорация, в свою очередь, является подчиненным элементом своего государства, макрорегулирования. Этот институт верхнего уровня, государство США, например, может взять и объявить санкции против России. И заставить свои корпорации за бесценок распродавать их прибыльный бизнес, который они десятилетиями выстраивали в России.

С позиций рядового наблюдателя, со средним образованием и бытовым жизненным опытом, все это выглядит как полный абсурд в духе Кафки. Только разобрались с бытовым здравым смыслом и постигли закономерности на микроуровне, уровне муниципалитета и предприятия, как тут все летит неизвестно куда.

Описанная мной выше агентская проблема, в классической версии, это ситуация циничного, рационального поведения агента в свою пользу, а не в пользу нанимателя – собственника, государства или общества. В этой классической схеме агент действует цинично, но разумно.

Проблема многоуровневых институтов состоит в том, что агент действует разумно только в критериях своей «матрешки». Ботман на Титанике старается достичь блеска палубы, рассчитывая, таким образом, внести вклад в успех плавания в целом.

Если бы институты-матрешки действовали как жесткая иерархическая структура, как армия, например, то это не было бы такой проблемой. Да, некоторые солдаты и журналисты всегда говорили бы, словами Александра Галича, что «пехота погибла зря» - но в Генеральном штабе знают, что не зря.

Но к сетевым институтам это не относится. Сетевым институтам низового уровня предоставлено самоопределяться, жить своим умом, в условиях, когда интересов и мотиваций институтов более высокого уровня они не понимают. Это создает противоречие между низовыми институтами и институтами верхнего уровня. Правительство США вводит санкции – а корпорации США находят способ обойти эти санкции.

Народ понимает рациональность на одном уровне институтов, в своей матрешке, а решения принимаются на другом уровне. Это делает демократию 20-го века больше неосуществимой, в принципе.

Возникают параллельные реальности. Сетевые институты, население, бизнес, муниципалитеты, видят и понимают одну реальность. Элиты в феодальных институтах видят и понимают другую реальность. Политика спектакля подменяет инструмент коммуникации между двумя реальностями, но самой коммуникации не выполняет. Народу постоянно кажется, что элиты и правители живут на «планете розовых пони», их заботы и представления к народу перестали относиться совсем. В свою очередь, элиты плохо понимают, что происходит внизу – не потому, что они плохо информированы, а потому что в их реальности сами когнитивные матрицы уже другие.

Институты формируют когнитивные и метакогнитивные рамки – и этим так опасен эффект многоуровневых институтов, институтов-матрешек. Мы видим, как во внешней политике элиты разных стран не могут договориться, как будто говоря на разных языках.

Внутри одной страны элиты лучше контролируют общую информационную картину, и создают видимость единомыслия. Внутри каждой страны всегда есть борьба интересов. Но в наше время даже единство понимания происходящего существенно утрачено.

6.5 НЕДОМОДЕРНИЗАЦИЯ И ИМПОРТ ИНСТИТУТОВ

Недомодернизация общества и человека

Обширный тип проблем и ситуаций в наше время можно охарактеризовать как незавершенная модернизация, недомодернизация. Это касается не только развивающихся, но и развитых стран.

Модернизация общества — это результат общественных и управленческих усилий. Источником этих усилий являются и объективные материальные возможности (факторы производства), и наличие управленческих способностей, и достаточная общественная мотивация.

Этих ресурсов часто оказывается недостаточно для завершения начатых проектов модернизации. Как любой инновационный проект, модернизационные проекты часто оказываются более сложными, чем казалось сначала, растягиваются во времени. Приходят следующие поколения управляющих, и ими модернизационный проект уже воспринимается как источник хронических убытков. Так произошло, например, с космической программой и в России, и в США в 1990-е и далее.

Про некоторые развивающиеся страны экономисты говорят, что честнее было бы применить термин «отстающие». Эти развивающиеся страны все время развиваются, но у них так и не получается развиваться. Каждый кризис на мировом рынке или политический кризис внутри страны отбрасывает их на десятилетия назад.

Недомодернизация это системная ловушка. С одной стороны, прогресс, развитие инноваций требует модернизации. С другой стороны, никаких гарантий успеха модернизационных проектов нет. На выходе может оказаться хуже, чем было. Это часто позволяет консерваторам занимать выигрышную позицию, живописуя прелести потерянного прошлого, «золотого века».

Недомодернизация касается не только третьего мира. Это явление в значительной степени относится и к современному западному человеку. Он выведен из традиционного состояния, модернизирован по частям, но не до конца. Из этих модернизированных частей не сформировалось пока что полноценное целое. У модернизаторов вообще с анализом получается лучше, чем с синтезом.

Мы уже отмечали выше про рациональные институты — они являются модернизацией выделенных частей, того, что в принципе можно

рационализировать, коммерциализировать и поставить на инновационную основу.

Модернизация человека проводилась на основе негласной парадигмы о том, что можно модернизировать разные части, и они будут как бы вживляться в уже существующего традиционного человека, делая его лучше. Лучше стало образование, лучше стал организован труд и быт, передвижение, комфорт и так далее. Остались не вполне ясными части, связанные с культурой, идентичностью, личностью человека, морально-волевыми качествами, социальными связями, целеполаганием и ценностями, воспитанием детей. Но это плохо коммерциализировалось и пошло на счет общественных благ или по категории индивидуальных прихотей, за которые можно платить в частном порядке.

Пока традиционный человек преобладал, а его отдельные функции улучшались, все шло хорошо. Так и происходил подъем общества на Западе в эпоху модерна, до конца 20-го века. Однако уже в 1990-е годы начался переход рубежа, при котором доля киборга становилась все больше, а остатки традиционного человека все меньше.

Модернизации отдельных человеческих функций не то, чтобы плохи сами по себе, — они с самого начала и не планировались как создание целостного нового человека. Модернизация каждой функции рассматривалась с позиций узких задач.

Рассмотрим пример сайтов онлайн знакомств. Они изменили парадигму знакомств, общения и построения отношений, сделав это более легким и функциональным. Вместе с тем отношения лишились сакральности и тайны, превратившись фактически в процесс потребительского выбора и заключения контрактов.

Но в этом никак нельзя обвинить создателей сайтов знакомств — поскольку они решали свои частные, и в основном коммерческие задачи. Они просто отделили рациональную часть, она же коммерческая, от таинственной и сакральной — она же общественное благо. За общественное благо вы можете, если хотите, заплатить дополнительно или даже создать организацию по защите таких общественных благ. Это не запрещено.

Тут имеет место и более глубокая проблема. Дело не только в системном отставании общественных благ. Вопрос еще и в том, кто должен заплатить за модернизацию. Бывают в бизнесе такие проекты, например по автоматизации бизнес-процессов. Однажды начавшись, эта автоматизация никак не может закончиться. Она требует денег, времени сотрудников, при этом результата нет, пользоваться системой нельзя. Это нескончаемая головная боль, источник конфликтов. Все ищут, как бы это снять с себя и на кого бы повесить.

Так происходит со многими проектами модернизации. Внедрение инноваций необходимо и неизбежно. Но доведение их до уровня надлежащего качества — это такой масштаб общественных расходов, за

который никто не готов заплатить. Создатели сайтов знакомств говорят: мы дадим вам такой вариант модернизации, сокращенный, который окупит наши трудозатраты. Дальнейшие убытки будете нести вы сами. Чтобы это было не так больно, эти убытки переносятся не на материальный капитал, а на социальный и человеческий. Тогда убытки можно поделить на всех (включая и тех, кто к этому не имеет отношения), превратить в норму жизни и вообще, по возможности, не замечать.

Продолжая сравнение с бизнесом, все это посилено до тех пор, пока прибыльных бизнес-юнитов больше, чем убыточных. Пока работающих процессов больше, чем остановившихся из-за незавершенной автоматизации. Модернизация по частям покрывала убытки, черпая ресурс из фондов человеческого и социального капитала традиционного человека. Этот ресурс кончился. Сам традиционный человек на Западе исчез. Остался не до конца и некачественно модернизированный постчеловек, с небольшими остатками частей традиционного человека.

Папа Карло начал делать Буратино, а потом куда-то ушел. Недоделанный Буратино озирается, не в силах понять, то ли он чурбан, то ли человек, то ли особый деревянный мальчик.

Чего теперь удивляться, что консерваторы подняли голову во всем мире. На фоне такого неработающего киборга общество 20-го века, при всех своих недостатках, выглядит лучше. Поскольку в нем еще сохранялся более здоровый баланс между модерном и традицией.

Импорт институтов

Вернемся к ситуации сборки таких киборгов на макроуровне – догоняющей модернизации, основанной на импорте западных институтов. Здесь действует абсолютно тот же принцип. Если внедрять западные институты один за другим, как бы вживляя их в местную культуру и традицию, то государство остается как бы собственным, национальным, но становится модернизированным. На практике же, то импортированные институты оказываются не по размеру, слишком велики и сложны, и ведут к перекосу всей системы. То вся страна превращается в киборга. Как произошло с Украиной – части вроде бы есть, некоторые даже как будто бы западные, прогрессивные, а вместе из этого складывается только машина смерти.

Современная институциональная теория полна высокомерных поучений со стороны западных авторитетов в адрес развивающихся стран. «Развивающиеся страны строят неправильные институты, авторитарные, не инклюзивные, основанные на ресурсном проклятии, и это ведет к их дальнейшему отставанию от развитых стран». Так гласят скрижали западной мысли.

На самом деле институты развивающихся стран отвечают на совершенно другие вызовы, чем институты развитых стран. Это обычно сложный процесс

формирования единого государства, жесткие внутренние конфликты, непривычка и неготовность населения к применению институтов модерна, вместо традиционных. Это наличие других вызовов игнорируется в западной институциональной мысли.

На практике опыт Ливии и Ирака показал, что очень неправильные, авторитарные, ресурсно-зависимые институты государства были лучше, чем последовавшее затем исчезновение любых институтов и государства.

Утверждения западных институционалистов о том, что институты развивающихся стран недостаточно демократические, не инклюзивные, основанные на эксплуатации природных ресурсов — эта критика только уводит от сути.

Вся проблема институтов в развивающихся странах в том, что это криво, косо внедренные институты, лоскутами взятые из разных частей мира (обычно с Запада, но в последнее время и из Китая, и от более развитых соседей по региону). Эти институты не образуют единого целого и плохо сочетаются с местной реальностью.

На Западе редко говорят о том, что менеджмент — это тоже институт. Менеджмент, как институт, включает в себя управленческую традицию, образование, систему отбора кадров и воспроизводства элиты. Это на самом деле самый сложный институт, выстроить его намного труднее, чем внедрить демократию.

Право — это один институт, а правосознание, в сущности, это еще один отдельный институт. И внедрить его, в отличие от права, быстро нельзя в принципе.

Большинство западных авторов на удивление примитивно понимают институты. По их мнению, это какой-то набор лайфхаков, типа демократии, ветвей власти и свободы рынка. Их внедрение происходит по несложному алгоритму. Далее следует мораль: как вам не стыдно, все так просто, а вы этого не делаете.

В действительности же работающие институты это сотни переплетающихся уровней регулирования и саморегулирования. Они должны быть согласованы между собой и вплетены в сложную ткань социальных практик, характерных для конкретного общества и отвечать на стоящие именно перед этим обществом вызовы.

Местные консерваторы в каждой стране уделяют особое внимание истории, традиции, в противовес либеральному универсализму. История и традиция накладывает отпечаток на социальные практики и практику менеджмента — и должны быть учтены в этом смысле. Но институты — это все-таки инструмент модернизации, и их главная задача — отвечать на актуальные вызовы и вести страну в будущее.

Успехи Китая, на мой взгляд, связаны именно с тем, что ему действительно удается строить институты с китайской цивилизационной спецификой. То

есть учитывающие социальные практики Китая, практику менеджмента, и реальные вызовы, которые стоят именно перед китайским обществом.

Когда на Западе критикуют отсталость китайских институтов, обычно не понимают сложность китайского института управления. Это традиция согласования и выработки коллективных решений, на всех уровнях, которой в таком виде нет на Западе. В Китае я встречался с ситуацией в корпорации, когда попытка американских сотрудников устроить голосование, по американской традиции, воспринималась китайцами как навязывание примитивной и грубой модели принятия решений. Голосование – это диктатура большинства над меньшинством. Выработка общего мнения коллектива – это совершенно другое явление.

Китай в последнее время демонстрирует смелость институциональных экспериментов, которой давно уже не заметно на Западе. Это и пресловутый социальный рейтинг, и внедрение новых форм искусственного интеллекта и роботизации.

Я не против импорта и копирования прогрессивных институтов. Но успех модернизации – это не принцип волшебной таблетки, не успех отдельных институтов. Это согласование множества институтов. В бизнесе все знают, что согласованные, отлаженные процессы важнее, чем супер-инновация в одном процессе и разлад с остальными. Но в бизнесе есть иерархия и управляющая воля, которая может приводить в порядок такие ситуации. В обществе же действует множество центров принятия решений, происходят бесконечные конфликты интересов. Процессы модернизации проводятся несогласованно. Это порождает катастрофические экстерналии. Важнейшая задача для общества – это изменение отношения к модернизации, осознание ее рисков и экстерналий. Необходимо признание ценности и хрупкости социальной экосистемы.

6.6 | УСРЕДНЕНИЕ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ

Как говорил герой фильма Большой Лебовски: «что я понял во Вьетнаме – это то, что план должен быть простым. В сложных планах всегда что-то идет не так». Это очень верное наблюдение по поводу институционального свойства – принципа упрощения процессов и «защиты от дурака».

Этот принцип иногда целенаправленно заложен в правила института – с этим связано, например, множество анекдотов про армейский устав. Но даже если этот принцип и не был специально спланирован, все равно процедуры и нормы института будут «обточены», усреднены в процессе существования института.

Для этого есть несколько причин. Во-первых, это запас прочности – система предохраняется от сбоя или невыполнения инструкции. Даже самый слабый член коллектива должен быть способен выполнить инструкции – это и есть пресловутая ориентация «на троечников», а не на отличников. Во многих коллективных видах деятельности сбой одного слабого звена может заблокировать всю систему. Один ошибившийся инженер может обеспечить брак всей сложной технологии, один проспавший на карауле солдат может стоить жизни всему взводу. В проектном менеджменте это носит глубокомысленное название «теории ограничений» - которая в общем-то и сводится к тезису о том, «вся цепь не сильнее каждого слабого своего звена».

Во-вторых, при нескольких уровнях делегирования, управление неизбежно должно обеспечиваться через парадигмы, а не только через отдельные указания в каждом случае. Такие парадигмы в конкретных случаях — это школьные учебники, боевой устав, корпоративные бизнес-процессы и должностные инструкции.

Когда решение будет доводиться до исполнителей, руководители хотят быть уверенными в том, что исполнители наверняка поймут указания. Недостатки школьных учебников или армейского устава часто связаны не с «тупостью» руководства, а с реалистичной оценкой того, что возможно делегировать исполнителям нижнего уровня.

Учебник составлен, прежде всего, так, чтобы его мог понимать и транслировать любой учитель. А некоторые учителя, как известно, тоже в свое время были троечниками. Устав ориентирован не столько на солдата, сколько на сержанта, который должен наверняка его понимать и добиваться воплощения в жизнь.

Усреднение тут – это следствие особенностей коммуникации, даже если коммуникация иерархическая, когда приказы отдаются сверху вниз. Любой

социальный процесс коллективный, он проходит через согласования и утверждения. На практике же, и в бизнесе, и в обществе, и даже в боевых действиях в последнее время все более применяется сетевое или сетецентрическое управление. Оно подразумевает учет влияния разных центров принятия решений, где нет строгой иерархии, а есть веса каждого фактора. Типичный для бизнеса процесс сетевого решения это согласование сделки через ряд департаментов – клиентского, финансового, юридического, логистического, безопасности и т.д.

В итоге каждое решение неизбежно «обтачивается», упрощается до уровня, понятного всем. Обычно возможность такого упрощения заранее уже запрограммирована в регламентах, иначе процесс может зайти в тупик.

Следствием этого принципа ориентации на слабое звено становится ряд парадоксов, побочных эффектов. Булат Окуджава пел: «Дураком быть выгодно, да очень не хочется, умным - очень хочется, да кончится битьем...»

Это совершенно корректное наблюдение. В условиях упрощенных «под дурака» процессов выгодно быть как раз дураком. В экономике такая ситуация описывается как баланс предельных выгод и издержек. У дурака минимизированы предельные издержки – он может исполнять заданный процесс, и при этом не вкладывать дополнительных сил в обучение. Умный же сначала потратил больше сил на образование, а затем его будут еще и «бить», то есть загонять в упрощенный процесс. Затраченные на образование силы оказываются в этом случае напрасными и невозвратными издержками.

Эта ситуация показана в фильме Юрия Быкова «Дурак». Один умный пытается спасти большинство деградантов, в разваливающемся провинциальном общежитии. Деграданты от такого спасения отбиваются и умного бьют, как и завещано Окуджавой.

Между прочим, приведенная выше рациональная модель объясняет массовое отупление населения на Западе, нелюбовь к знаниям. Современный массовый человек сугубо рационален, в понимании своих шкурных интересов, и просчитывает каждую свою маргинальную выгоду и затрату лучше любого суперкомпьютера. Поэтому принцип «дураком быть выгодно, а умным не с руки» становится руководящим и направляющим для большинства.

Опять же надо напомнить, что в современном обществе рациональные институты как никогда тотально моделируют поведение человека, даже в мелочах. Чтобы совершить покупку, мы следуем алгоритму онлайн магазина; чтобы оплатить электричество, мы следуем алгоритму онлайн-банка. На работе мы следуем алгоритмам и процессам компании, а в свободное время – алгоритмам и нормам общества потребления. Эта тотальная алгоритмизация поведения включает в себя, в обязательном порядке, упомянутый принцип защиты от дурака, усреднения и упрощения. В этом смысле современные рациональные институты буквально навязывают и учат пониженным, упрощенным моделям поведения, одинаковым для всех. Достаточно посмотреть на принцип специализаций – работа кассира, курьера, водителя

или даже врача-консультанта настолько алгоритмизирована, отсечена от любой целостности, что действительно становится несложно заменить такого специалиста на робота и искусственный интеллект.

Конечно, для умных наступило некоторое облегчение в эпоху экономики знаний. Но для того, чтобы получить свои преимущества, этот умный должен выйти на другую орбиту, чем та, на которой господствуют упрощенные массовые процессы. Фильм Быкова «Дурак» показывает, как провинциальный когнитарий бьется о стеклянный потолок этих упрощенных процессов. В итоге, совершив все ошибки, которые положены молодому энтузиасту-народнику, герой будет вынужден бежать из глухой провинции куда-то туда, «где оскорбленному есть чувству уголок». Этот уголок обычно обнаруживается в Москве, Питере и за границей, то есть там, где есть рабочие места для когнитариата.

Упрощение в процессе принятия решений

Теперь перейдем на следующий уровень этой проблемы, поскольку она влияет не только на низовые взаимодействия, но и на организацию управления в целом.

Стороннему наблюдателю, гражданину на Западе кажется странным, почему управленческие и политические решения все время оказываются такими тупыми? С аналитической точки зрения, скажем мягче – политические и государственные решения на Западе из всех вариантов почти всегда выбирают самый банальный, примитивный и предсказуемый. Это, между прочим, существенно облегчает аналитикам задачи прогнозирования.

Это тем более странно, когда так рекламируются достижения США и Европы в области знаний. Высочайшая степень информатизации – все данные могут быть представлены в режиме онлайн. Высочайшая степень развития инструментов анализа данных. Искусственный интеллект, мощности суперкомпьютеров.

Но именно эта сверхсложность и не стыкуется с человеческим принятием решений. Сложность современной экономики и технологий принципиально упирается в неспособность управляющих ей овладеть. Управляющие вольно или невольно все время сдерживают и понижают сложность до своего уровня. Это типичное рассогласование институтов.

Приведу пример из консалтинговой практики. Один мой молодой коллега должен был представить проект стратегии перед советом директоров одной довольно крупной компании. Были проведены исследования, анализ данных и подготовлена красивая презентация. Как принято в таких случаях, консультант в основном оперировал финансовыми и экономическими терминами, а также статистикой.

В ходе выступления стало заметно, что многие члены совета директоров не понимают финансовых терминов и результатов анализа данных. Это были

пожилые люди, всю жизнь проработавшие в промышленности и имевшие соответствующее отраслевое, техническое образование. Они просто не знали большинство специальных экономических и финансовых терминов. Стратегия же должна была быть подготовлена именно на этом языке, поскольку она публикуется в годовом отчете, по сути дела, для акционеров, клиентов и инвесторов. Экономический и финансовый язык, по большому счету, является интегральным, сводным для бизнеса, как бы в расчете на то, что его должен понять любой акционер и инвестор, в том числе миноритарные.

В итоге, доклад был одобрен единогласно, и кто-то даже сказал: «какой умный молодой человек». Но подозреваю, что это единодушие было заранее согласовано во время фуршета, и для этого не понадобились финансовые показатели и анализ данных.

Это характерный пример того, как принимаются коллегиальные управленческие решения на высоком уровне. Похожую ситуацию про совещание совета директоров в Великобритании описывает Ричард Брэнсон в книге «К черту все. Берись и делай!»¹⁷¹. После таких совещаний Брэнсон принял решение с потерями выкупить обратно доли и вернуться к единоличному управлению – чтобы не потерять компанию. Такие же проблемы описывали Джон Рольф и Питер Труб в книге «Мартышкин труд. Уолл-стрит изнутри»¹⁷².

Совершенно нормально то, что члены совета директоров (или правительства) имеют разный опыт и специализации. Но современные специализации слишком глубоки и отдалены друг от друга. Нет полноценного единого языка, чтобы эти управляющие могли прийти к соглашению, одновременно учитывая все аспекты сложности разных дисциплин. Язык экономики, финансов и анализа данных отчасти выполняет функцию такого сводного языка – но сам он уже настолько сложен, что и он становится достоянием только специализированных профессионалов.

В процессе согласования происходит естественная очистка, вычитание всего того, чего не понимает каждый из участников. Поскольку участников много, и все специализации разные, то вычитается в итоге 95% содержания аналитики. Хорошо, если аналитика демонстрирует простой тренд, который можно выразить простыми словами: прибыль тут, убытки там. Или, когда возможно подкрепить аналитику инструментами власти и здравым смыслом: кто не проголосует «за» - обидит лично главного акционера дядю Гогу. Или: нужно единство, товарищи, а то черный лебедь на нас всех сядет уже завтра.

Но далеко не все ситуации по своей структуре сводятся к таким упрощениям. Анализ данных иногда дает такие показания, для которых желательно

¹⁷¹ Branson, R. (2007). *Screw It, Let's Do It Expanded: Lessons in Life and Business*. Random House.

¹⁷² Rolfe, J., & Troob, P. (2001). *Monkey business: Swinging through the Wall Street jungle*. Hachette+ORM.

понимать методы анализа данных. Коллективное принятие решений часто связано с объективными конфликтами интересов. При противоречиях особенно важно наличие единого языка, который позволяет хотя бы не спорить о том, что дважды два равно четыре. Наложение конфликта интересов на отсутствие единого языка приводит коллективное принятие решений в безвыходный клинч. Который мы и наблюдаем почти ежедневно в новостях о западной политике.

Обязательно один уважаемый человек будет кричать, что вы не понимаете всей сложности квантового аспекта, а другой скажет, что вы не понимаете последствий для глобальной безопасности.

В результате решения часто принимают не управленцы, а само время – оно заставляет принимать вынужденные, радикально запоздавшие решения по спасению ситуации. Как только ситуация заходит в кризис, выбора уже нет, природа решений становится более простой и однозначной – и это позволяет принять коллективные решения. Правда, обычно и уровень этих решений - увеличить госдолг или мотать удочки с Афганистана.

Добавьте к этому демократическую систему сдержек и противовесов, многоуровневое принятие решений, право вето на многих уровнях – и понятно, что западная модель управления пришла к безнадёжному и безвыходному коллапсу. Это похоже на состояние баржи, которая еще не тонет, но уже и не управляет своим движением, плывет по течению.

Институциональная защита от дурака, ориентация на самое слабое звено, конечно, защищает институты от волюнтаризма и рисков. Но защищает путем чрезвычайного понижения уровня сложности управленческих решений. Сами вызовы времени, сложность уже созданных институтов, требуют от управляющих более сложных и тонких ответов.

Авторитарные и иерархические модели управления на какое-то время получают преимущество – и поэтому они начинают переигрывать Запад даже при гораздо меньших ресурсах. В этом секрет того, почему государственные власти Запада уступают и внешним противникам, и собственным корпорациям.

Но в долгосрочном плане такие иерархические модели неустойчивы, в них тем более нет внутренней защиты от ошибок и волюнтаризма. Как говорил Эйнштейн, нельзя решить проблему на том уровне мышления, который привел к ее возникновению. Необходим язык преодоления специализаций – и это не язык экономики и финансов, который игнорирует техническую сложность, институты, социальный и человеческий капитал.

Необходимо и другое образование, как минимум для когнитарного класса – передового класса экономики знаний. Помимо своей специализации каждый когнитарий обязан владеть инструментами синтеза, целостного понимания реальности.

6.7 | ВЗАИМОЗАМЕЩЕНИЕ ИНСТИТУТОВ

По умолчанию считается, что более новые, технически совершенные институты, технологии и формы организации лучше, чем старые. На самом деле это совершенно не обязательно. Иногда люди выбрасывают старую мебель, доставшуюся от бабушки, чтобы заменить на модную, брендовую и современную. А потом оказывается, что бабушкина мебель была сделана из цельного дуба, а модная и современная – из дешевого ДСП. И эта старая мебель в нынешних ценах стоит на порядок дороже, чем новая и современная.

В отношении институтов, замена обычно связана с когнитивным искажением. Старые институты представляются чем-то естественным, вечным, как воздух. Они были, уже когда мы родились, и еще раньше, и видимо, будут всегда.

Такие ценности как любовь, школьный учитель, дружба, Родина, все это считается как бы само собой разумеющимся. На самом деле, конечно, это рукотворные институты. За которыми стоит не просто огромный труд прежних поколений, но и кровь солдат, погибавших за Родину, и подвиги мучеников, за то, чтобы любовь в нашей жизни занимала важное место.

Мы считаем, что современные лайфхаки, цифровизация, добавятся к старым институтам. Трудовая дисциплина усилится автоматизацией. Но они не добавляются, а замещают старые институты – потому что мы сами же перестаем платить за старые институты.

Раз уж мы вложились в диджитал и автоматизацию бизнес-процессов, то кому теперь нужны старые методы дисциплины и ответственности. Это не модно, не комфортно и тем более, за такое никто не захочет платить своими неудобствами. В итоге мы получаем автоматизацию не в дополнение к дисциплине, а вместо дисциплины.

Алгоритмизация деятельности ведет к утрате эмоционального интеллекта и социальных связей. Такие усилия больше не требуются, поскольку эти усилия взял на себя алгоритм. Следуя алгоритмам, можно найти романтические знакомства, попасть на тусовку или оказаться в трудовом коллективе. Оказавшись там, можно и дальше следовать алгоритмам. Никого уже не удивляет картина, когда юноша и девушка, сидящие вдвоем в кафе за одним столом, молчат и оба что-то набирают в своих телефонах. Отсутствие выражения и эмоций на лицах, характерное в последнее время, — это тоже черта утраты эмоционального интеллекта, за ненадобностью.

Математика замещает методы других наук

В 20-м веке был раскрыт потенциал анализа данных, математических методов применительно к любым наукам, от биологии и химии до социологии и психологии. Первоначально математические методы были как бы дополнением, надстройкой над понятийным аппаратом и методами базовых наук. Но постепенно произошло вытеснение. Сейчас во многих научных статьях, например, в экономике и финансах видно, как авторы бравируют анализом данных, при этом плохо понимая понятийный аппарат и методы самой экономики.

Во второй половине 20-го века экономистов критиковали за «экономический империализм» - вмешательство в дела других наук. Сейчас это можно сказать про математиков. С кипучим энтузиазмом они лезут в другие науки, в которых мало что понимают.

Задача каждой науки, прежде всего, эмпирические исследования и развитие собственного понятийного аппарата, понимания собственных систем. Анализ данных так бурно расцвел во многих науках, потому что он дешевле. Сбор эмпирических данных о космосе или недрах океана гораздо сложнее и дороже.

В отношениях между математикой и другими науками не следует забывать о конкуренции институтов. Математика имеет совершенно другую внутреннюю логику, чем эмпирические науки. Математика, это прежде всего, абстрактная наука.

В этом существенная причина, почему в научных статьях математический аппарат начинает подавлять понятийный аппарат эмпирических наук. Эти два способа не совмещаются легко и автоматически. Их соединению надо уделять особое внимание. Когда этому соединению не уделено внимание, а математика принята как более модный и приоритетный метод, то абстрактный метод математики начинает преобладать. И научное исследование выдает либо совершенно банальные, либо абсурдные, либо явно ошибочные, с точки зрения базовой науки, выводы.

Замещение сознания технологиями

Поговорим о таком важном явлении, как человеческое сознание. Как любые невидимые, исторические институты, оно считается разумеющимся, существующим «испокон веков». На самом деле, конечно же это не так.

Еще 100 лет назад большинство населения земли было безграмотным – даже в промышленно развитых странах. Безграмотные крестьяне жили в мифических представлениях о мире. Основным видом их интеллекта был социальный, эмоциональный интеллект.

Сознание, в современном понимании, это результат модернизации 20-го века, всеобщего школьного образования и урбанизации.

Что такое мышление среднего человека 20-го века? В основном, это решение в голове многочисленных задач повседневной оптимизации и рационализации. Это составляет основную часть сознания на практике. Безусловно, в сознании присутствуют и высокие цели, и обучение, и чтение книг – но боюсь, что это все применимо не к очень большому числу людей. Я не обесцениваю простых людей – им тоже присущи ценности и высокие цели – но они проступают в какие-то решающие моменты жизни. В остальном они хранятся на метакогнитивном уровне, а не на когнитивном. Редко высокие цели и смыслы являются предметом повседневных раздумий и озабоченности простого человека.

Сознание и мышление – это, в сущности, набор навыков, компетенций мыслительной и рефлексивной деятельности. Все это подробно изучает когнитивная наука.

В 20-м веке уровень образования и личного развития среднего городского человека уже достаточно высок. А вот окружающий мир еще остается довольно-таки неудобным. Мужчина должен уметь строить и ремонтировать дом своими руками, чинить автомобиль и бытовые приборы. Проявлять изворотливость для дополнительного заработка или улучшения бытовых условий. Женщина должна находить продукты, уметь готовить и вести хозяйство, сама воспитывать детей. А попутно еще и работать по найму. Вторая половина 20-го века это массовое вовлечение женщин в рынок труда.

Все это происходит в условиях весьма ограниченного благосостояния в большинстве стран мира, даже развитых. Это нам хорошо известно по дефицитам в СССР. В сущности, эти дефициты – это системное свойство ограниченных производственных возможностей. В большинстве рыночных экономик, не относящихся к самой верхушке богатых стран, в это же время трудно было купить товары не по причине дефицита предложения, а по причине недостатка денег.

Так или иначе, гражданин в Аргентине или Болгарии, Малайзии или Турции, должен был проявлять чудеса изворотливости для улучшения своего быта. А также немалые способности все доделать и улучшить своими руками и своим умом.

Ошибки и недоработки наказывались явным ухудшением качества жизни. Если жена не умела готовить, всей семье надо было есть невкусную еду. Это, знаете ли, для простого человека важный момент. Наличие или отсутствие дачи или автомобиля зависело от умения добыть материалы и своими руками чинить и строить. Ремонт в квартире делался исключительно собственноручно. И так далее. Все это в совокупности и обеспечивало интенсивную практику мышления и сознания.

Кстати, в этом смысле недооценивают умственные способности древних людей. Все то, что мы сейчас покупаем как готовое в магазине, они должны были уметь сделать своими руками. Одежду, оружие, рыболовные

инструменты, жилье и тому подобное. И еще должны были уметь передавать эти компетенции по наследству.

Что же происходит сегодня. Рациональные институты моделируют поведение человека алгоритмическим способом. В рамках трудовых специализаций вам надо знать один вид операций, и точно его повторять. В США это доведено до предела. Чтобы занять примитивную должность, вам надо иметь десяток сертификатов, подтверждающих, что вы неукоснительно умеете три раза нажать на синюю кнопку и два раза на зеленую.

Чтобы совершить потребительский выбор, вы должны проследовать по алгоритму онлайн магазина. Этот алгоритм обо всем за вас уже подумал. Вам думать не надо – это очень комфортно. Просто следуйте желаниям своего сердца и нажимайте кнопки.

А где же здесь место старому доброму сознанию? Оно больше не нужно. Все уже продумано за вас. Просто следуйте алгоритму и не думайте. Думать даже вредно – потому что алгоритм намного умнее среднего человека. Алгоритм уже включает в себя анализ данных, он предвидит типичные потребности и так далее. Алгоритм писала команда очень умных людей. Они за вас обо всем уже подумали.

На этом фоне возникает побочный массовый эффект – это дурак с деньгами. Дурак с деньгами существовал всегда, но никогда еще так массово. Человек с одной стороны, отучается думать, с другой стороны рациональные институты вручают ему существенные доходы. Институты потребления предлагают эти доходы потратить, тоже не включая разум, а следуя исключительно велениям сердца. Таким образом, не приходя в сознание, человек получает деньги и тратит их. Был такой анекдот: «дорогой Леонид Ильич скончался на своем посту, не приходя в сознание».

Современный рациональный человек производит и потребляет, как бы, не приходя в сознание. Не удивительно, что эту роль человека все более удобно отдать роботам и искусственному интеллекту.

На переходном этапе, современные люди с неразвитым мышлением еще используются для исполнения алгоритмических операций. Но чем дальше, тем больше они заменимы на роботов и искусственный интеллект.

Тогда возникает два вопроса. Во-первых, чем эти люди без сознания должны заниматься, когда их должности займут роботы. Кроме исполнения готовых алгоритмов они ничего не умеют. И во-вторых, а кто тогда будет потребителями производимой продукции, если граждане перестают получать доходы, средний класс исчезает.

Это и есть революционный вызов перехода от индустриальной экономики к экономике знаний. И на Западе пока не предлагают на него ответа.

Тема манипуляций сознанием, использования когнитивных искажений для влияния на массы хорошо исследована и описана - например, в книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляции сознанием»¹⁷³. Описана также и тотальность погружения в вымышленный более прекрасный мир, который заменяет реальность. Это рассказы Борхеса, фильм Матрица, сериал «Черное зеркало».

У большинства этих концепций есть одно слабое место. Обычно предполагается, что за манипуляциями, вымышленной реальностью стоят какие-то авторы, кукловоды. Неизвестный Великий инквизитор Достоевского, который позволяет массам чувствовать себя счастливыми детьми, но сам несет бремя истинного знания.

В реальности же большинство общественных мифов производят не тайные элиты. Они образуются сами, как сумма частных манипуляций сознанием, институциональных экстерналий и когнитивных искажений. Склонность общества модерна производить и использовать все новую мифологию описана философом Алексеем Лосевым¹⁷⁴.

И это делает современную мифологию тем более могущественной – поскольку за ней действительно нет узких интересов отдельных людей или элит. Это позволяет рассматривать такие мифы как объективную реальность, поскольку ясно, что она распространяется на самые разные группы общества и на элиты в том числе.

Как пример можно привести всю сумму рекламных воздействий на аудиторию. По отдельности, реклама стремится манипулировать поведением людей с целью побудить их покупать как можно больше товара. Но в совокупности, все рекламные сообщения транслируют несколько базовых манипулятивных парадигм. В частности:

- надо соответствовать определенным уровням потребления; и по возможности стремиться на более высокие уровни;
- товар и бренд формируют идентичность человека
- клиент царь и бог, а сам акт потребления сакрален. Торговый центр — это храм потребления, как справедливо отмечал Жан Бодрийяр.
- надо все время хотеть больше потребления

¹⁷³ Kara-Murza, S. G. (2000). Manipulation of consciousness. Algorithm

¹⁷⁴ Losev, A.F. (1930). The Dialectics of Myth. Moscow: self-published by the author

- потребление — это символическая система, по которой можно определять положение в обществе, свое и других людей.

Этот набор парадигм можно считать метакогнитивным. Он не провозглашается в каждой рекламе буквально, но подразумевается, как само собой. Когда в большинстве рекламных и маркетинговых воздействий подразумеваются одни и те же парадигмы, люди просто привыкают их воспринимать как сами собой разумеющиеся.

В этом смысле нет никакой разницы между массами и элитами. Сознание элит так же точно детерминировано этими метакогнитивными рамками. Простолюдины соревнуются по маркам автомобилей, а господа – по размеру яхт.

Важно отметить этот особый способ возникновения метакогнитивных рамок, парадигм, фактически из экстерналий. В общем-то, никто в отдельности не стремился создавать такие парадигмы, тем более для элит. Каждый бизнес в отдельности просто рекламировал свой товар, используя когнитивные искажения и манипуляции сознанием.

В совокупности же, когнитивные искажения были превращены в норму, и эта норма была помещена на метакогнитивную рамку. Как отмечалось в первой части, социальные нормы тяготеют к тотальности, монополизму, и поэтому возобладавшая парадигма становится все более тотальной, незыблемой и всеобщей. Сейчас даже многие ученые скажут вам, что стремиться к мерседесу и наращиванию потребления – это само собой, тут и обсуждать нечего. Сама проблематизация этой темы удивила бы большинство собеседников, поскольку тут все ясно, как белый день.

Другой характерный пример ненамеренного формирования метакогнитивных рамок, это голливудская пропаганда. Есть паттерны американских фильмов, которые всем давно известны. Американский герой, мускулистый и красивый, один побивает сотни коммунистов в разных частях света. Эти коммунисты хилые, уродливые и тупые, они способны только бегать табуном и ждать пока Рембо их расстреляет из пулемета.

Американские генералы и министры собираются в гламурно обставленном кабинете, с большим экраном. Отсюда они будут диктовать свою волю всему миру, с применением суперсекретного, инновационного оружия. Экран показывает ужасных террористов на другом конце планеты. Не переставая улыбаться фирменной американской улыбкой, генералы отдают приказ уничтожить негодяев. Супероружие с воздуха не оставляет никаких шансов бородатым людям с автоматами – они взлетают на воздух. Все в кабинете аплодируют друг другу и, не переставая улыбаться, расходятся.

Это было повторено настолько много раз во всех фильмах, что за это время успели вырасти несколько новых поколений элит, в том числе американских. Каждое новое поколение с детства воспринимало эту картинку как

абсолютную реальность. Люди, которые выдумали пропаганду, уже умерли, и теперь эта пропаганда живет своей жизнью, как планета смыслов Тлён у Борхеса. В 2010-20-е годы, Дональд Трамп, став президентом, как будто попал вовнутрь голливудского кино и пытается воевать в точности, как это ранее было показано в фильмах. Улыбаясь и поедая шоколадный торт, он отдает приказ уничтожить все силы зла в Иране и Сирии. И в следующем кадре уже страшные ракеты летят на головы негодаев.

Тем более в эту картину верили младшие союзники США, особенно в отсталых странах. Для населения этих стран мифология это тем более норма. В этом контексте, многие не знают, каким ужасным информационным провалом для США стал Афганистан, и особенно Украина. Вся Юго-Восточная Азия до того момента в целом верила в этот голливудский миф. Только заведутся негодаи и злобные коммунисты, сразу приедет Рембо, а с неба прилетит инновационная ракета. И тут во всех новостях, самих же американских телеканалов объясняют: в общем так и так, все это оказалось слишком дорого для нас и неприятно. Поэтому ну на фиг, Рембо не приедет, ракета не полетит. Я в это время находился в Юго-Восточной Азии и наблюдал, как у людей это вызывало глубокое недоумение. Вроде, так не договаривались. Это что получается, если этого нет, а что тогда есть?

Все дело в том, что это был не хитрый план. Элита США впуталась в Украину именно потому, что вся выросла на фильмах про Рембо и супероружие. Американская мощь и беспомощные коммунисты стали такой реальностью, что она обеспечила общую метакогнитивную рамку для элит. Политические решения всегда коллективные, и они могут быть приняты только при наличии общих базовых установок. Вот эта мультяшная голливудская пропаганда и превратилась в такую базу элитного консенсуса по вопросу реальной войны.

По той же самой причине, по которой американские элиты договорилась об ошибочном решении – поэтому же они не могут договориться о правильных решениях. Слишком много в сознании установлено ложных предпосылок. В эпоху массовых когнитивных искажений (Голливуд, реклама) даже легче ошибаться в одном направлении, чем договориться о решениях, основанных на парадигме истины.

Этот эффект известен, как ловушка самоподтверждения, самосбывающееся пророчество. Тут также можно вспомнить формулу Маркса о том, что идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. Но раньше и идеи, и самосбывающиеся пророчества носили какой-то направленный (хотя и не обязательно безошибочный) характер. У идеологий обычно были явные авторы и первоисточники.

Сейчас же некоторые влиятельные парадигмы слепливаются как-то сами, из всей совокупности институциональных экстерналий и хаоса информационного пространства.

Еще один интересный пример **институционализации когнитивных искажений** – это применение золота центробанками, как резерва последней инстанции.

Экономистам давно понятно, что золото имеет очень небольшую фундаментальную стоимость. Меньшая часть мирового золота используется в промышленности, а основная часть – в ювелирной отрасли и в резервах центробанков.

И использование золота для украшений, и для банковских резервов – это как бы вторичная функция золота. Она основана на убеждении в его безусловной ценности и сохранении стоимости «во все времена».

В реальности же, нужно золото сейчас только в специфических случаях для промышленности. И с развитием современных композитных материалов оно скоро будет заменено синтезированными аналогами. Или уже эти аналоги есть, но центробанки просили не шуметь по этому поводу.

То есть, руководствуясь здравым смыслом, золото — это не лучший резерв для центробанков. Лучше уж было бы тогда владеть всей линейкой драгоценных и редких металлов и камней, если необходимо физическое обеспечение. А также ураном и подобными ценными источниками энергии – то есть всем тем, что компактно, ликвидно и наверняка будет востребовано в промышленности при любых обстоятельствах.

Но так сложилось, что центробанки накопили именно золото. И сейчас ценность золота основана уже не столько на вере населения в его безусловную вечную ценность, сколько на вере в это центробанков. Центробанки, как мы знаем, умеют заставить население применять бумажные деньги одного государственного образца, которые сами по себе, как куски бумаги или электронные цифры, ничего не стоят. Неужели они не сумеют заставить население поверить в вечную ценность золота?

Это типичная ловушка зависимости от колен. Но здесь мы имеем дело и с эффектом самосбывающегося пророчества. И не просто эффектом, а институционализацией этого эффекта, приданием ему прочной формы в виде института.

Чем прочнее конструкция, построенная на ложных основаниях, тем большее будет падать такая башня однажды. Ситуация с золотом здесь приведена как институциональный пример. Конкретно в случае золота, думаю, что жесткого падения не будет. В центробанках сосредоточены лучшие аналитики и прогнозисты, и они сумеют заранее диверсифицировать резервы, если для золота начнут приближаться не лучшие времена.

Многие специфические проблемы современного общества – это наложение друг на друга нескольких видов экстерналий или нескольких кризисных институтов.

Проблема гиперреальности состоит в том, что эта символическая реальность потеряла связь с человеческой и материальной базой, и поэтому также и с

содержательными смыслами. Потеряна эта связь, прежде всего, по причине кризиса институтов — поскольку именно институты, в эпоху высоких производственных возможностей, обеспечивают управление производством и распределением. Помимо экстерналий и рассогласований институтов, важную роль здесь играют человеческие когнитивные искажения.

Термин «когнитивные искажения» определенно придумали ученые, поскольку только ученые могут считать рациональное мышление нормальным, а все остальное — искажением. В действительности дело обстоит ровно наоборот.

Для человека естественно мыслить не рационально. Во-первых, так заложено природой — в этом есть свои выгоды для сохранения энергии и психологической защиты. Аналитическое, рациональное мышление требует дополнительных затрат времени и сил. Подробно эту проблему разобрал нобелевский лауреат Даниель Канеман в книге «Быстрое и медленное мышление»¹⁷⁵.

Люди прежних веков не «верили» в бесов и духов как-то умозрительно, а буквально их повсюду видели и встречали. Это известно по историческим документам, где встречи с духами, домовыми и василисками документируются, например, в путевых журналах, наряду с прочими обстоятельствами. Это восприятие передано Алексеем Ивановым в романе «Сердце Пармы» — когда духи и всякие потусторонние силы воспринимаются людьми как что-то совершенно реальное.

В психологии известен «эффект Мюнхгаузена», когда грань между воображаемым и реальным стирается для самого человека. Это присуще детям на определенных фазах взросления, особенно с 8 до 11 лет.

Рациональное мышление является привнесенной, сложной надстройкой. Оно не естественно для человека. Как здоровый образ жизни, его надо поддерживать целенаправленно. Однако, институты рационального мышления в существенной степени разрушены в современном обществе. Их влияние ограничено стенами школ и университетов.

Общество потребления породило нарративы комфорта, выгоды, баблофилию, как свою идеологию. Комфорт — это всегда последнее убежище потребителя. Если не удалось получить выгоду, увеличить потребление, всегда можно хотя бы отказаться от неприятных действий и тем самым повысить свой комфорт. Медленное (рациональное) мышление и оказалось одним из таких типичных неприятных действий. Оно пожирает время, психическую энергию, заставляет думать о неприятных вещах.

Не то чтобы люди и раньше очень любили рационально думать — но раньше это считалось социальной нормой, по крайней мере, для обществ,

¹⁷⁵ Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. Macmillan. Note: unsuccessfully translated into Russian as "Think slowly, decide quickly", although it is precisely about fast and slow thinking, which is written in the original title

считавших себя цивилизованными. Теперь социальной нормой стал комфорт.

Добавим к этому информационную дезориентацию, эффекты эхо-камеры и когнитивной бочки (батискафа) и эффект институтов-матрешек.

Символическая система, гиперреальность, не представляет проблемы для людей с развитым мышлением и эрудицией. Вот только таких людей становится все меньше, даже среди элит и управляющих.

6.9 | ЭФФЕКТ ГОЛОГО КОРОЛЯ

В сказке Ганса Христиана Андерсена «Новое платье короля» хитрые портные предложили королю особенно изысканное платье. Оно было сделано как будто бы из материалов, которые могут видеть только умные и достойные люди. Дальше все министры, придворные, сам король и широкие народные массы должны были следовать этой концепции, чтобы не выглядеть глупыми и недостойными. Восхищения новым платьем короля продолжалось до тех пор, пока маленький мальчик не закричал: «а король-то голый!».

Ситуация с восхищениями несуществующим платьем короля — это один из самых распространенных институциональных эффектов всех времен и народов. В позднем СССР было множество анекдотов на тему того, что никто не верит в коммунизм и советский строй, но все делают вид, что верят.

Так, Рабинович разбрасывал листовки на Красной площади. Но когда его поймала милиция, оказалось, что на листовках ничего не написано. — Зачем что-то писать, — объяснил Рабинович. — Все и так все понимают.

Эффект голого короля — это, по сути, эффект институциональной инерции, колее. Но уже в стадии, когда институты totally перестали соответствовать реальности. Как отмечалось в первой части, институты не только рационализируют и моделируют коллективное действие — но и оформляют общественный договор. Это весомая и на самом деле разумная причина, почему во многих ситуациях всем лучше продолжать восхищаться несуществующим платьем короля. Перезаключение общественного договора стоит очень дорого, и результат вообще не гарантирован.

До 1991 года можно было иронизировать на тему голого короля — поздней советской власти, рассказывать анекдоты на кухнях. А после 1991 года анекдоты закончились и началась кровавая бойня во многих республиках.

Институты и интересы переплетены и взаимосвязаны, и никто не хочет первым брать на себя риск пересмотра. На эту тему есть притча о том, как черепаха перевозит змею через реку на своей спине. Черепаха думает: если сброшу, то змея меня укусит. Змея думает: если укушу черепаху, то сбросит.

В то же время полезно понимать, что голый король не может существовать слишком долго. Само несоответствие старых институтов и новых вызовов разрушит рано или поздно эти попытки потянуть старое мирное время.

Все больше становится похожей на несуществующее платье короля мировая роль доллара, а также мировое могущество армии НАТО и США. Это не

означает краха Запада вообще — но краха старых институтов можно и нужно ждать в ближайшие 5-10 лет.

Как в сказке Андерсона, слишком многие в мире «все понимают» про доллар, но понимают и то, что начало пересмотра — это обрушение всей мировой экономики в рецессию.

Сегодня США, по инерции, еще фантазируют, как они будут сдерживать Китай. А через 10 лет они будут сдерживать свои южные границы от проблем с амбициозными и растущими латиноамериканскими соседями.

6.10 | ЭФФЕКТ БУМЕРАНГА

Эффект бумеранга или кармы состоит в том, что сброшенные на общество экстерналии или негативные воздействия, обычно так или иначе возвращаются к тем, кто это сделал. Общество и экономика — это замкнутая система. А в условиях глобализации, быстрого транспорта и информации, барьеров в этой системе все меньше. Никто не хочет брать на себя чужие проблемы и убытки. Их либо возвращают инициаторам, в виде ответных действий, или, как минимум, негативные эффекты распределяются по всей системе равномерно. И таким образом тоже возвращаются, по крайней мере, частично, к инициаторам.

Известный исторический пример — это дискуссии в Англии второй половины 19-го века о необходимости ухода из колоний, поскольку они оказывают слишком большое отрицательное влияние на саму Англию. Англичане правили Индией посредством местных кланов. Эти кланы постепенно проникли в Англию и начали влиять на ее политику изнутри. Собственно, это и сейчас можно наблюдать в английской политике.

Аналогичную ситуацию показал Лукино Висконти в выдающемся фильме «Гибель богов» — об элитах фашистской Германии. Допущение ненависти, агрессии, расчеловечивания как принципа по отношению к другим, к расово неполноценным недолудям, Untermenschen, скоро ведет к тому, что эта же социальная практика начинает осуществляться и внутри самой элиты, по отношению друг к другу.

Внешняя война часто приводит к перенесению военных практик вовнутрь страны — военные перевороты, авторитаризм, гражданская война. В России это известно по восстанию декабристов, превращению «войны империалистической в гражданскую», по военизированному стилю сталинского управления и т.д. Антиколониальная борьба в Африке развернулась как раз после того, как местные жители были рекрутированы колонизаторами для участия во Второй мировой войне. В ряде стран это создало масштабные практики коллективного действия, в частности военного, — и оружие было обращено против колонизаторов. Ветераны Афганистана тоже сыграли не последнюю роль в бандитских разборках в России 1980-х — 1990-х гг.

Политические и психологические манипуляции основаны иногда как раз на использовании эффекта бумеранга. Популярный психолог Борис Литвак

сформулировал эту идею как «Принцип айкидо»¹⁷⁶. Действительно, термин вполне уместен. Начальное усилие, нападение, удар усиливается оппонентом, чтобы вывести противника из равновесия, а затем совершить бросок или встречное движение. Противодействие часто осуществляется не усилием оппонента, а самими обстоятельствами. Это, в сущности, стратегия Кутузова, который позволял великой армии Наполеона зайти далеко вглубь России. Коммуникации оказались растянуты, их громили партизаны. Армия Наполеона не была готова к зиме, потому что южные европейцы и сейчас не очень хорошо знают, чем -2 градуса отличается от -20. Наполеону, прежде всего, помогли встретиться с генералом Морозом, раз уж он так хотел вторгнуться вглубь России.

Власти США тоже не скрывали своих надежд на то, что внешняя война на Украине приведет к «детонации» внутренних конфликтов в России.

На предотвращении эффекта бумеранга основаны некоторые правовые нормы – например, недопущение жестокости по отношению к животным. Раз уж домашние питомцы по факту выполняют роль ближнего, то такую жестокость трудно было бы отделить от жестокости к другим ближним. Равенство гражданских прав в значительной степени основано на понимании того, что легальное неравенство порождает слишком уж опасные и неудобные последствия, в том числе, и для правящих элит. На этом же понимании основан и элитный консенсус, позволяющий поддерживать представительство и сменять власть в мирном режиме. Силовой захват власти элитными группами часто технически возможен, но это ведет к такой дестабилизации и эскалации насилия, при которой насладиться властью уже не получится.

Рассмотрим еще один кейс, который объединяет и принцип междисциплинарных экстерналий, и эффект бумеранга.

Специализации и эффект бумеранга

Михаил Делягин отмечает в своей книге «Конец эпохи. Осторожно, двери открываются!»¹⁷⁷, что внедрение максимально узких профессиональных специализаций в наибольшей степени было осуществлено в США. И в этой же стране наибольшее развитие получила наука о менеджменте, как наука о синтезе, соединении специализаций.

Максимально специализированные сотрудники изготавливаются системой образования, как винтики большого механизма, а затем менеджмент слаживает их, получая максимальный полезный результат. Более широкий кругозор, свобода действий, творчества мешала бы слаженному и надежному функционированию административных машин. США последовательно

¹⁷⁶ Litvak, M. (2020). Psychological Aikido. Litres.

¹⁷⁷ Delyagin, M. (2019). End of an Era. Beware, the Doors Are Opening! Volume 1. General Theory of Globalization. Moscow: Knizhny Mir.

осуществляют эту парадигму, начиная со школьного и высшего образования, а затем на уровне производственных регламентов. Для менеджмента среднего уровня существует свое образование, программы MBA. Для менеджмента высшего уровня предлагается образование другого уровня – университеты Лиги Плюща, Оксфорд и Гарвард.

Все разложено по полочкам, как запчасти в автомобильном магазине, и может быть собрано в нужную конструкцию в нужный момент. Проблема только в том, что весь этот менеджмент 20-го века, опирался на очень упрощенные представления о человеке и обществе. Мы обсуждали в третьей части книги, что типичный источник институциональных проблем и кризисов – это допущения и упрощения, сделанные в самом начале создания институтов. Те, в свою очередь, основаны на неполноте научного знания о мире и его упрощениях в целях получения практического результата.

Упрощенный служебный человек, конечно, теряет шансы на актуализацию личности. Происходит обозначенное еще Марксом «отчуждение личности». Но это для капитализма проблемой не является. В конце концов, эксплуатация – это основа капитализма; зато этот хомо экономикус живет не так бедно, как на Кубе и в Северной Корее.

Главная проблема в другом. Пройгнорирован то, что мышление общества является коллективным по факту. Идея создать отдельное образование для богатых на самом деле не работает. «Нельзя жить в обществе и быть от него свободным», как говорил Ленин.

Такое было возможно в феодальные и монархические эпохи, когда уровень знаний простолюдинов и аристократов отличался в тысячу раз, и аристократы представляли фактически отдельный народ, отдельный антропологический тип. Не сказать, чтобы аристократы были уж очень умны, по сегодняшним меркам, – книг печаталось и читалось очень мало. Но они имели частных учителей и мыслили в рамках парадигм знания своего времени.

Сегодня элитные дети смотрят те же сериалы, слушают ту же музыку, что и массы. Они в целом покупают те же товары и развлечения, что и массы, только дороже. Американский либерализм учит элитных детей, что есть какое-никакое гражданское равенство, и открыто презирать простых людей нехорошо. В результате всего этого, большинство неосознаваемых метакогнитивных рамок у элитных детей и у масс одни и те же. Это принципиально отличает современные западные элиты от аристократии прежних эпох.

В американском образовании не уделяют особого внимания способам мышления. Весь акцент делается на умении решать конкретные образовательные и практические задачи. Между тем, парадигма узкой специализации – это не только знания и умения в узкой области – это еще и узкий способ мышления. Элитные наследники и успешные корпоративные менеджеры получают другие знания, чем массы, – но они не получают

другого способа мышления. В итоге и происходит смешение элит и масс – мы постоянно видим в новостях, что элиты ведут себя, в общем-то, как самый простой, средний американец.

Метакогнитивная база, способы мышления имеют гораздо более определяющую роль, чем знания и умения. В сущности, нельзя понять, например, Маркса, если не попытаться мыслить так, КАК мыслит Маркс. Мой литературный наставник, редактор журнала «Вокруг Света», писатель Надир Сафиев повторял: важно не только то, ЧТО вы пишете, но и КАК.

Маркс – это не набор информационных тезисов, которые можно выразить в виде теста и квиза, чтобы потом выбрать правильный ответ и поставить галочки. Это мировоззрение, парадигма, способ мыслить.

То, как, например, американские лидеры регулярно публично хамят Китаю, без всякой необходимости, говорит о том, что они не понимают парадигму китайской политики и культуры. И создают себе проблемы совершенно на пустом месте. Возможно, некоторые из них читали брошюру «Что должен знать о Китае рядовой американец» (или рядовой американский президент), но эта брошюра не смогла им передать китайское мировоззрение и мышление.

Попытка элит превратить опекаемое население в чурбанов, удобные винтики, вернулась бумерангом и превратила в чурбанов и винтики сами элиты. Кто и как теперь будет из этих элитных винтиков составлять цельный работающий механизм, мы узнаем в следующих частях этого исторического сериала.

6.11 | ХВОСТ ВИАЕТ СОБАКОЙ

Хвост виляет собакой – это название известного американского фильма 1997 года. Фильм основан на книге Ларри Бейна «Американский герой»¹⁷⁸.

В фильме сатирически представлена ситуация, довольно близкая к реальной политике. Президент США запятнался в скандале с несовершеннолетней девушкой, и пиарщикам срочно надо переключить внимание избирателей. Пиарщики придумывают и фальсифицируют для телевидения войну США в Албании. Фальсификация включает военные подробности, страдания людей и, конечно, подвиг американского героя, Шумана. Затем прообраз американского героя выходит из-под контроля пиарщиков и погибает. Пиарщики срочно переписывают сюжеты и дальше пудрят мозги избирателям.

Изначально английская фраза «хвост виляет собакой» означает, что малое событие оказывает влияние на гораздо большее.

Лауреат нобелевской премии по экономике 2009 года, неoinституционалист Оливер Уильямсон, уделил большое внимание институциональной ловушке **оппортунистического поведения**¹⁷⁹. Оппортунистическое поведение это поведение экономического агента, который использует несовершенства контрактов, информации или контроля ради своей выгоды, в ущерб партнёру или системе в целом. Проще говоря, участники системы используют несовершенства институтов для собственной выгоды. Это может быть нарушением условий договора, если контрагент знает, что может избежать последствий, сокрытие информации, коррупция и т.д.

Выше мы обсуждали проблемы экстерналий и побочных эффектов институтов. В современной реальности имеет смысл сделать акцент не на дурных намерениях агентов или слабых институтов, а том, что институты предоставляют множество таких возможностей, которые могут быть использованы для частной выгоды.

Поэтому я здесь акцентирую внимание на феномене «хвост виляет собакой». Под этим я подразумеваю, что порождение или побочный эффект большой системы начинает влиять на нее сильнее, чем большая система на свое детище.

¹⁷⁸ Beinhart, L. (1993). American Hero. Ballantine Books.

¹⁷⁹ Williamson, O.E. (1985). The economic institutions of capitalism. Free Press.

Российский ученый Владимир Мау описывал такие ситуации, называя их институциональной ловушкой кумулятивных последствий¹⁸⁰. Это форма негативной институциональной динамики, при которой неэффективные институты самовоспроизводятся, усиливая отклонения от нормы и препятствуя реформам. В условиях слабых институтов возникает порочный круг, в котором:

низкое доверие, вызывает → обход законов, вызывает → рост теневой экономики, вызывает → деградацию институтов, которая вызывает → ещё большее недоверие.

Эти последствия накладываются и накапливаются, создавая кумулятивный эффект, из которого сложно выйти даже при смене правил.

Приведем несколько простых примеров. Простота этих примеров показывает, что эффект «хвоста, виляющего собакой» — это институциональная закономерность, имеющая массовое распространение в самых разных ситуациях.

В романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок» один из жильцов коммунальной квартиры «Воронья слободка» застраховал имущество от пожара. Остальные жильцы решили, что он захотел поджечь квартиру, чтобы получить страховку, поэтому срочно оформили страховки. В следующую же ночь квартира запылала, подожженная одновременно с шести концов.

Есть масса и более новых анекдотов и реальных судебных прецедентов про этот непреднамеренный мотив, который создает страховая услуга — спровоцировать страховой случай и получить выплату.

Массово распространившаяся деятельность хищных содержанок и альфонсов, брачных аферистов — это не просто оппортунистическое поведение, а превращение его в бизнес, профессию. Государственное регулирование брака щедро наделяет более бедную сторону половиной совместного имущества, правом на алименты, что нередко становится самодостаточным мотивом для брачных аферистов.

В условиях преобладания в обществе рациональных хомо экономикус, само наличие такой экстерналии обязательно будет отрефлексировано и осознано как выгодный бизнес. Если до этого не было идеи вступать в брак ради развода и раздела имущества, то, раз государство дает такой отличный инструмент обогащения, это будет превращаться в бизнес. Как только это превращается в бизнес, это дискредитирует сам базовый механизм, то есть государственную регистрацию брака. Это типичный путь, когда одна экстерналия разрастается, используется для паразитизма, а затем уничтожает тот объект, который ее породил. Вся история краха СССР, в общем, и сводится к этому — сначала регулирование всего и вся, часто неудачное,

¹⁸⁰ Мау, В. (2004). Догоняющая модернизация в современной России. Проблемы теории и практики управления, (4), 13-16.

порождение бесконечного числа экстерналий. Затем превращение экстерналий в самостоятельные сущности - номенклатура, коррупция, раздувание трат бюджета, теневой капитал и т.д. Затем хвост виляет собакой, затем начинает перевешивать собаку, и все рушится.

Сейчас это же накопление институциональных экстерналий происходит и на Западе. Это создает такой феномен, как **профессионализация оппортунистического поведения**. Известный сериал «Лучше звоните Солу» рассказывает как раз о такой профессионализации. Институты порождают так много багов и побочных эффектов (в том числе хайпов), что на них уже можно профессионально зарабатывать.

Голливудское кино все больше повествует об актуальных сейчас моделях успеха: профессиональные жулики, коррупционеры, преступники и наркодельцы. Но концепция фильма «Лучше звоните Солу» особенно примечательна. Веселые мошенники в литературе и в жизни были всегда – это герои О Генри, Остап Бендер и многие другие. Адвокат Сол же в основном находится в легальных рамках и осуществляет не столько мошенничество, сколько именно оппортунистический бизнес.

Показанное в фильме «Хвост виляет собакой» направленное использование малого действия для влияния на большую систему – это довольно распространенный метод политических манипуляций. Часто военный конфликт двух крупных сторон начинается с какого-то непонятого инцидента. Эксперты не без оснований указывают, что автором инцидента могла быть и третья сторона, заинтересованная в том, чтобы поссорить две другие. Это говорили про внезапный обстрел Израиля со стороны Палестины в 2023 году, про неясный взрыв русско-германской газовой трубы Северного потока, про разгорание индо-пакистанского конфликта и т.д.

Но такой принцип мелкой гадости с целью перессорить конкурентов, это довольно банальная штука, описанная еще Сунь Цзы, до начала нашей эры.

Спецслужбы крупных государств, в наше время, вряд ли ведутся на такие провокации. А вот ситуация, когда побочный эффект порожден логикой большого института, а затем начинает действовать против него – такая ситуация может возникать без конкретного авторства. И это делает ее более опасной и неуправляемой.

Например, в середине 20-го века, когда радиация и другие экологические загрязнения были еще мало изучены, предприятия делали выбросы прямо на находящиеся рядом города. Можно сказать, что город породил предприятие, а предприятие уничтожило город. Или, во всяком случае, сделало жизнь в нем крайне нежелательной. Про Пекин в те времена китайцы говорили, что там можно жить богато, но недолго.

Ради увеличения электоральной базы демократы выдавали паспорта миллионам нелегальных мигрантов, живущим на территории США. В Европе приток мигрантов поощряется по причинам потребностей рынка труда. Этнические малые группы очень сильны в условиях кризиса

институтов. Оливер Уилльямсон отмечал, что один из способов преодоления оппортунистического поведения – иерархический способ организации. У этнических групп часто он есть, а у сетевого большинства этого нет. Хотя не уверен, что Оливеру Уилльямсону хотелось бы именно таких иерархических институтов.

Безотносительно к тому, нравятся вам или не нравятся мигранты, они создают уже новую социальную и культурную реальность. Хвост виляет собакой.

Щедрое пособие по безработице в Германии создает армию «профессиональных» безработных. Однажды в метро в Берлине, в вагон вошел молодой человек, лет тридцати, и стал просить деньги, указывая, что он безработный. Я участливо спросил, давно ли он безработный? На что молодой человек честно ответил, что не работал никогда.

То же самое с одинокими матерями, которые торопятся стать одинокими, так как пособие очень мотивирует к этому.

Общественные институты, например, ООН или общественные и государственные фонды США и ЕС способствуют развитию демократии и прав человека в развивающихся странах. Однако, рациональные агенты используют возникшие при переходе к демократии институциональные слабости для извлечения выгоды, захвата власти или контроля над активами. Деятельность рациональных институтов постоянно опережает общественные – и в итоге во всех развивающихся странах приватизация – это *briberization* (прихватализация), демократия – это власть назначенных из США демократов, попутно забирающих активы и т.д. Из этого делают далеко идущие выводы, что будто бы вся пропаганда демократии и прав человека в мире и нужна только для захвата активов и власти. Но нет, скорее это хвост виляет собакой. Переходный период делает систему слабой, а по закону джунглей, на слабую добычу всегда найдется свой хищник.

Западная демократия имеет такой, вроде бы, побочный эффект, как популизм и шоу. Постепенно этот эффект превращается во все более действенный метод влияния на результаты выборов, и отсюда вырастает политика спектакля. Политика спектакля дискредитирует демократию, то есть непреднамеренный эффект создает такую реальность, которая подавляет первичный институт.

Демократическая концепция «один человек – один голос» поощряет популизм и делает наиболее востребованными социалистические идеи, причем в самом вульгарном варианте. Взять все и поделить, как завещал П.П. Шариков. Это противоречит всей парадигме отцов-основателей и всей политической традиции США, которая, по существу, построена на идеях правого либерализма. Страна свободных хозяев своей земли, по замыслу, не могла начать мыслить, как сборище каких-то тоталитарных коммунистов. Однако, смогла.

6.12 | СМЕШАННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

В первой части книги мы обсуждали, что поведение людей моделируется, прежде всего, социальными нормами. Обучение с детства происходит, в первую очередь, как социальное научение, и намного меньшую роль играют знания как таковые.

В любом новом коллективе мы легко распознаем социальные нормы, правила игры и в первую очередь начинаем исполнять отведенную нам в этом сценарии роль. Скажу по секрету, в этом состоит как минимум половина успеха на любой наемной должности.

Но что же происходит, когда социальные нормы рушатся и ломаются, как лед во время ледохода. Одни социальные нормы исчезают, вместе с ними исчезают и твердые личные идентичности. Новые социальные нормы хаотично порождаются — в основном сетевыми, рациональными институтами. Никакого согласования норм между сетевыми институтами нет — все происходит слишком быстро, и центры принятия решений не зависят друг от друга. Иногда центров принятия решений и вообще не существует в сетевых институтах. Например, вся совокупность телеграм-, инстаграм-, ютуб-, фейсбук- и прочих каналов и форумов это безусловно институт, моделирующий сознание и поведение людей. Но единого центра у этого института не существует, это типичный сетевой институт. То есть моделирование поведения людей имеет место, а тайной власти, управляющей этим моделированием, просто нет. У этого моделирования нет плана, ни злого, ни доброго, оно происходит хаотично, само собой.

Инерция институтов, отставание от темпов прогресса порождают ситуацию, когда поведение людей моделируется устаревшими или кризисными институтами. Это старый советский анекдот про несоответствия официальных и неформальных институтов:

Шесть основных противоречий социализма:

- >1. Нет безработных, но никто не работает.
- >2. Никто не работает, но план выполняется.
- >3. План выполняется, но в магазинах ничего нет.
- >4. В магазинах ничего нет, но у всех все есть.
- >5. У всех все есть, но все недовольны.
- >6. Все недовольны, но голосуют "за".

Мы уже обсуждали выше многие такие примеры. Например, многие учебные программы и учебники ВУЗов в США по социальным наукам и экономике относятся к реальности 1970-х гг., а не к нынешним проблемам. Это так же, как советская пропаганда 1970-х все продолжала переживать события Великого Октября и подвиги гражданской войны, хотя на повестке стояли уже совершенно другие проблемы.

Внешнеэкономические институты США и ЕС ориентированы на уверенное господство в мировой торговле, за счет абсолютно превосходящих инноваций, - хотя эта ситуация закончилась уже лет 20 назад.

В условиях институционального переходного периода, государственные и общественные институты все больше превращаются в корпорации, защищающие собственное выживание и интересы. Юридическая, законодательная корпорация и раньше не всегда согласовывала свои законы с реальной практикой. Джеймс Скотт описывал эту проблему, как ловушка авторитарного игнорирования местных практик. Власти нередко навязывают упрощенное и грубое модернистское моделирование, игнорирующее местные особенности и неформальные институты.

В США появилась школа правового реализма, по сути, институциональная рефлексия права. Основные авторы этого направления, такие как Джером Франк, Карл Левеллин, указывали на то, что право — это не то, что написано в законе, а то, что реально делают судьи¹⁸¹.

В России мы хорошо знаем такие ситуации. Например, по закону, арендатор-неплательщик может быть выселен, а долг может быть взыскан. На практике же сама длительность судебных действий может составить до года, в течение которого арендатор может бесплатно использовать помещение. Поскольку без решения суда ни у каких исполнительных властей формально нет права его выселить. Более того, себестоимость судебного процесса составит для истца настолько большие деньги (прежде всего, по причине временных затрат истца или нанятых им адвокатов), что большинство исков становятся убыточными, даже если истец полностью прав. Затраты рабочего времени судом не считаются или считаются в сумме раз в сто ниже, чем они реально стоят. Таким образом, номинально закон существует, а реально наказывает правдоискателей и всячески препятствует тому, чтобы граждане следовали закону или пытались обращаться в суд. Это еще один старый анекдот:

- *Имею ли я право?*

- *Да, имеете.*

- *А могу ли я...*

- *Нет, не можете!*

Все это просто не выгодно правовой корпорации, как стрижка котом, - визгу много, а шерсти мало. Описанная ситуация применима к большинству исков

¹⁸¹ Frank, J. (1930). Law and the Modern Mind. Brentano's Publishers

между гражданами, со стороны потребителей или между малым бизнесом. Во всех этих случаях реальные издержки истца на преодоление бюрократической сложности часто превосходят сумму возмещения, даже если истец полностью прав. Привести решение суда в исполнение – это еще одна, отдельная песня, которая часто потребует от истца временных затрат еще в разы больше, чем судебная процедура.

То ли дело, для законников, разобрать судебный иск одной крупной корпорации к другой. Суд, в сущности, становится доступным только для тех, кто способен преодолеть барьер высоких издержек. Высокие издержки оправданы в случае крупных исков – то есть преимущественно крупного и среднего бизнеса, богатых владельцев активов. Так происходит на практике незаметное, но тотальное исчезновение общественных благ. Все как бы равны перед законом, но прибегнуть к его защите смогут только те, кто находится на верхних этажах капиталистического общества.

Эта ситуация, фактической недоступности судебных услуг именно для небогатого большинства – граждан, малого бизнеса – ведет к применению на практике неформальных институтов. Тема неформальных институтов подробно обсуждается Дугласом Нортом¹⁸², Александром Аузаном¹⁸³ и другими известными институционалистами.

Здесь я хочу подчеркнуть, что на практике **формальные и неформальные институты действуют буквально одновременно**. В одной и той же деловой ситуации вы можете прибегнуть и к формальным институтам, и к неформальным. Я даже не имею ввиду коррупцию, которой в России стало намного меньше в последние годы. Я имею ввиду, что любую деловую схему можно выстроить таким способом, чтобы снизить риски, и при этом не обращаться в суды.

Как отмечалось во второй части книги, сетевые институты рыночной экономики порождают, по факту, либертарианскую реальность. Это свои формы саморегулирования, все менее соприкасающиеся с государством.

Описанное выше многообразие и рассогласование институциональных и социальных норм порождает **парадокс смешанных социальных норм**. В одной бытовой, деловой, повседневной ситуации человек может обратиться, на выбор, к разному типу социальных норм – и все они будут применимы, легальны.

Приведу еще один анекдот, поскольку наши анекдоты очень точно характеризуют многие институциональные и социальные парадоксы.

Полиция останавливает машину. За рулем — Рабинович
— Вы превысили скорость.

¹⁸² North, D. C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press

¹⁸³ Auzan, A. (2021). Institutional Economics. New Institutional Economic Theory. Litres

— *II какой же русский не любит быстрой езды?*

— *Ваши права.*

— *II какие права у еврея?*

Рабинович, по ситуации, мог выбирать между своей русской и еврейской идентичностью. Современный человек может выбирать уже между десятком разных идентичностей и социальных норм, как из меню в ресторане.

По ситуации можно либо вспоминать о своих законных правах, либо о неформальных институтах, либо о многочисленных предлагаемых идентичностях. Об этой путанице, сводящей честного человека с ума и доводящей до невроза снят английский сериал «Ночные вызовы».

Не столь честный средний человек тоже не в силах разобраться в этом на системном уровне. Но очень даже в силах каждый день собирать выгодный лично для себя конструктор из предлагаемых вариантов.

Сегодня ему надо взять в долг, и поэтому он будет добрый друг, консерватор и член общины. Завтра надо отдавать долг — и он уже либерал, индивидуалист, и сторонник формального взгляда на эту проблему, поскольку никакого письменного договора займа не было.

Поскольку оба социальных института предложены легально и одновременно — в общем-то можно сказать, что человек в своем праве. Каждый крутится как может, а закон он не нарушал. Морального регулирования в эпоху текущего общества нет в принципе. Мораль так же точно подбирается по каждому случаю из доступного меню. Сегодняшняя личная мораль может полностью противоречить вчерашней — но вот это современного человека беспокоит меньше всего.

Этот принцип социальных норм как индивидуального конструктора, собственно, и разрушает любые социальные связи — дружбу, рабочую команду, семью, воспитание детей. Каждый участник вступает в социальную связь с позиций своей сегодняшней выгоды, а завтра уже конструктор поменялся, его выгода уже обновилась, и социальный контракт должен быть перезаключен. Это, думаю, всем знакомо по очень типичным ситуациям. Старинная солдатская поговорка гласит: «как мир - так сукины сыны, а как война - так братья». Когда детям выгодны родительские услуги и деньги, они как бы ценят семью. Как только родители посмеют что-то требовать от ребенка, то могут быть посланы куда подальше.

Контрактный характер современного брака обсужден в миллионах форумов и блогов. Это носит характер ежедневного торга, и часто не просто цинизма, а максимально тупого цинизма.

Смешанные социальные нормы имеют как минимум две серьезные негативные экстерналии. Во-первых, это разрушение доверия и практик сотрудничества, пресловутая «атомизация». Западные социологи часто очень легко об этом говорят — это мол такая черта времени, особенность молодого поколения. Эта особенность молодого поколения уничтожает социальный

капитал — ценный нематериальный актив. Ценность доверия в обществе для экономического процветания показана многими институционалистами. Это подробно исследовано и в рамках теории игр. Известная дилемма заключенного имеет худший для обоих исход, если участники не могут договориться или следовать твердым, заранее установленным нормам солидарности. Лучший исход в этой игре достигается для обоих заключенных, если есть доверие и солидарность.

Современное общество делает шаг вперед в науке и технике и одновременно шаг назад в области разрушения своего цивилизационного капитала.

Вторая негативная экстерналия — это неуправляемость такого общества. Власть — это тень на стене. Общество управляется, прежде всего, через убеждения и социальные нормы.

Приведу притчу из «Игры престолов», которую Варис рассказывает Тириону Ланнистеру. Джордж Мартин в ненавязчивой художественной форме предлагает нам свою очередную модель для теории игр:

- “— *Власть любопытная штука, милорд. Вы любите загадки?*
- *Что ж, можно послушать.*
- *В комнате три больших человека. Король, священник и богач. Между ними стоит простой наёмник и каждый из больших людей приказывает ему убить двух других. Кто останется жив, а кто умрёт?*
- *Зависит от наёмника.*
- *Разве?!... У него нет ни короны, ни золота, ни благословения богов.*
- *У него есть меч, власть над жизнью и смертью.*
- *Если всем правят люди с мечами, зачем мы притворяемся, что власть принадлежит королям?... Когда Нэд Старк лишился головы, кто был виноват в этом? Джоффри, его палач или кто-то другой?*
- *Я понял, что не люблю загадки...*
- *Властью обладает тот, кто убеждает в ней остальных... Это обман, тень на стене... Но... даже маленький человек способен отбрасывать очень большую тень.*”

Когда тень начинает отбрасывать каждый маленький телеграм-канал, и миллионы других сетевых институтов, общество становится неуправляемым. Причем не только на макроуровне, но и на микроуровне. Клоунские тренинги командообразования не могут заменить в бизнесе настоящего командного духа, доверия и солидарности. А без этого командная работа превращается в «лебедя, рака и щуку». Каждый индивидуалист и эгоист, следует сугубо личным интересам, и сугубо личному пониманию удобных для себя социальных норм.

Власть может применить жесткие иерархические инструменты для управления таким обществом — например, это война, мобилизация в армию и

на производство. Крупные корпорации могут выстроить внутри себя и разумные KPI, и обеспечить сотрудничество и командный дух.

Но это применимо только в отдельных случаях и сегментах. Для большинства общественных и экономических ситуаций на макро и микроуровне пока просто нет пригодных инструментов управления, в условиях смещения и дискредитации социальных норм.

6.13 | КОНТРАКТЫ ВМЕСТО ИНСТИТУТОВ

В образовании мы знаем типичную проблему, на которую указывали еще классики политэкономии: качество образования не может быть адекватно оценено человеком без образования. Противоречие состоит в том, что спрос на образование предъявляет как раз человек, еще не имеющий образования и поэтому не способный понять его суть и качество.

Этот принцип применим в настоящее время к большинству институтов цивилизации. Общество «не предъявляет спрос на них», поскольку их содержание слишком сложно для понимания общества.

В случае образования, если оно рыночное, клиенту будут предложены понятные маркеры: бренд, репутация, красота кампуса, число выпускников. Каждый маркер легко манипулируем, и обязательно появляются ВУЗы, которые имитируют все маркеры, при этом предлагая образование самого низкого качества. Это же происходит и с большинством институтов. Профессор может пытаться преподавать в Тиктоке, в трехминутных смешных роликах, - но перестает при этом быть, собственно, профессором.

Институт несет в себе знания и опыт многих поколений, не просто о том, как решать те или иные проблемы, но и что особенно важно, о том, как решать эти проблемы коллективно. Это знание вырабатывается самим социумом, поколениями, путем проб и ошибок, и закрепляется в виде институциональных норм. Коллективный способ создания института – это одна из причин, почему институты интуитивно не понятны на уровне индивидуального сознания.

Индивид, во-первых, не владеет всем опытом поколений, во-вторых, не прошел весь путь проб и ошибок, который прошли тысячи или миллионы людей, формировавших институт. И самое главное, человек мыслит в категориях индивидуального действия, тогда как институт — это инструмент коллективного действия.

Спрос масс формирует крупные и сложные институты – в основном рациональные, рыночные институты, которые могут предложить свои услуги в виде потребления или способа заработка. С общественными, культурными, цивилизационными институтами дело обстоит гораздо сложнее.

В условиях, когда массы сами разрушают культурные и сложные институты, отказываются от рационального знания в пользу парадигмы комфорта (и комфортного мышления) возникает дезориентация. Географ пропил свой глобус, как в названии романа Алексея Иванова, а также компас и карты.

Элиты, в свою очередь, перестали заниматься принуждением масс к культуре, цивилизации и прогрессу.

Из этой ситуации возникают стихийные следствия, саморегулирование. Общество пытается заменить институты на тысячу ежедневных сделок по каждому вопросу. Это даже преподносится как достижение неолиберальной парадигмы.

Идея сделки, как регулятора любых жизненных ситуаций, стала звучать не только в речах популярных психологов, но и вполне уважаемых либералов. Вряд ли кто-то из теоретиков либерализма мог утверждать, что все отношения контрактные, потому что теоретики либерализма умели мыслить. Скорее до этого додумались современные массы, путем ряда упрощений, в которых им помогли популярные психологи и аналитики. А затем это постепенно стало общепринятым и очевидным утверждением.

Затем оно переключалось в политические программы и речи политиков, которые стараются угодить массам. Современная публичная политика лепится в основном таким образом.

На практике рациональные контракты работают только там, где возникают эффективные рациональные институты. Например, при покупке продуктов питания в супермаркете или при совершении банковских операций не требуется торг и индивидуальное установление условий.

Но фактически это уже и не контракты, а собственно институты, которые моделируют деятельность участников. Заводя онлайн-банк, мы нажимаем «согласен», «согласен», не читая условий – но эти условия продумал банк, юристы, Роспотребнадзор и Центробанк. На самом деле, не понимая условий, мы тем не менее помещаемся в сложный институциональный алгоритм.

По всем вопросам, где не появились развитые рациональные институты, участники не способны заключать сколь либо осмысленные договоры. Например, семейные или дружеские отношения требуют учета многих факторов в будущем, на что не способны индивидуальные участники на уровне примитивного рационального мышления. Сумма рациональных поступков, руководимых выгодой «здесь и сейчас» не ведут к созданию длительных отношений. Строго говоря, дисконтированная выгода от всего будущего сотрудничества обычно превышает издержки для обеих сторон, поскольку это игра вин-вин. Но на практике каждая из сторон этого не понимает и норовит повесить все издержки на другую сторону, в каждой секундной трудной ситуации.

Чаще всего это делается с восхитительной искренностью, в жанре «а нас за что?». Есть старая притча про миссионера, который проповедовал в африканском племени христианские понятия морали. На что вождь ему объяснил свое понимание добра и зла: «если у меня украли корову – это плохо. А если я украд корову – это хорошо». На самом деле, нет никаких оснований считать современного человека отличающимся от этого дикаря.

Сама богатая история западной цивилизации не делает конкретного нового человека носителем этой цивилизации. Это обеспечивается только через научение, образовательные и дисциплинарные институты. Когда эти институты поломаны, человек начинает все больше воспроизводиться в формате дикаря. Если пожизненные безработные, проводившие жизнь за пивом и компьютерными играми, заведут потомство, то это потомство будет и вовсе похоже на Маугли. Но не из мультфильма, а из реальности, в которой найденные дети-маугли не умеют говорить и не поддаются обучению.

В сетевой институциональной системе большинство личных и деловых отношений происходят между людьми и бизнесами на горизонтальном уровне. Люди вступают в брак, платят за детский сад, заказывают услуги ремонта и покупают автомобиль. Это все горизонтальные сетевые отношения, возникающие в миллионах сетевых ячеек. Вступая в эти отношения, люди должны сами устанавливать контракт – чаще всего устный или подразумеваемый.

Вот тут-то и начинается праздник самодурства. Средний человек понятия не имеет ни о рациональном устройстве окружающего общества, ни об институтах, ни о контрактах. У современного городского человека еще и понижен эмоциональный /социальный интеллект (эффект эхо-камеры, компьютерных игр и социальных сетей). То есть он уже не очень хорошо понимает, что другой человек имеет ввиду.

Зато у него есть мощный компас: уникальное понимание собственной выгоды и комфорта! И человек начинает давить в том смысле, что давайте сделаем, как мне будет удобно. Но не тут-то было – его контрагенты сами с усами, и хотят сделать так, как им будет удобно. Эти переговоры очень часто заходят в непролазный тупик.

Тем более, что в отношении социального капитала, как общественного блага, имеет место систематическая проблема безбилетника. Контрактный торг постоянно сводится к неразрешимой проблеме, кто же заплатит за общественные блага, без которых весь контракт часто не имеет смысла. Все стороны хотят быть безбилетниками – но тогда автобус не поедет вообще. Вместо солидарности начинается драка с целью кого-нибудь сделать терпилой и принудить платить за общественные блага.

Идея контрактных отношений по любому поводу противоречит сути и духу закона, правового общества. Базовая парадигма права состоит в иерархии законодательных актов, подчиненности. Конкретный договор не может противоречить вышестоящим законам, например, Конституции или Гражданскому кодексу. Если договор противоречит, то в суде обычно будет применена норма вышестоящего закона, а не то, что написали в договоре. Вышестоящие законы – это институт, который создавал опыт поколений и вся юридическая корпорация. А условия договора могли написать два безграмотных гражданина, вообще с правом не знакомые.

Даже в правовой системе, которая пронизывает все аспекты нашей деятельности, тем самым постулируется главенство института над контрактными отношениями. Как это может сочетаться с популярным (будто бы либеральным) нарративом о том, что все на свете является предметом контракта? Наверное, такое возможно уже в каком-то другом, не правовом обществе.

Это отражает, на самом деле, опять же параллельное сосуществование двух реальностей в одном обществе. В рамках иерархических институтов – крупных корпораций, государственных служб – действуют иерархические институты. А рядом, в рамках сетевых отношений, уже иерархические институты фактически не применяются, формируется собственная либертарианская реальность. И в ней все регулируется контрактами, P2P.

Формально закон остается главенствующим институтом. А неформально, на уровне социальной нормы, большинство в сетевом обществе уже не понимает духа и смысла законов. И более того, население уверено, что это и не нужно, поскольку все регулируется индивидуальной договоренностью. Отсюда возникают совершенно дикие, абсурдные нарушения закона.

Из недавних новостей: за одну тысячу долларов молодые жители Москвы, по поручению из Телеграма, совершили террористический акт в поезде, взорвав канистру бензина. Которая не нанесла урона, к счастью, никому. Только сами молодые люди получили соответствующие терроризму тюремные сроки. Очень незамутненное сознание должно быть у этих молодых людей (возраст 18-20 лет), которые зарплату за один месяц разменивают на десять лет тюремного срока.

Отказ от сложных иерархических институтов всегда порождает самоорганизацию низовых, гораздо более примитивных институтов. Известен пример, как в США в конце 19-го начале 20-го века профсоюзы переплелись с мафией. И профсоюзы, и мафия, подавлялись капиталистическими элитами и государством, то есть были вымещены на сетевое, подпольное положение. Там они и нашли друг друга, и обнаружили весомые выгоды от сотрудничества.

Падение сложных институтов в 1990-е вызвало не либеральное равенство и торжество прав человека, а господство тысяч сплоченных криминальных, этнических и олигархических групп. Эти группы действовали гораздо более примитивно и свирепо, чем авторитарные, но сложные советские институты.

Кризис общественного договора

Разрушение общественного договора происходит в силу неспособности участников к формированию сложных договоренностей вообще. Дело не столько в неразрешимых конфликтах интересов – которых на самом деле в постиндустриальной экономике и при выросшем уровне благосостояния гораздо меньше, чем раньше. Разрушение общественного договора

происходит по причине смены всей конструкции. В последние века модерна общественный договор был и договоренностью о миролюбии, сотрудничестве, мирной конкуренции, и одновременно внедрением парадигм модернизации и связанного с этим дисциплинирования общества. Таким образом, общественный договор был построен вокруг сложных организационных форм, а не как примитивный договор о ненападении. Консенсус в последние десятилетия строится фактически вокруг прогресса, роста уровня жизни, которые обеспечиваются сложными институтами и инновациями. Это же можно сказать про социальные функции государства – обеспечение социальной поддержки возможно через сложные распределительные механизмы макроуровня, а не по причине того, что Джон с Фредом договорились избегать взаимной поножовщины в баре и поочередно выгуливать своих собак.

Устранение иерархических институтов, предоставление возможности Джону и Фреду все вопросы решать по собственному усмотрению, привело к стремительной деградации общественного договора.

Договор между элитами и народом не исчезает, но в нем исчезает задача модернизации населения. Модернизация сейчас происходит в когнитарном классе, внутри крупных корпораций. В рамках модернизации на первом месте стоят задачи расширения использования ИИ и роботов в промышленности.

Элиты, вольно или невольно, все больше отстраняются и занимаются проблемами населения только в том смысле, чтобы не провоцировать ненужных и неудобных для себя конфликтов. Самовоспроизводящаяся рыночная экономика, достигнутый технический уровень вполне достаточны для того, чтобы общество обеспечивало себя практически «на автопилоте».

Претензии на власть со стороны общества почти невозможны, поскольку возможности элит и корпораций в тысячи раз превосходят возможности прежних монархических и феодальных режимов по отделению и охране себя от населения.

Интеллектуалы старой школы рассуждают о манипуляции общественным мнением, насаждении сверхпотребления, эксплуатации через манипуляции сознанием. Это фактически устаревшая модель, бывшая актуальной до 2000-х гг. Сегодня политика спектакля преследует скорее цель не дать сформироваться в обществе самостоятельным и содержательным политическим структурам. С реальными политическими лидерами, когда они возникают из низов, работают, так сказать, индивидуально.

Уничтожать общественные структуры довольно легко. Любая солидарность и политические движения строятся вокруг социальных структур, лидера и ядра энтузиастов. Современные технологии слежения и аналитики позволяют выявлять лидеров в самом начале и не давать этим структурам сформироваться. Так, именно систематическое вымывание всех реальных, ответственных лидеров из социальных структур Украины, в течение

постсоветских десятилетий привело в итоге украинское общество в такое манипулируемое, легко программируемое состояние. Под реальными лидерами я имею ввиду всех, кто в созидательном смысле структурирует вокруг себя деятельность от десятков до сотен и тысяч человек. Это предприниматели, политики, священники, преподаватели, чиновники. Поскольку активисты, реальные лидеры, наиболее мобильны и дееспособны, они за три десятилетия уехали в ЕС, Россию или Канаду, или же превратились в участников паразитических процессов коррупции на Украине. В обоих случаях они перестали быть структурирующей силой общества – и именно без этого общество превращается в овощ.

С.Е. Кургинян отмечает, что Украина выступила полем экспериментов новой эры западных политтехнологий. Тем более, что Ирак, Ливия, Сирия и многочисленные цветные революции – это политтехнологии того же характера.

Вместо реальных политических лидеров и структур, власти выращивают и подсаживают в общество симулякры – фейковых лидеров, ложную политическую повестку. Это подробно рассмотрел Борис Кагарлицкий в книге «Между классом и дискурсом»¹⁸⁴. Сетевое общество очень уязвимо к таким манипуляциям, поскольку не создает собственных сложных институтов в гуманитарной, культурной и общественной сфере.

Сегодня политика спектакля преследует цель максимального отдаления общества от власти. Поощряется сумбур, дезориентация, искусственно создаются противоречия, - например, провокации против верующих, сожжения Корана в Европе и т.п. Этот подход понятен в тактическом смысле – корпорации не хотят тратить силы на опеку населения, внедрение институтов цивилизации и культуры. Да и просто боятся потерять власть в силу естественной при общественном развитии социальной динамики.

Однако это противопоставление элитами себя своему населению. Элиты могут побеждать в этой игре и пока побеждают. Но в целом слишком явное противопоставление элит населению неизбежно создает революционную ситуацию в духе «верхи не могут, низы не хотят».

Такие манипуляции могли бы работать при отсутствии внешних угроз. Однако, для Запада сохраняются весомые внешние угрозы, которые все более критичны, на фоне его ослабления. Это Китай и весь блок крупных стран второго мира (БРИКС, Турция, Иран, Мексика и так далее), готовых любой ценой Запада использовать для собственного усиления.

В нынешней мировой войне содержится шанс на то, что многие страны вынуждены будут от крипто-феодальной модели управления перейти к модели сотрудничества со своим населением. Потому что иначе пройти долгий период мировой войны и нестабильности будет невозможно.

¹⁸⁴ Kagarlitsky, B. Y. (2021). *Between Class and Discourse: Left Intellectuals in Defence of Capitalism*. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.

Часть 7

**ИНСТОМУТАНТЫ
И
МЕТАМУТАНТЫ**

7.1 | ИНСТИТУТЫ ПРОИЗВОДЯТ ИНСТИТУТЫ

Институты способны производить институты - эту концепцию сформулировал британский социолог Энтони Гидденс.

Новое поколение формируется в рамках тех институтов, какие создало предыдущее поколение. Мы могли наблюдать в России, что в 1990-е годы общество оставалось в основном советским по духу. Спустя 35 лет, новые поколения выросли уже в рамках новых институтов. Интеллигентность, чтение, авторитет науки исчезли из общественного дискурса.

Российский капитализм в 1990-е сопровождался расхищением или резким сокращением финансирования общественных благ, а также исчезновением многих сложных профессий и отраслей. Зато расцвело предпринимательство, либертарианские формы экономики.

В сущности, это та же самая модель либерализации, что и на Западе в последние десятилетия 20-го века, но в более явном и грубом виде. Это в целом привело к росту благосостояния, насыщению потребительского рынка – правда, ценой резкого сокращения общественных благ и отказа от прежнего уровня образования и культуры.

В 1990-е сатирик Михаил Задорнов свои выступления заканчивал словами «американцы тупые», поскольку советские граждане были самыми читающими в мире, а массовая культура была довольно высокой. Теперь шутить про «тупых американцев» уже не получается. Новые буржуазные россияне ненамного беднее простых американцев – но и ненамного умнее.

Интеллектуалы исчезают как вид, по мере физического умирания советского поколения ученых и экспертов. Новых почти не появляется.

Во второй части книги мы обсуждали, что сетевые институты порождают либертарианские институты. Если процесс развития институтов не управляется, то в неуправляемом режиме происходит все более естественная социальная саморегуляция. Естественная регуляция означает, по сути дела, возврат к традиционным, архаичным институтам. С тем отличием, что в эти архаичные институты встроены технологии и части модерна, пришедшие из 20-го века. Это, действительно, уместно называть киберпанком.

Например, социальные сети и компьютерные игры обеспечивают эффект эхо-камеры. И таким образом формируют неинформированного человека, не способного полноценно ориентироваться в реальной жизни. Совокупность таких людей, выросших на мультфильмах, Тиктоке и в компьютерных играх формирует целое поколение, с похожими

поведенческими паттернами. Это уже можно считать новым институтом. Это поколение показано в фильме «Джокер». Оно способно к истерическому протесту или к унылому отстранению от реальности, но мало способно к солидарности и коллективной созидательной деятельности.

Научно-технический прогресс тоже движется почти на автомате, порождая свои новые институты. Возникают все новые научные специализации. Искусственный интеллект и роботизация постепенно становятся новыми институтами. Производство инноваций основано на подпитывающем себя цикле:

Интеграция отраслевой науки с разработками — разработок с внедрением — все это обеспечено венчурным и инвестиционным финансированием — а спрос на инновации регулируется невидимой рукой рынка.

Благодаря этому, прогресс движется в своей логике, не обращая внимания на социальные экстерналии. **Инновационные институты становятся все более сложными — а общество становится все более простым и архаичным.**

Не в последнюю очередь, общество становится все более беспомощным как раз вследствие эффекта технологического «костыля». Человеку предлагаются все более удобные технические решения любого вопроса.

Принцип «институты порождают институты» еще более применим к элитам и управлению. Как обсуждалось выше, современные элиты это довольно замкнутое сословие, имеющее монополию на власть.

Каждое следующее поколение элиты формируется в тех институциональных и управленческих рамках, которые были заданы предыдущим поколением. Эту пошаговую деградацию элиты мы наблюдали, например, в СССР с 1950-х гг. Первое поколение советских руководителей, старые большевики, были яркими руководителями и теоретиками, которых до сих пор цитируют во всем мире. Ленин и Троцкий, Горький и Маяковский, сталинские наркомы — создатели целых отраслей промышленности. Выращенное в сталинскую эпоху поколение руководителей было уже на голову ниже сталинских наркомов. Хрущев был уже типичным продуктом сталинской системы.

Поколение руководителей 1970-х было еще менее амбициозным, в 1980-х началась «гонка на лафетах» и затем самоликвидация. Уже в 1990-е гг., после отмены советской цензуры, вышел ряд мемуаров и воспоминаний руководителей позднего СССР. Судя по этим произведениям, они даже спустя время не могли отразить причин краха. Анализ неудач сводился к тому, что госплан не выполнялся, коррупция росла, а начальник транспортного цеха не вовремя подвозил комплектующие. См., например,

книгу «Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР»¹⁸⁵.

Великая отечественная война, по-видимому, лет на 20 продлила коммунистическую монополию на власть, обеспечив внешнюю встряску и обновление элиты в 1940-е гг. Не считая этого, с каждым поколением монопольный институт власти производил все более слабых последователей.

¹⁸⁵ Olsevich, Yu. Ya., & Gregory, P. (2000). Planovaya sistema v retrospektive: Analiz i interv'yū s rukovoditelyami planirovaniya SSSR. Moscow: Faculty of Economics, Moscow State University; TEIS

Если институты порождают институты, то и негативные побочные эффекты порождают негативные эффекты следующего уровня.

Например, чернобыльская авария вызвала радиоактивное заражение – экстерналию первого уровня. Заражение породило животных и растения мутантов. Мутанты, к счастью, не образовали пока социальной организации или института. Хотя фильмы про зомби – это коллективный страх именно на эту тему.

Неуправляемое воспроизводство экстерналий может в какие-то моменты получить организованные формы. Украинский военный режим это как раз и есть такой монстр, слепленный из обломков цивилизации, технологий и упрощенных социальных форм. Это же можно сказать про ИГИЛ и многие военно-политические движения на Ближнем востоке.

Роман Стругацких «Пикник на обочине» примечателен, кроме прочего, и этим социологическим наблюдением. Инопланетяне не просто оставили на Земле радиоактивные и опасные отходы. Эти отходы были встроены землянами в жизнь и общество, в качестве чудес, источника выгод и карго культа. Сложилась какая-то социальная жизнь, деятельность и рынок вокруг этих отходов.

Это описывает как раз ситуацию с институциональными экстерналиями в наше время. Вокруг них ведется бурная деятельность, они превращаются в хайпы и источники прибыли. Хотя большинство из них, в чистом итоге, несут обществу убыток, а не прибыль.

Кризисные институты тоже производят институты – еще более кризисные. Типичные современные институты, сформировавшиеся как экстерналии второго уровня, это:

- инфантильный, нерациональный человек;
- разрушенный социальный капитал (социальная «атомизация»);
- деградировавшие общественные институты;
- деградация человеческого капитала: падение эмоционального интеллекта, отсутствие практики чтения, падение среднего уровня физической силы, ожирение, психические расстройства и т.д.
- демографический кризис и кризис семьи;

- деградация культуры и ценностей, что делает невозможными сложные коллективные и управленческие стратегии;
- деградация политических элит и методов макроуправления;
- кризис наук об обществе;
- информационное пространство, обеспечивающее тотальный туман и дезинформацию для всех, включая элиты;
- дискредитация экспертных иерархий, исчезновение однозначного понимания истины, рационального знания.
- разрушение коллективного сознания и бессознательного в результате бесконтрольного и автоматического производства экстерналий и симулякров рациональными институтами;

Совокупность негативных экстерналий и интерналий, ловушек, побочных эффектов, рассогласований институтов, проявившихся проектных ошибок в результате порождают новые институциональные и социальные формы. Эти формы, с одной стороны, - результат кризиса институтов и совокупность непреднамеренных последствий. Но при этом они устойчивы, поскольку саморегулирование социальной системы стремится к устойчивости и равновесию. Если симулякр – это обычно намеренное конструирование искусственных или ложных смыслов и символов, то тут тоже имеют место искусственные и ложные смыслы и символы, и даже институты, но без преднамеренного плана и авторства.

Институциональные мутации и экстерналии как бы собираются в клубки, устойчивые связи и образуют институциональных мутантов. Для таких **мутировавших институтов** можно применить термин **Инстомутанты**. А для более **локальных социальных явлений** – термин **Метамутанты**.

7.3 | ИНСТОМУТАНТЫ И МЕТАМУТАНТЫ

Многие уже описанные выше институциональные ловушки, ложные социальные нормы и являются, в сущности, инстомутантами. Разница в том, что под институциональными ловушками подразумевают какое-то отклонение, ложный путь. Это коррупция, узурпация власти, то есть какие-то недостатки, хоть и устойчивые, но понимаемые обществом как недостатки. Инстомутанты, это переплетение ряда институциональных экстерналий и ловушек в один клубок, в сочетании с социальной саморегуляцией. Они часто понимаются не как недостаток, а как феномен, тренд, иногда даже как яркое проявление современности. Типичным примером служат хайпы. Чаще всего они носят, по сути, спекулятивный характер и чаще проедают ресурсы, чем создают новые. Блокчейн проекты вызвали фантастический хайп в 2017-19 гг., но на самом деле это еще один шаг в сторону увода денежных потоков корпораций в тень, то есть очередное проедание общественных благ.

С таким же кипучим энтузиазмом проходила приватизация в 1990-е. Такие хайпы часто создают социальную динамику, лифты для активных людей, даже если это происходит ценой общей деградации.

Приведем примеры некоторых актуальных инсто- и метамутантов.

Политические псевдоидеологии

Современные политические идеологии часто обсуждают как политику спектакля, насаждение ложного дискурса, вместо реальных общественных запросов и проблем. В этом понимании современной политики преобладает презумпция намеренных действий. Комментаторы выявляют намеренный обман и его скрытых авторов.

На практике же основные современные идеологии — это как раз инстомутанты. Они оформляют естественно сложившиеся тенденции, и в основном это тенденции деградации.

Современный либерализм, как идеология, это просто констатация отказа элит от макроуправления в масштабах государств. «Вы не трогаете нас, мы не трогаем вас» — вот и весь либеральный контракт элит с народом и бизнесом.

Все большие свободы преподносятся как дар западному обществу, поскольку элиты не могут предложить других даров — особенно эффективного управления и роста качества жизни.

Современный либерализм преподносится населению как бы по умолчанию в виде максимального эгоизма и индивидуализации, заботы только о себе.

Отчасти это дух времени, а отчасти это мировоззрение элит. По большому счету, элиты не хотят заниматься проблемами населения. Это мы обсуждали выше. Успех крупных корпораций, основан сейчас на капитале, инновациях и коллективном интеллекте. Труд играет не столь значительную роль, а спрос будет обеспечен в любом случае. Эгоистическое мировоззрение нужно для оправдания того, почему элитам нет дела до населения. Подразумеваемый месседж гласит: «вы такие же эгоисты, как и мы. И вы, и мы служим только своим эгоистическим желаниям, просто в разных масштабах». И в этом есть изрядная доля правды.

По большому счету, такая повестка больше выгодна элитам, чем населению. Но население утратило способность к солидарности, организации сложных структур самоуправления. Все это делегировано государству, - которое контролируют элиты. Поэтому под лозунгами либерализма, в сущности, происходит переход в формат «нового средневековья». В жесткой форме это называют крипто-феодализмом или либерал-фашизмом. Но такие определения применимы скорее к странам третьего мира, исповедующим либеральную идеологию, в сочетании с компрадорским капитализмом, узурпацией власти, страшным неравенством и бесправием населения.

В странах капиталистического центра переход в новое средневековье происходит более мягко. В этом новом формате элиты и население образуют как бы разные миры, которые очень мало пересекаются. Население живет в формате либертарианских сетевых институтов, которые не способны создавать сложные структуры. А элиты руководят иерархическими корпорациями, которые в силу своей сложности и масштаба абсолютно недостижимы и непостижимы для населения.

Современный консерватизм на Западе – это страх перемен, ощущение того, что перемены приносят неуправляемые риски и экстерналии. Перемены последних десятилетий (наука, техника, информатизация, глобализация) слишком опасны и неуправляемы. Возникает естественное желание все остановить, заморозить и вернуть назад. Хотя это в принципе невозможно, такое когнитивное искажение очень органично и для элит, и для масс в ряде стран. Так формируется ложная социальная норма. Хотя реально консервативная повестка не способна остановить перемены, однако власти и население занимаются самовнушением на эту тему. Такие страны как Иран и Северная Корея становятся просто зависимыми от более передовых стран. Но внутри страны происходит самовнушение, что тут остановлен прогресс и все вернулось куда-то назад.

Консерватизм, в итоге, еще менее продуктивен, чем либерализм. Либерализм констатирует ситуацию как есть, а консерватизм предлагает все «подморозить» и вернуть назад, хотя это в принципе невозможно. В рамках нынешних кризисных институтов управления инструментов для этого нет.

Ошибочные политические стратегии

Западные элиты пытаются делать внешнеполитические шаги, не осознавая всех реальных последствий и всего масштаба институциональных рассогласований. В итоге, любое активное действие наказывается внутри самой же западной системой каким-то кризисом в смежной области.

Западные политики могут имитировать бурную деятельность, или наоборот уклоняться от внешней политики. В любом случае, США и ЕС скорее дрейфуют по течению, а не следуют какому-либо управляемому курсу. Этот дрейф по течению является настоящей институциональной реальностью, а не те противоречивые лозунги и внешнеполитические авантюры, которые совершает западное руководство.

Метамунант здесь состоит в том, что самому населению и политикам кажется, что они реализуют идеи и проекты. Эта кипучая деятельность похожа на проведение митингов на палубе корабля, управление которым давно потеряно. По итогам митинга принимается решение переизбрать повара, помолиться другим идолам, сбросить за борт пару рыжих пассажиров. Хотя в плане общей динамики это ни на что не влияет, но для современников может создавать ощутимые неприятности.

Ложные социальные нормы

Механизм формирования и массовое распространение ложной социальной нормы отлично показан в фильме «Не смотрите наверх». Ни элитам, ни массам не нужна научная точка зрения, если она им не нравится. А ученые лишены права голоса в обществе, они могут обсудить свою точку зрения только в своих узких кругах. Приближение метеорита создает угрозу жизни для всей Земли, но и массам, и элитам удобнее эту проблему не замечать. Это, кроме прочего, пример **де-институционализации общественного самосознания и солидарности**. Чтобы возник консенсус насчет коллективных действий общественного, стратегического характера, нужны сильные общественные институты. Фильм, кроме прочего, показывает реальность, в которой есть все части современной жизни и потребления – но уже просто нет этих институтов общественного самосознания и действия.

По причине отсутствия управляющего центра, социотехническая система постоянно попадает в ловушку ложных социальных норм. Это происходит примерно по той же причине, почему муха все время бьется в стекло. Когда нет интеллекта, то регуляторы падают на телесный уровень. Муха перестанет биться в стекло по причине физического истощения, а не по причине пересмотра своего подхода к проблеме. Так и социотехнические системы.

Хотя со стороны, интеллектуалам, многие ложные социальные нормы совершенно очевидны – но у социотехнической системы, человеиника, уже нет такого центра управления, который мог бы с этим что-то сделать.

Типичная ложная социальная норма — консьюмеризм. Производители заинтересованы производить больше стандартной продукции, а покупатели соревнуются, кто сможет больше этого всего потратить. Хотя в наращивании материального производства и потребления давно уже нет никакого смысла, человечник будет крутить эту модель, до полного истощения планеты и себя самого.

Интересен в этом плане кейс книги «Плохо сделано в Китае» Пола Мидлера, 2009 года¹⁸⁶. Автор, бизнес-посредник между китайскими производителями и американскими импортерами, рассказывает в этой книге о недостатках китайского производства того времени. Автор пытается предупредить американское общество о многочисленных нарушениях стандартов качества в Китае. Если же посмотреть на рассказанные в книге истории объективно, как есть, там в равной степени хороши все стороны — и китайские производители, и американские торговые сети, и американский потребитель.

Американские заказчики отжимали настолько низкие цены, при которых соблюсти требования к качеству технологии и ингредиентов было в принципе невозможно (речь идет о производстве шампуня). Но американцы этого как бы не замечают. С привычным для стран первого мира морализмом автор тяжело вздыхает и сетует только на непорядочность китайских производителей. Китайцы принимали правила игры, на самом деле, по принципу «you get what you pay for» - за что заплатили, то и получили.

Американский потребитель массово скупает шампунь за 1 доллар, как бы не догадываясь, что за такие цены ничего хорошего купить нельзя. Пафос автора, Пола Мидлера, состоит в том, что он пытается предупредить рядовых американцев об этой ловушке и обмане. Автор пишет, по итогам первого издания, что книга, кроме некоторых проблем по бизнесу для него лично, никаких результатов не дала. И это не удивительно. Автор попал в точности в ситуацию фильма «Не смотрите наверх». Общество не хочет, чтобы его предупреждали о таких вещах, а корпорациям это и тем более неприятно. Общество и элиты следуют ложной, но устойчивой социальной норме.

Такая преданность ложным социальным нормам — это черта эпохи деградации, перехода в новое средневековье. Ложные социальные нормы позволяют деградировать более мягко, комфортно, не выходя из сладкого сна.

Ложные социальные нормы насаждаются довольно легко, когда элитам удается использовать конформизм масс. Еще один характерный пример — это вакцинации во время пандемии Ковид. Власти пропагандировали и навязывали вакцинации, хотя, строго говоря, это не было принудительным в большинстве случаев. Тем не менее, удалось добиться превращения вакцинаций в социальную норму. Социальная норма всегда тяготеет к

¹⁸⁶ Midler, P. (2009). *Poorly made in China: An insider's account of the China production game*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

тотальности – и дальше уже общество, на сетевом уровне, стало принуждать всех к вакцинации. Например, это стало условием приема на работу, хотя формально государство таких указов не издавало. Спустя несколько лет британские ученые доказали, что от вакцин было больше вреда, чем пользы.

Постчеловеческое общество

Описанное Зигмунтом Бауманом жидкое общество – это типичный Инстомутант. Если разворошить муравейник, то муравьи не умрут, а расплзутся и будут жить в каких-то не совсем обычных для них формах, но все-таки будут жить. Так и ведет себя общество, лишенное традиционных институтов.

Культ консьюмеризма, комфорта, Золотого тельца – все это более примитивные, архаичные заменители, возникшие на месте утраченных более сложных смыслов и ценностей.

Ориентация только на собственную выгоду – это не более чем результат утраты полноценного рационального мышления, эрудиции, солидарности и более высоких ценностей. Поскольку другие ценности и ориентиры не действуют, то ориентация на собственное тело и самые примитивные, понятные выгоды остается единственным надежным компасом в жизни.

Инфантильность – это результат утраты в сетевых институтах эффективных систем воспитания и дисциплинирования.

Нерациональное мышление, инфантильность, консьюмеризм, баблофилия – на сегодняшний день уже являются социальными нормами, действующими неформальными институтами. Это Инстомутанты, которые и дальше будут порождать мутантов следующего уровня.

Человеческая личность – это тоже институт. И от этого института постепенно остается все меньше. В сущности, современное представление о личности человека – это сочетание религиозной концепции души человека, великой гуманистической культуры последних веков и либеральной борьбы за равенство гражданских прав. Концепция индивида, личной ответственности, развивалась в западной культуре постепенно, особенно в связи с развитием институтов права.

С маргинализацией и религии, и культуры, и старого либерализма от личности остается все меньше. В этом смысле правы гламурные бренды, когда заявляют, что обеспечивают смысл и образ жизни своих адептов. Никакого другого смысла у адептов все равно уже нет.

Современная западная искусство и литература в основном очень скучны, в них нет проблемы человека. Хорошие фильмы за 20 лет можно пересчитать по пальцам. Проблемы человека нет, потому что человек не принимает на себя вызовов, не хочет быть тем, что «можно и должно превзойти».

Современный человек сам себя воспринимает как рационального муравья, потребителя-производителя. Все его процессы описываются в основном как потребление (на первом месте по личной значимости) и труд (вынужденно, на втором месте). Экзистенциальные проблемы, смыслы, противоречия просто вымещены из сознания, их как бы нет. Все противоречия сведены к лепетанию популярных психологов о том, как сделать себе более комфортно.

На самом деле противоречия, конечно, есть. Но будучи вымещенными из сознания, они накрывают человека извне – как стихия – или война.

Про человека 19-20-го веков интересно читать, поскольку литературный герой того времени имеет свободу воли и амбиции. Жизненные вызовы заставляют его делать трудный выбор, и он делает такой выбор, обращаясь к свободе воли и своему пониманию смыслов и ценностей. Современный человек просто вымещает это все из сознания и осознает сам себя в основном с позиций комфорта своего тела.

Производственные возможности обеспечивают благосостояние современного человека. Возникает массовый феномен «дурака с деньгами».

Современный маркетинг и реклама обращены в основном к иррациональным желаниям и мотивам – то есть подсознанию, а не сознанию. Это закономерно, потому что именно удовлетворение биологических и бессознательных мотивов сладостно. А сознание само по себе обременительно – это поздняя надстройка, сложная и энергозатратная.

Еще сто лет назад большинство не владело грамотой и пребывало, в сущности, в полусознательном состоянии. Массовому дураку с деньгами больше всего и хочется напрямую исполнить свои телесные желания и прихоти, удовлетворить свои комплексы и примитивные представления о целях – все то, что не требует тяжелой и скучной работы сознания. И ему предоставлена такая возможность.

Возникает уникальная ситуация: никогда еще примитивные телесные желания не были сопряжены с такими сильными инструментами их реализации, какие предоставляют деньги и современные потребительские институты. Сознание становится не модным в принципе – зачем тратить на него такие усилия, когда все истинные желания можно удовлетворить и без этого?

Так происходит массовый процесс расчеловечивания, совершенно добровольный, и даже сладостный. Постчеловеком называли какого-то загадочного, футуристического киборга, напичканного инновациями, имплантами и дополнительными возможностями. В действительности же постчеловек оказался таким, каким оказался, — это алгоритмический, служебный человек, потребитель, освободившийся от груза личности и сознания. Появляется постчеловеческое общество как преобладающая реальность.

Кризис рождаемости

Демографический кризис прямо следует из перечисленных выше причин. Современный человек помещен в матрицу рациональных институтов, максимизирующих производство и потребление. Эти рациональные институты не включают в себя составляющую общественных благ. Воспитание детей входит в противоречие с максимизацией заработка и потребления. Даже когда государство начинает выплачивать пособия на детей, по аналогии с пенсией или безусловным доходом, это не меняет ситуацию (недавний опыт Польши). Проблема в том, что воспитание детей уже не находит институтов, на которое могло бы опереться. Это начинает противоречить социальной норме – норме личного комфорта и увеличения потребления.

Кроме того, не решается вопрос времени на воспитание, которое стоит гораздо дороже, чем прямые денежные расходы.

С точки зрения инфантильного человека, вообще не ясно, зачем ему ребенок и как выстраивать отношения. Инфантил хочет только получать и требовать помощи от других.

В целом ситуация с рождаемостью демонстрирует ситуацию, как общество модерна привело к вырождению самого себя, не придавая значения масштабу своих грехов, утрате человеческих связей и опасным последствиям модернизации. Метафорически это описано в романе Габриэля Маркеса «Сто лет одиночества»¹⁸⁷:

«...ибо, согласно пророчеству пергаментов, призрачный город будет сметен с лица земли ураганом и стерт из памяти людей в то самое мгновение, когда Аурелиано Бабилона кончит расшифровывать пергаменты. И что все в них записанное никогда и ни за что больше не повторится, ибо тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды».

Парад меньшинств

Расцвет всех видов меньшинств – это типичная социология малых групп, описанная Мансуром Олсоном. Если нет единых макроинститутов, то либертарианское общество порождает миллионы способов самоорганизации, локальных общин. Часто кажется, что власть на Западе пропагандирует меньшинства, включая их в повестку. Но, по-видимому, власть просто следует за уже сложившимся трендом, попутно играя в игру «разделяй и властвуй».

¹⁸⁷ García Márquez, G. (1970). One hundred years of solitude (G. Rabassa, Trans.). New York, NY: Harper & Row. (Original work published 1967)

Коррупция и Вашингтонское болото

Вашингтонское болото в США, евробюрократы в Евросоюзе — это Инстомутанты самого верхнего уровня. В развивающихся странах эта же проблема больше ассоциируется с коррупцией.

В условиях рассогласования институтов, потери прежних инструментов управления, наплыва негативных экстерналий, остается, тем не менее, необходимость как-то управлять системой в целом.

Американский сериал «Карточный домик» показывает, как ловко задействуя подобные институциональные особенности, плетя интриги, третьестепенный партийный бюрократ заставляет всех плясать под свою дудку и становится президентом. Превращение Андервуда в президента это скорее метафора и киношный ход, но идея вполне корректна — именно так корпорация чиновников, так называемое «вашингтонское болото» навязывает свои интересы и народу, и даже элитам.

Конечно, власть становится источником кормления для управляющих, а также часто — предметом паразитизма и хищничества. Но других управляющих в этой ситуации уже нет. Доступ к власти регулируется уже не прежними институтами, а правилами «игры престолов». Кто побеждает дракона, сам становится драконом. Если кому-то удалось попасть в эту систему извне, то и он начнет играть по тем же правилам игры. Это и есть полноценный Инстомутант — сложившиеся из негативных экстерналий, ловушек, но в то же время устойчивые правила игры, неформальный институт.

За любой устойчивой формой комментаторы сразу подозревают наличие кукловода — глубинное государство, олигархические семьи. Но уклад не обязательно должен быть учрежден волей кукловодов. За монархическими режимами не стояло каких-то иных кукловодов, кроме их самих и родовой знати. Сложившийся уклад отражает отчасти ситуативные, отчасти стратегически сложившиеся балансы сил и причудливые взаимодействия социальных и институциональных механизмов.

Комментаторы, находясь в плену традиционных критериев, везде ищут или влияние крупного капитала, или родовых связей. На практике же институты конкурируют не менее активно, чем капитал. Ватикан всю историю борется за влияние не как капиталист и не как группа родственников, а как единомышленники и институт. Вашингтонское болото, глубинное государство — это самостоятельный феномен, институт, который не выводится ни из интересов крупного капитала, ни из агентских интересов конкретных бюрократов. То же самое евробюрократия — это самостоятельный феномен, и он проявляет немалые способности в области присвоения себе наднациональной власти в Европе.

Этим в принципе так интересна властная «номенклатура» в любой стране — она представляет самостоятельный и уникальный институт.

Мифология киберпанка

Отдельный тип метамутантов — это массовая мифология, основанная на самих же метамутантах, социальном киберпанке. В общественном и даже интеллектуальном дискурсе недооценена концепция непреднамеренных и случайных последствий, побочных эффектов. У аналитиков популярно разгадывание закулисных интриг, хитрых планов, скрытых движущих сил. Все видят метамутантов, но дают им объяснение намеренного, хитрого плана элит. Само это представление — очередной метамутант сознания, когнитивное искажение. Рациональными чертами и целями наделяется то, что не имеет ни авторства, ни определенного смысла.

Например, участие Запада в войне на Украине — это не хитрый план, а результат кризиса институтов. Западные институты, пока могущественные даже по частям, принимают решения рассогласовано, противореча друг другу. Одни части элиты хотят начать войну, другие хотят скорее ее закончить. Одни части элит США вводят санкции, в это время корпорации США находят способ эти санкции обойти. Тем не менее, сочинены мифы о каком-то целостном Западе, НАТО, едином фронте демократического мира и тому подобное.

Часто такие мифы, по разным поводам, сначала придумывают журналисты, политологи, затем миф становится популярным. Тогда он проникает и в речи политиков, которые любят копировать популярные предрассудки и когнитивные искажения. Из речи это плавно перебирается в головы политиков и граждан и становится всеобщей, общепризнанной метакогнитивной рамкой.

Мифический способ интерпретации становится удобен сам по себе, миф начинает жить своей жизнью. Власти тоже удобен миф, поскольку он предполагает наличие управляющей силы. Миф подразумевает, что власть все держит под контролем, хотя и загадочными, очень хитрыми способами. От того, что политики начинают использовать такие мифы, возникает впечатление, что политики их и создали в своих целях. На самом же деле, чаще всего политики сами не понимают, с чем имеют дело.

В действительности власти на Западе понятия не имеют, что делать с экстерналиями и институциональным кризисом; и даже не до конца осознают эту проблему, что еще хуже.

Крипто-феодализм и Либерал-фашизм

В условиях этого кризиса, институты пытаются выживать, превращаясь в цеха и корпорации. В условиях деградации цивилизованных форм общества, происходит падение на более примитивный уровень саморегуляции. Это мы и наблюдаем в виде распада общества на тысячи малых групп, защищающих свои узкие интересы.

Неспособность стратегически мыслить, договариваться, определить новые векторы развития, ведет к военным конфликтам в разных частях мира. Пересмотр роли Запада в мире мог бы происходить более организованно и спокойно, но в условиях кризисных институтов, это происходит стихийно и жестоко.

Элиты и крупные корпорации все более отдаляются от общества, замыкаются в своих целях и интересах. Некоторые интеллектуалы предсказывают развитие авторитарных и даже фашистских форм управления. Мне представляется это довольно маловероятным, маргинальным сценарием.

Отдельные авторитарные методы могут применяться в условиях вспыхивающих по всему миру военных конфликтов. А также для обеспечения управляемости обществом, когда сложные институты запутались до неразрешимой степени, и управление фактически находится в коллапсе. Но эти авторитарные методы, вероятно, будут применяться только в отдельных аспектах, важных для элит – повышение боеготовности, подавление слишком амбициозных корпораций и малых групп.

Фашизм и другие тоталитарные методы диктатуры крупного капитала актуальны в эпоху, когда капитал извлекает основную прибыль именно из массового труда.

Сегодня основным источником прибыли корпораций являются инновации и массовый спрос. Для этого достаточно защитить свои рынки от внешних конкурентов и заставить население покупать только продукцию, произведенную внутри своей страны. Хотя методы применяются разные – тарифные или технические барьеры, слабый курс валюты, санкции, – этим путем, по существу, идут все крупные страны. И для США, и для ЕС, и для Китая, и для России или Индии основным является внутренний, а не внешний спрос.

Проблемы расслоения когнитарного меньшинства и дичающего большинства будут только нарастать, с каждым новым поколением. Самовоспроизводство либертарианских институтов не включает воспроизводство модерна. Существенная часть новых поколений будет смещаться на нецивилизованный уровень.

Основная масса населения все более отдаляется от экономики знаний, а следовательно, и ее доходы будут падать. Потребительский спрос работающего среднего класса перенасыщен за счет ранее уже построенных домов, автомобилей, бытовой техники, инфраструктуры и проч. А модели массового потребления знаний не создано, скорее даже наоборот, эти модели деградировали по сравнению с концом 20-го века.

Иждивенческие, полужанятые и рентные массы, хоть и не являются классовой силой, но они истеричны и легко манипулируемы, как показали цветные революции. А их бедность и озлобление будет нарастать.

Скорее всего, в ближайшие десятилетия Запад наступит на все возможные грабли институционального кризиса и деградации, и научится ценить и защищать институты цивилизации.

Успешное воспроизводство институтов и цивилизации в целом — это, прежде всего, способность к коллективному действию. Все великие цивилизации основаны на институтах сотрудничества и коллективного действия. В древнем Китае это строительство дамб, для защиты от наводнений и организации рисовых полей. В Европе и России это институты солидарности и организации, необходимые для того, чтобы пережить зиму и неурожай. На Ближнем востоке — для того, чтобы защититься от климата пустынь и засух.

Институты меньше всего развивались именно там, где наиболее реальным было выживание в индивидуальном порядке — то есть в теплых и плодородных краях.

Современные производственные возможности, профициты благосостояния в развитых странах создали такие экваториальные условия для большинства. Сейчас каждый может выживать и даже процветать в индивидуальном порядке, как будто бы все меньше нуждаясь в коллективном взаимодействии.

Но именно институты коллективного действия — это фундамент, на котором держится вся цивилизация. И общество, и элиты Запада все меньше несут ответственности за поддержание этих институтов.

Для стран же догоняющего развития важно не копировать институты Запада в ту эпоху, когда эти институты оказались в кризисе. Догоняющие страны получают свои шансы развития, когда мировое господство Запада ослабевает, по тем или иным причинам. США набрали колоссальный экономический и политический вес на фоне двух мировых войн в Европе — которые происходили на фоне европейского институционального кризиса и трансформации. Эти же войны существенно помогли колониям освободиться от господства европейских стран.

Таким же образом большевики в России смогли установить республику, затем провести реформы и индустриализацию 1930-х гг. Все обошлось без вмешательства Запада потому, что Запад сначала был занят последствиями первой мировой войны, а затем проблемами Великой депрессии.

Сегодня США втянуты в тот же институциональный кризис, что и Европа. И это дает развивающемуся миру шанс провести собственные институциональные эксперименты, меньше опасаясь ловушек переходного периода. И выйти на собственный вектор развития в то время, пока Запад еще будет разгребать завалы своего кризиса.

3 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные в книге кризисные явления характерны как для институтов Запада – так и для институтов модерна в других странах, особенно если они скопированы с Запада. Описанные в книге проблемы имеют институциональный характер, и поэтому должны решаться именно с помощью модернизации институтов.

Институты являются регулятором более высокого уровня, чем оперативное управление – и поэтому обозначенные проблемы не решаются при помощи обычных управленческих усилий. Элиты и сами являются частью кризиса институтов, их привычные инструменты управления находятся в кризисе. Элиты находятся в ситуации барона Мюнхгаузена, который должен сам себя вытащить за волосы из болота.

Модернизация институтов должна опираться на систему координат, соответствующую экономике знаний. Социальные науки, которые должны предоставить эту новую систему координат, сами стали частью кризиса институтов. В результате, социальные науки не предлагают междисциплинарного синтеза, современной политэкономии. Кроме того, применяемые сейчас социально-экономические измерения, ключевые показатели, соответствуют специфике индустриальной экономики 20-го века, а не постиндустриальной экономики 21-го века. Нельзя экономику знаний, человеческий капитал вечно измерять через деньги, которые через систему финансовых метрик выражают сейчас в основном материальный капитал. Это негодный инструмент измерения. Любые болезни можно пытаться диагностировать при помощи обычного градусника – но информативность таких измерений будет невелика.

Если человеческий и социальный капитал уже вошли в академический дискурс, хотя еще не имеют внятных и устойчивых измерений, то другие ключевые виды капитала 21-го века вообще почти не обсуждаются. Это можно сказать про институциональный и управленческий капитал. Которые, между тем, являются фундаментальными основаниями постиндустриальной экономики.

Поясню, почему принятие новой системы измерений абсолютно необходимо для любых реформ и попыток модернизации институтов. Без такой системы измерений, элиты и общество оказываются в замкнутом круге, где они не отличают создание стоимости от распределения и проедания стоимости.

На всех уровнях управления ведется имитация бурной деятельности, часто без какого-то хитрого умысла. В результате этой деятельности не создается новой стоимости, а происходит перераспределение ресурсов, а то и

проедание прежних институтов. Это преподносится как современность, прогресс, хотя часто ценой нового хайпа становится просто исчезновение прежних институтов и общественных благ.

В рамках экономического и бухгалтерского метода этого в принципе не может быть видно. Эффективный менеджер – это тот, кто обеспечивает прибыль, не нарушая закон. Если закон не возражает против проедания и расхищения институтов, то превратить их в частную прибыль – это и есть мастерство менеджера.

Раньше у элит некоторых развивающихся стран было популярно наворовать в своей стране и вывезти на Запад. Таким образом, экстерналии сбрасывались на местное население, а частная прибыль сохранялась и приумножалась в развитых странах. Но теперь и это не работает. На Западе идет такое же проедание институтов и кража у самих себя. Не удивительно, что в этом контексте и привезенные капиталы могут быть изъяты, как в случае антироссийских санкций, – под лозунгом «грабь награбленное».

Культ «роста ВВП», который власти большинства развитых стран обеспечивают, невзирая на кризис рождаемости, сокращение населения, деградацию культурного и институционального капитала – это самый яркий пример неадекватности измерений 20-го века применительно к современной постиндустриальной экономике.

И общество, и элиты, должны иметь достоверные метрики оценки управленческой эффективности. Финансовые показатели прибыли или стоимости акций применимы для этого в очень ограниченном масштабе. И то и другое надувается, и главное, является результатом перетягивания короткого одеяла. Даже если сейчас и удалось натянуть прибыль и рост капитализации, общество довольно скоро заплатит за это демографическим спадом, разными социальными проблемами, войной и так далее.

Финансовая прибыль — это только результат и один из косвенных показателей создания стоимости. Центральная задача управления – это создание настоящей стоимости, выражаемой в категориях человеческого капитала и экономики знаний, а не только в категориях материального капитала. В 20-м веке считалось, что рост человеческого капитала происходит, если его обеспечить материальной базой. В наше время это не так – социальный и человеческий капитал, институты, это довольно автономные явления, зависящие далеко не только от материальной базы.

Важно сформулировать метрики, которые не позволят проедать институты и капитал, изображая это как управленческие успехи «здесь и сейчас». Это совершенно необходимо для благополучия общества и его перехода в экономику знаний.

Также необходимо осознать самостоятельную роль менеджмента, как института. И в рыночно-либеральной экономической теории, и в социалистическом дискурсе, управлению отведена второстепенная роль. Оно как бы возникает само, в результате правильной организации рыночных

институтов и прав собственности, при капитализме, или при социализме — в результате правильного распределения капитала. На самом деле управление — это самостоятельный институт, который является результатом, высшим уровнем всей совокупности цивилизационных и культурных институтов.

В отношении институционального капитала надо отметить, что в наше время преувеличивается значение новых институтов модернизации (законодательство, демократия, цифровизация, инновационная система) и недооценивается значение старых институтов цивилизации. Эти институты не «в тренде», часто они просто еще недостаточно исследованы. Ими пренебрегают в связи с иллюзией того, что старые институты существовали раньше и будут существовать вечно, как само собой, и без приложения дополнительных усилий. Это можно сказать про значение культуры, ценностных парадигм для существования обществ и человека. Сама возможность коллективного действия, то есть базовая функция институтов, основана не на «контрактах» и договоренностях, а прежде всего, на глубоких культурных и цивилизационных архетипах. Разрушение социальной экосистемы, в результате неуправляемых экстерналий модернизации, опасно и может иметь непредсказуемые последствия.

Экстерналии, недостатки проектирования и побочные эффекты институтов должны быть официально признаны в рамках институционального реализма.

Сейчас реформы, проектирование институтов преподносятся только с позиций их преднамеренных эффектов. Межинституциональные экстерналии не считаются экстерналиями вообще. Необходимо ответить на вопрос, кто отвечает за эти бесчисленные экстерналии и ошибки при проектировании институтов. При проектировании институтов и реформ должны быть вложены механизмы обратной связи, которые позволят улучшать институты и преодолевать склонность институтов к инерции и заболачиванию.

Сейчас Запад только входит в Новое средневековье, которое продлится не одно десятилетие. Западная экономика огромная и инертная, во многих аспектах самодостаточная. И это только затянет состояние стагнации и регресса, поскольку не возникает «идеального шторма», достаточных стимулов для модернизации институтов.

Но в связи с ростом экономики знаний во всем мире открываются и новые возможности. Работники сложных профессий, когнитариат становятся движущей силой, от которой все больше зависит функционирование всей социотехнической системы.

Пока когнитариат не осознает себя как класс. По инерции, каждый когнитарий примеряет на себя короткие штанишки старых идеологий. Одни называют себя либералами, другие консерваторами, третьи коммунистами, четвертые — методологами и эффективными менеджерами. Как пел

Высоцкий, «кто верит в Магомета, кто в Иисуса, кто в Аллаха — кто ни во что не верит, даже в черта назло всем».

Выяснение отношений между этими старыми идеологиями давно уже не имеет никакого смысла. Поскольку и сами эти идеологии относятся к 19-20-му векам, а не к нашему времени.

Основной вызов для когнитариата сегодня — это дичающие массы, готовые снести всю цивилизацию, не приходя в сознание. И, к сожалению, нередко подыгрывающие этому западные элиты, которым все это кажется хитрой и тонкой игрой.

Задача когнитариата — это формирование самосознания целостного человека, общества и методов защиты себя и своих детей от деградации. Бессмысленно наращивать дальше технический прогресс, не решив вопросы актуализации личности, роли человека в условиях роботизации и связи актуализации личности и труда.

Когнитариат должен осознать и оформить модель человека, основанную на связи ума, воли и ценностей. Пока когнитариаты нашего и более старших поколений осуществляют это интуитивно, в индивидуальном порядке. Но не будучи оформленными как социальная практика и сообщество, эти способности исчезнут вместе с физическим уходом этих поколений. Мы уже сейчас видим, что интеллектуалы старшего поколения умирают по возрасту, а новые на их месте почти не появляются.

Если когнитариат осознает свою ответственность за цивилизацию, то в дальнейшем он естественным образом будет призван на верхние уровни управления. Просто в силу того, что лет через 20-30 только когнитариат еще будет понимать, как управлять на системном и сложном техническом уровне и не довести свои страны до падения в киберпанк.

Задача когнитариата — дожить до этого момента, сохранить себя в качестве дееспособного субъекта. Это совсем непросто сделать в эпоху демонтажа цивилизации и под ударами варварских масс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Williams J.* Alternate Gross Domestic Product Chart [Electronic resource] / J. Williams // Shadow Government Statistics. — 2024. — June 10. — URL: https://www.shadowstats.com/alternate_data/gross-domestic-product-charts (accessed: 01.02.2025).
2. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. — New York: The Free Press, 1992. — 418 p.
3. *Fromm E.* Escape from Freedom / E. Fromm. — New York: Avon Books, 1941. — 304 p.
4. *Frank R. H.* Microeconomics and Behavior / R. H. Frank, E. Cartwright. — New York: McGraw-Hill, 2010. — 832 p.
5. *Marcuse H.* One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society / H. Marcuse. — London; New York: Routledge, 2013. — 320 p.
6. *Зиновьев А.А.* Глобальный человек: роман / А.А. Зиновьев. — М.: Эксмо, 2006. — 480 с.
7. *Bauman Z.* Liquid Modernity / Z. Bauman. — Cambridge: John Wiley & Sons, 2013. — 224 p.
8. *Стругацкий А.* Пикник на обочине: роман / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — 1972. — 224 с.
9. *Scott J. C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed / J. C. Scott. — New Haven; London: Yale University Press, 1998. — 435 p.
10. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. — 5-е изд. — М.: Политическая литература, 1967. — Т. 1–55.
11. *Малкина М., Логинова Т., Лядова Е.* Институциональная экономика: учебник / М. Малкина, Т. Логинова, Е. Лядова. — Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 2015. — 320 с.
12. *North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 159 p.
13. *Acemoglu D.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, J. A. Robinson. — New York: Crown Business, 2012. — 529 p.
14. *Engelbart D. C.* Toward Augmenting the Human Intellect and Boosting Our Collective IQ / D. C. Engelbart // Communications of the ACM. — 1995. — Vol. 38, no. 8. — P. 30–32.
15. *Markova D.* Collaborative Intelligence: Thinking with People Who Think Differently / D. Markova, A. McArthur. — New York: Random House, 2015. — 288 p.

16. *Woolley A. W.* Evidence for a Collective Intelligence Factor in the Performance of Human Groups / A. W. Woolley, C. F. Chabris, A. Pentland, N. Hashmi, T. W. Malone // *Science*. — 2010. — Vol. 330, no. 6004. — P. 686–688.
17. *Durkheim É.* The Elementary Forms of the Religious Life / É. Durkheim. — Paris: F. Alcan, 1912. — 608 p.
18. *Surowiecki J.* The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations / J. Surowiecki. — New York: Doubleday, 2004. — 336 p.
19. *Tarde G.* Opinions and Masses / G. Tarde // *Gabriel Tarde on Communication and Social Influence: Selected Papers*. — Chicago: University of Chicago Press, 2010. — (Heritage of Sociology Series). — P. 44–92. — Originally published: 1892.
20. *Le Bon G.* The Crowd: A Study of the Popular Mind / G. Le Bon. — New York: Viking, 1960. — 234 p. — Originally published: 1895.
21. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования / М.А. Холодная. — СПб. : Питер, 2002. — 156 с.
22. *Piaget J.* The Psychology of Intelligence / J. Piaget. — London; New York: Routledge, 2005. — 208 p.
23. *Vries J. D.* The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present / J. D. Vries. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 320 p.
24. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Отягощённые злом, или Сорок лет спустя / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — М.: Нева, 1988. — № 10–12.
25. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: роман / Ф.М. Достоевский. — М.: Aegitas, 2016. — 221 с.
26. *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow / D. Kahneman. — New York: Farrar, Straus and Giroux (Macmillan), 2011. — 499 p.
27. *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье: размышления о судьбах России и Европы / Н.А. Бердяев. — М. : РИПОЛ Классик, 2018. — 203 с.
28. *Böll H.* On the Decline of Labor Morality / H. Böll. — Moscow: Artistic Literature, 1996. — 167 p.
29. *Cornwell B.* The Last Kingdom / B. Cornwell. — London: HarperCollins, 2015. — 352 p.
30. *The Last Kingdom* [Television series] / created by Stephen Butchard. — United States: Netflix, 2015–2022.
31. *Маяковский В.В.* История Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка / Маяковский В.В. // *Поэзия. Стихотворения*. — М. : Эксмо, 2021. — 121 с.
32. *Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison / M. Foucault. — Paris: Gallimard, 1975. — 319 p.
33. *Foucault M.* Madness and Unreason: A History of Madness in the Classical Age / M. Foucault. — Paris: Librairie Plon, 1961. — 704 p.
34. *Ortega y Gasset J.* The Revolt of the Masses / J. Ortega y Gasset. — Madrid: Revista de Occidente (originally published in El Sol), 1930. — 182 p.

35. *Hodgson G. M.* Economics in the Shadows of Darwin and Marx: Essays on Institutional and Evolutionary Themes / G. M. Hodgson. — Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2006. — 320 p.
36. *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / M. Weber. — London: Allen & Unwin, 1930. — 272 p.
37. *Olson M.* The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities / M. Olson. — New Haven: Yale University Press, 1982. — 290 p.
38. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2000. — 234 с.
39. *Sheckley R.* The Status Civilization / R. Sheckley // Amazing Science Fiction Stories. — 1960. — P. [указать страницы, если известны].
40. *Kesey K.* One Flew Over the Cuckoo's Nest / K. Kesey. — New York: Viking Press, 1962. — 288 p.
41. *Hobsbawm E.* The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991 / E. Hobsbawm. — New York: Vintage Books, 1994. — 576 p.
42. *Freud S.* Civilization and Its Discontents / S. Freud. — Peterborough: Broadview Press, 2015. — 136 p. — Originally published: Das Unbehagen in der Kultur. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1930.
43. *Bandura A.* Social-Learning Theory of Identificatory Processes / A. Bandura // Handbook of Socialization Theory and Research / ed. by D. A. Goslin. — Chicago: Rand McNally & Company, 1969. — P. 213–262.
44. *Bandura A.* Principles of Behavior Modification / A. Bandura. — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1969. — 576 p.
45. *Макаренко А.С.* Книга для родителей / А.С. Макаренко, Г.С. Макаренко. — М. ; Л. : Художественная литература, 1937. — 199 с.
46. *Earls M.* Herd: How to Change Mass Behaviour by Harnessing Our True Nature / M. Earls. — Chichester: John Wiley & Sons, 2009. — 304 p.
47. *Elliot A.* The Social Animal / A. Elliot. — San Francisco: W. H. Freeman & Company, 1972. — 256 p.
48. *Moles A. A.* Sociodynamics of Culture / A. A. Moles. — Paris: Mouton, 1967. — 288 p. — Originally published in French as Sociodynamique de la Culture.
49. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice / P. Bourdieu. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 248 p.
50. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil / H. Arendt. — New York: Viking Press, 1963. — 320 p.
51. *Orwell G.* Nineteen Eighty-Four / G. Orwell. — London: Secker & Warburg, 1949. — 328 p.
52. *Veblen T.* The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions / T. Veblen. — New York: Macmillan, 1899. — 400 p.
53. *Kashkin V.* Automated text analysis methods to identify the individual structure of motivation for sports and a healthy lifestyle / V. Kashkin, D.J.

- Haladay // BIO Web of Conferences. — 2024. — Vol. 120. — Art. 01044. — DOI: 10.1051/bioconf/202412001044
54. *Kashkin V.* Use of AI-based text analysis tools to determine human emotional and social intelligence / V. Kashkin, F. Narzikulova, S. Rakhimmirzaev // Proc. of SPIE. — 2025. — Vol. 13649. — Art. 136490G. — DOI: 10.1117/12.3065908
55. *Luria A. R.* On the Historical Development of Cognitive Processes: An Experimental Psychological Study / A. R. Luria // Science. — 1974. — 56 p.
56. *Buchanan J. M.* The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan / J. M. Buchanan. — Chicago: University of Chicago Press, 1975. — 223 p.
57. *Bauman Z.* Liquid Modernity / Z. Bauman. — Cambridge: Polity Press, 2000. — 224 p.
58. *Baudrillard J.* The Consumer Society: Myths and Structures / J. Baudrillard. — London: Sage Publications, 1998. — 208 p.
59. *Булгаков М.А.* Собачье сердце: повесть / М.А. Булгаков. — Париж: UMSA-Press, 1968. — 257 с.
60. *Эренбург И.Г.* День второй: повесть / И.Г. Эренбург. — М.: Советская литература, 1934. — 304 с.
61. *Кургинян С.Е.* Суть времени: в 4 т. / С.Е. Кургинян. — М.: МОФ ЭТЦ, 2012. — Т. 1–4.
62. *Кургинян С.Е.* Исав и Иаков / С.Е. Кургинян. — М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2009. — 213 с.
63. *Lasch C.* The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy / C. Lasch. — New York: W. W. Norton & Company, 1995. — 288 p.
64. *Солопов М.* Финансовая разведка оценила объем теневой экономики в России в 20 трлн рублей / М. Солопов, Ю. Старостина, И. Ткачев // РБК. — 2019. — 22 февр. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee> (дата обращения: 23.03.2024).
65. *Кашкин В.* Лизинг-100 / В. Кашкин // Эксперт. — 2003. — № 45. — 113 с.
66. *Кашкин В.* Топ-50 лизинга / В. Кашкин, А. Казибекров // Эксперт. — 2002. — № 48. — 437 с.
67. *Голодец О.Ю.* Вице-премьер Голодец: 40 млн россиян заняты “непонятно где и чем” / О.Ю. Голодец // Интерфакс.Ру. — 2013. — 3 апр. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/299143> (дата обращения: 04.05.2024).
68. *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье: размышления о судьбах России и Европы / Н.А. Бердяев. — Берлин: Обелиск, 1924. — 235 с.
69. *Polanyi K.* The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time / K. Polanyi. — New York: Farrar & Rinehart, 1944. — 305 p.
70. *Кагарлицкий Б.Ю.* Между классом и дискурсом: левые интеллектуалы на страже капитализма / Б.Ю. Кагарлицкий. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. — 154 с.

71. *Guiso L.* Trusting the Stock Market / L. Guiso, P. Sapienza, L. Zingales // The Journal of Finance. — 2008. — Vol. 63, no. 6. — P. 2557–2600.
72. *Guiso L.* Does Culture Affect Economic Outcomes? / L. Guiso, P. Sapienza, L. Zingales // Journal of Economic Perspectives. — 2006. — Vol. 20, no. 2. — P. 23–48.
73. *Guiso L.* The Role of Social Capital in Financial Development / L. Guiso, P. Sapienza, L. Zingales // American Economic Review. — 2004. — Vol. 94, no. 3. — P. 526–556.
74. *Woolcock M.* Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework / M. Woolcock // Theory and Society. — 1998. — Vol. 27, no. 2. — P. 151–208.
75. *Woolcock M.* Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy / M. Woolcock, D. Narayan // The World Bank Research Observer. — 2000. — Vol. 15, no. 2. — P. 225–249.
76. *Marx K.* Economic & Philosophic Manuscripts of 1844 / K. Marx. — Moscow: Progress Publishers, 1959. — 224 p.
77. *Holland J. L.* Self-Directed Search: A Guide to Educational and Vocational Planning / J. L. Holland. — Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1979. — 180 p.
78. *Göbel P.* Successful Young Entrepreneurs: Better to Be a Small Master Than a Big Servant! What Skills Do Company Founders Need? / P. Göbel. — Munich: mvg-Verlag, 1990. — 184 p.
79. *Adizes I.* Managing Corporate Lifecycles / I. Adizes. — Santa Monica: The Adizes Institute Publishing, 2004. — 352 p.
80. *Belbin R. M.* Management Teams / R. M. Belbin. — London; New York: Routledge, 2010. — 240 p.
81. *Hayek F. A.* The Use of Knowledge in Society / F. A. Hayek // The American Economic Review. — 1945. — Vol. 35, no. 4. — P. 519–530.
82. *Hayek F. A.* Individualism and Economic Order / F. A. Hayek. — Chicago: University of Chicago Press, 1948. — 240 p.
83. *Kuhn T. S.* The Structure of Scientific Revolutions / T. S. Kuhn. — Chicago: University of Chicago Press, 1962. — 228 p.
84. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. — М.: Авторская публикация, 1930. — 142 с.
85. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. — Остин: Университет Техаса Пресс, 1968. — 224 с.
86. *Гильбо Е.* Школа эффективных лидеров [Электронный ресурс] / Е. Гильбо — URL: <http://gilbo.ru/> (дата обращения: 12.08. 2025).
87. *Мовчан А.* Проклятые экономики / А. Мовчан, А. Митров. — М.: АСТ, 2022. — 162 с.
88. *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy / R. Michels. — New York: Dover Publications, 1959. — 424 p.

89. *Piketty T. Capital in the Twenty-First Century* / T. Piketty. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. — 685 p.
90. *Fromm E. The Art of Loving* / E. Fromm. — New York: Harper & Row, 1956. — 136 p.
91. *Леви В.А. Искусство быть собой* / В.А. Леви. — М. : Знание, 1973. — 64 с.
92. *Soros G. The Alchemy of Finance: Reading the Mind of the Market* / G. Soros. — New York: Simon & Schuster, 1987. — 320 p.
93. *Десягин М.Г. Конец эпохи: Осторожно, двери открываются! Т. 1: Общая теория глобализации* / М.Г. Десягин. — М.: Книжный мир, 2019. — 192 с.
94. *Десягин М.Г. Конец эпохи: Осторожно, двери открываются! Т. 2: Специальная теория глобализации* / М.Г. Десягин. — М.: Книжный мир, 2020. — 256 с.
95. *Гильбо Е.В. Постиндустриальный переход и мировая война* / Е. Гильбо. — М.: Паблишинг Солюшнс, 2020. — 223 с.
96. *Toynbee A. A Study of History* / A. Toynbee. — London; New York: Oxford University Press, 1934–1961. — 12 vols.
97. *Юрьев М.Н. Крепость Россия: Прощание с либерализмом: сборник статей* / М.Н. Юриев. — М.: Эксмо, 2005. — 356 с.
98. *Распутин В.Г. Прощание с Матёрой* / В.Г. Распутин // Наш современник. — 1976. — № 10, 11.
99. *Maan A.K. Narrative Warfare* / A. K. Maan. — North Charleston: CreateSpace Independent Publishing Platform, [n.d.]. — 191 p.
100. *Аузан А.А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория* / А.А. Аузан. — М. : Литрес, 2021. — 267 с.
101. *Хазин М.А. Лестница в небо: диалоги о власти, карьере и мировой элите* / М.А. Хазин, С.В. Щеглов. — М.: Рипол-классик, 2016. — 137 с.
102. *Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis* / C. Quigley. — New York: Macmillan, 1961. — 456 p.
103. *Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis* / C. Quigley. — Indianapolis: Liberty Fund, 1979. — 422 p.
104. *Gall J. Systemantics: How Systems Work and Especially How They Fail* / J. Gall. — New York: Quadrangle / The New York Times Book Company, 1975. — 160 p.
105. *Meadows D. Thinking in Systems* / D. Meadows. — White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2008. — 240 p.
106. *Parkinson C.N. Parkinson's Law: The Pursuit of Progress* / C. N. Parkinson. — London: John Murray, 1958. — 128 p.
107. *Beck U. Risk Society: On the Path to a Different Modernity* / U. Beck. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986. — 320 p.
108. *Norton R. Unintended Consequences* / R. Norton // The Concise Encyclopedia of Economics / ed. by D. R. Henderson. — 2nd ed. — Indianapolis: Liberty Fund, 2008. — 256 p.

109. *Schwartz V.E.* The Law of Unintended Consequences in Asbestos Litigation: How Efforts to Streamline the Litigation Have Fueled More Claims / V. E. Schwartz, R. M. Tedesco // *Mississippi Law Journal*. — [n.d.]. — Vol. 1, no. 2. — 367 p.
110. *Mascharka C.* Mandatory Minimum Sentences: Exemplifying the Law of Unintended Consequences / C. Mascharka // *Florida State University Law Review*. — 1993. — June 18. — Vol. 28. — P. 2000–2001.
111. *Sims J.* The Effect of Twenty Years of Hart-Scott-Rodino on Merger Practice: A Case Study in the Law of Unintended Consequences Applied to Antitrust Legislation / J. Sims, D. P. Herman // *Antitrust Law Journal*. — [n.d.]. — Vol. 1, no. 2. — 249 p.
112. *Merton R. K.* The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action / R. K. Merton // *American Sociological Review*. — 1936. — Vol. 1, no. 6. — P. 894–904.
113. *Carroll L.* Alice's Adventures in Wonderland / L. Carroll. — London: Macmillan, 1865. — 192 p.
114. *Kafka F.* The Trial / F. Kafka. — Berlin: Verlag Die Schmiede, 1925. — 304 p. — (Original title: Der Prozess).
115. *Diamond J.* Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed / J. Diamond. — New York: Penguin Books, 2011. — 592 p.
116. *Levitsky S.* How Democracies Die / S. Levitsky, D. Ziblatt. — New York: Crown, 2018. — 320 p.
117. *Turchin P.* End Times: Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration / P. Turchin. — New York: Penguin Press, 2023. — 368 p.
118. *McConnell C. R.* Economics: Principles, Problems, and Policies / C. R. McConnell, S. L. Brue, S. M. Flynn. — New York: McGraw-Hill Education, 2022. — 768 p.
119. *Roser M.* Which Countries Achieved Economic Growth? And Why Does It Matter? [Electronic resource] / M. Roser // Our World in Data. — 2019. — URL: <https://ourworldindata.org/economic-growth-since-1950> (accessed: 05.04.2025).
120. *Debord G.* The Society of the Spectacle / G. Debord; trans. by D. Nicholson-Smith. — New York: Zone Books, 1995. — 160 p.
121. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulation / J. Baudrillard. — New York: Semiotext(e), 1983. — 160 p.
122. *Schumpeter J. A.* Capitalism, Socialism and Democracy / J. A. Schumpeter. — 4th ed., with a new chapter. — London: Allen & Unwin, 1954. — 416 p.
123. *Taleb N.N.* Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life / N. N. Taleb. — New York: Random House, 2018. — 304 p.
124. *Taleb N.N.* Antifragile / N. N. Taleb. — New York: Random House, 2012. — 519 p.
125. *Pareto V.* The Mind and Society / V. Pareto. — Florence: G. Barbèra, 1916. — 4 vols. — (Original in Italian: Trattato di sociologia generale).

126. *North D. C.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History / D. C. North, J. J. Wallis, B. R. Weingast. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 576 p.
127. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин. — Пг.: Жизнь и знание, 1917. — 128 с.
128. *Domhoff G. W.* Who Really Rules? / G. W. Domhoff. — New York: Routledge, 1978. — 192 p.
129. *Vitali S.* The Network of Global Corporate Control / S. Vitali, J. B. Glattfelder, S. Battiston // PLoS ONE. — 2011. — Vol. 6, no. 10. — P. e25995.
130. *Peetz D.* Who Owns the World? Tracing Half the Corporate Giants' Shares to 30 Owners / D. Peetz, G. Murray // The Conversation. — 2017. — 11 June. — URL: <https://theconversation.com/who-owns-the-world-tracing-half-the-corporate-giants-shares-to-30-owners-59963> (accessed: 06.07.2025).
131. *Roosevelt F.D.* Message to Congress on Concentration of Economic Power / F. D. Roosevelt // Public Papers of the Presidents of the United States. — 1938. — April 29.
132. *Glots P.* Accelerated Society: Cultural Struggle in the Age of Digital Capitalism / P. Glots. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, [n.d.]. — (Original in German: Die beschleunigte Gesellschaft. Kulturkämpfe im digitalen Kapitalismus).
133. *Hartmann M.* Mehr Kontinuität als Wandel – Die deutschen Eliten vom Kaiserreich bis heute / M. Hartmann // Berliner Journal für Soziologie. — 2025. — P. 1–26.
134. *Reardon S. F.* The Widening Income Achievement Gap / S. F. Reardon // Educational Leadership. — 2013. — Vol. 7, no. 8. — P. 10–16.
135. *Pennebaker J. W.* The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say About Us / J. W. Pennebaker. — New York: Bloomsbury Press, 2011. — 352 p.
136. *Kashkin V.* Determining Individual Intelligence Types and Cognitive Styles Using AI-Based Automated Text Analysis / V. Kashkin, R.G. Tian // Journal of Information Systems Engineering and Management. — 2025. — Vol. 10, No. 38s. — ISSN 2468-4376.
137. *Kashkin V.* Automated Assessment of Leadership Style and Professional Values of a Top-Manager and its Compliance with SDGS / V. Kashkin, Y. Androsik // Journal of Lifestyle and SDGs Review. — 2024. — Vol. 5, No. 2. — Art. e03336. — DOI: 10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n02.pe0333
138. Family Enterprise USA. Research, polls & articles [Электронный ресурс]. — URL: <https://familyenterpriseusa.com/research-polls-articles/> (accessed: 07.06.2025).
139. *Barone G.* What's your (sur) name? Intergenerational mobility over six centuries/ G. Barone, S. Mocetti // VOX CEPR Policy Portal. — 2016. — URL: <https://voxeu.org/article/what-s-your-sur-name-intergenerational-mobility-over-six-centuries> (accessed: 09.07.2025).

140. Family businesses in Germany and Italy / Foundation for Family Business.
— URL: <https://www.stiftung-familienunternehmen.de/en/publications/family-businesses-in-germany-and-italy/> (accessed: 05.04.2025).
141. *Burnham J.* The Managerial Revolution: What is Happening in the World. / J. Burnham – New York: Day, 1941. – 272 p.
142. *Pierson P.* Path dependence, increasing returns, and the study of politics / P. Pierson // American Political Science Review. – 2000. – Vol. 94, № 2. – P. 251–267.
143. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups / M. Olson, Jr. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 198 p.
144. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 / P. Kennedy. – New York: Vintage, 2010. – 677 p.
145. *Madison J.* The Federalist No. 10 / J. Madison. – New York: [s.n.], 1788. – P. 1787–1788.
146. *Aggarwal V. K.* Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages, and Nesting / V. K. Aggarwal. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 224 p.
147. *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action / E. Ostrom. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 280 p.
148. *Besley T.* Pillars of Prosperity: The Political Economics of Development Clusters / T. Besley, T. Persson. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 312 p.
149. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35, № 2. — С. 3–37.
150. *Meckling W. H.* Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure / W. H. Meckling, M. C. Jensen // Journal of Financial Economics. – 1976. – Vol. 3, № 4. – P. 305–360.
151. *Jensen M. C.* Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure / M. C. Jensen, W. H. Meckling // Corporate Governance. – London: Gower, 2019. – P. 77–132.
152. *Buchanan J. M.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy / J. M. Buchanan, G. Tullock. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965. – Vol. 100. – 350 p.
153. *Кашкин В.В.* Особенности деятельности и потенциал кредитных и лизинговых брокеров на российском рынке / В.В. Кашкин // Деньги и кредит. — 2009. — № 11. — С. 94–102.
154. *Branson R.* Screw It, Let's Do It Expanded: Lessons in Life and Business / R. Branson. – London: Random House, 2007. – 288 p.

155. *Rolfe J. Monkey Business: Swinging Through the Wall Street Jungle* / J. Rolfe, P. Troob. – New York: Warner Books, 2001. – 272 p.
156. *Литвак М.Е. Психологическое айкидо* / М.Е. Литвак. — М.: Литрес, 2020. — 54 с.
157. *Beinhocker E. D. American Hero* / E. D. Beinhocker. – New York: Ballantine Books, 1993. – 320 p.
158. *Williamson O. E. The Economic Institutions of Capitalism* / O. E. Williamson. – New York: Free Press, 1985. – 450 p.
159. *May В.А. Догоняющая модернизация в современной России* / В.А. Май// Проблемы теории и практики управления. — 2004. — № 4. — С. 13–16.
160. *Ольсевич Ю.Я. Плановая система в ретроспективе: анализ и интервью с руководителями планирования СССР* / Ю.Я. Ольсевич, П. Грегори. — М.: Факультет экономики МГУ; ТЕИС, 2000. — 76 с.
161. *Midler P. Poorly Made in China: An Insider's Account of the China Production Game* / P. Midler. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2009. – 256 p.
162. *García Márquez G. One Hundred Years of Solitude* / G. García Márquez. – New York, NY: Harper & Row, 1970. – 417 p.